ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

Л.И. Сумароков, О.Л. Сумарокова

Е.Д. ПОЛИВАНОВ. НЕОКОНЧЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Документально-биографическая монография

Бишкек • 2021

УДК 80/81
ББК 81
С 89

Научный редактор:
В.И. Нифадьев, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики

Рецензенты:
В.М. Плоских, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики,
В.И. Шаповалов, доктор филологических наук, профессор

Рекомендовано к изданию Ученым советом ГОУВПО КРСУ

Сумароков Л.И., Сумарокова О.Л.
С 89 Е.Д. ПОЛИВАНОВ. НЕОКОНЧЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ. Документально-биографическая монография / науч. ред. В.И. Нифадьев. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2021. – 266 с.

ISBN 978-9967-19-866-1

В документально-биографической монографии «Е.Д. Поливанов. Неоконченная лингвистическая симфония» раскрывается многогранная деятельность русского и советского лингвиста, востоковеда и литературоведа Евгения Дмитриевича Поливанова.

Книга посвящается 130-летию со дня рождения этого выдающегося ученого, сочетавшего в себе яркий талант исследователя, необыкновенные способности полиглота и глубокие познания в области теории языка. Монография раскрывает непознанный до конца феномен человека, соединившего в себе служение науке, обществу и государству.

Издание основано на документальных материалах, многие из которых публикуются впервые, и ориентировано на широкий круг читателей. Монография входит в авторскую книжную серию «Евразийцы-созидатели».

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-9967-19-866-1

[1917 г.]

И, безумием в уста мне вложенное,
Волшебное слово произнесено:
Невозможное – возможно,
А возможное должно!
    Я ль не прозрел твоих всех испытаний?!
    Но дрожать за тебя представлял другим.
    Дети мои! Мы ведь будем в Испании
    С огненно-красным знаменем своим.
Но за счастье всегда знать твою победу,
Всегда быть твоим верным из верных! –
Навсегда мне дан мой гадкий недуг,
И душа моя пахнет скверно.
    Революция, я с Тобою,
    Когда волочусь животом по торцу
    И когда шелудивой рукою
    Бьет палач меня по лицу!
< Революция, я презренный –
Я велик, ибо я правдив,
Ибо я совершенно верный
Несравненный твой негатив. >

Е.Д. Поливанов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русскому и советскому лингвисту, востоковеду и литературоведу Евгению Дмитриевичу Поливанову в 2021 году исполнилось 130 лет. Он был настолько велик в своих помыслах, делах и достижениях, что писатель Виктор Шкловский назвал друга и соратника «самым обычным гениальным человеком»[1]. Мечтал и творил этот гениальный человек ради создания общей грамматики всех языков, в которой явления должны были не только сравниваться, но и объяснять сущность друг друга. Творения его оказались столь искусны и значимы, что сам он стал явлением, до сих пор до конца не разгаданным.

Каждое появление в обществе Евгения Дмитриевича сопровождалось словами представления: «Извините за выражение: Поливанов»[2]. В их ироничности скрывалась суть натуры ученого – главное не Я, главное то, что я хочу решить, что делаю. К воплощению этого принципа, по свидетельству многих, Поливанов двигался целеустремленно, решительно, бескомпромиссно и без лишней говорливости.

Советский лингвист Николай Александрович Баскаков познакомился с Поливановым в 1929 году, когда в составе группы студентов-тюркологов слушал его доклад «Проблемы марксистского языкознания и яфетическая теория» в стенах Коммунистической академии. Еще до начала лекции студенты обратили внимание на небрежно одетого человека в грязных ботинках, который прижимал к себе пачку книг. Каково же было их удивление, когда этот человек поднялся на кафедру и на прекрасном русском языке, несколько звенящим голосом, приступил к докладу. И хотя доклад закончился не лингвистическими выкриками: «А что мы, собственно, слушаем племянника бывшего царского министра?», большинство слушавших поразилось знанию и мастерству лектора, очаровавшись его манерами, выдававшими в нем светского человека, как говорил Баскаков, в старом понимании этого слова. Грязная обувь и неопрятный вид, как и обвинения в принадлежности к «сословию тиранов» ушли на задний план.

Очевидно, Евгений Дмитриевич читал не просто то, что он прекрасно знал, но и что любил. Делал это он увлекательно, не пользуясь ни конспектами, ни карточками с цитатами. Слушатели приходили в восторг, видя, как «сухой предмет» – сравнительное языкознание Поливанов превращал в увлекательное путешествие в мир языка, в котором ученый был своим.

Однажды студенты МГУ, прослушав очередную лекцию по курсу «Введение в узбекское языкознание», обнаружили исчезновение своего кумира. Как оказалось, профессор и «племянник царского министра» в одном лице отправился в китайскую московскую прачечную пополнять свою языковую кладовую навыками владения диалектами китайского языка. Но что столичные походы: ради познания языковых таинств Поливанов отправлялся в более далекие странствия – в Японию, Китай, Среднюю Азию.

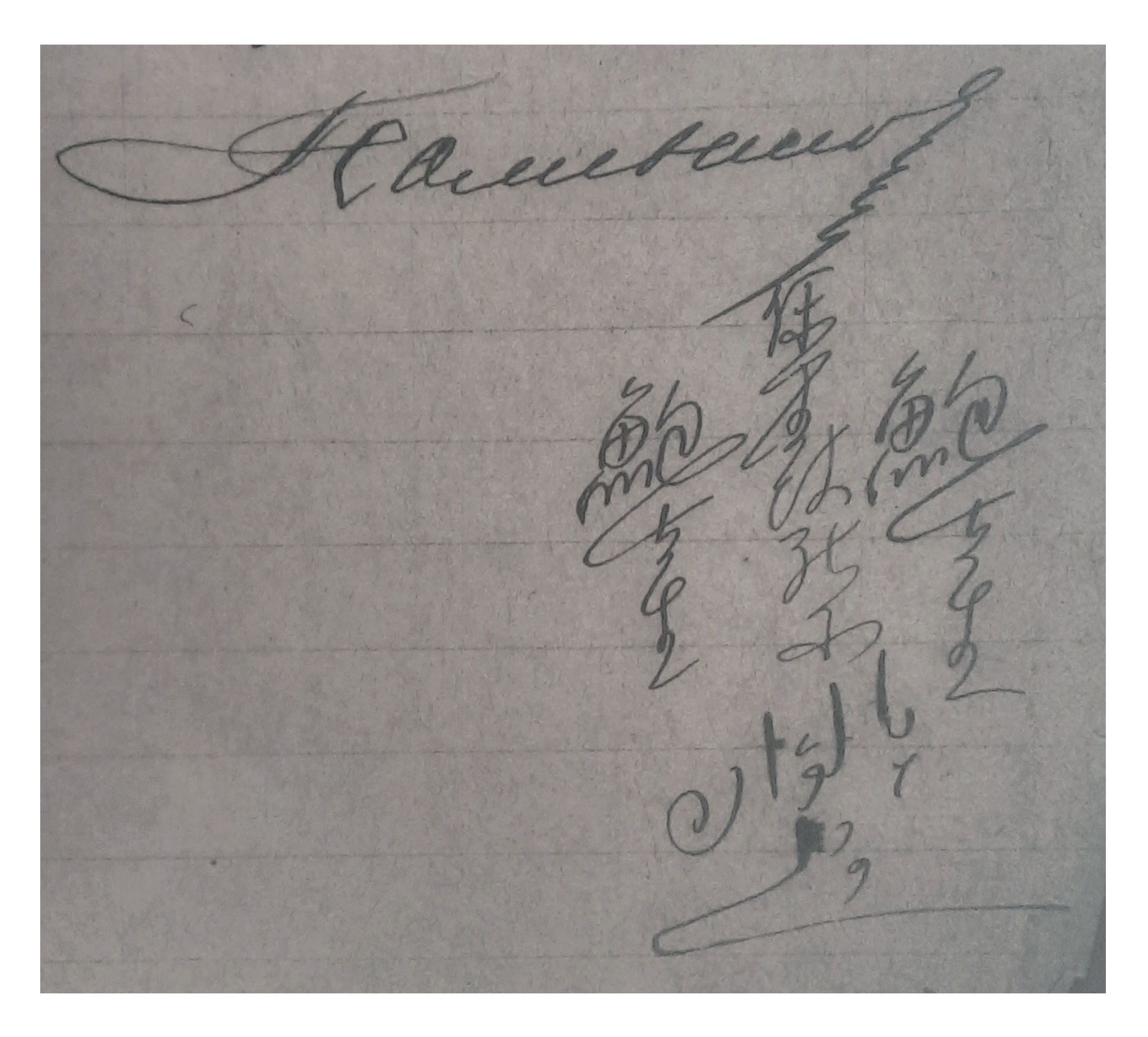
Число покоренных им языков разнится, доходя по подсчетам современников чуть ли не до полусотни. Сам Поливанов указывал на знание 18. Овладевал ими он «с лету», причем знание не лежало, подобно мертвому инвентарю, в его творческом сознании.

Относясь к любому из языков как к поэзии, чувствуя их звучание, ученый стремился придать своей работе прикладной характер для настоящего и будущего. В достижении цели он с головой уходил в водоворот государственной жизни страны, видя в этом путь к развитию общества, человека и языка.

Проникая в таинство сложной знаковой системы языков, вооружившись главным инструментом своих языковых

[1] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 189.

[2] Каверин В. Письменный стол. Воспоминания и размышления. – М., 1985. – С. 87.



Автограф Е.Д. Поливанова. РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 723. Л. 2

походов – русским языком, Поливанов обеспечивал безопасность своей Родины – России, способствовал прекращению Первой мировой войны, участвовал в культурном строительстве в Средней Азии, выстраивал мост доверия и созидания между народами.

В документально-биографической монографии «Е.Д. Поливанов. Неоконченная лингвистическая симфония» авторы впервые связали научную и государственную деятельность выдающегося ученого в единое целое, раскрыв некоторые неизвестные страницы его жизни, чтобы придать ей объективное и стройное звучание и дать толчок исследователям в дальнейшем познании «самого обычного гениального человека».

НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО

НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО

Я знаю, что путь мой один –
Быть великой страною свободы
И вести за собою народы
В царство мира, где труд – властелин.
Е. Поливанов

Из ратно-поместных

28 февраля 1891 года (здесь и далее по старому стилю. – *Авт.*) в Смоленске в семье титулярного советника Дмитрия Михайловича Поливанова и его жены – писательницы Екатерины Яковлевны – появился первенец. При крещении принимали на руки ребенка из купели вдова статского советника Наталья Петровна Поливанова (в девичестве Константинова) и Константин Михайлович Поливанов – коллежский секретарь, специально приехавшие из Костромской губернии по случаю великой радости. Первая приходилась младенцу бабушкой, второй – дядей и младшим братом главы семейства. На семейном совете решено было назвать родившегося мальчика Евгением, что в переводе с греческого языка означает «благородный», а если дословно то – человек «с хорошими генами».

Нареченный этим именем пополнил ряды рода потомственных дворян Поливановых, войдя в историю, как Евгений Дмитриевич Поливанов – выдающийся русский и советский лингвист, востоковед и литературовед.

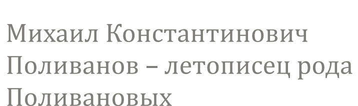
По сказаниям древних родословцев, род Поливановых происходит от татарина Кочевы Карапчакова, в крещении Онисифора (Анцифора), выехавшего в 1376 году из Орды к великому князю Дмитрию Донскому. Правнук его, Михаил Глебович, по прозванию Поливан, был родоначальником Поливановых. Константин Дмитриевич Поливанов был полковым воеводой в Минске (1568 г.) и наместником в Карачеве (1583 г.), Тимофей Григорьевич – воеводой в Дедилове (1626 г.), Тимофей Владимирович – воеводой в Брянске (1630 г.), стольник Иван Андреевич – судьей земского приказа (1682 г.). Многие Поливановы служили в XVII веке стольниками и стряпчими. Генерал-поручик Иван Игнатьевич Поливанов был (1781 г.) правителем саратовского наместничества, Иван Петрович Поливанов сенатором (1832–1848 гг.). Род Поливановых внесен в VI часть родословных книг Владимирской, Московской, Калужской, Костромской, Симбирской и Тверской губерний[1].

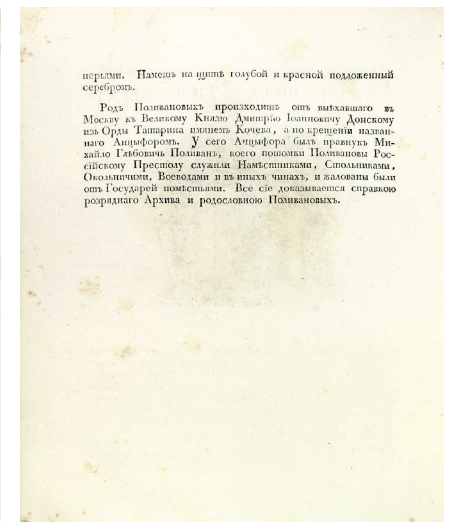
В конце XIX – начале XX века фамилия Поливановых в России была на слуху. Взять того же Михаила Константиновича Поливанова (1850–1899 гг.) – главного составителя родословной Поливановых. Его отец приходился родным братом прадеду Евгения Дмитриевича – Матвею Михайловичу Поливанову.

Михаил Константинович участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.), был награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Уйдя с военной службы, избран был мировым судьей, а также председателем и непременным членом съезда мировых судей, являлся уездным предводителем дворянства и председателем уездной земской управы Покровского уезда Владимирской губернии, прослыл автором публицистических брошюр и статей.

В предисловии к главному труду своей жизни – сказанию о роде Поливановых – он обратился ко всем будущим поколениям великого рода: «Поливановы! Блюдите, молю Вас, наш добрый издревле ратно-поместный род; для того в Бога веруйте, Государей чтите. Если Господь, приведет, потщитесь радостно

[1] Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Т. XXIV. – СПб., 1898. – С. 282.


Михаил Константинович Поливанов – летописец рода Поливановых


перьями. Наметъ на щитѣ голубой и красной подложенный серебромъ.

Родъ Поливановыхъ происходитъ отъ выѣхавшаго въ Москву къ Великому Князю Дмитрiю Iоанновичу Донскому изъ Орды Татарина имянемъ Кочева, а по крещенiи названнаго Анцыфоромъ. У сего Анцыфора былъ правнукъ Михайло Глѣбовичь Поливанъ, коего потомки Поливановы Россiйскому Престолу служили Намѣстниками, Стольниками, Окольничими, Воеводами и въ иныхъ чинахъ, и жалованы были отъ Государей помѣстьями. Все сiе доказывается справкою розряднаго Архива и родословною Поливановыхъ.

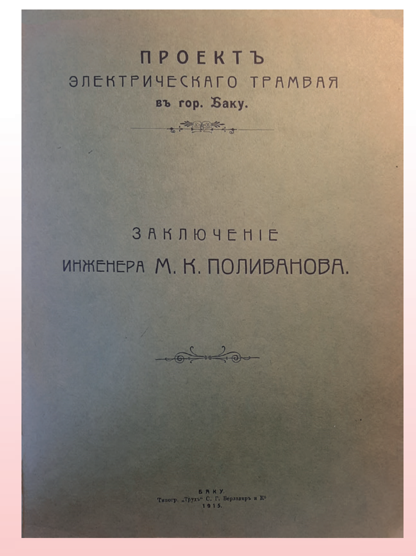
Герб рода Поливановых. Гербовое дело Поливановых Департамента Герольдии Правительствующего Сената по Владимирской, Калужской и Московской губ. 1863 г. РГИА. Ф. 1343. Оп.27. Д. 4489

умереть за Православие России и за ее Царя. М.К.П.»[2].

Другой Михаил Константинович Поливанов стал известен в России благодаря своим выдающимся заслугам в такой сфере как электротехника. Как автор и консультант он участвовал в разработке проектов трамвайных линий в Пензе, Воронеже, Баку, Одессе, Смоленске, Симбирске, Архангельске.

С первых дней Первой мировой он возглавил отдел городской управы по вооружению армии, организовал в трамвайных мастерских производство снарядов. В 1918 году занял должность председателя правления завода «Электросталь». Занимался проектированием новых электростанций в Бюро по проектированию угольных станций Комитета государственных сооружений и Главэнерго (проектирование Каширской ГЭС). После Великой Октябрьской революции 1917 года, участвуя в реализации плана ГОЭЛРО, руководил проектированием электрических частей Киzeловской, Нижегородской, Штеровской, Харьковской ГЭС, Днепрогэс. Занимался вопросами электрификации железных дорог. Его сын – Константин – в 1920 году начал учиться в Институте живого

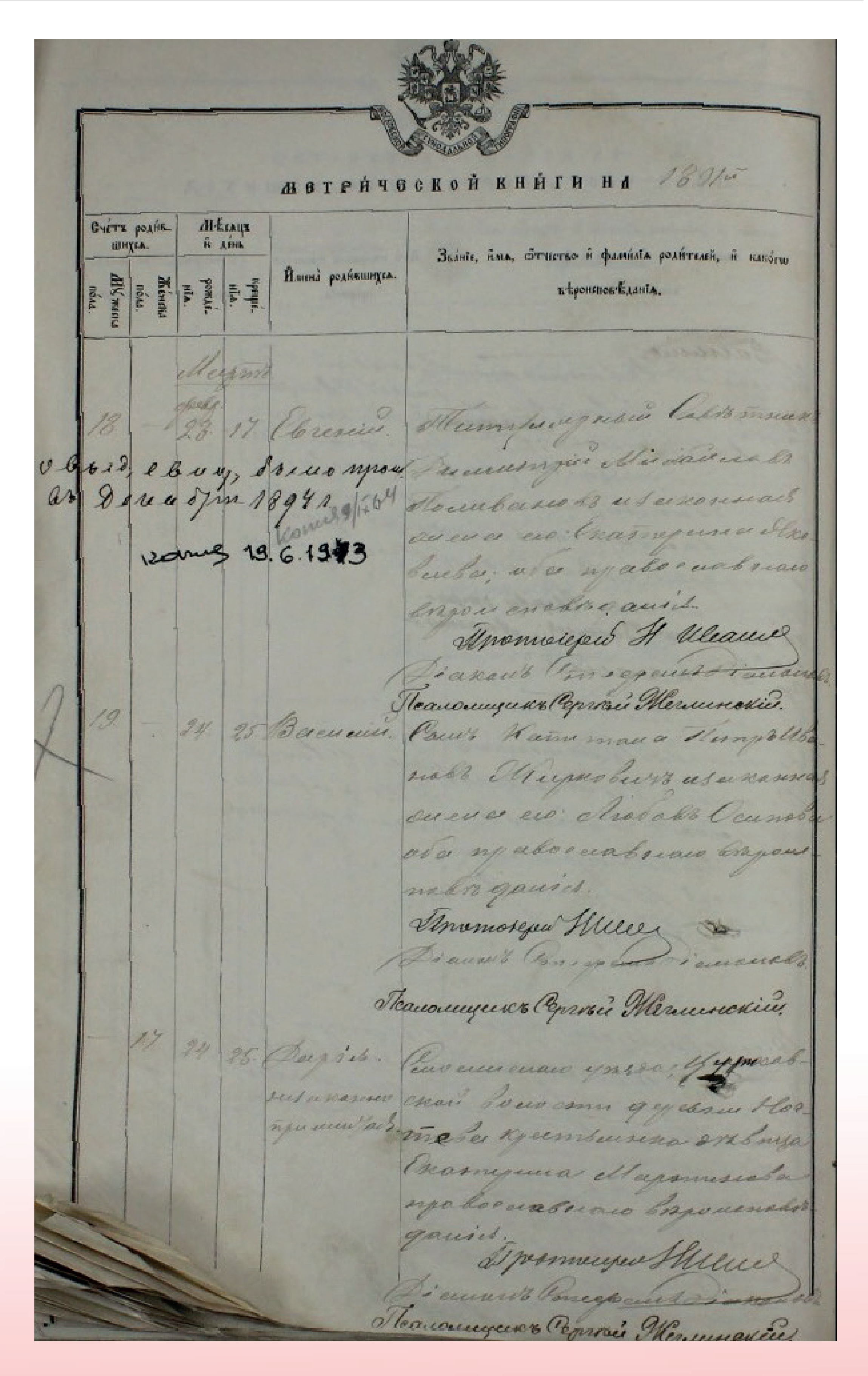
Михаил Константинович Поливанов – человек ГОЭЛРО


ПРОЕКТЪ
ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ТРАМВАЯ
въ гор. Баку.

ЗАКЛЮЧЕНIЕ
ИНЖЕНЕРА М. К. ПОЛИВАНОВА.

Заключение инженера М.К. Поливанова по проекту электрического трамвая в г. Баку. 1915 г.

[2] Род Поливановых. XIV–XIX вв. Сказание. Исторические деятели и поколенная роспись. – Владимир на Клязьме, 1894. – С. 1.



Метрической книги на 1891

Счетъ родившихся: мужеска пола	Счетъ родившихся: женска пола	Месяцъ и день: рожденія	Месяцъ и день: крещенія	Имена родившихся	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какого вероисповеданія
18		Марта 23	17	Евгеній	Титулярный Советникъ Дмитрій Михайловъ Поливановъ и законная жена его Екатерина Яковлева, оба православнаго вероисповеданія.

Метрическая книга Ильинской церкви г. Смоленска (церковь № 5) для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1891 г. ГАСО. Ф. 48. Оп.5. Св. 161. Д. 305. ЛЛ. 382 об. – 383

383

ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.

Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ.	Кто совершалъ таинство крещенія.	Рукоприкладство свидѣтелей записи по желанію.
Коллежскій Секретарь Константинъ Михайловъ Тосиваловъ и вдова Статскаго Совѣтника Наталія Петрова Тосивалова.	Протоіерей Никандръ Ивановъ съ Діакономъ Ферапонтомъ Діаконовымъ и Псаломщикомъ Григорьемъ [illegible]	
Смоленскій мѣщанинъ Феодоръ Іоакимовъ Фотинъ и Смоленской [illegible] волости и деревни крестьянка Ксенія Феодорова.	Протоіерей Никандръ Ивановъ съ вышеписаннымъ причтомъ.	
5й Батареи Смоленской Артиллерійской бригады рядовой Николай Васильевъ и Саратовской губерніи [illegible] уѣзда [illegible] волости Солдатская жена Ксенія Михайлова Шамаева	Протоіерей Никандръ Ивановъ съ вышеписаннымъ причтомъ.	

Алексей Андреевич Поливанов – военный министр России

слова, но осознав свою тягу к точным наукам, поступил в Московское высшее техническое училище, став крупным ученым в области электротехники.

Евгению Дмитриевичу Михаил Константинович приходился двоюродным братом.

Знаковой фигурой в истории как рода Поливановых, так и Российской империи стал Алексей Андреевич Поливанов – генерал от инфантерии, с июня 1915 года военный министр и председатель Особого совещания по обороне.

В предисловии к книге генерала «Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г.», увидевшей свет после смерти автора, отмечались качества, которые ставили его – человека, принадлежавшего к высшим властным кругам Российской империи, в особое положение: «Генерал Поливанов пользовался репутацией "левизны" в наших правящих и думских кругах и даже был уволен в 1912 г. от должности помощника военного министра именно по этой причине»[1].

Портрет царского министра дополняют строки: «Высокое же образование автора, его большие способности и трудолюбие, которые законно ставят Поливанова в число наиболее выдающихся военных администраторов бедной людьми эпохи последних десяти лет империи, придают его деятельности <…> особый интерес»[2].

В марте 1916 года военный министр Поливанов был отправлен в отставку. Валентин Пикуль в романе «Нечистая сила» по этому поводу писал: «В кабинете военного министра отзвонили старинные часы, еще помнившие времена Кутузова, Барклая, Аракчеева и Ермолова. Вот и письмо от царя: "Алексей Андреевич. К сожалению, я пришел к заключению, что мне нужно с вами расстаться...". По заведенной традиции, рескрипт должен сопровождаться высочайшей благодарностью. Царь отщелкал ответ: "Объявление благодарности отменяю!" Это было уже чистое хамство... Поливанов принял министерство от Сухомлинова в состоянии развала, когда фронты трещали. Он взялся за дела в пору суматошной эвакуации промышленности на Восток, он сумел заново вооружить армию, при нем стабилизировалась линия фронта, – и теперь Россия, заполнив арсеналы, готова к неслыханному наступлению, которое войдет в историю под названием Брусиловский прорыв. Надев шинель и скрипя сапожками, Поливанов удалился – без благодарности, как оплеванный...»[3].

Несправедливо и обидно – генерал Поливанов царю и отечеству служил верой и правдой. К чему призывал всех своих родных и близких. Его сын – поручик Александр Поливанов погиб в 1914 году на Западном фронте в первый месяц войны. После Февральской революции 1917 года Алексея Андреевича приблизил к себе первый военный министр Временного правительства А.И. Гучков, сделав его председателем комиссии по построению армии на но-

[1] Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. – М., 1924. – С. 3

[2] Там же. С. 9.

[3] Пикуль В.С. Нечистая сила: Политический роман. – М., 1991. – С. 618–619.

вых началах и Особого совещания по обороне государства.

С февраля 1920 года отставной царский генерал служил также честно Советской власти, занимая посты члена Военно-законодательного совета и Особого совещания при главкоме Красной Армии, являлся экспертом при заключении советско-польского мирного договора. Прадед Евгения Дмитриевича Поливанова – Матвей Михайлович – был родным братом деда Алексея Андреевича – Андрея Михайловича.

На этом фоне отец Евгения Дмитриевича – Дмитрий Михайлович Поливанов – человеком был скромным и на первый взгляд ничем не выделявшимся среди людей своего сословия. Родился он 25 января 1840 года в Костромской губернии. Его отец (дед будущего гения) – статский советник Михаил Матвеевич Поливанов – служил в лейб-гвардии Павловском, а затем в Невском пехотном полку. Уйдя в отставку, предводительствовал в Юрьевецком уездном дворянстве, а в 1853–1855 годах возглавлял Луховскую № 148 дружину Костромского губернского ополчения. Упокоился дед Евгения Дмитриевича в селе Пархачеве Юрьевецкого уезда близ своей родовой усадьбы «Старое село».

В первом сказании о роде Поливановых, вышедшем в свет в 1894 году, автором которого являлся Михаил Константинович Поливанов, указаны четверо сыновей Михаила Матвеевича Поливанова[4]. Но во втором издании «Род дворян Поливановых», появившемся в 1902 году, сообщается о пятом, причем предпоследнем сыне – Николае Михайловиче. В отдельных источниках имеются сведения о дочерях – Варваре Михайловне в замужестве Смольяниновой и Юлии Михайловне в замужестве Бочаровой.

Три сына Михаила Матвеевича, достигнув совершеннолетия, отправились по стопам отца на военную службу. Старший – Матвей Михайлович, родился в 1837 году, в армии сделал карьеру, дослужившись до генерал-лейтенанта и командира 2-го пехотного корпуса. Вдохновляла его на ратные подвиги Пелагея Алексеевна в девичестве княжна Кропоткина – дочь генерал-майора Алексея Петровича Кропоткина и сестра

Из прошения заключенного Бутырской тюрьмы А.А. Поливанова в Президиум Московской чрезвычайной комиссии от 9 сентября 1919 г.

7 марта 1916 года я, в качестве военного министра, выступив в Госуд<арственной> Думе с ответом на запрос о причинах забастовки на Путиловском Заводе, заявил о необходимости немедленного улучшения положения рабочего пролетариата и о том, что я беру на себя то, что от меня в этом деле зависело, то есть немедленное улучшение жизненных условия сотен тысяч рабочих, трудившихся на оборону, начиная с Путиловского завода, где рабочие после этого немедленно согласились приступить к работам. Такая моя политика по рабочему вопросу не была одобрена высшей властью, и потому уже 13 марта я был от должности Министра уволен, оказавшись таким образом первым в России Министром, уволенным за открытое выступление на пользу рабочего класса. После февральской революции, когда по поводу способа введения политических свобод в армии возникли разногласия между военным Министром Гучковым и Советом Рабочих и Солд<атских> Депутатов, я был приглашен председательствовать в согласительной комиссии из представителей от военного ведомства и от Совета Раб<очих> и Солд<атских> депутатов, и работа моей комиссии удовлетворила обе стороны[I].

[I] ГАРФ. Ф. 8409. Оп. I. Д. 236. Л. I85.

[4] Род Поливановых.1376–1902. Составил по материалам собранным М.К. Поливановым А.В. Селиванов. – Владимир на Клязьме, 1894. – С. 42.

Михаил Матвеевич Поливанов

известного русского революционера, теоретика анархизма, ученого-географа Петра Алексеевича Кропоткина.

Дед Евгения Дмитриевича гордился подвигами второго сына – полковника Ивана Михайловича. Тот служил в лейб-гвардии Московском полку, участвовал в русско-турецкой кампании 1877–1878 годов, получив под Горным Дубняком тяжелое ранение. Герой был женат на Софье Ивановне Илимовой – дочери известного русского ученого-химика Ивана Петровича Илимова, имевшего прямое отношение к постройке Поти-Тифлисской, Орловско-Витебской и Тамбово-Саратовской железных дорог, являвшегося автором проекта нефтепровода Баку – Батум.

Младший сын Михаила Матвеевича – Константин Михайлович – военной службе предпочел мирную жизнь государственного служащего. Он и унаследовал родовую усадьбу «Старое село» в Юрьевецком уезде Костромской губернии[1]. Женат он был на Агриппине Михайловне Метловой.

[1] Род Поливановых. XIV–XX гг. Сказание. Исторические деятели и поколенная роспись. – Владимир на Клязьме, 1894. – С. 18.

Отец Евгения Дмитриевича – Дмитрий Михайлович – был третьим сыном Михаила Матвеевича Поливанова. В 1857 году, следуя семейной традиции, он начал военную службу унтер-офицером в Киевском гренадерском полку, потом в составе лейб-гвардии Московского полка в 1863 году участвовал в подавлении польского восстания, за что был отмечен наградой. Получив звание поручика, он в 1865 году вышел в отставку и определился в гражданскую службу.

По домашним обстоятельствам

18 января 1866 года отставной офицер Дмитрий Михайлович Поливанов был зачислен в штат Императорской Публичной библиотеки дежурным чиновником читального зала. Отслужив на библиотечном поприще до июня 1869 года, получив чин титулярного советника, он уволился из библиотеки «по домашним обстоятельствам»[2] и облачился в мундир железнодорожного служащего, сменив одновременно место жительства с Санкт-Петербурга на Смоленск.

Ревизор Орловско-Витебской железной дороги Дмитрий Михайлович Поливанов за новое дело взялся рьяно, отличившись в делах служебных и общественных. За рамками служебных обязанностей стало членство в советах и правлениях ряда Смоленских губернских учреждений – Смоленского историко-археологического музея, Общества помощи учащемуся юношеству, Общества потребителей, Общества взаимного кредита, в котором он состоял ревизором.

Газета «Смоленский вестник» 11 января 1891 года в рубрике «Городские новости» несколькими строками отметила важное событие в жизни Дмитрий Михайловича. В заметке говорилось: «8 января на Смоленском вокзале Орловско-Витебской железной дороги

[2] Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры // Российская национальная библиотека. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=460 (дата обращения: 12 марта 2021).

происходило скромное, но задушевное празднование двадцатилетнего юбилея полезной и честной деятельности ревизора движения этой дороги Д.М. Поливанова»[3]. Заслуги Поливанова-старшего не остались незамеченными. В этом же году он стал главным ревизором Орловско-Витебской железной дороги[4].

Мать Евгения Поливанова – Екатерина Яковлевна Поливанова (девичья фамилия неизвестна), родилась в 1849 году. Она была творческой натурой, владела иностранными языками, занималась журналистской, писательской, общественной, благотворительной деятельностью и лелеяла в душе мечты о коренном преобразовании жизни в России. Как сообщалось в журнале «Исторический Вестник», «до самой смерти она хранила в сердце идеалы и традиции шестидесятых годов»[5].

Дмитрий Михайлович высоко отзывался о человеческих качествах своей жены, написав в одном из писем, что, «выработав еще давно уважение к внутреннему миру другого человека, она все время очень интересовалась всем тем, что творится на нашей долго и многострадальной родине и особенно горячо реагировала на кощунственный процесс Бейлиса еще так очень недавно»[6].

«В русской периодической печати» Екатерина Яковлевна выступила в конце 80-х годов XIX столетия в газете «Орловский Вестник», продолжив занятия журналистским ремеслом в одном из лучших провинциальных печатных органов – «Смоленском Вестнике». В этой газете она «одно время была создательницей вместе с известным В.П. Вахте-

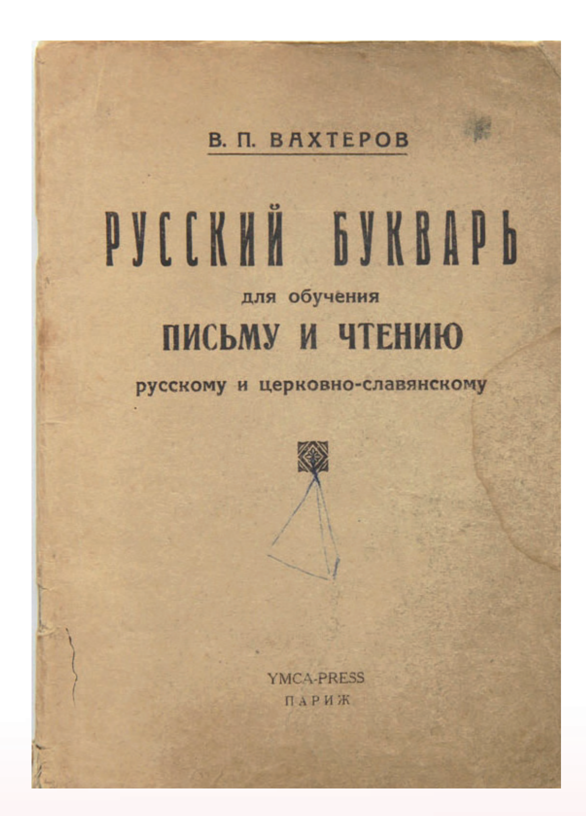
[3] Новикова Н. Известный лингвист (к 115-летию со дня рождения Е.Д. Поливанова) // Край Смоленский. Гуманитарный научно-популярный, литературно-художественный журнал. – № 11. – 2006. – С. 25.

[4] Смоленские епархиальные ведомости. – 1891. – 15 сентября. – № 17. – С. 894.

[5] Исторический Вестник. Историко-литературный журнал. – 1914. – Февраль. – Т. 135. – С. 763.

[6] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 291

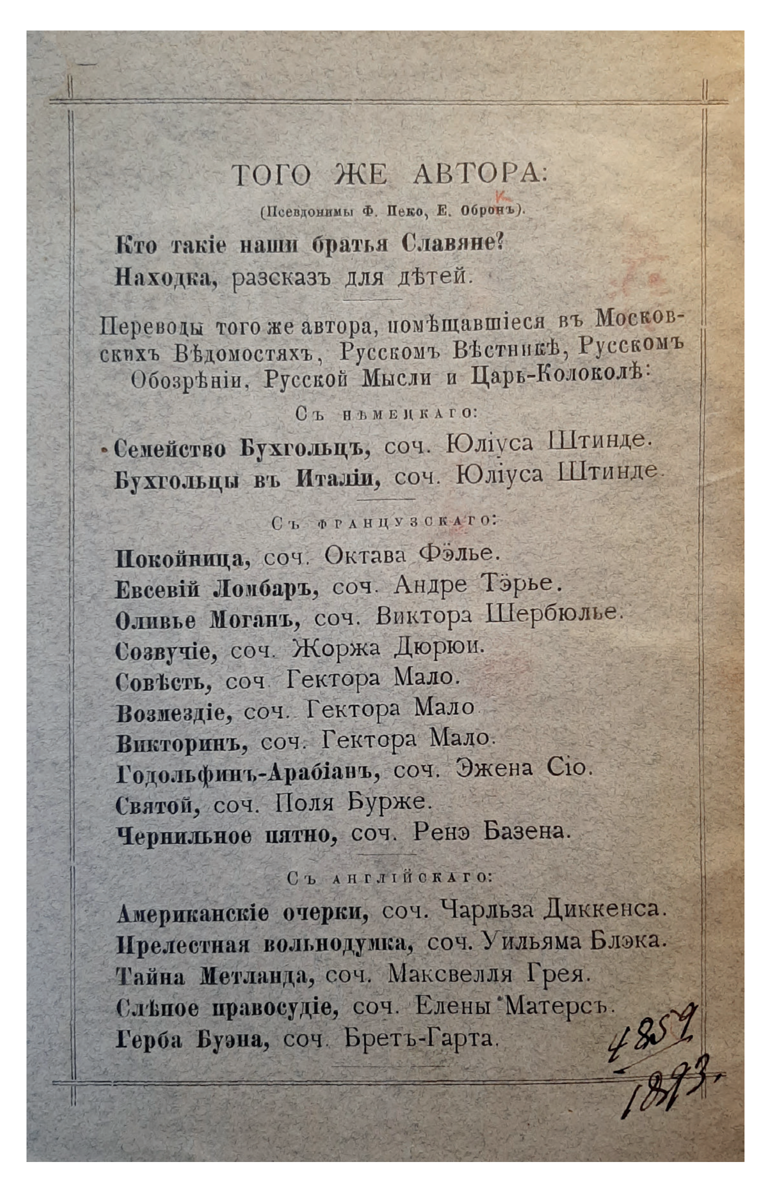
Василий Порфирьевич Вахтеров – деятель российского народного образования



Русский букварь для обучения письму и чтению русскому и церковно-славянскому В.П. Вахтерова

ровым»[7]. Василий Порфирьевич Вахтеров – в будущем выдающийся педагог и основоположник педагогической концепции, известной как «Эволюционная

[7] Исторический Вестник. Историко-литературный журнал. – 1914. – Февраль. – Т. 135. – С. 763.



ТОГО ЖЕ АВТОРА:

(Псевдонимы Ф. Пеко, Е. Обронъ).

Кто такіе наши братья Славяне?

Находка, разсказъ для дѣтей.

Переводы того же автора, помѣщавшіеся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Русскомъ Вѣстникѣ, Русскомъ Обозрѣніи, Русской Мысли и Царь-Колоколѣ:

Съ нѣмецкаго:

Семейство Бухгольцъ, соч. Юліуса Штинде.

Бухгольцы въ Италіи, соч. Юліуса Штинде.

Съ французскаго:

Покойница, соч. Октава Фэлье.

Евсевій Ломбаръ, соч. Андре Тэрье.

Оливье Моганъ, соч. Виктора Шербюлье.

Созвучіе, соч. Жоржа Дюрюи.

Совѣсть, соч. Гектора Мало.

Возмездіе, соч. Гектора Мало.

Викторинъ, соч. Гектора Мало.

Годольфинъ-Арабіанъ, соч. Эжена Сіо.

Святой, соч. Поля Бурже.

Чернильное пятно, соч. Ренэ Базена.

Съ англійскаго:

Американскіе очерки, соч. Чарльза Диккенса.

Прелестная вольнодумка, соч. Уильяма Блэка.

Тайна Метланда, соч. Максвелля Грея.

Слѣпое правосудіе, соч. Елены Матерсъ.

Герба Буэна, соч. Бретъ-Гарта.

4859

1893.

Указатель трудов Е.Я. Поливановой

педагогика», – живя и работая в Смоленске, был дружен с семьей Поливановых.

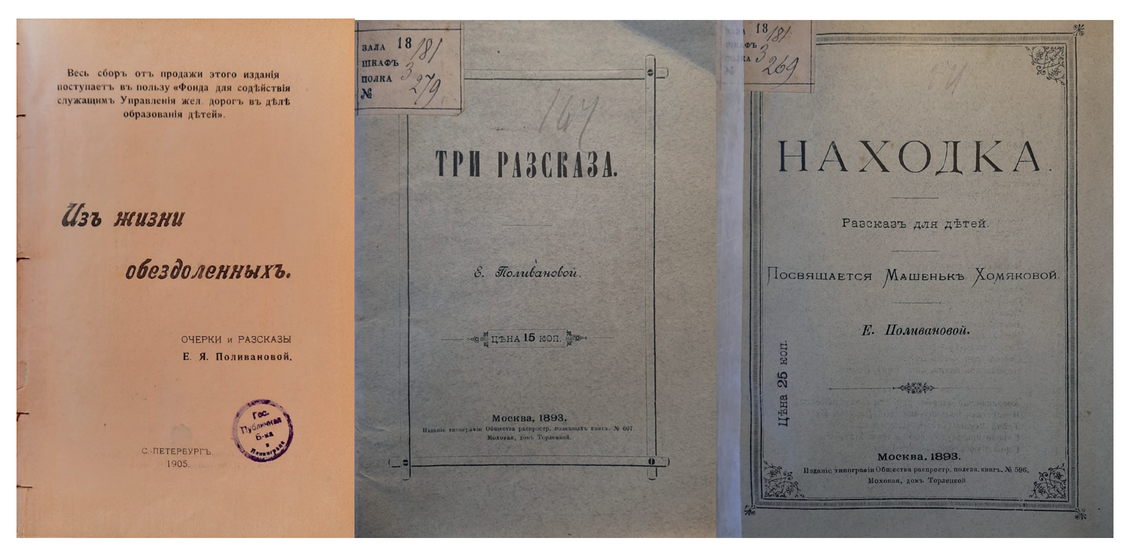
После окончания одногодичных педагогических курсов при Московском учительском институте он пятнадцать лет работал в системе народного образования Смоленской губернии: учителем-инспектором Духовщинского городского училища, а в 1881 года – инспектором народных училищ четырех уездов Смоленской губернии. В 1890 году Вахтерова перевели в Москву на должность инспектора народных училищ. Тем не менее связь с семьей Поливановых он сохранил и даже следил за учебой Евгения Дмитриевича, оказывал ему материальное содействие, когда тот жил и учился в Санкт-Петербурге.

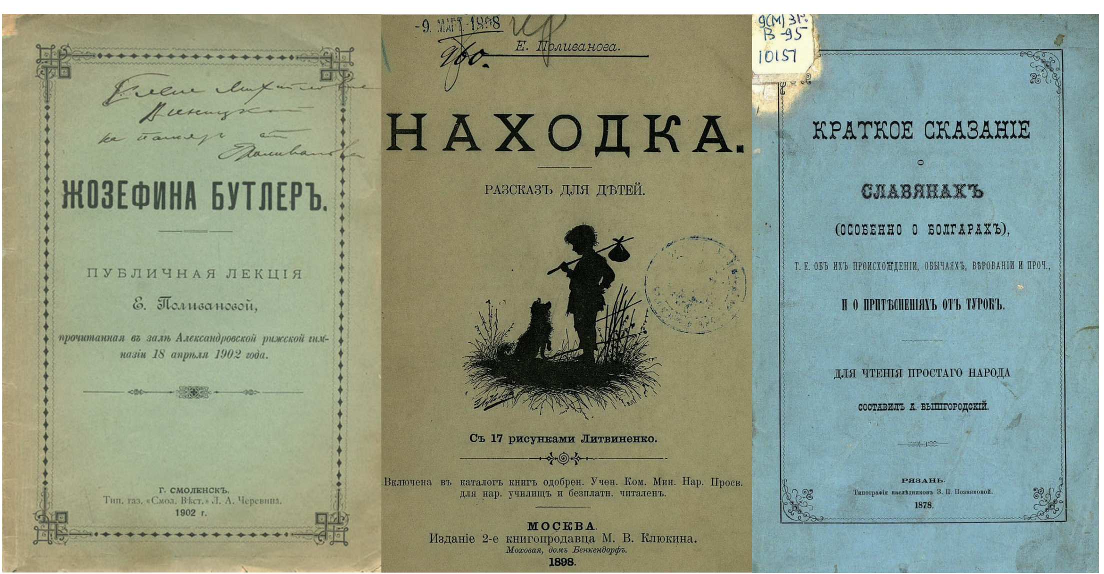
Журналистский талант Екатерины Яковлевны проявился также в газетах «Наша жизнь», «Рижская жизнь», «Прибалтийский край», «Феодосийский листок», «Вестник Трезвости», «Воскресная Беседа» и «Защита животных». В писательских кругах она была известна под псевдонимами Е. Оброк и Ф. Пеко. Ее перу принадлежали книги «Кто такие славяне? Почему мы любим славян и зовем их нашими братьями» (М., 1876); «Находка: Рассказ для детей» (М., 1893; вышло 6 изданий); «Три рассказа» (М., 1893); «Шведские рассказы» (СПб., 1899, перевод); «Шведские и норвежские рассказы» (Рига, 1902, перевод); «Жозефина Бутлер: Публичная лекция» (Смоленск, 1902); «Свидание. Рассказ (СПб., 1904, перевод); «Из жизни обездоленных: Очерки и рассказы, оригинальные и переводные» (СПб., 1905).

Екатерина Яковлевна была в числе авторов книги «Краткое сказание о славянах (особенно о болгарах), т. е. об их происхождении, обычаях, веровании и проч., и о притеснениях от турок». Как переводчик со шведского Екатерина Яковлевна участвовала в выпуске сборника «Счетоводные рассказы из практической жизни» (Кн. 1 СПб., М.,1905).

Издав в 1905 году книгу «Из жизни обездоленных», она весь доход от него пожертвовала в пользу «фонда для содействия служащим железных дорог в деле образования детей». Печатала сборник, причем бесплатно, типография Товарищества И.Н. Кушнарев и К° (Министерства путей сообщения). В предисловии к книге от имени Фонда говорилось: «Предлагаемые здесь читателю очерки и рассказы Е.Я. Поливановой, рассеянные раньше по разным периодическим изданиям, не нуждаются в рекомендации: давно уже признано, что их талантливый автор, зорко следя за всем тем, что происходит в мире тружеников, правдиво и в ярких красках описывает повседневные явления будничной жизни, иногда полной горя, лишений и непосильной борьбы из-за куска хлеба»[1].

[1] Из жизни обездоленных. Очерки и рассказы Е.Я. Поливановой. – СПб., 1905. – С. 1.





Труды Е.Я. Поливановой

В июне 1908 года журнал «Исторический Вестник» опубликовал очерк Екатерины Яковлевны Поливановой под названием «Струмиловская колоброда: (Из семейной хроники)». В них писательница от первого лица повествовала о судьбе Марии Струмиловой. Девушка принадлежала к старинному служивому роду дворян Струмиловых, который «считался не ниже княжеского»[1]. Глава семьи, служивший судьей, умер через семь лет после женитьбы, оставив молодой вдове двух детей — ту самую Марию и ее брата Ивана, и заложенное имение с запущенным хозяйством. Вдове удалось привести в порядок дела и спасти от продажи с аукциона село Высокое.

В 8 лет Марию отвезли в Харьковский институт благородных девиц, в котором она безвыездно обучалась до 16 лет. Брат ее — Ваня — был определен в Орловский Бахтина кадетский корпус.

[1] Поливанова Е. Струмиловская колоброда: (Из семейной хроники) // Исторический вестник. — № 6. — 1908. — Т. 112. — С. 847.

Среди тех, кто вошел в круг общения Марии Струмиловой после ее выпуска из института благородных девиц, в хрониках значатся Митрофан Надеин и артиллерийский офицер — Флорентий Павленков, которые бывали в гостях в родовом имении героини. Последний служил, как сказано в воспоминаниях, в «арсенале соседнего города Б.», а «впоследствии он сделался известным издателем»[1], что было не случайностью — в молодости он отличался тем, что «вечно возился с книгами».

Автор семейных хроник писала, что с ними «в старинном отцовском кабинете, велись теперь оживленные споры и разговоры о литературе, об освобождении крестьян, об отношении родителей к детям. Присутствовать при этих разговорах было для меня высшим наслаждением»[2].

В разговорах этих молодые люди «сумели заявить протест злу и наше стремление к справедливости»[3]. Поэтому ничего удивительного не было в том, что мать героини семейных хроник, посчитав гостей «сеятелями вредных идей», прекратила их доступ в дом.

Следуя законам жанра «семенной хроники» Поливанова вписала в сжатом виде в историю семьи, несшую «кару за преступления предков», историю страны после поражения в Крымской войне с ее общественными протестами против несправедливости.

Финал истории трагичен — «грустные условия жизни» обернулись для главной героини психологической травмой и несколькими годами нахождения в Преображенской больнице.

Но рассказ писательницы о психическом заболевании героини скорее является художественным способом передачи духовного состояния поколения самой писательницы, потерявшего идеалы «личного одухотворения и романтизма». «Оно отжило»[4], — заключает Поливанова.

«Привычка думать о себе, как о существе возвышенном, — пишет она, — считать свое я центром вселенной, лишало внутренней скромности нас, по виду столь скромных девиц, заставляла с презрением относиться к заурядным благам жизни и давала обильную пищу для разочарований. Я скучала и томилась»[5].

Идея поиска, разочарования и отрицания изначально заложена в названии очерка — «Струмиловская колоброда». Уместно вспомнить факты из творческой деятельности и жизни Екатерины Яковлевны — ее занятия переводами литературных трудов шведских писателей, а с 1901 по 1908 года проживание семьи Поливановых в Риге. В переводе со шведского или латышского языков strum переводится как бренчать. Название «Бренчащая колоброда» или «Бренчащая непоседа» вполне отвечает содержанию семейной хроники, описанной Поливановой, в которой героиня с именем Мария — в древнееврейском означающем, как отрицающая — постоянно на-

[1] Поливанова Е. Струмиловская колоброда: (Из семейной хроники) // Исторический вестник. — № 6. — 1908. — Т. 112. — С. 853.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 863.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 850.

ходится в печали и состоянии неудовлетворенности жизнью.

Рассуждения приводят к мысли: не являются ли «семейные хроники» Екатерины Яковлевны Поливановой «Струмиловская колоброда» автобиографичными? Но, а если автор все же раскрыл страницы собственной судьбы, тогда в описаниях различных бытовых сюжетов спрятаны реальные факты ее жизни.

В очерке есть что-то мистическое, заставляющее читателя «колобродить», то есть «сходить с ума», проводя параллели в судьбе героини Марии Струмиловой и писательницы – Екатерины Поливановой.

Будучи личностью известной в общественной и научной среде, оставившей после себя творческое наследие, ее личная жизнь до замужества оказалась покрытой пеленой таинственности. Даже девичья фамилия осталась в неизвестности. Не связано ли это с тяжелыми воспоминаниями о «недружной» семье, в которой дети «неизбежно сумасшествовали, перейдя за 20-ти летний возраст»[6]?

Авторы этого издания позволят себе сделать предположение – описанная история основана на реальных событиях и носит сугубо личный характер.

В «колоброде» Поливанова акцентирует внимание читателей на отдельных житейских фактах: проживании героини в Орловской губернии, учебе в Харьковском институте благородных девиц, общении с историческими личностями, такими, например, как доктора Николай Иванович Державин и Виктор Романович Буцке из Преображенской психиатрической больницы.

Кстати, и персонажи Митрофана Надеина, выпускника Орловского кадетского корпуса, и Флорентия Павленкова не вымышлены – они реальные исторические лица. Оба – офицеры-артиллеристы, в одно время служившие в Брянском арсенале. Уйдя в отставку, они основали в Петербурге в марте 1867 года «Книжный магазин для иногородних», а Флорентий Федорович Павленков стал известным российским издателем. Поэтому эпизоды, раскрытые в «Струмиловских колобродах» и касающиеся встреч героини с ними в родовом имении в Орловской губернии, где-то на границе с Малороссией, недалеко от города «Б.», взяты из жизни.

Известные периоды военной службы Павленкова в Брянском гарнизоне – с октября 1863 по декабрь 1864 года, а затем с лета 1865 по 1866 год – очерчивают реально возможное время общения с ними героини очерка. Писательница, чей творческий путь начался ни где-нибудь, а в газете Орловской губернии «Орловский вестник», рассказывает, что визиты двух друзей в родовой дом героини «семейных хроник» происходили в мае. Неоднократно сталкиваясь со взяточничеством и казнокрадством в армейской среде, весной 1866 года Павленков подал прошение об отставке, которое было удовлетворено с производством его в штабс-капитаны. Молодой офицер намеревался исправить «насквозь прогнивший режим», и долго еще публиковал брошюры о «казнокрадах в мундирах».

В «семейных хрониках» Поливанова не обошла вниманием тему казнокрадства в армии, связав ее с судьбой героя очерка Валериана Лишина – близ-

---

[6] Там же. С. 846.

кого друга героини и выпускника Орловского кадетского корпуса. Примечательно, что в 1856 году в списках выпускников корпуса значился Николай Дудицкий-Лишин.

В реальной жизни для Флорентия Павленкова единственно возможным периодом встречи с главным действующим лицом очерка могли быть годы его службы в городе Б., указанные выше. Но Екатерина Яковлевна пытается скрыть данный факт и сместить время описываемых событий на несколько лет назад. Она пишет, что после общения с Надеиным и Павленковым «в октябре 1860 г. приехали мы в Ставропольскую губернию, в крепость Чир-Юрт..»[1].

Данное обстоятельство дает право укрепиться в мысли, что семейные хроники автобиографичные. В таком случае Екатерина Яковлевна могла встречаться с двумя реальными персонажами — Надеиным и Павленковым — в 1865 — 1866 годах. В 1865 году, когда ей исполнилось 16 лет она могла окончить тот же Харьковский институт благородных девиц. Именно с того года выпуск в институте стал осуществляться ежегодно и тогда же был произведен переход с 6-летнего курса обучения на 7-летний.

В «семейных хрониках» автор пишет: «В начале 40-х годов старшим ребенком росла я»[2]. Это указывает на факт рождения героини — Марии Струмиловой — в начале 1840-х годов, и доказывает не возможность обучения ее по 7-летней программе. Хотя в очерке сообщается, что героиня восемь лет «не делала ни шагу за стены института»[3]. Не сделала ли писательница здесь вторую умышленную ошибку?

В «Историческом очерке деятельности Харьковского института благородных девиц за 100 лет его существования (с 1812-го по 1912-ый год)» из 12 выпускниц учебного заведения 1856 года значится лишь одна воспитанница с именем Екатерина — Екатерина Прибыткова.

Является фамилия Прибыткова девичьей для Екатерины Яковлевны Поливановой остается вопросом, требующим документального подтверждения. Впрочем, если обратиться к творческим псевдонимам писательницы — Е. Оброк и Ф. Пеко, то версия выглядит вполне убедительной.

Но если с первым псевдонимом все понятно, то по второму стоит также высказать предположения.

Пеко — в эстонской мифологии бог плодородия, от которого зависели урожаи, плодовитость скота, благополучие семьи. Жизнь семьи Поливановых в начале XX века тесно связана с Ригой — главным городом Лифляндской губернии, в состав которой входили территории современных Латвии и Эстонии. В Риге Екатерина Яковлевна сотрудничала с газетами «Рижская жизнь» и «Прибалтийский край». Псевдоним Пеко мог быть избран в желании приблизиться к специфике региона, одновременно подчеркнув связь с происхождением своей девичьей фамилии.

Но это — только предположение!

---

[1] Поливанова Е. Струмиловская колоброда: (Из семейной хроники) // Исторический вестник. — № 6. — 1908. — Т. 112. — С. 855.

[2] Там же. С. 847.

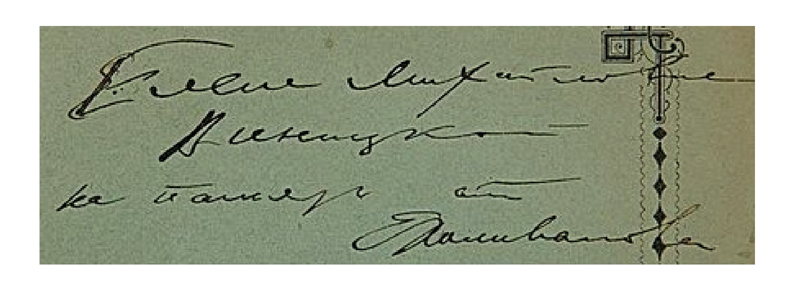
[3] Там же. С. 848.

Незадолго до смерти Екатерины Поливановой в журнале был опубликован ее очерк «Из прошлого (Семидесятники)». В нем она рассказала об исканиях поколения 70-х годов XIX века, к которому она относила себя, и временах, наступивших после «Корокозовского дела».

Писательница поделилась собственным опытом нахождения в кружке, «образовавшемся из остатков кокоревской коммуны», собиравшейся в Кокоревском подворье в Москве. Коммунары читали Герберта Спенсера, Огюста Конта, выписывали журнал Литте-Вырубова, переводили статьи по истории материализма Ланге, а также статьи Карла Маркса и «научно готовились к пониманию тезисов этого нового для того времени толкователя капиталистических доктрин», передавая полученные знания в лекциях для народа[1]. Это был по сути студенческий клуб, имевший общественно-философскую направленность.

Кружок посещал Александр Иванович Чупров – в будущем ученый-экономист, статистик, сторонник развития земских профессиональных школ; организатор и председатель статистического отделения Московского юридического общества, специалист по железнодорожным проблемам, участвовавший в работе Особой высшей комиссии по исследованию железнодорожного дела в России.

Бывал здесь студент, а впоследствии профессор и ученый Николай Иванович Кареев, заявлявший о необходимости изучения истории и даже геологии для правильного понимания экономических вопросов. О философии и нравственности в кружке вел споры юный Константин Агринский, ставший потом ученым, просветителем, журналистом, аграрием, которого можно назвать человеком толстовского масштаба. Рассуждали кружковцы о «новом строе», в котором даже дети будут собственностью государства.



Дарственная подпись Е. Я. Поливановой

Анализируя настроения общества второй половины XIX века, Екатерина Яковлевна отмечала, что на смену шестидесятникам пришло поколение 70-х годов, которое «изверилось во все старое и жаждало нового слова», в котором увлекал «взгляд о непротивлении злу, являвшийся реакцией против крайностей, выдвинутых воинственным движением шестидесятников»[2].

«Иные птицы, иные песни, – с печалью о не сбывшихся надеждах писала Екатерина Яковлевна. – Не слышалось бравурного пения шестидесятников “Вперед без страха и сомнения”, но зато на устах многих были стихи (кажется, Тхоржевского): С каждой минутой все гуще, гуще проклятая тьма…»[3].

Но вот кровавым заревом пронеслась японская война. За нею революция, с победными звуками Марсельезы и скорбными воплями бесчисленных жертв. Наступило новое безвременье, в котором мечтатели и проповедники эпохи молодости Екатерины Поливановой нашли успокоение и счастье в Области «малых дел»[4].

Так писательница завершала свои воспоминания – весьма тонкого анализа истории революционных порывов ее поколения в стремлении к «новому строю». Через полгода ее не стало. Екатерина Яковлевна – умерла 2 декабря 1913 года на 65-м году жизни. Похоронили эту выдающуюся, прогрессивную женщину – революционерку в душе – на Смоленском кладбище Санкт-Петер-

[1] Поливанова Е.Я. Из прошлого (Семидесятники) // Исторический Вестник. Историко-литературный журнал. – 1913. – Май. – Т. 132. – С. 546.

[2] Там же. С. 550.

[3] Там же. С. 552.

[4] Там же. С. 556.

бурга. В последний путь ее проводили родные и близкие. Некролог написал Николай Иванович Кареев[1].

Смерть Екатерины Яковлевны для семьи Поливановых стала трагедий. Дмитрий Михайлович, называвший свою жену не иначе, как «мой дивный друг», очень сожалел, что «Екатерина Яковлевна, вложившая в него (Евгения Дмитриевича. – *Авт.*) лучшие чувства и понятия и воспитавшая [в нем чистое] и нежное сердце, будучи вырвана из жизни болезнью, не может быть более свидетельницей постепенного роста своего сына»[2].

Пожалуй, эти строки – единственное, что может раскрыть семейную атмосферу, в которой воспитывался Евгений Поливанов. Для него мать была авторитетным наставником, внимательно следившим за его становлением. В своем письме В. Вахтерову в декабре 1913 года, сообщая подробности смерти матери, он написал: «Теперь я по-прежнему занимаюсь, хотя сначала это было больно, именно заниматься, т[ак] к[ак] мама так следила за этим и любила, чтобы я сидел с книгой около нее»[3].

Трудолюбие родителей Евгения Поливанова, их творческое начало, взаимное уважение как нельзя лучше сказывались на семейной атмосфере, способствовавшей стремлению сына к знаниям и открытиям, справедливости и добру. Именно семья оберегала Евгения в детстве и юношестве от окружающей «нелепицы», «бедлама» провинциальной Смоленской гимназии, вызывавших протест и «хулиганоподобные деяния». Некоторые превратности того жизненного периода раскрыли Поливанову «глаза на возможность революционной борьбы, т. е. протеста разумного»[4].

[1] Некролог // Речь. – 1913. – № 349.

[2] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 292.

[3] Там же. С. 274.

[4] Поливанов Е. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 166.

Тайной семьи Поливановых остается информация о том, что в семье Поливановых воспитывалось двое детей – сын Евгений и пасынок Дмитрия Михайловича. Сведений о пасынке нигде не сохранилось, но в телеграмме Вахтерову по случаю смерти Екатерины Яковлевны, датированной 19 декабря 1913 года, Дмитрий Михайлович Поливанов написал: «Телеграмма Ваша хорошо утешила меня, сына и пасынка»[5]. В книге В.М. Плоских «Е.Д. Поливанов и "Манас"» автор со ссылкой на протокол допроса Поливанова в 1937 году в НКВД Киргизской ССР указывает, что он сообщил о своем брате – Дмитрии Лобачевском, якобы проживавшем в Ленинграде, но связи с которым он не имел[6].

Фамилия Лобачевского упоминается в воспоминаниях Виктора Борисовича Шкловского, в свое время сообщавший, что «про него (Поливанова. – *Авт.*) говорили, что он потомок Лобачевского»[7]. Сообщая об этом, писатель, вероятно, имел ввиду создателя неевклидовой геометрии, Николая Ивановича Лобачевского. Но, увы, авторы этого издания не смогли отследить связь рода Поливановых с выдающимся русским математиком. С Дмитрием Лобачевским вопрос остается открытым.

В коридорах будущего

В 1901 году семья Поливановых переехала к новому месту службы Дмитрия Михайловича в Ригу, где в 1895 году после слияния Риго-Двинской, Двинско-Витебской, Орловско-Витебской железных дорог находилось Риго-Орловское железнодорожное управление. В этом управлении он стал начальником контроля в службе дви-

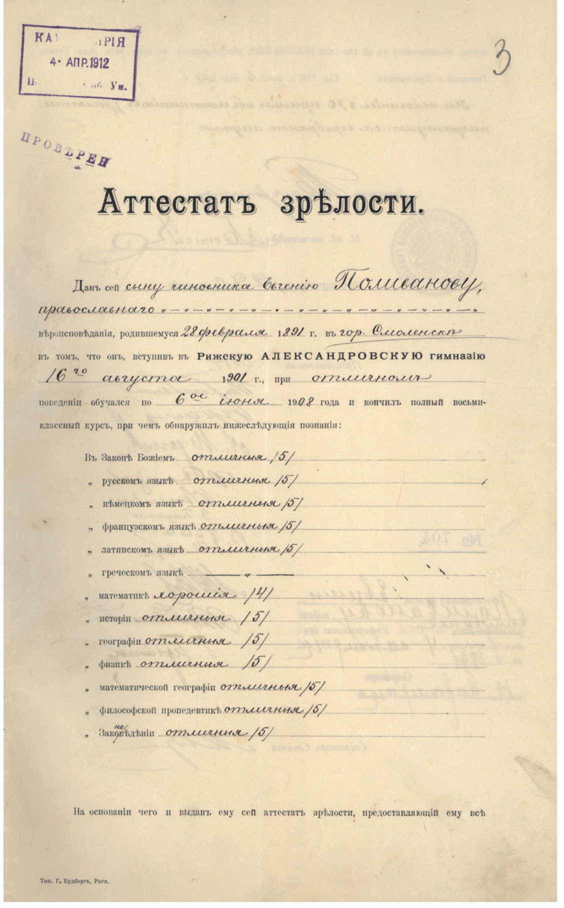
[5] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 291.

[6] Плоских В. Е.Д. Поливанов и «Манас». – Бишкек, 1995. – С. 39.

[7] Алпатов В.М. Ашнин Ф.Д. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // Восток – 1997. – № 5. – С. 137.

Из сборника популярных лингвистичесиких статей Е. Поливанов «За марксистское языкознание»: «Совершать хулиганские деяния, хотя бы и мелкого масштаба, нарушать (в то время строго кодифицированные) уставы благочиния и приличия — в мои гимназические годы считалось не только позволительным, но, наоборот, поистине должным и подобающим для нас делом. В этом был своего рода протест и подобающим для нас делом. В этом был своего рода протест против всей той нелепицы, которая нас окружала (вспоминая режим провинциальной гимназии, где я учился, я не нахожу для нее иного имени как бедлам). Характер хулиганоподобных деяний при этом варьировался сообразно возрасту; в младших классах довольствовались курением, порчей школьного имущества, похабными ругательствами и т. д., занимаясь этим исключительно потому, конечно, что это было запрещено. Более того, — когда услыхали про онанизм и услыхали, что это вещь запрещенная, стали делать вид, что занимаются онанизмом, и кроме хвастливых рассказов товарищам о том, что я , дескать, занимаюсь онанизмом, на деле так-таки ничего не было. Причина была опять-таки в том, что тут чувствовалось, как и в курении, закононарушение, нарушение тех норм поведения, которые навязывал нам враждебный лагерь взрослых — в целом и педагогов — в частности. В средних и старших классах тот же "поход против закона" выражался уже в совершенно иных, конечно, формах, прежде всего в пьянстве, иногда — но лишь у немногих — в карточной игре (здесь Поливанов делает сноску: В средних классах при этом встречалось такое дикое правило: проигравший должен был (на выбор) или подставить свою руку, чтобы на ней была затушена папироска, или подставить затылок, о который вытирался penis выигравшего. Вместо всяких комментариев считаю нужным подтвердить, что я здесь нисколько не прибавляю к действительности. (Возникает у меня даже мысль, не этому ли дикому правилу обязаны своим происхождением та ненависть к картежной игре, которая существует у меня с самых первых гимназических лет по настоящее время), что не замедлило, конечно, отразиться и на нашем "внутреннего употребления" словаре, где завелись всякого рода свои термины для таких понятий, как стопка водки — "лимонадка" и т. д. Суть дела была, однако, та же. Со временем наступил, правда, момент перелома — и для многих он был моментом подлинного преображения, — когда вместо диких и нелепых форм протеста, гимназисту раскрывали глаза на возможность революционной борьбы, т.е. протеста разумного. "Я перестал быть животным" — так выражается об этом моменте распропагандирования один из моих тогдашних одноклассников в своем письме — приблизительно 1905-1906 года. В окна "бедлама" проникал свет»[1].

[1] Поливанов Е. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. — М., 1931. — С. 166.


КАНЦЕЛЯРІЯ
4 АПР. 1912

3

ПРОВЕРЕН

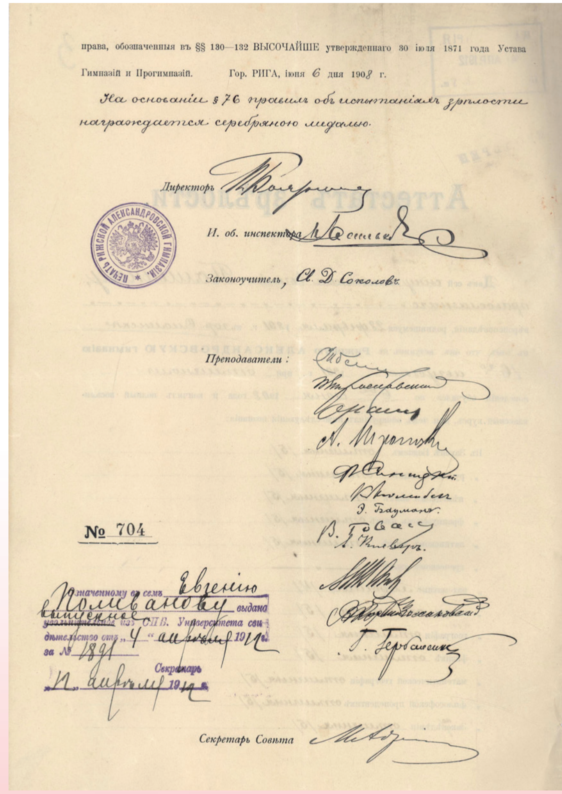
Аттестатъ зрѣлости.

Данъ сей сыну чиновника Евгенію Поливанову, православнаго вѣроисповѣданія, родившемуся 28 февраля 1891 г. въ гор. Смоленскѣ въ томъ, что онъ, вступивъ въ Рижскую АЛЕКСАНДРОВСКУЮ гимназію 16го августа 1901 г., при отличномъ поведеніи обучался по 6ое іюня 1908 года и кончилъ полный восьмиклассный курсъ, при чемъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Въ Законѣ Божіемъ отличныя (5)
„ русскомъ языкѣ отличныя (5)
„ нѣмецкомъ языкѣ отличныя (5)
„ французскомъ языкѣ отличныя (5)
„ латинскомъ языкѣ отличныя (5)
„ греческомъ языкѣ —
„ математикѣ хорошія (4)
„ исторіи отличныя (5)
„ географіи отличныя (5)
„ физикѣ отличныя (5)
„ математической географіи отличныя (5)
„ философской пропедевтикѣ отличныя (5)
„ законовѣдѣніи отличныя (5)

На основаніи чего и выданъ ему сей аттестатъ зрѣлости, предоставляющій ему всѣ

Тип. Г. Будберг, Рига.


права, обозначенныя въ §§ 130—132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 30 іюля 1871 года Устава Гимназій и Прогимназій. Гор. РИГА, іюня 6 дня 1908 г.

На основаніи § 76 правилъ объ испытаніяхъ зрѣлости награждается серебряною медалью.

Директоръ

И. об. инспектора

Законоучитель, А. Д. Соколовъ

Преподаватели:

№ 704

...значенному въ семъ Евгенію Поливанову выдано удостовѣреніе С.П.Б. Университета свидѣтельство 4 апрѣля 1912 г. за № 1891

Секретарь

Секретарь Совѣта

Аттестат зрелости, выданный Евгению Поливанову Рижской Александровской гимназией. 6 июня 1901 г.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 3–3 об.

жения[1]. Проживали Поливановы в Риге по адресу ул. Пауличи, 7, квартира 5[2], а в 1905 году на улице Курмановской, 11. 1905 год стал последним годом работы Дмитрий Михайловича.

Евгения по приезде в Ригу родители определили в рижскую Александровскую гимназию. В начале XX столетия это учебное заведение вызывало изумление общественности даже за границей. В ней гимназисты говорили на нескольких языках, в том числе, на латышском и эстонском, древнегреческом и латыни; скрещивали друг с другом шпаги в фехтовальном зале; смотрели, не выходя из учебного заведения кино (в связи с этим французская «Revue Pèdagogique» написала, «Россия в этом обогнала Францию, так как кинематограф уже функционирует в одной из гимназий Риги»), играли на музыкальных инструментах в симфоническом и духовом оркестрах.

Обязательными предметами в гимназии были: закон Божий, русский язык, латынь, математика, французский и немецкий языки, история, география, естественная история, физика, космография, чистописание, рисование и черчение. Уроки длились по 90 минут. Оценки выставлялись не в конце семестра, как в немецких гимназиях, а в классный журнал регулярно. Если учащийся получал две неудовлетворительных оценки подряд, ему назначался дополнительный урок под надзором учителя.

Гимназия укрепила пристрастие Евгения Поливанова к языкам, привила любовь к музыке. М. С. Кардашев в своих «Воспоминаниях о Е. Д. Поливанове» писал: «Его левая рука изуродована: нет кисти по самое запястье. Но на рояле он играет так, что профессиональные музыканты только ахают и разводят руками. Непостижимо! Ведь он просто тыкает культяпкой в басы.

1 Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1902 год. XXXII издание Лифляндского Губернского Статистического Комитета. – Рига, 1902. – С. 188.

2 Там же. С. 243.

А получается... Не у всякой знаменитости такая экспрессия! Талант! Мало того – феномен!»[3]

Окончив в 1908 году полный восьмилетний курс обучения в гимназии, показав отличное поведение, Евгений был награжден серебряной медалью. Единственный предмет, по которому он аттестован с оценкой «хорошо», значится математика. С цифрами Поливанов явно не дружил. Познания в немецком, французском, латинском, русском оценены на «отлично».

Летом того же года семнадцатилетний Поливанов поступил на историко-филологический факультет (славяно-русское отделение) Санкт-Петербургского университета. Вернее, первоначально его приняли на юридический факультет, но страсть его к языкам была настолько высока, что вчерашний гимназист обратился с прошением на имя ректора с просьбой перевести его на историко-филологический факультет. Ради этого Поливанов пошел на сдачу греческого языка, который в гимназии не преподавался. «В случае представления в августе сего года, – писал в прошении юноша, – удовлетворительного результата испытания меня в знании курса греческого языка в испытательном комитете при Управлении Рижского Учебного Округа почтительнейше прошу принять меня в число студентов не юриического, а историко-филологического факультета...»[4].

Испытания прошли успешно, и прошение Поливанова удовлетворили.

Ради учебы сына семья сменила место жительства, обосновавшись в Петербурге. Первоначально семья поселилась на Васильевском острове по адресу 15-я линия, дом 72. Затем Поливановы перебрались в Дмитровский переулок, дом 10, в 1917 году пристанищем стал дом за номером 158 на Екатерининском канале[5]. Дмитрий Михайлович значился в адресной книге Санкт-Петербурга как титулярный советник, Екатерина Яковлевна – литератор.

Все силы и средства Дмитрий Михайлович и Екатерина Яковлевна направили на обучение сына. То, что Евгений получит достойное образование, сомнений у родителей не вызывало. Их впечатлял профессорско-преподавательский состав

Здание Александровской гимназии в Риге

Дом, в котором жила семья Поливановых в 1908 г. в Санкт-Петербурге

[3] Кардашев М. С. Воспоминания о Е. Д. Поливанове // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. – 1966. – № 1. – С. 58.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 1А.

[5] Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Петербурга. – СПб., 1909–1916.

Двадцать пять (25) руб.
въ пользу Ун—та принялъ
Казначей
ст. № 1042

2 ІЮЛЯ 1908
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВ.

Господину Ректору
Императорскаго С.-Петербургскаго
Университета.

Окончившаго въ 1908 году курсъ наукъ
въ Рижской Александровской гимназіи
Евгенія Дмитріевича Поливанова

ЗАЧИСЛЕНЪ ВЪ СТУДЕНТЫ
10 ІЮЛЯ 1908
Ректоръ

Прошеніе.

Окончивъ курсъ въ гимназіи Рижскаго Учебнаго Округа и имѣя необходимость проживать у своихъ родителей, поселяющихся въ г. С.-Петербургѣ честь имѣю ходатайствовать передъ Вашимъ Превосходительствомъ о принятіи меня въ число студентовъ ввѣреннаго Вамъ Университета по юридическому факультету. Въ случаѣ представленія въ Августѣ сего года удовлетворительнаго результата испытанія меня въ знаніи курса греческаго языка въ испытательномъ комитетѣ при Управленіи Рижскаго Учебнаго Округа почтительнѣйше прошу принять меня въ число студентовъ не юридическаго, а историко-филологическаго факультета (по словесному отдѣленію).

При семъ прилагаю слѣдующіе подлинные документы:
1) Атестатъ зрѣлости,
2) Атестатъ за №498, выданный 11 Октября 1869 года Императорской Публичной Библіотекой моему отцу, какъ свидѣтельство о званіи.
3) Метрическое свидѣтельство за №1592.
4) Свидѣтельство за №1445 о приписке къ призывному участку города Риги.

ДОКУМЕНТЫ ПРОВѢРЕНЫ
ІЮЛЯ 1908
Секретарь

30 ІЮН 1908

№ 437 1168

Прошение Е.Д. Поливанова о зачислении студентом историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. 25 июня 1908 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 1А–1А об.

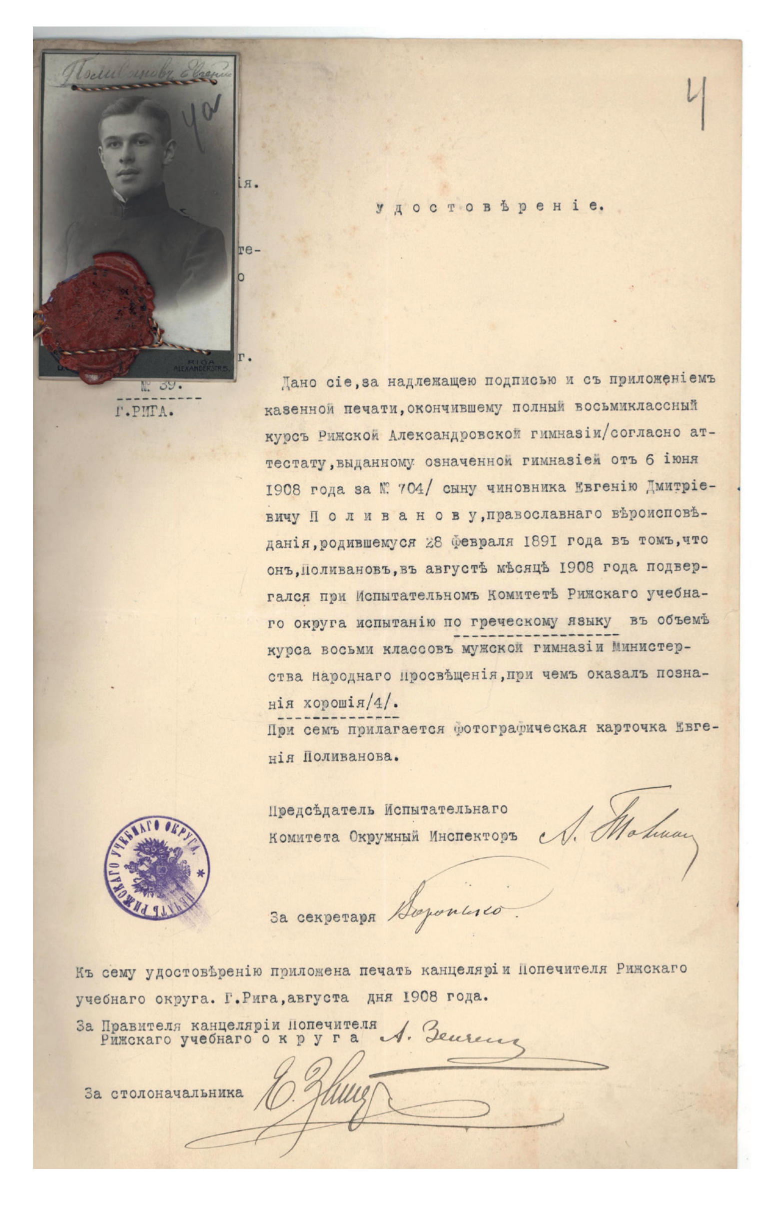
5) три фотографическія мои карточки,
а равно и копіи съ вышеупомянутыхъ четырехъ документовъ.

Къ сему прошенію прилагаются двадцать пять рублей (25 р.) платы въ пользу Университета.
(отправлен. почтов. переводомъ)

Адресъ мой: Курляндія, черезъ городъ Фридрихштадтъ, имѣніе Герберленъ, въ докторатъ.

Евгеній Поливановъ.

25 Іюня
1908 года.



4

№ 39.

Г.РИГА.

Удостовѣренiе.

Дано сiе, за надлежащею подписью и съ приложенiемъ казенной печати, окончившему полный восьмиклассный курсъ Рижской Александровской гимназiи/согласно аттестату, выданному означенной гимназiей отъ 6 iюня 1908 года за № 704/ сыну чиновника Евгенiю Дмитрiевичу Поливанову, православнаго вѣроисповѣданiя, родившемуся 28 февраля 1891 года въ томъ, что онъ, Поливановъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1908 года подвергался при Испытательномъ Комитетѣ Рижскаго учебнаго округа испытанiю по греческому языку въ объемѣ курса восьми классовъ мужской гимназiи Министерства народнаго просвѣщенiя, при чемъ оказалъ познанiя хорошiя/4/.

При семъ прилагается фотографическая карточка Евгенiя Поливанова.

Предсѣдатель Испытательнаго Комитета Окружный Инспекторъ

За секретаря

Къ сему удостовѣренiю приложена печать канцелярiи Попечителя Рижскаго учебнаго округа. Г.Рига, августа дня 1908 года.

За Правителя канцелярiи Попечителя Рижскаго учебнаго округа

За столоначальника

Удостоверение о результатах испытания Е.Д. Поливанова по греческому языку. Август 1908 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 4–4А

университета – имена многих педагогов на тот момент прочно вошли в историю российской науки. Принципиально оценивали они и способности сына, его тягу к учебе. Позднее Дмитрий Михайлович напишет о сыне: «…Юная личность развертывается во всей своей силе и во всей красе. В этом случае я рассматриваю, разбираю его не с пристрастностью отца, я становлюсь на общую точку зрения людей, не лишенных критического мышления»[1].

[1] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 292.

«Историко-филологический факультет Петербургского университета был силен по составу профессуры и по уровню студенчества, – отзывался о своей alma mater друг и соратник Поливанова Виктор Шкловский. – Иногда в почти пустой аудитории сидел профессор, перед ним два студента, а эта группка была отрядом передовой науки»[2]. Преподаватели – В.М. Алексеев, И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.К. Булич, А.И. Введенский, С.А. Жебелев, Н.М. Каринский, Ёсибуми Куроно, П.А. Лавров, Д.К. Петров, Д.М. Приселков, С.Л. Пташицкий, В.В. Сиповский, И.И. Толстой, И.И. Холодняк, А.А. Шахматов, И.А. Шляпкин, А.И. Яцимирский – отличались не только своими достижениями и познаниями, но и искренним желанием передать их своим воспитанникам.

Из светил Петербургского университета особым вниманием пользовались лекции В.В. Бартольда, Ф. Зелинского, С. Платонова, А. Шахматова, Л. Щербы, В. Алексеева, В. Сиповского. Педагоги вызывали интерес у студентов как профессионалы и личности, дававшие возможность каждому раскрыть свой потенциал. Большинство из них относили себя в силу своих взглядов к либералам, «которые верили в счастливую непрерывность эпох».

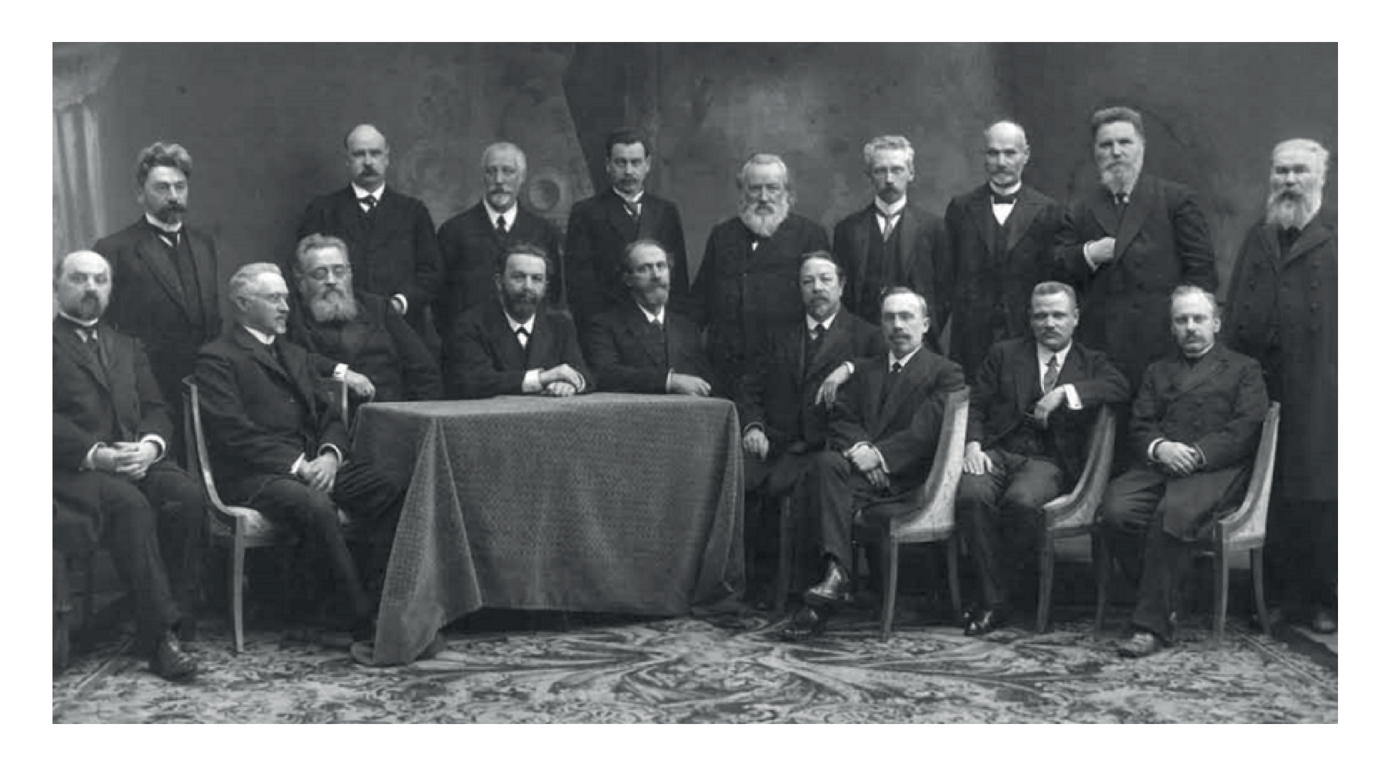
В университете царила демократичная обстановка – «студенты ходили в университетском коридоре, считая, что именно здесь с криком решаются все планы будущего. Шумели. Бастовали. Спорили. Стояли в очередях. Решали научные вопросы»[3].

«Со второго курса мое мировоззрение обусловлено всестороннейшим влиянием моего учителя Бодуэна де Куртенэ – по убеждениям интернационалиста-радикала»[4], – вспоминал По-

[2] Шкловский В. Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. – М., 1966. – С. 90.

[3] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973. – С. 95.

[4] Поливанов Е.Д. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 8.



Профессора историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. 1 октября 1913 г.

ливанов о своем наставнике – Иване Александровиче Бодуэне де Куртенэ (1845–1929 гг.) – член-корреспонденте Российской академии наук, гениальном лингвисте, во многом определившем развитие мирового языкознания в XX веке. Ученый обладал качествами, которые притягивали к нему свободомыслящую студенческую молодежь.

Говоря словами Шкловского, «он не был космополитом, но, любя народы, считал себя в отношениях с правительствами экстерриториальным. Стремился он и к освобождению от книги во имя непосредственного наблюдения за живой языковой средой»[5].

Экстерриториальность ученого заключалась в том, что «он не только говорил о национальном угнетении, но и предсказывал, что это приведет к заслуженной гибели империи»[6].

Однажды во время студенческого митинга в университет были стянуты конные казаки, а в здание вошла полиция. Бодуэн, прибывший на лекцию,

БИЛЕТЪ
для входа
въ ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-Петербургскій Университетъ
студента Евгенія Дмитріевича Поливанова
ОСЕНЬ – 1908.
ДѢЙСТВИТЕЛЕНЪ.
За Проректора
ВЕСНА – 1909.

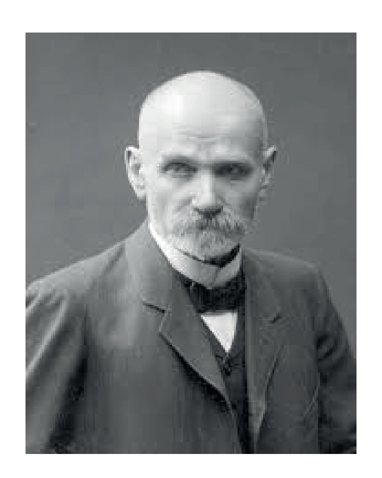
Билет Е.Д. Поливанова для входа в Императорский Санкт-Петербургский университет. 1908 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 18 –18А.

сообщил, что «пока этот "гарнир" находится в стенах "храма науки", он читать лекции не может, и предложил студентам продолжить слушать лекции у него на квартире»[7].

[5] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973. – С. 96.

[6] Там же. С. 104.

[7] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 7.



Л.В. Щерба, И.А. Шляпкин, И.А. Бодуэн де Куртенэ

Вольнодумство профессора не осталось без внимания со стороны властей. В книге «Национальный и территориальный признак в автономии», изданной в 1913 году, И. А. Бодуэн де Куртенэ предупреждал царское правительство о непоправимых последствиях систематического угнетения малых национальностей.

В конце книги Бодуэн писал: «По моему мнению, и, по мнению единомышленников, Россия должна идти в направлении, с одной стороны, к полному уравнению в правах не только всех без исключения вероисповеданий, национальностей и прочих культурных групп и союзов, с другой же стороны, к децентрализации, к территориальной автономии отдельных областей и, в конце концов, к федерализации. Иначе ей грозит разложение и окончательная гибель»[1].

Подобное заявление было расценено как антигосударственная деятельность. В 1914 году педагог был осужден к тюремному заключению. Поливанов в письме В.П. Вахтерову писал: «Вчера, как Вы, м[ожет] б[ыть], знаете из газет, состоялось вторичное осуждение Бодуэна, в воскресенье он в последний раз будет вести у себя занятия на дому, а затем этот позор – с ним можно будет видеться через решетку. Я его не видел еще, в суде он не был. Для его учеников и не для них одних, конечно, это кошмарный траур»[2].

Ученики переняли у учителя, как написал Поливанов, «интернационалиста-радикала», наряду с передовыми для того времени научными идеями общий демократический настрой. Ученый стоял у истоков фонологии, изучавшей только те звуковые различия, которые в системе данного языка используются для различения смысла. Своими научными идеями он обильно подпитывал научный рост своих учеников, давая им толчок для превращения в маститых востоковедов-лингвистов.

Евгений Дмитриевич рассказывал Шкловскому, как на на одной из противоречивых, блестящих и сбивчивых лекций Бодуэна он задремал и, проснувшись, через секунду, понял что-то самое главное для себя[3].

Второй важной фигурой, определившей будущую научную деятельность Поливанова, стал создатель в Петербургском университете лаборатории экспериментальной фонетики Леонид Владимирович Щерба (1880–1944 гг.) – ученик Бодуэна. Его вклад в превращение Поливанова в блестящего фонетиста, виртуозно разбирающегося в сложнейших инструментальных записях речах, велик.

[1] И. Бодуэн де Куртенэ. Национальный и территориальный признак в автономии. – СПб., 1913. – С. 83.

[2] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 289.

[3] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М., 1973. – С. 137.

Дѣло № 437
1908 г.

10а № 30

ЗАПИСЬ СТУДЕНТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ФАКУЛЬТЕТА
славяно-русскаго отдѣленія
(имя, отчество и фамилія) Поливановъ Евгеній Дмитріевъ
поступившаго въ Университетъ въ 1908 году
мѣсяца дня.

Кв. № 397 С. Т[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1907.

6. По выполненіи обязательныхъ работъ и выдержаніи экзаменовъ студентъ получаетъ выпускное университетское свидѣтельство, въ которомъ означаются предметы, входящіе въ составъ избраннаго студентомъ учебнаго плана изъ числа утвержденныхъ для соотвѣтственнаго факультета, и удостовѣряется за подписью декана и секретаря факультета, что студентомъ выдержаны экзамены по тѣмъ предметамъ этого плана, которые входятъ въ составъ полукурсовыхъ испытаній, и выполнены всѣ прочія работы, назначенныя для даннаго учебнаго плана, согласно постановленіямъ факультета.

Испыт. по общимъ предметамъ и просеминаріи.

Наименованіе предмета.	Отмѣтка о сдачѣ испытанія.	Подпись преподавателя.
Логика	весьма удов.	[illegible]
Психологія	весьма [illegible]	[illegible]
Нов. ~~Введ. въ~~ философію	весьма уд.	Н. Лосск[illegible]
Греческій авторъ	весьма удовл.	И. Толстой
Латинскій авторъ	[illegible]	[illegible]
Ист. западно-европ. лит. ~~Филол. энциклопедія~~	Весьма удовл.	[illegible]
Ист. др. [illegible] ~~Введ. въ кл. археологію~~	весьма уд.	[illegible]
Введ. въ языкознаніе	весьма уд.	Л. Щерба
Лат. [illegible] ~~Введ. въ славяновѣд.~~	весьма уд.	[illegible]
[illegible] ~~Методологія исторіи~~	Весьма уд.	И. Андр[illegible]
Общ. курсъ русск. истор.	весьма удовл.	[illegible]
Новый языкъ	весьма удовл.	Ю. Форманъ
Просемин. по греч. яз.	Зачтено	Ив. Толстой
Просеминар. по лат. яз.	Зачтено.	И. Холод[illegible]
Просем. по спец. предм.	зачтено	[illegible]
Сравнит. граммат.	3 [illegible] 1909 весьма удовл.	[illegible]

Запись на лекціи. II семестръ (весна 190 года).

	Наименованіе курса.	Число лекцій.	Фамилія преподавателя.
1	Психологія	2	Введенскій
2	Истор. нов. фил.	2	Введенскій
3	Лат. авторъ	2	Зѣлинскій
4	Греческ. авторъ	2	Жебелевъ
5	Ист. рим. лит.	2	Петровъ ~~Графъ Толстой~~
6	Ист. рус. лит.	2	Шляпкинъ
7	Прос. по рус. лит.	2	Шляпкинъ
8	Прос. по лат. яз.	2	Холоднякъ
9	Прос. по греч. яз.	2	Графъ Толстой
10	Греческ. авторъ	2	Графъ Толстой
11			
12			
13			
14			
15			

Запись студента Императорского Санкт-Петербургского университета Е.Д. Поливанова.
ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 10–17А

Запись на лекціи. III семестръ (осень 190 года).

	Наименованіе курса.	Число лекцій.	Фамилія преподавателя.
1	Античная литерат.	2	Зелинскій
2	Введ. в языкознан.	2	Бодуэн де Куртенэ
3	Русск. истор. яз.	4	Платоновъ
4	Нем. языкъ	2	Форсманъ
5	Слав. нар. яз.	2	Лавровъ
6	Ист. русск. яз.	2	Шахматовъ
7	Семинарій по рус. литер.	2	Шляпкинъ
8	Сем. по сравнит. языкознанію	2	Бодуэн де Куртенэ
9	Китайскій яз.	3	Ивановъ
10	Японскій яз.	2	Доля
11	Японскій яз.	2	Куроно
12			
13			
14			
15			

15

Запись на лекціи. IV семестръ (весна 19 года).

	Наименованіе курса.	Число лекцій.	Фамилія преподавателя.
1	Античная литер.	2	Зелинскій
2	Введ. в языкозн.	2	Бодуэн де Куртенэ
3	Русская истор. яз.	4	Платоновъ
4	Немецкій яз.	2	Форсманъ
5	Славянск. нар.	2	Лавровъ
6	Ист. рус. яз.	2	Шахматовъ
7	Ист. древн. фил.	4	Введенскій
8	Сем. по рус. литер.	2	Шляпкинъ
9	Сем. по сравн. язык.	2	Бодуэн де Куртенэ
10	Японскій яз.	2	Доля
11			
12			
13			
14			
15			

Запись на лекціи. V семестръ (осень 190 года).

	Наименованіе курса.	Число лекцій.	Фамилія преподавателя.
1	Сравнительн. языкозн.	2	Бодуэн де Куртенэ
2	Сравнительн. фон.	2	Буличъ
3	Общая фонетика	2	Щерба
4	Русск. литерат.	4	Шляпкинъ
5	Ист. слав. литер.	2	Лавровъ
6	Ист. рус. церкви	2	Присёлковъ
7	Просем. по слав. лит.	2	Лавровъ
8	Японскій яз.	4	Доля
9	Китайскій яз.	2	Алексеевъ
10	Исторія востока	1	Веселовскій
11			
12			
13			
14			
15			

16

Запись на лекціи. VI семестръ (весна 19 года).

	Наименованіе курса.	Число лекцій.	Фамилія преподавателя.
1	Сравнит. языков.	2	Бодуэн де Куртенэ
2	Сравнительн. фонет.	2	Буличъ
3	Общая фонетика	2	Щерба
4	Русская литература	4	Шляпкинъ
5	Ист. слав. литер.	2	Лавровъ
6	Исторія рус. церкви	2	Присёлковъ
7	Просемин. по слав. литер.	2	Лавровъ
8	Японскій яз.	4	Доля
9	Китайскій яз.	2	Алексеевъ
10	Исторія Востока	1	Веселовскій
11			
12			
13			
14			
15			

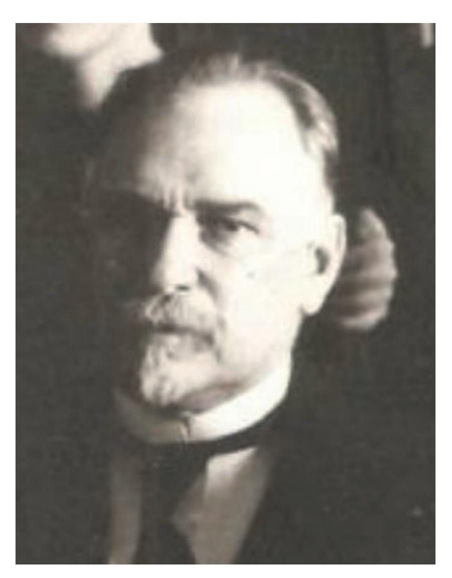
1911 год в жизни Поливанова ознаменовался успешным окончанием по японскому разряду Практической восточной академии при Обществе востоковедения. После Русско-японской войны почти не изученная в России Япония стала популярной. Практическая академия стала в Петербурге единственным местом, где можно было выучить современный японский язык. Чаще его учили студенты восточного факультета. Поливанов оказался одним из немногих, кто пришел в японистику не из классического востоковедения, а из лингвистики. По уровню преподавания живых языков, географии, новейшей истории и быта восточных стран занятия в академии служили важным дополнением к курсу факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Это как раз и привлекало сюда ищущих студентов. Из будущих известных японоведов здесь учились Николай Иосифович Конрад (1891–1970 гг.), Николай Александрович Невский (1892–1937 гг.), Мартин Готгард-Теодор (Мартын Николаевич) Рамминг (1889–1988 гг.), братья Орест Викторович (1892–1970 гг.) и Олег Викторович Плетнер (1893–1929 гг.), Евгений Степанович Нельгин (1882–1938 гг.). Благодаря им мировое японоведение обогатилось фундаментальными трудами, а в Советском Союзе сформировалась школа советских японистов.

Курс в академии был рассчитан на 3 года, а программа ее строилась в соответствии с практическими требованиями государственной службы, коммерческой и иной деятельности в странах Ближнего и Дальнего Востока. Задачей академии было «как практическое изучение языков и стран Востока, так и соответственных дополнительных наук: коммерческих, юридических и пр.»[1].

Возглавлял академию член Совета министра народного просвещения, бывший директор Восточного института, доктор монгольской словесности

[1] Позднеев Д.М. Практическая восточная академия // Новое время. – 1910. – № 12403. – Ноябрь.

А.М. Позднеев


Д.М. Позднеев

Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920 гг.). Судьбоносным для Поливанова стало появление в академии в 1910 году Дмитрия Матвеевича Позднеева (1865–1937)[1] – брата директора заведения и известного русского востоковеда. На него было возложено преподавание японского языка и предметов практического японоведения – географии и истории Японии, ее промышленности и транспорта, истории российско-японских отношений. В российскую столицу он приехал после четырех лет пребывания в Японии, вооруженный новыми подходами к методике преподавания, подкрепленными практическими пособиями по японскому языку. В годы своего пребывания в стране восходящего солнца Дмитрий Матвеевич не только занимался изучением японского языка, но и, состоя на службе в Санкт-Петербургском телеграфном агентстве, регулярно печатался в русских газетах и журналах.

Позднеев-младший, издавший первый в России японско-русский иероглифический словарь, изучавший литературу о контактах японцев с народами евразийского континента, трудившийся над методикой преподавания японского языка для его неносителей, коренным образом повлиял на научные устремления Поливанова.

Учеба в академии требовала материальных затрат, в отличие от университета, в котором благодаря отличной учебе Поливанова освободили от оплаты обучения и назначили стипендию. Подспорьем в учебе являлась забота родителей и финансовая поддержка В.П. Вахтерова. Педагог стал для деятельного студента наставником и покровителем. На примере Поливанова он словно пытался доказать выдвинутую им идею, согласно которой формирование человека зависит от внутреннего стремления к развитию и от влияния окружающей среды.

Екатерина Яковлевна в каждом письме благодарила Василий Порфирьевича за поддержку. «Не нахожу слов благодарить вас за стипендию моему сыну, – писала она. – Теперь бедный безручка мой будет спокойно заниматься, не бегая по урокам»[2].

Это письмо, датированное 9 мая 1911 года и приводимое Василием Григорьевичем Ларцевым в книге «Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности», очень важно для установления обстоятельств и времени получения Поливановым травмы – потери кисти левой руки и части предплечья. Со ссылкой на литературоведа и переводчика Юрия Николаевича Тынянова автор сообщает, что Полива-

[1] Личность Д.М. Позднеева повлияла на М.А. Булгакова при создании образа Воланда в романе «Мастер и Маргарита». Дядя М.А. Булгакова был женат на сестре Д.М. Позднеева.

[2] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 291.

20

СПРАВКА.

Канцеляріи Проректора ИМП. СПБ. Университета.

Свѣдѣнія о платѣ студента Поливанова Е.Д.

Что именно уплатилъ.	Весна 1904 г.	Осень 1904 г.	Весна 1905 г.	Осень 1905 г.	Весна 1906 г.	Осень 1906 г.
Въ пользу Ун-та						
Гонораръ						
	Весна 1907 г.	**Осень 1907 г.**	**Весна 1908 г.**	**Осень 1908 г.**	**Весна 1909 г.**	**Осень 1909 г.**
Въ пользу Ун-та				Освоб.		Освоб.
Гонораръ						
	Весна 1910 г.	**Осень 1910 г.**	**Весна 1911 г.**	**Осень 1911 г.**	**Весна 1912 г.**	**Осень 1912 г.**
Въ пользу Ун-та	Освоб.		Освоб.		Освоб.	
Гонораръ						
	Весна 1913 г.	**Осень 1913 г.**	**Весна 1914 г.**	**Осень 1914 г.**	**Весна 1915 г.**	**Осень 1915 г.**
Въ пользу Ун-та						
Гонораръ						

1912 г.
10/III

Дѣлопроизводитель [подпись]

Справка об оплате учебы студента Е.Д. Поливанова. Март 1912 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 20

нов, «по слухам» еще мальчиком, гимназистом, потерял левую руку, положив ее на пари под колеса поезда[1].

Шкловский пересказывал эту историю с совершенно ужасными подробностями, подчеркивая, будто Поливанов в молодости своей считал для себя все возможным. Однажды, якобы, «он положил руку на рельсы под идущий поезд: целью было – превзойти Колю Красоткина из "Братьев Карамазовых" – тот мальчик только лег между рельсами». Далее писатель приводит шокирующие подробности происшедшего: «Евгений Дмитриевич не одернул руку, колесо ее отрезало, мальчики разбежались. Поливанов встал, взял отрезанную руку за пальцы и пошел с ней. Он мне рассказывал, как с ужасом, нахлестывал лошадей, разъезжались от него извозчики»[2].

Случай этот, со слов Шкловского, произвел впечатление на Поливанова, он на некоторое время утих, начал хорошо учиться в гимназии.

Кроме этой версии существовали и другие. Все они были расхожи еще при жизни ученого, причем сам он никогда не пытался внести ясность в эту историю. Скорее наоборот – отшучивался, вносил коррективы в свой рассказ, словно стремился уйти от обсуждения явно неприятной для него темы. Как вспоминал П.А. Данилов – студент Поливанова в период его работы в Ташкенте, «стремясь спрятать свою изуродованную руку от излишне любопытных взглядов, он ходил сутулясь и несколько пригнувшись на левый бок»[3].

Владимир Михайлович Алпатов в своем труде «Языковеды. Востоковеды. Историки» указывал, что травма была получена еще в студенческие годы (во всяком случае, не позже 1913 г.). «При каких обстоятельствах это случилось, так и не ясно, – писал он. – В Японии Поливанов рассказывал, что руку ему отрезал казак во время разгона демонстрации, это явная мистификация.

В других случаях он говорил, что положил руку на рельсы перед приближающимся поездом для испытания воли, что также сомнительно. Но есть и версия, правда, исходившая от недоброжелателей: студент лишился руки, неудачно спрыгнув с поезда в нетрезвом виде. Увы, уже в те годы он отличался не только громкими успехами, но и громким поведением»[4].

Шкловский, поступивший в Санкт-Петербургский университет в 1913 году на историко-филологическом факультет, об истории получения травмы студентом Поливановым ничего не слышал, хотя событие по тем временам было неординарное и должно было стать поводом для широкого обсуждения.

Алексей Алексеевич Леонтьев в книге «Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание», ссылаясь на слова двоюродной сестры Евгения Дмитриевича В.М. Пушкаревой, писал о том, что трагедия произошла в результате несчастного случая при посадке в поезд уже после окончания университета и смерти Е.Я. Поливановой, то есть между 1913 и 1914 годом. Тогда, по ее рассказу, брат потерял кисть и половину предплечья левой руки[5].

Некоторые найденные авторами документы дают повод усомниться в отдельных приведенных утверждениях. 12 апреля 1912 года канцелярия Санкт-Петербургского университета уведомило «Рижское воинской повинности Присутствие»[6], что Евгений

[1] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 13–14.

[2] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973. – С. 136–137.

[3] Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1989. – С. 31.

[4] Алпатов В.М. Языковеды. Востоковеды. Историки. – М., 2012. – С. 72.

[5] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 10.

[6] Воинской повинности Присутствие – орган в Российской империи по организации отбывания воинской повинности. Согласно Уставу о всеобщей воинской повинности, лица привилегированного сословия обязаны были приписаться по отбытию воин-

Дмитриевич Поливанов, приписанный к Рижскому призывному участку 10 июня 1908 года за № 1445, выбыл из университета 4 апреля 1912 года по причине его окончания.

Документ подтверждает, что на момент окончания гимназии Поливанов был абсолютно здоров и ограничений по здоровью для призыва на военную службу не имел. В нем к тому же университет извещал об окончании срока отсрочки от призыва Поливанова на военную службу, которая была связана с учебой в вузе.

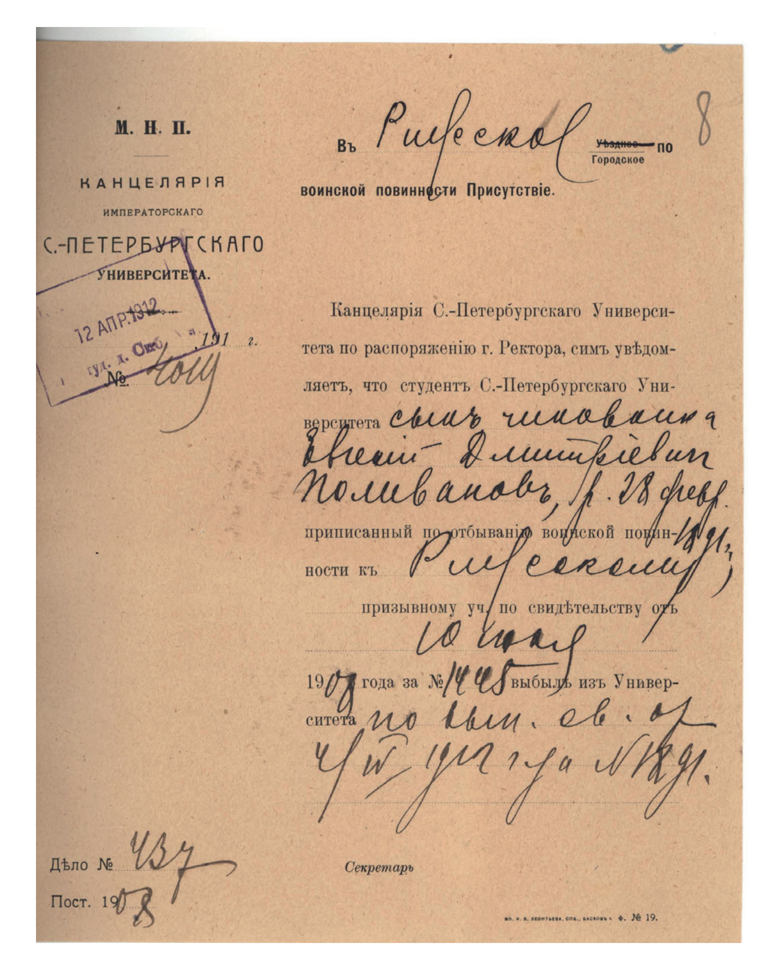
Университетская канцелярия считала Поливанова военнообязанным до окончания им обучения и сведений о его инвалидности в призывной участок не направляла.

Это частично подтверждает: версия Леонтьева об обстоятельствах получения травмы более реальна. Нельзя также исключать, что при публикации Ларцевым вышеуказанного письма Екатерины Яковлевны Вахтерову допущена ошибка в дате. Это дает основание предположить, что травма получена Поливановым в период с весны 1912 по весну 1913 года.

Сомнительны также рассказы о его «громком поведении», ставшем причиной случившегося. Объяснение видится в одном: в противном случае выпускник университета Поливанов не получил бы от своих наставников лестных характеристик.

Пожелал видеть Поливанова среди сотрудников кафедры истории российской словесности университета литературовед Илья Александрович Шляпкин, о чем им было лично заявлено выпускнику.

ской повинности к одному из призывных участков того города и уезда, в котором находилась недвижимая собственность, принадлежащая лично им или их родителям, или к участку по месту жительства. Для Е.Д. Поливанова таким участком являлся Рижский призывной участок (Киреев А.Ф. Устав о всеобщей воинской повинности с разъяснениями о правах и льготах по образованию и семейному положению. – М., 1879. – С. 1.).


М. Н. П.

Канцелярія Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

12 АПР. 1912

191 г.

№

Въ Рижское Уѣздное по Городское воинской повинности Присутствіе.

Канцелярія С.-Петербургскаго Университета по распоряженію г. Ректора, симъ увѣдомляетъ, что студентъ С.-Петербургскаго Университета сынъ чиновника Евгеній Дмитріевичъ Поливановъ, р. 28 февр. 1891,

приписанный по отбыванію воинской повинности къ Рижскому призывному уч. по свидѣтельству отъ 10 июня 1908 года за № 1445 выбылъ изъ Университета по оконч.

Секретарь

Дѣло № 437

Пост. 1908

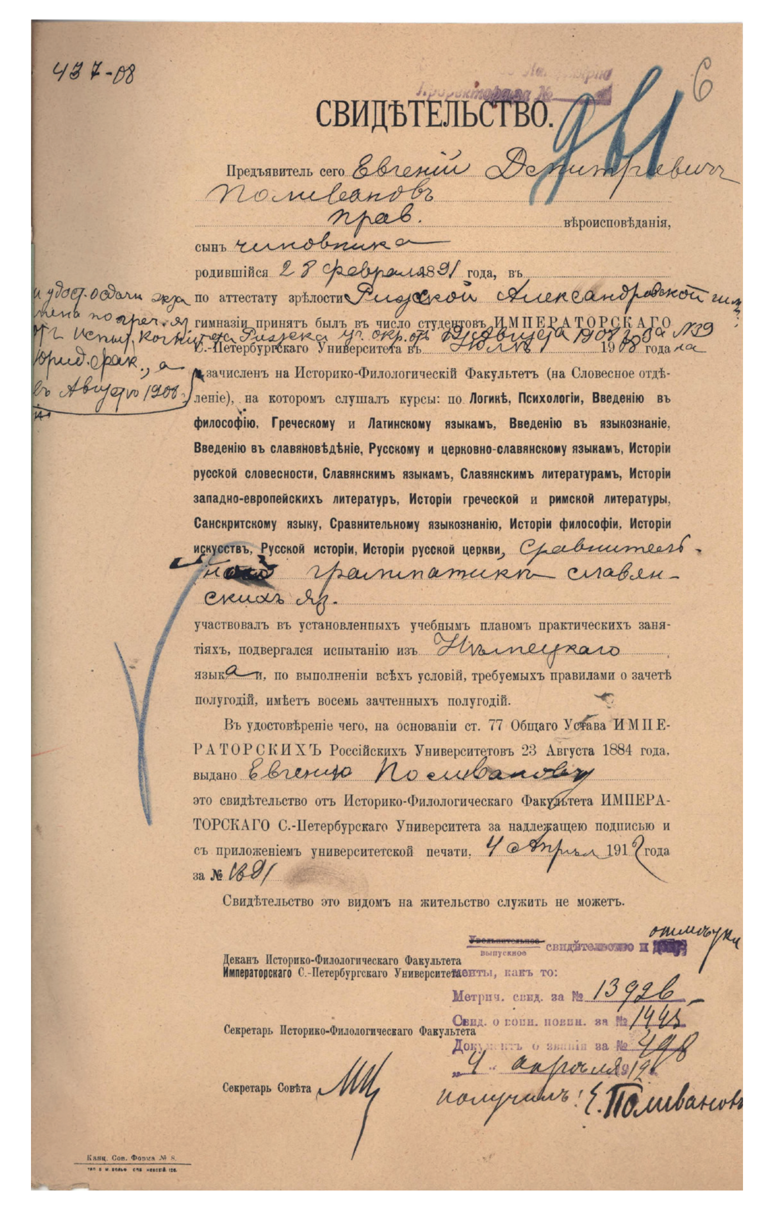
Уведомление канцелярии Санкт-Петербургского университета об окончании обучения военнообязанного Е.Д. Поливанова. 12 апреля 1912 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 8

Щерба охарактеризовал Поливанова словами – «мой гениальный ученик»[7]. Бодуэн предложил «гениальному ученику» приложить полученные знания в работе кафедры сравнительного языкознания. Профессор обосновал это решение тем, что его протеже «отличается обширными познаниями в области избранной им специальности и смежных с ней Областях»[8]. Педагог учитывал способность Поливанова «критически и вполне самостоятельно относиться к разбираемым им вопросам»[9].

[7] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 8.

[8] Там же.

[9] Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете / под ред. Н.А. Мещерского. – Ленинград, 1971. – С. 81.



СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Предъявитель сего Евгений Дмитриевичъ Поливановъ прав. вѣроисповѣданія, сынъ чиновника родившійся 28 февраля 891 года, въ по аттестату зрѣлости Рижской Александровской гимназіи принятъ былъ въ число студентовъ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета въ Іюлѣ 1908 года на зачисленъ на Историко-Филологическій Факультетъ (на Словесное отдѣленіе), на которомъ слушалъ курсы: по **Логикѣ, Психологіи, Введенію въ философію, Греческому и Латинскому языкамъ, Введенію въ языкознаніе, Введенію въ славяновѣдѣніе, Русскому и церковно-славянскому языкамъ, Исторіи русской словесности, Славянскимъ языкамъ, Славянскимъ литературамъ, Исторіи западно-европейскихъ литературъ, Исторіи греческой и римской литературы, Санскритскому языку, Сравнительному языкознанію, Исторіи философіи, Исторіи искусствъ, Русской исторіи, Исторіи русской церкви,** Сравнительной грамматике славянскихъ яз.

участвовалъ въ установленныхъ учебнымъ планомъ практическихъ занятіяхъ, подвергался испытанію изъ Нѣмецкаго языка, и, по выполненіи всѣхъ условій, требуемыхъ правилами о зачетѣ полугодій, имѣетъ восемь зачтенныхъ полугодій.

Въ удостовѣреніе чего, на основаніи ст. 77 Общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ 23 Августа 1884 года, выдано Евгенію Поливанову это свидѣтельство отъ Историко-Филологическаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета за надлежащею подписью и съ приложеніемъ университетской печати. 4 Апреля 1912 года за № 1891

Свидѣтельство это видомъ на жительство служить не можетъ.

Деканъ Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

Секретарь Историко-Филологическаго Факультета

Секретарь Совѣта

~~Увольнительное~~ выпускное свидѣтельство и документы, какъ то:
Метрич. свид. за № 13926
Свид. о отн. воинск. за № 1445
Документъ о званіи за № 498
4 апреля 1912
получилъ: Е. Поливановъ

Канц. Сов. Форма № 8.

Свидетельство об окончании Е.Д. Поливановым Санкт-Петербургского университета. 4 апреля 1912 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 6

Получив ряд предложений остаться при Петербургском университете для «подготовления к профессуре по кафедрам: 1) русской лит-ры; 2) сравн. языкознания; 3) тибетского языка»[1], Поливанов остановился на втором. К реализации научных замыслов он приступил незамедлительно. Предстоял напряженный, но плодотворный период работы над магистерской диссертацией. Одновременно молодой ученый преподавал французский, русский и латинский языки, а также общую фонетику. С работой совмещал изучение языков и публикацию своих первых научных трудов.

Обо всех успехах начинающего ученого неизменно первым узнавал Вахтеров, связь с которым для Евгения Дмитриевича стала способом проверки правильности избранного в науке курса. Важным было и то, что Василий Порфирьевич продолжал оказание финансовой помощи, по крайней мере до конца 1912 года пока Поливанов не получал стипендии в новом статусе.

«В не дошедшем до Вас письме я упоминал, – писал Евгений Дмитриевич в декабре 1912 года наставнику, – о двух моих докладах в Лингвистической секции Неофилологического Общества; один из них – о родстве японского и финских языков является пересмотром существующих теорий и вызван нашумевшим докладом профессора (философии) Жакова. Посылаю Вам вырезку из "Речи" по этому поводу; в ней есть ошибки: мысли о родстве одного зырянского (помимо прочих финноугорских) с японским никто не высказывал, Винклер выступил со своим учением не в 50-х годах, а в 80-х, окончательно изложив свою теорию лишь в 1909 году; в 50-х же годах (1857) высказал эту мысль другой ученый – Boiler. Другой мой доклад по индогерманистике»[2].

В марте 1913 года Поливанов отчитался о сделанном им в кружке японоведения при Восточной академии докладе «Сравнительная фонетика японского и рюкюского языков», заметив, что следующим будет его сообщение на эту тему в Лингвистической секции Неофилологического общества. Поливанов, никогда не слышавший рюкюского языка, замахнулся, казалось бы, на невозможное. Но попытка, предпринятая им по сопоставлению японского языка с отдаленно ему родственными диалектами островов Рюкю, расположенных к югу от Япон-

[1] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 102.

[2] Там же. С. 271.

ских островов, и выявлению древнейшей системы, от которой произошли и японский язык, и рюкюские диалекты, не просто удалась, она была расценена, как важный шаг в мировой науке.

Свою «смелость» Поливанов объяснил тем, «что пока нет еще ничего на эту тему (кроме голых материалов)»[3].

О нем заговорили в научных кругах, отмечая высокий уровень научности работы, в университете заявили о трудолюбии и настойчивости автора. Японский лингвист Мураяма Ситиро, который в 1976 году перевел статью Поливанова на японский язык, лестно отозвался о ее значимости: «Можно сказать, что серьезное сравнительное исследование японского и рюкюского языков началось со статьи Поливанова 1914 г. Гипотеза Чемберлена о "трех гласных звуках в рюкюском языке" была опровергнута Поливановым за 16 лет до работы Иха Фую[4] "Система гласных в рюкюском языке и закон палатализации" 1930 г.»[5].

«Чувствую, по правде сказать, некоторую усталость, – оценивал в это время свое состояние и настрой Поливанов, – вызванную собственно тем, что я все время продолжал занятия тиб[етским] языком на положении студента старшего курса и обрывать их очень не хотелось. Но, в общем, в этой рабочей колее мне хорошо»[6].

Нагрузка, установленная им для себя, оказалась высокой. К изучению тибетского языка, проходившему на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, преподаванию в нем и в других учебных заведениях в конце 1914 года прибавилась подготовка будущих учителей народных училищ – калмыков из Ставропольской губернии, проходивших годичный курс обучения в Петербурге. Это были неофициальные курсы, где преподавались теория калмыцкого языка, русский язык, фонетика и русская литература. Последние три предмета преподавал Поливанов, а с 1915 года ему было предложено вести курс педагогики и гигиены. В качестве учебных пособий он использовал книги Вахтерова. В том же году у Евгения Дмитриевича начались занятия на курсах глухонемых учителей. «Читать там, – делился он своими впечатлениями от преподавания, – мне очень приятно»[7].

Весной 1914 года стало известно о командировании Русско-японским обществом Поливанова в Японию, а преподавателя китайского и японского языков Киевского коммерческого института Конрада в Корею. Отъезд состоялся в середине мая. Перед отъездом, продолжая заниматься тибетским языком, Евгений Дмитриевич получил приглашение восточного факультета продолжить свои занятия, куда предполагалось его назначение с января 1915 года в качестве доцента.

Завершение магистерской диссертации на тему «Психофонетические наблюдения над японским диалектами» на историко-филологическом факультете явилось завершающим этапом на пути открывающейся перед Поливановым большой научной и государственной работы. Об этом важном событии в его автобиографии сказано двумя стоками: «В 1914 году закончил магистерский экзамен и с I –1915 года стал приват-доцентом (по японск. языку и затем по сравн. языкознанию)»[8].

Назначение Поливанова приват-доцентом кафедры японской словесности поддержал декан факультета восточ-

[3] Там же.

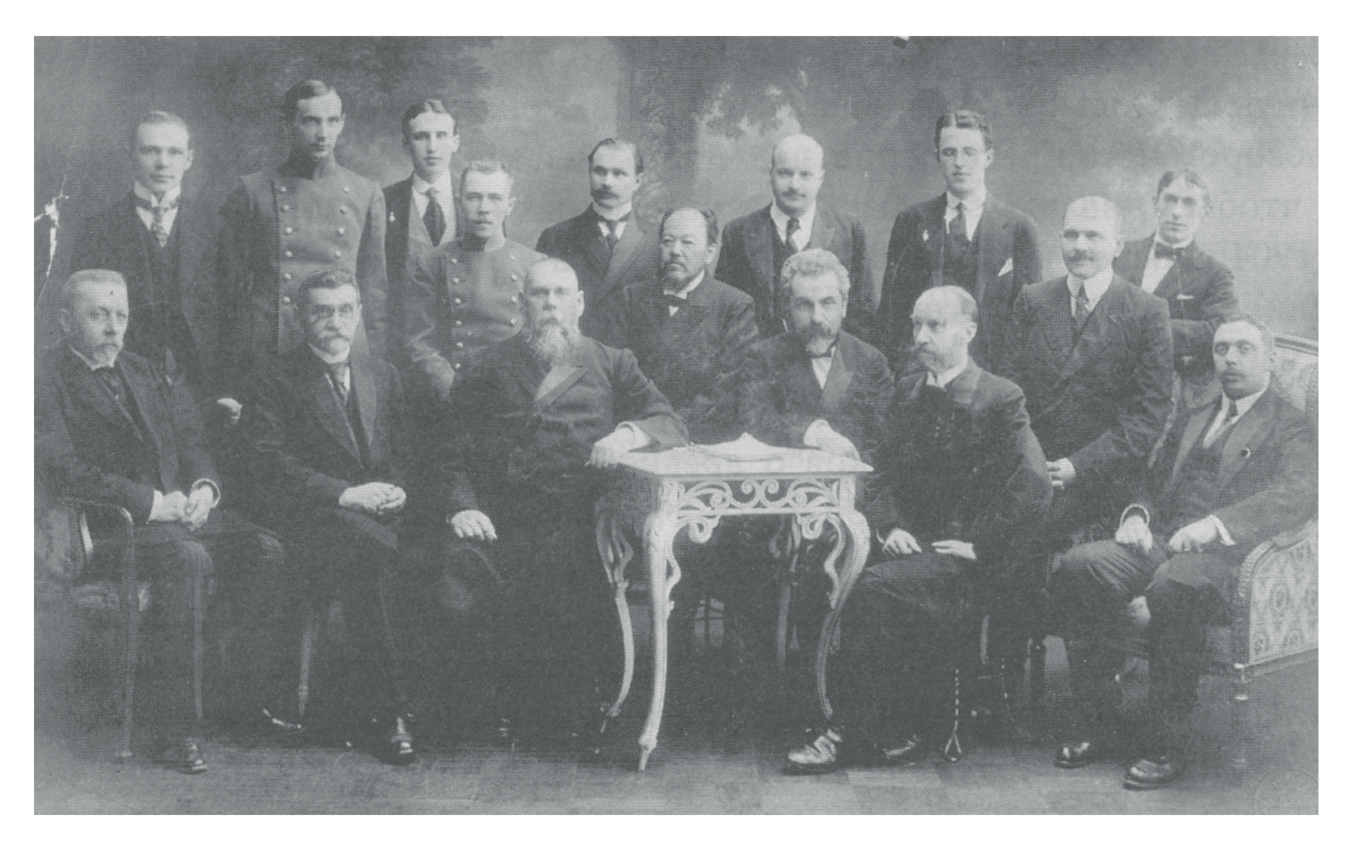
[4] В 1930 г. японский лингвист Иха Фую в статье «Система гласных в рюкюском языке и закон палатализации» рассказал об исследованиях Е.Д. Поливанова и Н.А. Невского.

[5] Танака Мидзуэ. Почему Невский отправился на остров Мияко? Новый взгляд исходя из работ Е.Д. Поливанова и неизвестной статьи А. Вирта // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. – СПб., 2013. – С. 217.

[6] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 273.

[7] Там же. С. 273.

[8] Там же. С. 102.



Профессора и студенты факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.
Слева направо сидят: В.А. Жуковский, П.К. Коковцев, Н.И. Веселовский, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд

ных языков Николай Яковлевич Марр (1864–1934 гг.).

На кафедре Поливанова встретили с недоверием – не любили востоковеды филологов. На восточном факультете изучали древние рукописи, учили языки, на которых эти рукописи писались, но современность игнорировалась. Как вспоминал позже Конрад, тогда на факультете «начинающий ученый мог рассчитывать на самую активную поддержку своих учителей, когда они видели его сидящим над средневековой арабской рукописью. И не так просто было тогда молодому ученому сказать, что он с вниманием читает и недавно вышедший роман какого-нибудь современного сирийского, ливанского или египетского писателя»[1].

Единственный, кто его приветствовал, был преподаватель-японист Ёсибуми Куроно (1859–1918 гг.), после принятия православия звавшийся Иосифом Николаевичем Куроно. Его имя Поливанов упомянет в своих ранних трудах.

[1] Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. – М., 1965. – С. 6.

Музыкальное ударение в говоре Токио

Если следовать справедливости, то японистика в России в начале XX века находилась в зачаточном состоянии. Русско-японская война 1904–1905 годов это доказала в полной мере, продемонстрировав полное незнание русскими Японии. Но именно поражение России в ней привело к появлению когорты молодых ученых, обеспечивших невиданный ранее взлет российского японоведения.

В 1970-е годы японские исследователи посетили древнюю Миэ в пригороде Нагасаки и записали воспоминания пожилой женщины об абсолютно белом «Пори-сан», много лет назад посетившего местные края. Как рассказала японка, после дней молчания гость попытался вступить в общение с жителями, но попал впросак. Человек заговорил с ними на их родном диалекте. Люди замкнулись и прекратили общение с таинственным гостем.

«Пори-сан» не учел одного – диалект для японцев – средство общения

со «своими», а человек другой расы не мог восприниматься как «свой». Благо японские лингвисты повели себя иначе – они признали способности «Пори-сан» и даже в ряде вопросов – его превосходство.

«Загадкой и для западных японистов, и для самих японцев, – писал советский и российский лингвист В.М. Алпатов о таинственном белом человеке, – долго оставался характер японского ударения. А 23-летний русский ученый определил, что в этом языке имеется так называемое музыкальное ударение в более или менее чистом виде; как он писал, "констатирование указанных японских фактов можно сравнить с открытием новых видов в ботанике и зоологии". Характер японского ударения он и объяснял носителям этого языка»[2].

Сам «Пори-сан» – он же Евгений Поливанов – считал, что «акцентуация является самым трудным – или вернее сказать – единственным трудным вопросом японской фонетики»[3]. И добавлял: «...Ни о каком описании “японского ударения” без точной диалектической локализации данной системы не может быть речи, и какие-либо историко-фонетические построения позволительны только после знакомства с рядом типичных для разных территорий систем»[4].

К этой аксиоме ученый пришел после того, как во второй половине мая 1914 года он взошел на борт парохода, отправлявшегося по маршруту Владивосток – Нагасаки. Далее началось познание страны и ее языка, которое путешественник начал с рыбацкой деревни Миэ Нагасакской префектуры, где пытался прочувствовать местный диалект никем до этого не описанный. Полевой метод наблюдения (слушания) был дополнен им экспериментально-фонетическими методами, доступными в начале XX века. Он описывал фонетику, акцентуацию, морфологию каждого из диалектов, составляя фонетические словари. Диалект, как потом оценили специалисты, был записан с высокой точностью.

Из Нагасаки Поливанов направился в Киото – древнюю японскую столицу. На основе его древних говоров был сформирован старописьменный японский язык, но новый литературный язык в начале XX века уже формировался в Токио и прежде всего на местной основе. Между тем, диалект Киото изучался мало. Он не так сильно отличался от литературного языка, как говор деревни Миэ, но кое-что, особенно ударение, там имело значительную специфику.

В Токио Поливанову представилась возможность повстречать носителей разнообразных диалектов, обменяться впечатлениями с начинающими японистами и выпускниками Санкт-Петербургского университета О.О. Розенбергом и Н.И. Конрадом. В Токийском императорском университете он с увлечением работал несколько дней в фонетической лаборатории, наладив контакты с японскими лингвистами. Один из них, профессор Сакума Канаэ (1888–1970 гг.), об этом рассказал в своих воспоминаниях, а в его японской акцентологии, вышедшей в 1929 году, прослеживались следы концепции Поливанова.

В начале ноября 1914 года Евгений Дмитриевич возвратился в город на Неве, в августе поменявший имя Санкт-Петербург на Петроград. Спустя полгода Поливанов вновь засобирался в Японию: многое в богатой диалектической гамме японского языка оставалось для него недопонятым, многое неуслышанным и неописанным. На этот раз поддержку поливановским исследованиям в Японии осуществлял Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, который возглавлял академик В.В. Радлов.

В этой поездке Евгений Дмитриевич побывал в Токио, продолжил изучение говора уроженцев Киото, префектуры

[2] Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. – М., 2012. – С.74.

[3] К работе о акцентуации в японском языке (в связи с малайскими) // Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 146–147.

[4] Там же. С. 149.

Нагасаки (ученым был составлен фонетический словарь одного из нагасакских говоров приблизительно на 10000 слов) и Рюкюских островов (говор Наха). Его интересовали наблюдения за японской речью в столичном говоре Токио[1] и сравнительный анализ фонетических явлений в японских диалектах, как на сегментном, так и на супрасегментном уровнях.

Встречи с О.О. Розенбергом, Н.И. Конрадом и молодым японистом Н.А. Невским дали повод для уточнения Поливановым будущих планов.

Николай Александрович Невский получил от Поливанова оттиск статьи «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков». Это удостоверил лингвист Ёсимати Ёсио. Он изучал русский язык у Невского в Киотоском университете и получил от Невского копию этой статьи и впервые в 1934 году опубликовал ее перевод на японском языке. В «Предисловии от переводчика» он написал, что на обложке статьи красными чернилами было написано: «Дорогому Николаю Александровичу Невскому на добрую память от автора. Е. Поливанов. Декабря 1917[2]»[3].

В период всех поездок в Японию, включая командировку в 1916 году, осуществленную под руководством Общества востоковедения, у Поливанова сложилось четкое представление почти обо всех основных японских диалектных группах: северо-восточной (Ао-мори, Акита), восточной (Токио), западной (Киото, Мороги), южной (Нагасаки, Кума-мото, Оита) и обособленной группе диалектов Рюкю (Наха).

Полученные в экспедициях новые сведения незамедлительно фиксировались в научных трудах. Анализируя их, В.М. Алпатов вполне резонно отмечал, что «акцентология как раздел японского языкознания была всецело создана Поливановым. Он первым четко установил характер японского ударения на основе экспериментальных исследований, дал подробный анализ акцентуационных систем ряда японских диалектов и неоднократно подчеркивал пионерский характер своих работ в этой области»[4].

Отдельным направлением деятельности Поливанова стал анализ фонетики и акцентуации японского языка в историческом плане. На основе сравнения данных разных диалектов он восстановил праяпонскую систему и реконструировал ее дальнейшее историческое развитие. К тому времени существовала, но не была доказана гипотеза о принадлежности японского языка к алтайской группе, куда входят тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский языки. Однако Поливанов впервые обратил внимание на сходство между японским языком и малайско-полинезийскими языками; он высказал идею о том, что японский язык является смешанным алтайско-малайским.

Рассматривая японский язык как «гибридный», он писал по этому поводу: «Исторический вывод, который я уже вправе сделать (после историко-фонетической разработки мною японских диалектических фактов), не гласит, однако, что "японский – это один из малайских языков", но, однако, близок к этому утверждению. Именно, я считаю возможным доказать, что японский – в генетическом родстве с малайско-полинезийскими и что часть языковых фактов унаследована в японском из общего с малайско-полинезийскими (=аустронезийского)

---

[1] Поливанов Е. Д. Музыкальное ударение в говоре Токио // Известия Императорской АН. – Сер. VI. 1915. – Т. IX. – С. 1617–1638.

[2] С годом Танака Мидзуэ, вероятно. допустил ошибку, учитывая тот факт, что Невский приступил к работе в Японии в 1915 году.

[3] Танака Мидзуэ. Почему Невский отправился на остров Мияко? Новый взгляд исходя из работ Е.Д. Поливанова и неизвестной статьи А. Вирта // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. – СПб., 2013. – С. 218.

[4] Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. – М.,1989. – С. 52.

источника. Но есть и крупные отличия, так как японский язык гибридный по происхождению, амальгама южных, островных, аустронезийских и, с другой стороны, западных континентальных, общих и корейскому (и другим восточноазиатским континентальным "алтайским языкам"), элементов»[5].

Японский лингвист-компаративист С. Мураяма высоко оценил достижения русского ученого в изучении японской фонетики. Он перевел и подготовил к изданию труды Поливанова в Японии и считал, что русский лингвист не только стимулировал фонетические исследования японских ученых, но и на несколько десятилетий предвосхитил выводы, полученные японскими учеными Т. Хираяма и Х. Киндаити, С. Мураяма.

В области грамматики Поливанов предложил оригинальную концепцию слова и словоизменения в японском языке, оказавшую значительное влияние на дальнейшее развитие советского японоведения. Это была первая попытка выделять японские слова на основе строгих и последовательных критериев; правда, позже почти все отечественные японисты стали понимать признаки японского слова по-иному.

Наконец, среди работ ученого были и публикации об общественном функционировании японского языка. Поливанов был одним из основателей социолингвистики в мировой науке. Как и ряд других советских ученых того времени, он исходил из тезиса о классовости языка и был сторонником скорейшей латинизации японской и китайской письменности[6].

В число трудов по фонологии и диалектологии японского языка, подготовленных ученым в предреволюционный период, вошли «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков» (1914 г.), «Музыкальное ударение в говоре Токио» (1915 г.), «Материалы по японской диалектологии» (1915 г.), «Психо-фонетические наблюдения над японскими говорами» (1917 г.), «Акцентуация японских прилагательных с двусложной основой» (1917 г.).

В 1917 году на свет появилась его знаменитая статья «О русской транскрипции японских слов». С этого момента русская транскрипция японских слов на кириллической основе имеет устойчивое именование поливановской транскрипции.

Пролетевший над Россией в 1917 году вихрь революционных событий не заставил Поливанова отказаться от японской темы. Он много трудился, но многие работы оказались утерянными. В их число попали книга «Историческая фонетика японского языка», «Этимологический словарь японского языка» (сохранились лишь отдельные их фрагменты, опубликованные в виде статей), к составлению которого ученый приступил в середине 1920-х годов, но довести его до конца не удалось.

Вклад Поливанова в развитие японоведения можно оценить словами японского лингвиста-компаративиста С. Мураямы: «Игнорируя Поливанова, невозможно написать историю акцентологии и диалектологии японского языка»[7].

Говоря о месте Поливанова в изучении японского языка, нельзя исключить из его жизни важную страницу, нашедшую документальное подтверждение. В 1937 году Евгений Дмитриевич Поливанов был обвинен в шпионаже в пользу Японии. Находясь под следствием, в ходе допроса на вопрос следователя о выполнении им указания японской разведки о внедрении в царскую разведку России ученый рассказал о событиях, якобы имев-

[5] Поливанов Е.Д. К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайскими) // Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 151–152.

[6] Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. проф. Д.В. Стрельцова. – М., 2015. – С. 21.

[7] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 14.

Сравнительно-фонетическій очеркъ японскаго и рюкюскаго языковъ[1]).

I.

Подъ терминомъ рюкюскій языкъ нужно было бы понимать совокупность говоровъ, которыми владѣетъ населеніе лежащихъ къ Ю.-З. отъ Японіи Рюкюскихъ (*r'ūk'ū*) острововъ, извѣстныхъ также подъ именемъ Люкюскихъ, Лючюскихъ, наконецъ Ликейскихъ, — составляющихъ японскую префектуру Okinawa (по имени главнаго острова). Говоры эти въ несомнѣнномъ родствѣ съ японскимъ: для 90% изъ числа морфемъ легко подыскиваются японскія параллели, многія слова тожественны въ обоихъ языкахъ. При этомъ иногда отсутствуетъ возможность опредѣлить, что изъ сходнаго восходитъ къ эпохѣ единства или обязано параллельности фонетическаго развитія, и что является результатомъ языковаго смѣшенія — послѣ японскаго завоеванія въ 1609 году. Но въ общемъ пониманіе рюкюсца японцемъ очень затруднено; такъ въ рюкюскомъ имѣются новообразованія флексіи въ соотвѣтствіи аналитическимъ сочетаніямъ японскаго. По вопросу о томъ, называть ли рюкюскій языкъ языкомъ или діалектомъ (діалектами?) японскаго, существуетъ разногласіе и для научнаго рѣшенія его у меня слишкомъ мало діалектическихъ данныхъ. Еще менѣе ясно, слѣдуетъ ли выдѣлять въ особую группу языкъ Mijakośima и сосѣднихъ ему острововъ между Okinawa и Формозой. Въ изложеніи я, слѣдуя Chamberlain'у, буду употреблять терминъ рюкюскій языкъ для обозначенія говора *śui (śuri)* — главнаго города на Okinawa; всякую ссылку на другой діалектъ буду оговаривать. Для японскаго же языка показательнымъ будетъ служить говоръ Tōk'ō.

1) Считаю пріятнымъ долгомъ выразить благодарность Н. М. Попову, И. А. Бодуэну де Куртенэ, Л. В. Щербѣ, А. Д. Рудневу и А. И. Иванову за прочтеніе настоящей работы въ черновомъ видѣ и цѣнныя указанія.

Поливанов Е. «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков» (1915 г.)

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1915.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences).

Музыкальное удареніе въ говорѣ Токіо.

Е. Д. Поливанова.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 9 сентября 1915 г.).

Акцентуація является наименѣе освѣщеннымъ вопросомъ японской фонетики. Письмо не передаетъ музыкальнаго ударенія (какъ это дѣлаетъ напр. тагальское), а скорѣе, будучи въ значительной мѣрѣ идеографическимъ, мѣшаетъ самонаблюденію. Европейскія же попытки, помимо своеобразности

Списокъ употребляемыхъ обозначеній.

- **T.** Токіоскій говоръ.
- **K.** Кіотоскій говоръ.
- **Ям.** Nihon-dai-jiten (Большой японскій словарь) сост. B. Yamada (Ямада), Tōkyō, Meihōdō, 28 годъ Meiji (= 1895 годъ).
- **R.** Kokutei-tokuhon-no jomikata (Чтеніе установленной правительствомъ хрестоматіи) въ журналѣ Rōmaji Sekai (Міръ латинскаго шрифта), начиная съ Md. 45 n. 4 gt. [апрѣль 1912 г.] (Главная работа принадлежитъ канд. филол. Namioka, подъ редакціею д-ра филол. Haga).
- **Kaw.** Aomori-ken gengo-kairyō-hōan (Программа исправленія говора префектуры Аомори) соч. Kawanishi, рукопись подъ № 89601 въ библіотекѣ семинарія по японскому языку при Токіоскомъ Императорскомъ Университетѣ.
- **Tak.** Kokutei-tokuhon hatsuon-jiten (Фонетическій словарь къ установленной правительствомъ хрестоматіи), сост. T. Takahashi (Такахаси), 37 годъ Meiji (= 1904 годъ).
- **Iz.** Kokutei-shōgaku-tokuhon-seitoku-hō (Способъ правильнаго чтенія установленной правительствомъ хрестоматіи для начальныхъ училищъ), соч. Sh. Izawa, 15 годъ Meiji (= 1882 годъ). Tōkyō, Rakusekisha.
- **Кур.** Самоучитель японскаго языка, сост. Іосибуми Куроно и В. П. Панаевымъ, С.-Петербургъ 1913.
- **Meyer.** Der musikalische wortakzent im japanischen. Von Ernst A. Meyer въ Le Monde Oriental, 1906, pp. 77—86.
- **Edw.** Étude phonétique de la langue japonaise par Ernest Richard Edwards, Leipzig, 1903.

Въ качествѣ лингвистической транскрипціи я считаю удобнымъ пользоваться въ работахъ о японскомъ языкѣ алфавитомъ Международной фонетической ассоціаціи, имѣя въ виду также дополненія, предложенныя Л. В. Щербой — «Къ вопросу о транскрипціи» въ Изв. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н., т. XVI, кн. 4 (для аффрикатъ *ts* и *dz* — знаки *c* и *з*; *ś* для дорсальнаго ш, *ć* и *ʒ́* для соотвѣтствующихъ глухой и звонкой аффрикатъ). Тѣмъ не менѣе въ настоящей работѣ я позволяю себѣ для тѣхъ случаевъ, когда транскрибируемыя японскія слова не являются предметомъ лингвистическаго разсмотрѣнія, какъ-то въ приводимыхъ заглавіяхъ книгъ, именахъ собственныхъ и т. д., прибѣгать къ традиціонной ромадзи (romaji).

Извѣстія И. А. Н. 1915. — 1617 —

Поливанов Е.Д. «Музыкальное ударение в говоре Токио» (1915 г.)

Индо-европейское *medhu — обще-китайское *mit.

Уже неоднократно указывалось на совпаденіе индо-европейскаго *medhu 'медъ, медовый напитокъ' съ угро-финскими словами, выражающими тѣ же понятія (фин. *mesi* < **meti* 'Honig', лапл. *mietta* 'Meth', морд. *m'ed'*, черем. *mü*, зыр. *ma*, вот. *mu*, венг. *méz* 'Honig')[1]. Широкое распространеніе этого слова позволяетъ предполагать, что можетъ быть и звуковая близость китайскаго слова для 'меда' (но безъ значенія 'медоваго напитка') съ *medhu оказывается не случайной. Именно, пекинскому *mi* соотвѣтствуетъ обще-китайская форма *mit, возстановляемая, какъ на основаніи показаній прочихъ діалектовъ, такъ и изъ древнихъ китайскихъ заимствованій въ аннамскій, корейскій и японскій языки. Такъ аннамская форма, транскрибированная у Giles'а[2] черезъ *mêt*, вмѣстѣ съ Кантонской (*mêt* у Giles'а) и Хаккаской (*mit* у Giles'а) указываетъ на существованіе обще-китайскаго конечнаго переднеязычнаго смычнаго неносового (можетъ быть *t*; но конечно неизвѣстно, былъ ли этотъ звукъ въ обще-китайскую эпоху эксплозивнымъ или только имплозивнымъ; неизвѣстно и то, былъ онъ глухимъ или звонкимъ), исчезнувшаго въ пекинскомъ, но давшаго рефлексъ въ видѣ «входящаго тона» въ южно-мандаринскомъ и другихъ. Корейское *mil* объясняется тѣмъ, что всякое обще-китайское конечное **t* отражается въ корейскихъ заимствованіяхъ въ видѣ *l*[3]. Въ японскомъ имѣются формы *mići*[4] (Го-онъ) и *bicu*[5] (Канъ-онъ). Обѣ являются правильными соотвѣтствіями обще-

[1] Wiklund, Finnisch-ugrisch und indogermanisch, Le Monde Oriental, 1906, 63; семасіологическія детали — Gauthiot, Mémoires d. l. Soc. d. Lingu., 1910, XVI, pp. 269—70.

[2] См. Giles, Chinese-English Dictionary, № 7834.

[3] Ср. переходъ конечнаго **t* въ *r* въ китайскихъ діалектахъ — Baron A. von Staël-Holstein, Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Tišastvustik-Manuscripts, S. 141 ff.; Sitzungsberichte der Königl. Preuss. Akad. d. Wiss., 1914, XXI, S. 643—650.

[4] Знакомъ *ć* отмѣчаю мягкую дорсальную аффрикату — польск. *ć*.

[5] Знакомъ *c* отмѣчаю аффрикату *ts* = рус. *ц*.

Поливанов Е. «Индо-европейское *medhu – обще-китайское *mit» (1916 г.)

Матеріалы по японской діалектологіи.

Говоръ деревни Міе, префектуры Нагасаки, уѣзда Ниси-Соноки.

ТЕКСТЫ и ПЕРЕВОДЪ.

Тексты записаны алфавитомъ международной фонетической ассоціаціи съ дополненіями, предложенными Л. В. Щербой[1]). Въ задачи транскрипціи входило лишь указаніе фонемъ, но не ихъ комбинаторныхъ и факультативныхъ оттѣнковъ, каковые относятся къ фонетическому описанію даннаго говора. Особыхъ замѣчаній требуютъ:

u — образуется безъ выдвиженія губъ и округленія, и лишь съ небольшимъ поднятіемъ нижней губы; факультативно теряетъ звонкость и исчезаетъ (какъ и звукъ i), особенно послѣ спиранта и аффрикаты.

r — переднеязычное безъ дрожанія.

c = аффриката t͡s.

з = » d͡z.

ś (знакъ надъ буквой) = мягкое дорсальное ʃ (ш).

ć = аффриката t͡ś.

ʒ́ = соотвѣтствующая предыдущей звонкая d͡ź.

k', g', n' .... = палатализованные k, g, n ....

k^w, g^w = k, g съ лабіализаціей.

$k^ɥ$, $g^ɥ$ = k, g съ лабіализаціей и палатализаціей.

ᵋa = восходящій по силѣ дифтонгъ ε͡a, отмѣчаю его только при его независимомъ положеніи въ tᵋa(:), хотя онъ имѣется и въ сочетаніяхъ съ «мягкими» согласными, напр. k'a(:), g'a(:), n'a(:) ....

Знаки ⌜ и ⌞ передъ послѣднимъ слогомъ слова (или вторымъ элементомъ дифтонга) означаютъ его принадлежность къ тому или другому изъ 2 существующихъ въ данномъ говорѣ типовъ музыкальной ударяемости: съ

1) Къ вопросу о транскрипціи, Изв. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н., т. XVI, кн. 4.

Поливанов Е.Д. «Материалы по японской диалектологии» (1916 г.)

ших место в конце 1916 года. «Приехав в Петроград, – отвечал Поливанов, – я представил докладную записку с изложением в ней деятельности некоторых японских обществ, ставящих своей целью проникновение японского влияния на русский Дальний Восток. Эту докладную записку я передал председателю Общества востоковедения генералу Шведову, с которым состоял в некоторых деловых отношениях как работавший в японском отделе вышеназванного общества. Шведов был доволен собранными мною данными и передал их в разведку Генерального Штаба. Через некоторое время тот же Шведов направил меня в царскую разведку к генералу Рябикову[1].

Посетив Рябикова, последний сказал мне, что, поскольку я уже самостоятельно собрал интересные данные, я принес бы пользу, если бы в дальнейшем работал в Японии уже непосредственно для русской разведки. Я дал свое принципиальное согласие, сказав, что поеду в Японию в 1917 году. Тогда Рябиков сказал мне, что при моем выезде в Японию мне надлежит во Владивостоке явиться к генералу Крылову, от которого я получу указания и средства на разведывательную работу. Однако моя поездка в Японию в 1917 году не состоялась в связи с Февральской революцией»[2].

Таким образом, Поливанов подтвердил, что договоренность о работе на русскую разведку была. Он также подтвердил факт подготовки докладной записки для Общества востоковедения с изложением «деятельности некоторых японских обществ, ставящих своей целью проникновение японского влияния на русский Дальний Восток».

Новые сведения, обнаруженные российским историков и политологом Я.А. Шулатовым, доказывают причастность ученого к русской разведке в предреволюционный период.

В 1913–1914 годах Морской генеральный штаб (далее – МГШ) России в своих докладах предупреждал руководство страны, что, несмотря на обозначившееся сближение Японии и России возникновение нового конфликта между ними является вопросом времени. В подтверждение приводились высказывания военного министра Японии. В марте 1914 года глава японского военного ведомства Кусуносэ заявил, что при разработке «программы военных вооружений Японии военное министерство считает объектом этих вооружений Россию, как наиболее вероятного врага Японии в ближайшем будущем»[3].

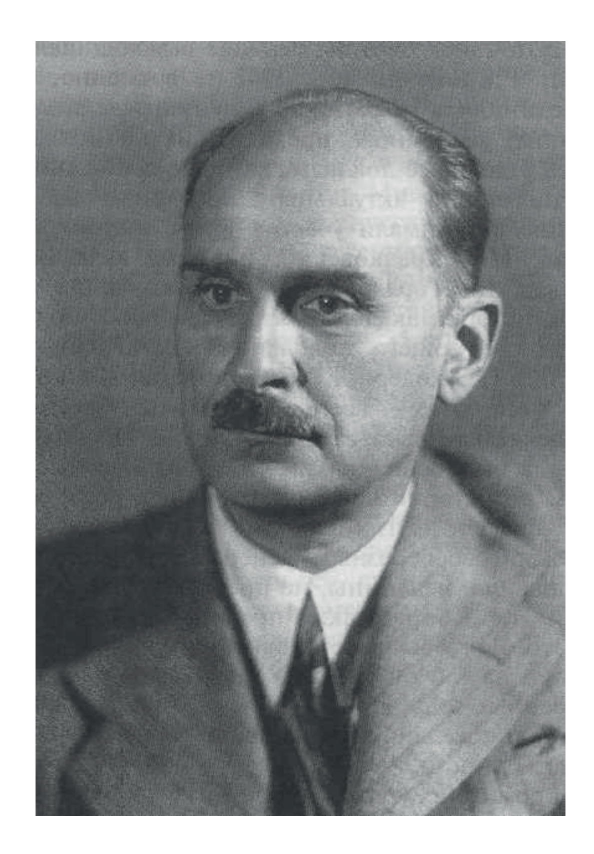
Получив другие свидетельства о военных планах союзника, военные настаивали на изучении его как потенциального противника, подчеркивая крайне неудовлетворительный уровень знаний о современном политическом положении стран Востока, в том числе Японии и Китая. Среди проблем морские разведчики выделяли недостаточное внимание отечественного востоковедения к обозначенным вопросам, отсутствие соответствующих запросам военных научных трудов.

В 1914 году они проявили интерес к предстоящей командировке в Японию двух молодых ученых, предложив сделать их миссию полезной для своего ведомства. «Так, среди нескольких лиц, командируемых русско-японским обществом в Японию в нынешнем 1914 году, – говорилось в докладе МГШ, – один стипендиат будет изучать диалекты японские; другое лицо, командированное Антропологическим обществом

[1] Павел Федорович Рябиков в феврале 1917 г. назначен в разведуправление Генерального штаба, генеральское звание получил в марте 1917 г., что говорит о том, что Поливанов не мог контактировать с ним в конце 1916 г., а только с весны 1917 г. и в последующее время.

[2] Алпатов В.М. Ашнин Ф.Д. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // Восток. – 1997. – № 5. – С. 130.

[3] Шулатов Я.А. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы на Востоке и тематические задания для Е.Д. Поливанова и Н. И. Конрада // История и культура традиционной Японии, XXXII / под ред. А.Н. Мещерякова. – М., 2010. – С. 322.



Н.И. Конрад

в Корею, будет мерить черепа туземцев и рыться в корейских развалинах. Этому последнему для покупки битой посуды и других археологических драгоценностей отпускается Антропологическим обществом 1500 рублей. Но для того, чтобы изучать современную политическую жизнь стран Востока, в С. Петербурге средств не находится»[1].

В другом документе, названном «Об использовании морским и военным ведомствами лиц, командируемых на Восток», составители предлагали объединить изыскания и деятельность востоковедов единой целью с охраной государственных интересов.

Предложение по использованию возможностей ученых для нужд Морского и Военного ведомств заключалось в производстве ими «политической разведки и одновременно для подготовки почвы к будущему расширению специальной осведомительной службы на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке»[2].

В докладе МГШ о двух ученых, командируемых в 1914 году, речь шла о Евгении Дмитриевиче Поливанове и Николае Иосифовиче Конраде. Русская разведка высоко оценивала потенциал молодых людей, подчеркивая, что «оба указанных выше лица являются одними из наиболее способных лиц, посвятивших себя изучению Востока». Объективную характеристику ученым наверняка дал преподаватель Практической восточной академии Дмитрий Матвеевич Позднеев, сотрудничавший с русской, а после Октябрьской революции 1917 года с советской разведкой.

В годы Советской власти Позднеев преподавал в Военной академии РККА. Весной – летом 1926 года он находился в поездке по Маньчжурии, откуда отправлял в разведуправление штаба РККА телеграммы ненаучного содержания. Одна из них гласила: «Япония, несомненно, готовится к войне и готовит свой маньчжурский тыл к этому событию»; «Война эта, вероятнее всего, будет с СССР»; «Как показывают сроки программ военной подготовки Японии, она задается целью окончить последнюю к 1930 г., после чего можно ожидать начала военных действий»[3].

Поливанов и Конрад перед первой командировкой получили задания, представлявшие практический интерес для разведки и крайне важные для анализа дальнейшего направления развития внешнеполитического курса Японской империи.

В задании для Поливанова отмечалось, что ему «должно быть разъяснено, что общество Тоадобун-Кай[4] преследует цели материковой политики Японии и прямо враждебно России, что же касается общества Тайхэйё-Кьё-

[1] Шулатов Я.А. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы на Востоке и тематические задания для Е.Д. Поливанова и Н. И. Конрада // История и культура традиционной Японии, XXXII / под ред. А.Н. Мещерякова. – М., 2010. – С. 322–323.

[2] Там же. С. 323–324.

3 Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М., 2010. – С. 38.

[4] Тоадобун-Кай – Общество объединенной культуры Восточной Азии.

кай[5], то это последнее, основанное на средства Японского Морского Министерства, стремится направить японскую внешнюю политику на Юг, т. е. к Океании и на Восток, т. е. к западному побережью Америки». Помимо указанных организаций, Поливанову предлагалось обратить «особенное внимание» на Японо-русское общество в Токио и «Тайхэйё-Кай» (указывалось в одной связке с Тайхэйё-Кёкай)[6].

Поливанов был нацелен на то, что «Тоадобун-Кай» и «Тайхэйё-Кай» «преследуют две совершенно противоположные цели». «И вот это-то противоречие поставленных себе различными японскими обществами целей и желательно возможно полнее ответить», – отмечал он. В свою очередь МГШ интересовало все: «история возникновения обществ, их уставы, личный состав, цели и деятельность. Отчеты обществ, издаваемые ими органы, научные и политические труды».

В качестве основной задачи указывалось, что «г-н Поливанов должен иметь прежде всего в виду, что его исследование должно показать, какие политические цели поставило себе каждое данное общество и в каком (политическом) направлении эта работа совершается». Для этого ученый должен был «вступить в личные сношения с представителями этих обществ, а также получить уставы, отчеты и издания означенных обществ». Кроме того, предлагалось «привезти или прислать по возможности весь печатный материал и литературу, касающуюся этой темы». В МГШ полагали, что по завершении исследования «все книги и материалы на туземных (восточных) языках можно... направить в одну из библиотек С. Петербурга», из которых «самой удобной» признавалась библиотека Императорского географического общества.

[5] Тайхэйё-Кьёкай – Общество Тихого океана.

[6] Шулатов Я.А. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы на Востоке и тематические задания для Е.Д. Поливанова и Н. И. Конрада // История и культура традиционной Японии, XXXII / под ред. А.Н. Мещерякова. – М., 2010. – С. 325 – 326.

П.Ф. Рябиков

Вместе с тем результаты самой работы Поливанова предлагалось засекретить. Это положение в документе МГШ формулировалось следующим образом: «Впоследствии... полученный таким образом материал должен быть разобран и о результатах этого исследования должен быть сделан доклад, например в Императорском Географическом обществе. Часть результатов такого исследования может оказаться полезным не обнародовать. В таком случае лицо, руководящее данными политическими исследованиями, предоставит эти не подлежащие оглашению материалы в Морской Генеральный Штаб. При этом сам исследователь будет поставлен в известность только о том, что вот такие-то данные по политическим соображениям оглашать на докладе и в печати не следует (например, под предлогом сохранения дружбы с Японией – так цензируются доклады в Русско-японском обществе). Дальнейшая же судьба таких нескромных сведений и материалов останется исследователю неизвестной»[7].

В январе 1916 года Поливанов сделал доклад в японском отделе Общества востоковедения под названием «Деятельность общества Тоадобун-Кай в 1914 г.».

[7] Там же. С. 327–328.

Информация о проживании Поливановых в Петрограде в 1917 г. Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. – СПб., 1917. – С. 545

Не менее важное задание было подготовлено для Конрада. Примечательно, что морское ведомство предприняло шаги, чтобы командируемые не узнали об источнике тематических заданий для них.

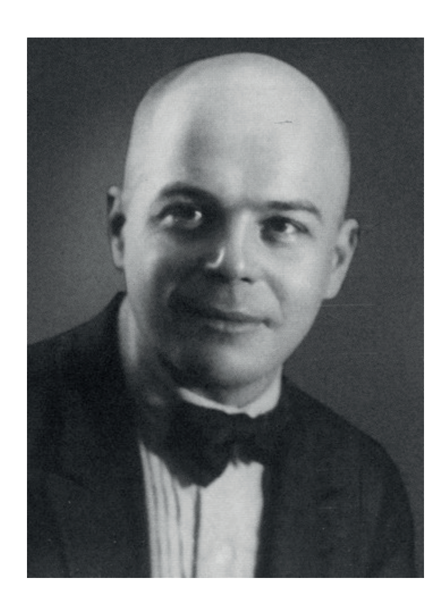
Встреча Поливанова по возвращению из третьей командировки в Японию с генералом Павлом Федоровичем Рябиковым стала первым открытым контактом ученого с руководителем российской разведывательной службы и началом сотрудничества ученого с советской разведкой.

Большевики после октябрьских событий 1917 года не трогали военную разведку. Генерал Рябиков сохранил свою должность при новой власти, и, перейдя на сторону Советской власти, в декабре 1917 года разработал Программу по изучению иностранных государств.

В Программе, согласно которой изучению подлежали не только бывшие противники России по Первой мировой войне, но и Англия, Франция, Швеция, Япония, Китай, США и другие страны, предполагалось использование возможностей ученых–востоковедов и лингвистов, доказавших делами эффективность своей деятельности. Документ разрабатывался, исходя из стремления Советской России выйти из империалистической войны и заключить мир.

Революция как революция труда

Виктор Шкловский относился к той категории литераторов, которые умели слушать поступь времени и схватывать его перемены. Он рассказывал



В.Б. Шкловский

о людях, с которыми встречался, о среде, в которой они жили. Встреч было много, люди, изображенные им, были самые разные – от забытых и полузабытых до тех, чьи имена глубоко вошли в историю отечественной культуры. В его литературной галерее оказались Максим Горький, Константин Циолковский, Владимир Маяковский, Сергей Эйзенштейн, Всеволод Иванов, Исаак Бабель. Рядом с ними оказался Евгений Поливанов, как равный среди равных, что не было случайностью. «Признаю себя целиком виновным в том, – писал Шкловский, – что не понял, живя в СССР, того, что понял в 1921 году Б. Шоу в Англии, не понял "проблему социального переустройства". За деревьями я не увидел леса. Увидать было можно, мне приходилось видать людей, умевших отрываться от прошлого. Таким был Евгений Дмитриевич Поливанов. Родственник Лобачевского, человек до революции консервативных взглядов, он изменился в революции»[1].

Свои предреволюционные взгляды Поливанов определял, как «сознательный аполитизм»[2], но динамика жизни

[1] Шкловский В.Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. – М., 1966. – С. 136.

[2] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 86.

Семейная фотография братьев Поливановых. Слева направо: Николай Матвеевич — корнет 16-го гусарского Иркутского полка, впоследствии командир эскадрона этого полка; Сергей Матвеевич — морской офицер, участник русско-японской войны 1904-1905 гг., впоследствии капитан 1 ранга; Алексей Матвеевич — выпускник Павловского военного училища, с 1899 по 1917 год служил в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1916-1917 гг. был командиром этого полка; Михаил Матвеевич — военный инженер-путеец, окончил Институт инженеров путей сообщения.

Фото из архива А. Н. ПОЛИВАНОВА

Двоюродные братья Е. Поливанова (слева направо) Николай Матвеевич, Сергей Матвеевич, Алексей Матвеевич, Михаил Матвеевич Поливановы (1911 г.)

и окружение наложили свой отпечаток (вспомним идеи Вахтерова), с годами добавив к лингвистическим пристрастиям интерес к политике.

Первым политическим выступлением Поливанова стал протест против империалистической войны. Антиимпериалистическая пьеса начинающего ученого, квалифицированная как германофильская, стала поводом для ареста и заключения его в тюрьму на неделю в 1915 году.

«Когда началась война, – рассказывал он, – тогда для меня стала ясна моя интернациональная платформа... Я был пацифистом, потом пришел к интернационализму»[3] .

Случившаяся в 1917 году революция для него стала желанным событием, о которой он потом говорил: «Я встретил революцию как революцию труда. Я приветствовал именно свободный любимый труд, который для меня стал рисоваться полезным именно в революционной обстановке»[4].

Для рода Поливановых такое видение революции, в общем, стало единым. Большинство его представителей перешли на сторону Советской власти, которая перевернула в их судьбе с одной стороны героическую, а с другой трагичную страницы. В принципе, все, что произошло потом с Поливановыми, отразило важную для поколения революционной эпохи тенденцию «пожирания собственных детей».

Четыре двоюродных брата Евгения Дмитриевича (сыновья Матвея Михайловича) – Михаил, Алексей, Сергей, Николай, по примеру отца ставшие военными, участвовали в Первой мировой войне. Полковник-инженер Михаил Матвеевич Поливанов окончил Институт инженеров путей сообщения. Полковник Алексей Матвеевич Поливанов командовал в 1917 году лейб-гвардии

[3] Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 9.

[4] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 10.

Семеновским полком, с 1918 года служил в Красной Армии, но в 1931 году был репрессирован по делу «Весна». Сергей Михайлович Поливанов окончил Морской корпус, участвовал в Русско-японской войне, с 1918 года служил во флотилии Северного Ледовитого океана белогвардейских войск. После Гражданской войны эмигрировал из России и с 1962 года являлся председателем Союза морских офицеров в Бельгии. Николай Матвеевич Поливанов командовал эскадроном во время Брусиловского прорыва в 1916 года, в феврале 1917 года был избран солдатами председателем полкового комитета. Командовал полком в Первой конной армии, участвовал в штурме Перекопа. Его заслуги лично отмечали М.В. Фрунзе и М.С. Буденный. В 1937 году он был обвинен в контрреволюционной пропаганде среди вольнонаемных работников и заключенных на строительстве канала Москва-Волга и расстрелян 8 декабря 1937 года.

С первых дней революционного февраля 1917 года на баррикадах оказался Евгений Поливанов. Об этом факте в биографии ученого писатель Виктор Борисович Шкловский рассказывал так: «Во время Февральской революции я вывел в город на стороне восставших броневые машины и встретился с Поливановым на Невском проспекте, угол Садовой. Несмотря на то, что у Евгения Дмитриевича была одна рука, он с группой людей строил баррикаду, перевернув трамвайный вагон и омнибус. После Февральской революции Поливанов, к изумлению всех, оказался большевиком-ленинцем, что было тогда враждебно принято в академических кругах»[1].

А он, несмотря на враждебность коллег, с головой погрузился в пучину революции.

Евгений Дмитриевич, воодушевленный идеями обновления общества, после февральских дней начал сотрудничать с кабинетом военной печати при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, публиковаться в ежедневной общественно-литературной газете «Новая жизнь». Первый номер газеты – органа социал-демократов-интернационалистов в основном меньшевистского толка – увидел свет 18 апреля 1917 года в Петрограде. Редактором газеты был М. Горький, издателем – его давний соратник А.Н. Тихонов.

Ведущими публицистами «Новой жизни» – помимо самого Горького – являлись сотрудники горьковского журнала «Летопись» (1915–1917) В. Базаров, Н. Суханов, В. Строев, Б. Авилов, Н. Рожков, стоявшие на позициях близких к меньшевизму и его деятелям Л. Мартову и И. Церетели. В выпуске «Новой жизни» принимали участие и публиковались такие видные деятели, как Р. Ролан, В. Луначарский, М. Пришвин, В. Шкловский, И. Бодуэн де Куртенэ, размещали свои стихи В. Маяковский, О. Мандельштам, С. Есенин.

Как писал участник российского революционного движения Н.Н. Суханов, газету «читали все» и «многие десятки, а иногда и сотни тысяч ежедневных читателей, распределенных по разным партиям, <...> испытывали на себе ее влияние»[2].

В реализации этого влияния принимал участие Евгений Поливанов, который фактически с первых дней издания газеты стал публиковаться в ней. Тематика публикаций соответствовала профилю его научной деятельности и касалась Японии.

17 мая в статье «Япония и “константинопольский” империализм» Поливанов выступил с обличением японской печати, которая, несмотря на агрессивную и империалистическую политику Японии, никогда не отказывала себе свободно критиковать агрессивные замыслы других держав. В качестве примера он привел статью Суэхиро в журнале «Тацё» («Солнце») за декабрь 1916 года под заголовком «Независимость Польши и дипломатические отноше-

[1] Алпатов В.М. Ашнин Ф.Д. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // Восток. – 1997. – № 5. – С. 138.

[2] Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. Т. III. – М., 1921.– С. 21.

ния между Японией и Россией». Поливанов процитировал японского автора: «Нет нужды говорить, что нынешняя война есть соперничество Германии и Англии; но Англия употребила в свою пользу вожделения России и сумела привлечь ее на свою сторону; вожделения же эти состоят в долголетнем стремлении к Константинополю; Россия присоединилась к злопамятной по расовым качествам и по своей политике Англии, была заманена только лакомым кусочком в виде Константинополя и больше ничем»[3]. Подобное представление Японии о российской внешней политике Поливанов назвал «кошмарным».

В этом же номере в заметке «Нужна ли “палата господ” революционной России?» Поливанов, рассуждая о намерениях Академического союза принять участие в политической жизни страны и попытке создать организации интеллигенции России – «палаты господ», назвал ее запоздалой. «Не грозит ли мобилизация интеллигенции, как касты, – задавался вопросом Поливанов, – неизбежным разъединением с “неинтеллигентной” демократией»[4].

28 мая на первой полосе «Новой жизни» появляется статья «Япония и мир без аннексий», в которой Поливанов поднимает вопросы о роли науки в политике.

«Работает на общую цель и чистая наука, – раскрывал захватнические методы действий империалистической Японии на дальнем Востоке Поливанов. – Участие последней особенно своеобразно. Перед аннексией Кореи профессор корейского языка Канадзава выступил с книгой об “Общем происхождении японского и корейского языков”, конечной мыслью которой было то положение, что раз японцы и корейцы некогда составляли один народ, то и ныне им полезно объединение. О том, что подобный аргумент заслуживал внимания, говорят слова японского публициста (журнал “Солнце” за 1911 год), жалеющего, что Япония, поставив памятник аннектору Кореи князю Ито, обошла знаком отличия работавшего на том же поприще профессора Канадзава. Впоследствии, когда на сцену выступили отношения Японии к Маньчжурии и Монголии, тот же Канадзава напечатал статью о связи корейского языка с монгольским и маньчжурским, где ссылаясь на свою прежнюю работу о родстве корейского с японским с патриотической гордостью заключал о древнем широком распространении японского языка на континенте»[5].

30 июня в публикации «Монархия в Китае» он рассуждал о причастности Японии к произошедшему в Китае монархическому путчу, а 1 августа в «Китайской контрреволюции» вновь возвратился к ситуации в Китае, раскрывая хронологию июньских событий 1917 года.

Важная деталь: член русско-японского общества Поливанов не забывал о своем главном предназначении. Все «Вестники Русско-японского общества в Петрограде» в 1917 году вышли в свет при его непосредственном участии. «Вестник» являлся экономическим, политическим и научно-литературным журналом. До 1917 года он выходил под названием «Вестник Торгово-справочного бюро при Русско-японском обществе в Петрограде». Журнал издавался на русском и японском языках. В нем публиковались материалы, посвященные русско-японским отношениям: обзоры русской и японской промышленности и торговли, торговая статистика, хроника общественной и экономической жизни, отчеты Русско-японского общества в Петрограде, справочные материалы.

Способности Поливанова к информационно-аналитический работе была поставлена на службу революции. За два месяца до Октября Поливанов по

---

[3] Поливанов Е. Япония и «константинопольский» империализм // Новая жизнь. – 1917. – 17 (30) мая.

[4] Е.П. Нужна ли «палата господ» революционной России? // Новая жизнь. – 1917. – 17 (30) мая.

[5] Поливанов Е. Япония и мир без аннексий // Новая жизнь. – 1917. – 28 мая (10 июня).

направлению Всероссийского Совета крестьянских депутатов включился в работу в отделе печати и осведомления Министерства иностранных дел, где курировал восточное направление[1].

Отдел был создан в мае 1917 года с целью распространения в союзных и нейтральных странах «правильной оценки русских событий» и оживлении интереса к России путем организации лекций, собеседований и других мероприятий. Кроме того он должен был информировать дипломатические представительства о «важнейших явлениях местной жизни, выдающихся газетных статьях»[2].

За дело мира во всем мире

В первые дни после Октябрьской революции лингвистический дар и аналитические способности Поливанова новая власть применила для раскрытия миру сущности Первой мировой войны, чем обеспечила условия для ее прекращения.

12 марта 1917 года в одном из своих «Писем из далека» В.И. Ленин писал о необходимости обнародования секретных дипломатических документов, что позволило бы показать подлинные цели и характер действий империалистических держав и раскрыть закулисную историю подготовки и ведения Первой мировой войны.

Вождь мирового пролетариата считал, что для достижения мира (и тем более, действительно демократического, действительно почетного мира), нужно, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам. Причиной для этого являлось то, что помещики и капиталисты – ничтожное меньшинство населения – наживают бешеные деньги на войне. Если бы государственная власть в России принадлежала Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эти Советы и выбранный ими Всероссийский Совет могли бы осуществить программу мира.

Программа мира, согласно предложениям Ленина, включала в себя ряд мер, в число которых входило исполнение положений заявления Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (или заменяющего его временно Петербургского Совета). Учитывая, что «никакими договорами ни царской монархии, ни буржуазных правительств он не связан», предлагалось предать гласности все эти документы, «чтобы предать публичному опозорению разбойничьи цели царской монархии и всех без исключения буржуазных правительств»[3].

26 октября 1917 года Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, утвердив Декрет о мире, принял решение об опубликовании тайных договоров окончательно.

«Тайную дипломатию Правительство отменяет, – говорилось в первом документе Советской власти, – со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным»[4].

---

[1] Савкин М. Ключи от бронированных комнат. – М., 1966. – С. 27.

[2] Министерство иностранных дел России в 1856–1917 гг. URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/ministerstvo-inostrannyh-del-rossii-v-1856-1917-gg-?inheritRedirect=false (дата обращения: 8 августа 2021).

[3] Ленин В.И. Письма из далека. Как добиться мира? Письмо 4 // ПСС. Т. 31. Март–апрель 1917. – М., 1969. – С. 52–53.

[4] Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957. – С. 15.

№ 208.
Пятница.
27 октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ЦѢНА: въ Петроградѣ 15 коп. на ст. жел. д. 18 коп.

Адресъ конторы: Лиговка, Сайкинъ пер., д. № 6. Телефонъ № 218-41.
Адресъ редакціи: Смольный Институтъ, 2-й этажъ комната № 144. Телефонъ № 38-89.

Декретъ о мирѣ,

принятый единогласно на засѣданіи Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ 26 октября 1917 г.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революціей 24—25 октября и опирающееся на Совѣты Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ предлагаетъ всѣмъ воюющимъ народамъ и ихъ правительствамъ начать немедленно переговоры о справедливомъ демократическомъ мирѣ.

Справедливымъ или демократическимъ миромъ котораго жаждетъ подавляющее большинство истощенныхъ, измученныхъ и истерзанныхъ войной рабочихъ и трудящихся классовъ всѣхъ воюющихъ странъ—миромъ, котораго самымъ опредѣленнымъ и настойчивымъ образомъ требовали русскіе рабочіе и крестьяне послѣ сверженія царской монархіи,—такимъ миромъ правительство считаетъ немедленный миръ безъ аннексій (т. е. безъ захвата чужихъ земель, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народностей) и безъ контрибуцій.

Такой миръ предлагаетъ Правительство Россіи заключить всѣмъ воюющимъ народамъ немедленно, выражая готовность сдѣлать безъ малѣйшей оттяжки тотчасъ-же всѣ рѣшительные шаги впредь до окончательнаго утвержденія всѣхъ условій такого мира полномочными собраніями народныхъ представителей всѣхъ странъ и всѣхъ націй.

Подъ аннексіей или захватомъ чужихъ земель Правительство понимаетъ сообразно правовому сознанію демократіи вообще, и трудящихся классовъ въ особенности всякое присоединеніе къ большому или сильному государству малой или слабой народности безъ точно, ясно и добровольно выраженнаго согласія и желанія этой народности, независимо отъ того, когда это насильственное присоединеніе совершено, независимо также отъ того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая въ границахъ даннаго государства нація. Независимо, наконецъ, отъ того, въ Европѣ или въ далекихъ заокеанскихъ странахъ эта нація живетъ.

Если какая бы то ни была нація удерживается въ границахъ даннаго государства насиліемъ, если ей, вопреки выраженному съ ея стороны желанію—все равно, выражено ли это желаніе въ печати, въ народныхъ собраніяхъ, въ рѣшеніяхъ партій или возмущеніяхъ и возстаніяхъ противъ національнаго гнета—не представляется права свободнымъ голосованіемъ, при полномъ выводѣ войска присоединяющей или вообще болѣе сильной націи, рѣшить безъ малѣйшаго принужденія вопросъ о формахъ государственнаго существованія этой націи, то присоединеніе ея является аннексіей, т. е. захватомъ и насиліемъ.

Продолжать эту войну изъ-за того, какъ раздѣлить между сильными и богатыми націями захваченныя ими слабыя народности, Правительство считаетъ величайшимъ преступленіемъ противъ человѣчества и торжественно заявляетъ свою рѣшимость немедленно подписать условія мира, прекращающаго эту войну на указанныхъ равно справедливыхъ для всѣхъ безъ изъятія народностей условіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правительство заявляетъ, что оно отнюдь не считаетъ вышеуказанныхъ условій мира ультимативными, т. е. соглашается разсмотрѣть и всякія другія условія мира, настаивая лишь на возможно болѣе быстромъ предложеніи ихъ какой бы то ни было воюющей страной и на полнѣйшей ясности, на безусловномъ исключеніи всякой двусмысленности и всякой тайны при предложеніи условій мира.

Тайную дипломатію Правительство отмѣняетъ, со своей стороны выражая твердое намѣреніе вести всѣ переговоры совершенно открыто передъ всѣмъ народомъ, приступая немедленно къ полному опубликованію тайныхъ договоровъ, подтвержденныхъ или заключенныхъ правительствомъ помѣщиковъ и капиталистовъ съ февраля по 25 октября 1917 года. Все содержаніе этихъ тайныхъ договоровъ, поскольку оно направлено, какъ это въ большинствѣ случаевъ бывало къ доставленію выгодъ и привиллегій русскимъ помѣщикамъ и капиталистамъ, къ удержанію или увеличенію аннексій великороссовъ, Правительство объявляетъ безусловно и немедленно отмѣненнымъ.

Обращаясь съ предложеніемъ къ правительствамъ и народамъ всѣхъ странъ начать немедленно открытые переговоры о заключеніи мира, Правительство выражаетъ съ своей стороны готовность вести эти переговоры, какъ посредствомъ письменныхъ сношеній, по телеграфу, такъ и путемъ переговоровъ между представителями разныхъ странъ или на конференціи таковыхъ представителей. Для облегченія такихъ переговоровъ Правительство назначаетъ своего полномочнаго представителя въ нейтральныя страны.

Правительство предлагаетъ всѣмъ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ немедленно заключить перемиріе, причемъ со своей стороны, считаетъ желательнымъ, чтобы это перемиріе было заключено не меньше, какъ на три мѣсяца, т. е. на такой срокъ, въ теченіе котораго вполнѣ возможно, какъ завершеніе переговоровъ о мирѣ съ участіемъ представителей всѣхъ безъ изъятія народностей, или націй, втянутыхъ въ войну или вынужденныхъ къ участію въ ней, такъ равно и созывъ полномочныхъ собраній народныхъ представителей всѣхъ странъ для окончательнаго утвержденія условій мира.

Обращаясь съ этимъ предложеніемъ мира къ правительствамъ и народамъ всѣхъ воюющихъ странъ, временное рабочее и крестьянское правительство Россіи обращается также въ особенности къ сознательнымъ рабочимъ трехъ самыхъ передовыхъ націй человѣчества и самыхъ крупныхъ участвующихъ въ настоящей войнѣ государствъ, Англіи, Франціи и Германіи. Рабочіе этихъ странъ оказали наибольшія услуги дѣлу прогресса и соціализма и великіе образцы чартисткаго движенія въ Англіи, рядъ революцій, имѣвшихъ всемірно-историческое значеніе, совершенныхъ французскимъ пролетаріатомъ, наконецъ, въ геройской борьбѣ противъ исключительнаго закона въ Германіи и образцовой для рабочихъ всего мира длительной, упорной дисциплинированной работѣ созданія массовыхъ пролетарскихъ организацій Германіи. Всѣ эти образцы пролетарскаго героизма и историческаго творчества служатъ намъ порукой за то, что рабочіе названныхъ странъ поймутъ лежащія на нихъ теперь задачи освобожденія человѣчества отъ ужасовъ войны и ея послѣдствій, — ибо эти рабочіе всесторонней рѣшительной и беззавѣтно энергичной дѣятельностью своей помогутъ намъ успѣшно довести до конца дѣло мира и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло освобожденія трудящихся и эксплоатируемыхъ массъ населенія отъ всякаго рабства и всякой эксплоатаціи.

Декрет о мире. Известия ЦИК от 27 октября 1917 г.

Здание МИД России в Петрограде

В ночь на 27 октября II съезд Советов создал Совет Народных Комиссаров, в составе которого к работе приступил Народный комиссариат иностранных дел. Новому внешнеполитическому ведомству Советской России одной из важнейших задач была поставлена публикация тайных договоров и других межгосударственных документов, заключенных царским и Временным правительствами.

Юнкерский мятеж и поход войск Керенского – Краснова на Петроград на несколько дней отсрочил выполнение ответственного поручения, но 4 ноября в Министерство иностранных дел прибыли посланники новой власти – известный революционер Иван Абрамович Залкинд и приват-доцент Евгений Дмитриевич Поливанов. Характеристики обоих удовлетворяли новую власть. Первый, несмотря на свою бурную революционную жизнь – участие в революции 1905 года, аресты и ссылки, – слыл человеком образованным: во Франции окончил Сорбонну, получил степень доктора биологии, владел несколькими языками.

Молодость второго не помешала ему зарекомендовать себя перспективным ученым, известным в научных кругах, как японист и китаевед, имеющим весомый научный багаж и знание множества иностранных языков. Немаловажное значение имело то, что приват-доцент работал до этого в Министерстве иностранных дел в правительстве Керенского.

Уполномоченным НКИД Залкинду и Поливанову предстояло оперативно выполнить поставленную партией большевиков задачу – в короткие сроки предать гласности секретные международные соглашения, заключенные царским и Временным правительствами, предварительно переведя их на русский язык при необходимости.

Накануне прибытия в МИД Залкинд получил предложение от народного комиссара иностранных дел Л.Д. Троцкого не только взять на себя функции его уполномоченного по приему министерства, но и привлечь к работе Поливанова, предложившего свои услуги руководителю советского внешнеполитического ведомства. Залкинд разыскал добровольца и вместе с ним начал объезд виднейших чиновников министерства по их квартирам, требуя от каждого из них прибытия на службу для «решающих переговоров».

Как вспоминал Залкинд, многие дома отсутствовали, «кое-кто сказался больным, а один, когда мы не поверили сообщению о серьезности его болезни

и настояли на личном приеме, залез под одеяло, как был, в полном костюме и ботинках, в каковом виде и принял наш визит»[1].

На следующий день уполномоченные НКИД, запасшись на всякий случай ордерами на арест, выписанными Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов, прибыли в министерство.

«К моему изумлению, – писал спустя 10 лет после описываемых событий Залкинд, – я нашел здание целиком освещенным, а когда мы поднялись в верхний этаж, то нашим глазам представилось зрелище, напоминающее некий парадный прием: чиновники и сановники переполняли большой зал; явились не только все званные нами, но и многие вовсе не званные. Министерство было в полном сборе. Поливанов представил меня товарищу министра Петряеву, а этот, в свою очередь, назвал мне целый ряд заведующих и управляющих всякими департаментами и отделами. Я произнес коротенькую речь, указав, что явился от имени рабоче-крестьянского правительства, с тем, чтобы окончательно выяснить отношение чинов министерства к их служебному долгу; упомянул о том, что время военное и что функции министерства принадлежат к разряду тех, кои не терпят, в интересах страны, ни одного момента перерыва»[2].

Посовещавшись с чиновниками, товарищ (заместитель) министра иностранных дел А.М. Петряев выступил с заявлением, что «данном» правительству они служить не могут, однако готовы «охранять» министерство и вести текущие дела (о военнопленных, консульские и о переводах денег за границу)»[3].

Такая позиция Залкиндом была расценена как «усовершенствованная форма саботажа». Газета «День» в очередном номере подтвердила данный факт, сообщив, что чиновники ведомства в ответ на такое предложение продемонстрировали «резкую и открытую оппозицию»[4].

В этой ситуации, по рассказу Задкинда, он попросил Поливанова распустить среди чиновников слух о том, что в распоряжении прибывших уполномоченных находится готовая к действию вооруженная команда. В свою очередь Петряеву Залкинд заявил, что предложение чиновников министерства принимается на условии того, что ими будет признано революционное правительство фактическим хозяином министерства и будет указано расположение всех служебных помещений и лицо, которое ответственно за сохранность архивов и шифров. В случае промедления или отказа удовлетворить требование, ответственность за последующие действия уполномоченных возлагались на Петряева и двух других высокопоставленных чиновников.

Предупреждение сыграло свою роль – ключи от архивов и шифров были переданы в руки уполномоченных Советской власти. В тот же день караул Павловского полка приступил к охране министерства, и перед помещениями, в которых находились шкафы с секретными донесениями и договорами, была выставлена охрана.

«С этого дня, – писал Залкинд, – началась лихорадочная работа по разбору и переводу тайных документов, позволившая впервые заглянуть за кулисы, позади которых фабриковалась война ''за право и справедливость''»[5].

К работе приступили также бывшие сотрудники МИД – А.А. Доливо-Добровольский, Ф.Н. Петров, А.Н. Вознесенский, как и Е.Д. Поливанов, пожелавшие служить новой власти и, которые сде-

[1] Залкинд И. НКИД в семнадцатом году (Из воспоминаний об Октябре) // Международная жизнь. – 1927. – № 10. – С. 12.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же.

[4] Ирошников М.П., Чубарьян А.О. Опубликование советским правительством в 1917–1918 гг. тайных дипломатических документов // Археографический ежегодник за 1963 год. – М., 1964. – С. 200.

[5] Залкинд И. НКИД в семнадцатом году (Из воспоминаний об Октябре) // Международная жизнь. – 1927. – № 10. – С. 14.

лали основную работу в период становления НКИД[1].

Троцкий прислал указание, в соответствии с которым необходимо было найти двух человек, работающих на пишущей машинке, перевести и переписать как можно больше документов, сохранив оригиналы. Все переведенные материалы должны были проверены на соответствие с первоисточниками и скреплены подписями и печатями.

Наконец после «длительной и безынтересной» работы по приемке кассы и инвентаря бывшего внешнеполитического ведомства поступила задача «постараться найти что-нибудь, что можно было бы завтра же опубликовать в газетах». По рассказу Поливанова, он зашел в «секретную комнату» и взял наугад с верхней полки шкафа «первую слева папку», понял, что у него в «руках все самое нужное, чего хватит, по крайней мере, на первые дни опубликования в газетах»[2].

Значительное число обнаруженных и принятых к переводу тайных материалов являлось частью служебной переписки, которую вело Министерство с зарубежными диппредставительствами. Это были секретные донесения, телеграммы, различные справки.

«Это не были самые тексты договоров, – вспоминал Поливанов, – но это было нечто более нужное для нас в этот момент: здесь находился экстракт из всех договоров и обязательств, которые были заключены между Россией и союзниками в период 1914–1917 гг. Дело в том, что Терещенко вступил в управление Министерство иностранных дел, будучи, по-видимому, совершенно незнакомым с предшествующей работой Министерством; а содержание самих секретных договоров, к тому же, и не могло быть ему знакомо до его назначения.

И вот папка, которую я выбрал, оказалось, содержала этот сжатый, но весьма обстоятельный очерк наших взаимоотношений с союзниками, очерк, заключавший в себе ряд подлинных цитат из самих договоров, относившихся к наиважнейшим их пунктам, а некоторые из соглашений приводились даже целиком.

Составлено было это извлечение непосредственно для личного употребления министра (Терещенки), и помимо простой сводки документального материала содержало также известные комментарии к нему. Например, по поводу обещаний, данных Румынии за ее выступление, цинично добавлялось, что эти обещания явно преувеличены и сдержать их на самом деле ни русское правительство, ни союзники не имеют в виду.

Словом – это было как раз то, что было нужно.

Решено было, что я выберу тотчас же все, что можно немедленно отправить в газеты – и я снова был в „секретной комнате“, откуда вышел лишь в 2 часа ночи. По телефону был вызван из Смольного партийный товарищ – машинист, которому я до ночи диктовал один документ за другим, диктовал и переводил тут же с французского подлинника»[3].

За несколько дней работы Поливанов углубился в положение дел настолько, что начал комментировать в прессе содержание отдельных документов, разоблачающих политику царского и Временного правительств.

4 ноября в газете «Правда» в заметке «Преступная игра чиновников-дипломатов» новоиспеченный сотрудник НКИД поделился первыми выводами от ознакомления с документами.

---

[1] К 13 декабря 1918 г. была выработана первоначальная структура и создан аппарат Наркоминдела, в котором работало 126 человек. К этому времени деятельность НКИД была сосредоточена в 17 основных отделах. Е.Д. Поливанов возглавил Восточный отдел, в состав которого входили секция Дальнего Востока и татарской печати. Помощником Поливанова стал А.Н. Воскресенский.

[2] Ирошников М.П., Чубарьян А.О. Опубликование советским правительством в 1917–1918 гг. тайных дипломатических документов // Археографический ежегодник за 1963 год. – М., 1964. – С. 201.

[3] Там же. С. 201–202.

Из статьи И. Осеньева «В комиссариате Троцкого» в газете «Вечер» от 13 ноября 1917 г.:

«Штрейкбрехеры

Троцкий с Поливановым ищут служащих, но таких нет. Всего набрано... 5 человек, но и здесь предстоит осложнение. Троцкий, вступая в должность, провозгласил принцип уравнения содержания от курьеров до министра включительно. Штрейкбрехеры, конечно, на такое жалованье не пойдут.

Ни один из вновь нанятых пяти чиновников не имеет еще точно назначенной должности, а главное, определенного содержания. Стоит ли говорить о том, что штрейкбрехеры пока еще не приступали к «работе».

Ищут новые документы

Поиски секретных документов в министерстве иностранных дел продолжаются. Ищет специалист, конечно, Поливанов. В ближайшем будущем предстоит опубликование договора с Италией, в котором говорится о предоставлении Италии прав на исконно славянские территории Балканского полуострова, что, как полагают большевики, было неизвестно сербскому правительству.

Большевики утверждают, что когда Пашич спросил в Петрограде действительно ли существует такой договор с Италией, ему сказали, что такого соглашения нет. <...>

Болезнь Залкинда

Личный секретарь Троцкого Залкинд перестал посещать министерство иностранных дел. Он болен тифом и находится в больнице. Залкинд вместе с Поливановым фактически управляет министерством иностранных дел.

Залкинд по образованию зоолог. Он долгое время жил в Алжире, где занимался... пресмыкающимися. Чем будет заниматься Залкинд после большевиков – мы не знаем...

Один из руководителей министерства иностранных дел

Пустынно в дипломатических канцеляриях Российской Республики. Все дипломатическое ведомство «рабочего и крестьянского правительства» сейчас представляет лишь один человек, некий Е.Д. Поливанов, который совмещает в себе все должности, начиная от комиссара по иностранным делам и кончая мелким переписчиком.

Поливанов считается уполномоченным Л. Троцкого и ему был поручен специально разбор архива секретных документов. Поливанов рылся в секретных документах с мастерством, которому мог бы позавидовать любой из шерлоков. Сейчас Поливанова прочат на пост товарища комиссара по иностранным делам.

Биография Поливанова

Поливанов...

Молодой человек, 26 лет, окончивший университет в 1912 г. по истори-

ко-филологическому факультету и одновременно практическую Восточную академию. В университете его видели с известным союзником Шенкиным, причем Поливанов явно афишировал с ним свою дружбу. В академическом союзе не состоял, но с Шенкиным не разставался все время, покуда тот был в университете.

Поливанов был оставлен при университете и сейчас читает лекции по сравнительному языкознанию в Психо-Неврологическом институте, на курсах Лохвицкой-Скалон, Бобрищева-Пушкина и др. Поливанов специалист по японскому языку и четыре раза был командирован в Японию университетом, Академией Наук и Русско-Японским обществом.

В начале революции Поливанов появился в совете крестьянских депутатов и каким-то образом был прикомандирован в министерство иностранных дел и числился в отделе печати.

Поливанов, между прочим, посещал министерство, достал оттуда секретные телеграммы Терещенко нашим дипломатическим агентам по поводу того, что необходимо установить надзор за большевиками, причем эти функции возлагались на чинов министерства.

Поливанов передал эти телеграммы Мартову-Цедербауму, который и огласил их в Совете Республики.

Большевики обратили внимание на расторопного молодого человека, ухитрившегося достать секретные документы, и карьера Поливанова после переворота была решена. Троцкий взял его к себе со специальным поручением добыть во что бы то ни стало тайные договоры. Поливанову такие поручения приходилось исполнять не впервые, и он охотно пошел на это.

Посетители притонов последнего пошиба и самых подозрительных мест многое могли бы рассказать о Поливанове, завсегдатае «этих уголков». Поливанов алкоголик и наркоман.

Правую руку Троцкого можно было встретить в клубе китайцев на Невском пр., где он предавался вместе с чернорабочими-китайцами пагубной страсти наркомана. Вообще Поливанов всегда вращался в самом подозрительном обществе и особенно хорошо известен посетителям недавно закрытого кафе «Ампир». Кандидат на пост товарища министра иностранных дел в совете рабочего и крестьянского правительства, близкий родственник бывшего военного министра А.А. Поливанова.

Беседа с Е.Д. Поливановым

Е.Д. Поливанова я встретил в архиве министерства иностранных дел.

Поливанов всерьез относится к своим новым обязанностям.

Между нами произошел следующий разговор:

— Почему до сих пор не опубликованы документы, компрометирующие Германию, и почему нет ничего о Японии?

— В течение войны, — говорит Поливанов, — не было дипломатических сношений с Германией и следовательно, поскольку дело касается секретного архива министерства, а не разведывательного отделения штаба, нельзя ожидать сенсационных разоблачений о деятельности германской дипломатии. Схема соглашения с Германией с 1909 г. однако опубликована, как и предложение Германии сепаратного мира через посредство

Японии. Что касается секретных пунктов секретного соглашения 1916 г., то опубликование их не может считаться особо существенным, так как эти пункты отнюдь не были секретными для японской печати, отлично осведомленной в деятельности японской дипломатии.

Япония вообще более, чем какая-либо из наших союзниц, благосклонна к освещению своей международной политики в печати.

— Почему, — задаю я вопрос Поливанову,- совет народных комиссаров не обратился с предложением о мире к Румынии и Японии, как это он сделал в отношении других союзников?

— Это было сделано без моего ведома. Во всяком случае совет народных комиссаров отнюдь не обязывается обращаться с тожественными текстами к посольствам всех союзных правительств. Обращение к Румынии и Японии вероятно состоится на днях. Для Японии и Румынии предполагается специальное обращение, равно как и к тем представителям нейтральных правительств, которые до сих пор не получили соответствующих обращений.

Выбор секретных документов для немедленного оглашения в печати совершенно не стоит в связи с выделением тех документов, которые вообще будет сочтено нужным опубликовать, хотя бы потому, что ежедневная печать не в состоянии отпечатать ту массу сенсационных и имеющих значение для достижения найденных документов. Впрочем, до сих пор мы обращались только к документам, хранящимся в канцелярии министерства, тогда как разбор архива телеграмм и бумаг различных отделов даст также несомненно значительные результаты.

Судить о суммарном итоге разбора документов можно будет только после опубликования сводки и комментирований их в нескольких номерах официоза министерства иностранных дел, которые предполагается издавать в ближайшем времени.

Будут ли уничтожены тайные документы

- Намерен ли Троцкий совершенно уничтожить тайные документы, или он намерен сохранить принцип секретной переписки в будущем?

- Хотя я и не уполномочен говорить от имени тов. Троцкого, но я не предвижу иного способа действия министерства кроме полного разрыва с приемами тайной дипломатии. Опубликование договора осуществляет смерть тайной дипломатии. В ближайшее будущее предполагается уничтожить цифирное отделение министерства и по сообщениям заграничных представителей, насколько я понимаю план деятельности Троцкого, не будут содержать тайны для общественного мнения.

Разрыв с союзниками

- Как вы смотрите на разрыв с союзниками, фактически осуществленный опубликованием секретных документов?

- Необходимо отделять вопрос о честном содействии с союзниками в разрушении германского империализма, что является обязательным для революционной России, от вопроса в опасении со стороны союзников, которые могут угрожать нам за нарушение дипломатических традиций. Поскольку дело идет о солидарности с союзниками на почве борьбы

с германским империализмом, я не сомневаюсь, что опубликование дипломатических документов, имеющих целью дискредитирование империалистических вожделений всех правительств, не может встретить упреков со стороны истинно стремящихся к всеобщему и справедливому миру групп.

Что же касается угроз со стороны союзников, то о них я не имею основания говорить, ибо таких угроз еще не было.

***

На этом я окончил свою беседу с Поливановым, так как собственно самый красивый Поливанов не может дать больше того, что он имеет, тем более, что багаж Поливанова, кажется, совсем небольшой» [I].

[I] Осеньев И. В комиссариате Троцкого // Вечер. — 1917.— №3. — 13 (26) ноября.

«Чиновники министерства иностранных дел обрекли на голодную смерть наших военнопленных в Германии и Австрии, прекратив высылку им денег, – обличал автор ушедшее в историю внешнеполитическое ведомство. – Это называется на их языке забастовкой протеста против большевистской власти».

Поливанов констатировал: «Наши дипломаты, например, с момента Февральской революции прекратили посылку вещей в окопы; ненависть к революционному солдату была в них также естественна, как и вражда против народного правительства. Но мы все же не ожидали такого бессовестного шантажа, как обретение военнопленных на голод. И это со стороны „патриотов“»[1].

9 ноября 1917 года газета «Новая жизнь» приводила слова Поливанова о том, что «разборка и систематизирование документов „оранжевой книги“ подвигается вперед, и скоро в наших руках будет полный комплект договоров и соглашений с союзными державами, заключенных до и после войны»[2]. Одновременно с переводами, подчеркнул он, шла систематизация выявленных материалов.

На следующий день газеты «Правда», «Известия», «Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства», «Рабочий и Солдат» обнародовали первые документы из секретных материалов министерства иностранных дел. Официальные советские издания «Известия», «Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства» напечатали по 18 тайных дипломатических документов, «Правда» – 6.

Газета «Новая жизнь» за 10 ноября 1917 года отреагировала на начало издания договоров заметкой «Тайные договоры». В ней сообщалось, что часть тайных договоров, относящихся преимущественно к периоду пребывания на посту министра иностранных дел Терещенко, по распоряжению Троцкого сдана к опубликованию в официальные органы Совета народных комиссаров и партии большевиков и левых эсеров («Знамя труда»), но в другие печатные органы они «не были выданы». «Это был первый день опубликования „тайных договоров“, – вспоминал Поливанов, – а сенсационное опубликование это продолжалось в течение нескольких недель, встречаемое ежедневно с неослабевающим интересом и напряжением, жадным любопытством масс, с отвращением узнававшим так дорого обошедшиеся народам России тайны царской дипломатии»[3].

[1] Поливанов Е. Преступная игра чиновников-дипломатов // Правда. – 1917. – 4 (17) ноября.

[2] В министерстве иностранных дел // Новая жизнь. – 1917. – 9 (22) ноября. – № 179.

[3] Ирошников М.П., Чубарьян А.О. Опубликование советским правительством в 1917–1918 гг. тайных дипломатических документов // Археографический ежегодник за 1963 год. – М., 1964. – С. 201–202.

ВѢСТИ и ФАКТЫ.

Комиссаръ т. Луначарскiй остается на посту.

Въ «Новой Жизни» и нѣкоторыхъ другихъ газетахъ появилось письмо тов. Луначарскаго, что онъ отказывается отъ званiя комиссара, ввиду московскихъ событiй приведшихъ къ гибели ряда памятниковъ старины.

Отставка т. Луначарскимъ въ настоящее время взята обратно и онъ заявляетъ, что остается на своемъ посту.

ФРАКЦIЯ ЛѢВЫХЪ С.-Р.

На послѣднихъ засѣданiяхъ фракцiи лѣвыхъ с.-р., происходили доклады отъ цѣлаго ряда представителей провинцiальныхъ партiйныхъ организацiй и войсковыхъ частей о положенiи дѣлъ на мѣстахъ. Правое с.-р. теченiе всюду окончательно ликвидируется и всюду наблюдается массовый отходъ къ лѣвымъ с.-р. Позицiя Ц. К. вызываетъ все-

ПРЕСТУПНАЯ ИГРА ЧИНОВНИКОВЪ-ДИПЛОМАТОВЪ.

Чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ обрекли на голодную смерть нашихъ военноплѣнныхъ въ Германiи и Австрiи, прекративъ высылку имъ денегъ. Это называется на ихъ языкѣ забастовкой протеста противъ большевистской власти. Мы привыкли уже къ тому, что сторонники войны до побѣднаго конца по отношенiю къ армiи выказываютъ полное отсутствiе заботливости и безсердечiе. Наши дипломаты, напр., съ момента февральской революцiи прекратили посылку вещей въ окопы; ненависть къ революцiонному солдату была въ нихъ также естественна, какъ и вражда противъ народнаго правительства. Но мы все же не ожидали такого безсовѣстнаго шантажа, какъ обреченiе военноплѣнныхъ на голодъ. И это со стороны «патрiотовъ»!

Е. Поливановъ.

Заметка Е. Поливанова «Преступная игра чиновников-дипломатов». Газета «Правда» от 4 (17) ноября 1917 г.

В газете «Правда» от 11 ноября договоры были опубликованы под единым заголовком «Тайные договоры и тайная дипломатия». В предисловии к публикации говорилось: «Ныне печатается ряд официальных документов, посланных г. Терещенко русским послам за границу, из которых ясно устанавливается политика бывшего коалиционного министерства, лгавшего рабочим, крестьянам и солдатам, что оно тоже стремится к миру»[4].

Ритм работы сотрудников был настолько напряженным, что порой не хватало времени для написания подобных предисловий к публикуемым материалам. Опубликование производилось по мере нахождения документов. «Политически важно, – рассказывал Залкинд, – было приступить к публикованию немедленно, что и заставляло нас крайне не систематически пускать в прессу всего понемногу»[5].Для ускорения работы по их переводу по инициативе Поливанова к работе присоединился японовед и китаевед Николай Иосифович Конрад. Вместе два ученых перевели на японский язык «Обращение к народам Востока» и «Обращение к трудящимся и угнетенным всего мира».

Ход работы находился под контролем Смольного. Однажды в печать по личному указанию Ленина срочно было направлено «донесение румынского военного атташе с сообщением о намерении Корнилова нарочно сдать Ригу, с целью борьбы против „пораженчества“»[6].

В отдельных случаях для отражения важности публикуемого документа готовились сопроводительные статьи.

---

[4] Тайные договоры и тайная дипломатия // Правда. – 1917. – 11 (24) ноября.

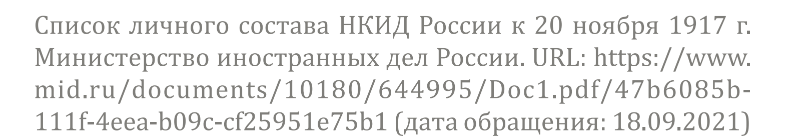
[5] Залкинд И. НКИД в семнадцатом году (Из воспоминаний об Октябре) // Международная жизнь. – 1927. – № 10. – С. 15.

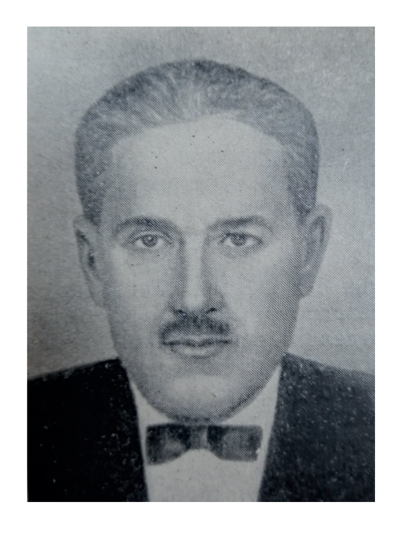
[6] Там же.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ
Народнаго Комиссаріата по Иностраннымъ Дѣламъ
къ 20-му Ноября 1917 года.

Народный Комиссаръ по Иностраннымъ Дѣламъ т.Троцкій
Уполномоченные Народнаго Комиссара: т.Залкиндъ и т.Поливановъ

Отдѣлъ о военно-плѣнныхъ: т.Николаевъ /Завѣдующій/
т.Богацкій
т.Грохотовъ
т.Лягинъ
т.Оверовъ
т.Яснопольскій
т.
Отдѣлъ Правовой: т.Доливо-Добровольскій /Завѣдующій/
т.Кафталь
т.Коппе
т.Луцкій
т.Тѣлеснинъ
т.Чельцовъ
Отдѣлъ Шифровальный и Печатный: т.Маркинъ /Завѣдующій/
т.Гусевъ
т.Леманъ
Отдѣлъ Печати: т.Галкинъ /Завѣдующій/
т.Блокъ
т.Кунъ
т.Марковскій
т.Сапиръ
т.Сорокинъ
Отдѣлъ Визъ: т.Погребной /Завѣдующій/
Отдѣлъ Личнаго Состава: т.Петровъ /Завѣдующій/
Секретаріатъ Народнаго Комиссара: т.Шелепина
т.
Секретарь Восточнаго Отдѣла т.Легранъ
Секретарь Западнаго Отдѣла т.
Регистратура т. Звирбуль
Смотрительская часть т.Ульскій /Завѣдующій/


Список личного состава НКИД России к 20 ноября 1917 г. Министерство иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/documents/10180/644995/Doc1.pdf/47b6085b-111f-4eea-b09c-cf25951e75b1 (дата обращения: 18.09.2021)


И.А. Залкинд

Н.Г. Маркин

Поливанов, в частности, на основе переведенных документов проанализировал ситуацию после вступления Румынии в 1916 году в войну на стороне Антанты, изложив свое видение развития событий и последствий для России в статье «Обстоятельства выступления Румынии и позднейшие соображения по румынскому вопросу», опубликованную в газете «Известия» 11 ноября 1917 года.

За все время публикации секретных материалов, продолжавшихся до конца февраля 1918 года, в газете «Известия» было опубликовано около 100, в «Правде» около 50 документов. Переведенные материалы нашли свое место в вышедшем в декабре 1917 года первом номере «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел».

Всего в семи изданных номерах Сборника, включавшего 320 страниц (все номера Сборника имели единую нумерацию страниц и документов), было опубликовано около 130 самых различных по содержанию документов. Фамилии переводчиков документов не упоминались. В то же время в конце каждого сборника сообщалось, что ответственным редактором является Н. Маркин. Именно ему – балтийскому матросу и революционеру Николаю Григорьевичу Маркину, выполнявшему в Наркоминделе обязанности начальника одела печати и типографии, – в последующем

будет отдана заслуга в предании гласности этих договоров.

Сборники документов раскупались нарасхват. Работники иностранных посольств и чиновники старого Министерства иностранных дел пытались их скупить и уничтожить.

Опубликование тайных документов произвело сильнейшее впечатление во всем мире. Нейтральная пресса многих стран, в том числе воюющих, перепечатывала их, сопровождая собственными комментариями. В связи с этим французская Палата депутатов заслушала специальное сообщение министра иностранных дел. Печатный орган австрийской социал-демократии приветствовал публикации, признав, что они срывают демократическую маску с Антанты и австро-германского империализма.

Конференция французской Всеобщей конфедерации труда приняла резолюцию с требованием отмены тайной дипломатии. В манифесте британской социалистической партии, принятой в январе 1918 года, указывалось, что опубликование советским правительством тайных договоров разоблачает империалистов, а советское требование открытого ведения мирных переговоров заставляет Германию выдать свои замыслы[1].

В.И. Ленин, выступая на I Всероссийском съезде военного флота 22 ноября 1917 года, назвал публикацию тайных договоров пропагандой «не словом, а делом», заметив, что «господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню»[2].

Публикация тайных договоров наряду с другими шагами Советской России на международной арене способствовала прекращению Первой мировой войны. Только несомненная, казалось бы, роль Поливанова в деле достижения мира между странами и народами оказалась приниженной усердиями его непосредственного руководителя Льва Троцкого.

В 1922 году Залкинд рассказал, что «при использовании громадного доставшегося нам количества материалов особая заслуга принадлежит покойному т. Маркину “матросу-электрику”, присланному нам т. Троцким».

«Маркин, – писал бывший уполномоченный НКИД, – раздобыл себе пару переводчиков и при их помощи составил из различных неиспользованных документов 6 номеров “Сборника Тайных Договоров”, отпечатав их в типографии самого министерства иностранных дел»[3].

Заведующий шифровальным и печатным отделом НКИД Маркин действительно отличался энергичностью и находчивостью, но не блистал образованием. Его можно был застать за разбором писем, «пришедших с какой-либо запоздалой к революции вализой, то собирающего найденную им модель нового пулемета, то чинящего “диктофон”, после преподнесенный нами т. Троцкому»[4].

Маркину принадлежала «идея продажи с публичного аукциона всех безделушек, присланных в огромном количестве дипломатическими вализами от заграничных друзей старым чиновникам министерства»[5].

В 1927 году в журнале «Международная жизнь» Залкинд слово в слово повторил свой рассказ пятилетней давности. Он отметил, что подбор и перевод всех наиболее важных документов (тайные договоры с Италией, Румынией, Францией, Бьеркское соглашение, переписка Николая II, депеши послов Керенского и т. д.) были произведены непосредственно им.

В строках, написанных Залкиндом, чувствовалось влияние Троцкого, явно пытавшего исказить информацию, связанную с историей становления НКИД.

---

[1] История дипломатии: в 3 т. Т. 2: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). – М.–Л., 1945. – С. 306.

[2] Ленин. В.И. Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 25 ноября (5 декабря) 1917 г. // ПСС. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – М., 1969. – С. 117.

[3] Залкинд И. Из первых месяцев Народного Комиссариата по Иностранным Делам // Международная жизнь. – 1922. – № 15. – 7 ноября. – С. 57.

[4] Там же.

[5] Там же.

«Насчет Наркоминдела, – пояснял спустя годы первый нарком иностранных дел РСФСР, – я бы хотел вспомнить т. Маркина, который организовал, до некоторой степени, Наркоминдел; т. Маркин был матросом Балтийского флота и состоял членом ЦИК второго созыва».

Касаясь вопросов предания гласности тайных договоров, роли и места исполнителей этой работы, Троцкий был более, чем конкретен. «Маркин приступил к их изданию», – заявил первый советский нарком иностранных дел. В отношении Поливанова – человека, являвшегося его заместителем, Лев Давыдович высказался в пренебрежительной форме: «При нем (при Маркине. – *Авт.*) терся молодой человек, лет 25, без руки, фамилия его, кажется, Поливанов, приват-доцент. Так как он был мне рекомендован Маркиным, то он и помогал ему. Не знаю, на каком он был факультете, но у него были сведения по этой части. Кажется, он даже знал азиатские языки. Филолог ли он был, что ли, – в точности не могу сказать. Работал он не на секретных ролях. Кто рекомендовал его Маркину, не знаю. Там был еще из партийных Залкинд. Маркин его более или менее усыновил. Но потом оказалось, что Поливанов был членом союза русского народа. Руку он потерял, во всяком случае, не на баррикадах. Он обнаружил потом большое пристрастие к спиртным напиткам, и даже были сведения, что он принимал разные приношения. Персидское посольство ему какую-то корзинку с какими-то приношениями прислало. Он был по этому поводу устранен. Первое время он работал довольно активно. Сам Маркин ловил посылки, которые приходили из других стран. В них оказывались шелк, дамские туфли и т. п. Никаких дипломатических переговоров в эти времена здесь не велось, и вся работа сводилась к изданию документов и продаже содержимого этих вализ. Наша дипломатическая деятельность происходила в Смольном без всякого аппарата Наркоминдела»[1].

Коллега Поливанова по работе в сфере народного просвещения в Средней Азии Н.П. Архангельский позднее писал: «Острое психическое заболевание Е.Д. Поливанова весной 1922 года в какой-то мере было связано с травмой, которую нанесла ему книга Л. Троцкого „1917-ый год“, где автор высокомерно писал об „одноруком Поливанове“, который, будто бы, „вертелся“ (?) около Наркоминдела (может быть я не совсем точно вспоминаю грубый текст Троцкого, но суть его такова). <...> Тон Троцкого был возмутителен. Позже, поработав с Е.Д., лучше его узнав, я еще яснее осознал: это место в книге Троцкого убийственно характеризует отнюдь не Поливанова, но самого Льва Троцкого»[2].

Не исключено, что отношение Троцкого к своему уполномоченному связано с возникшим конфликтом из-за различных подходов к публикации секретных материалов имперского МИД и заявлений, которые Поливанов делал для прессы.

Накануне издания первых договоров Поливанов рассказал корреспонденту газеты «Новая жизнь» подробности первых дней работы НКИД и процесса поиска, расшифровки и систематизации документов. В своем интервью он упомянул обстоятельства первого визита Троцкого в МИД, когда бывшие сотрудники внешнеполитического ведомства позволили себе нелестные выкрики в сторону наркома: «Бронштейн, не Троцкий, нам фальшивых паспортов не надо»[3]. Он также сообщил, что первоначально никто из его бывших коллег «не думал отказываться от передачи власти. А заведующий правовым департаментом Добровольский поставил на вид, что ключи от шкафов передаются Троцкому добровольно, отнюдь не под угрозой»[4]. Лишь на следующий день собрание союза служащих вынесло

---

[1] Стенограмма заседания участников Октябрьского переворота в Петербурге // Пролетарская Революция. – 1922 г. – № 10. – С. 64.

[2] Андронов А.В. Ускользающие следы Е.Д. Поливанова // Поливановские чтения. – Смоленск, 2019. – № 13. – С. 10.

[3] В Министерстве иностранных дел // Новая жизнь. – 1917. – 9 (22) ноября.

[4] Там же.

постановление о бойкоте новой власти. Сотрудники, изъявившие первоначально готовность возобновить работу, заявили, что теперь из товарищеской солидарности этого сделать не могут. Это никак не соответствовало тому, что рассказывал Залкинд.

Спустя два дня после опубликования откровений Поливанова нарком Троцкий подвергся критике со стороны оппозиционной прессы.

11 ноября 1917 года та же «Новая жизнь» отмечала, что «нар. комиссар Троцкий извлек из хранилища министерства иностранных дел чрезвычайно любопытные документы, часть которых публикуется ниже», которые «дают яркое освещение деятельности международной тайной дипломатии и закулисной механики империализма». Но газету удивило, что Троцкий передал найденные документы лишь в три официальных большевистских издания, а это не акт «государственного значения, а какой-то коммерческий партийный шаг, клонящийся к искусственному увеличению тиража большевистских изданий»[5].

Наряду с этим издание обнаружило «полнейшую беспомощность в систематизации полученного ими исключительного материала и напечатали документы без всякой системы, в полнейшем хаосе, как попало»[6]. Под заголовком «Тайные договоры» редакция разместила шесть документов царского правительства, тема которых перекликалась со статьей «Япония и “константинопольский» империализм”, написанной Поливановым и опубликованной «Новой жизнью» 17 мая 1917 года. Среди напечатанного выделяется справка второго политического отдела МИД России «Соглашение о Константинополе».

Утром следующего дня «Новая жизнь» пошла дальше, представив под заголовком «Бенефис Л. Троцкого» обзор прессы, отреагировавшей на публикацию тайных договоров. Критический взгляд на тему высказали газеты «День», «Рабочая газета», «Знамя труда». Заметка к обзору начиналась с того, что неизвестный автор назвал публикацию договоров «великолепным жестом Л. Троцкого», который не сумел «толково и с достоинством вскрыть тайны “буржуазной сволочи”»[7].

Критики фактически подметили легковесный подход Троцкого к роли внешнеполитического ведомства и к обнародованию секретных документов МИД. То, что Лев Давыдович не собирался заниматься в будущем делами НКИД, заметил будущий полпреда в Мексике С.С. Пестковский. В ответ на просьбу направить его на работу в НКИД Троцкий заявил: «Жаль вас на эту работу. Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку»[8].

Газеты явно уловили настрой наркома и задели обостренное самолюбие Троцкого. Виновником потока негативных материалов мог быть только Поливанов – постоянный автор газеты «Новая жизнь», должностное лицо, имевшее доступ к документам НКИД, открыто высказывавший мнение о порядке придания гласности секретных договоров и несогласие с бессистемностью этого процесса.

Первый нарком страны Советов явно увидел в деятельном, но строптивом заместителе, опасность для себя, поэтому слукавил, когда отрешился от совместной работы с ним, принизил профессиональные качества, обвинил в причастности к чуждым для революции кругам – черносотенцам.

---

[5] Тайные договоры // Новая жизнь. – 1917. – 11 (24) ноября.

[6] Там же.

[7] Бенефис Л. Троцкого // Новая жизнь. – 1917. – 12 ноября.

[8] Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 3. Биографии министров иностранных дел. – М., 2002. – С. 320.

Л.Д. Троцкий

«Незнание» Троцкого ни как не соответствовало тому, что писала о Поливанове пресса в ноябре 1917 года. Так газета «Наша речь» не скрывала возмущение тем, что «в министерстве (в МИД. – *Авт.*) все время хозяйничает лишь г. Поливанов, приглашенный на амплуа специалиста по расшифровке тайных договоров, и секретарь народного комиссара г. Залкинд[1] .

В свою очередь уполномоченный НКИД общение со своим непосредственным руководителем – Троцким – не отрицал, наоборот подтверждал, что в то революционное время между ними состоялся острый диалог, касающийся политических взглядов Поливанова.

«Я вспоминаю следующий разговор с Троцким, – пояснял Евгений Дмитриевич в феврале 1929 года в стенах Коммунистической академии. – Я ему сказал следующее, и сейчас говорю. Я в Союзе русского народа был два раза. Один раз я осматривал библиотеку, это было утром, и другой раз я был вечером, приблизительно в 1910 или 1911 году, на собрании, слушал Замысловского, Римского-Корсакова, Пуришкевича, Маркова 2-го не было. Этим мое участие в Союзе русского народа исчерпывается. <…>. Здесь я мог бы даже сказать причины резкого изменения в отношениях ко мне т. Троцкого, но я считаю это уже лишним»[2].

Нелепыми представляются утверждения Льва Давыдовича в отношении роли Поливанова в деятельности НКИД в первые месяцы Советской власти. На самом деле она оказалась достаточно активной.

Виктор Иванович Плетнер в письме своему сыну – атташе российского посольства в Японии и будущему светиле российского японоведения Оресту Викторовичу Плетнеру – 16 декабря 1917 года писал: «Прилагаю вырезку из “Правды” о “Республиканском после Крупенском и его присных”. Посольству в Токио, как мне известно, была послана телеграмма Поливановым, согласны ли вы продолжать нести свои обязанности при большевиках»[3].

То, что куратор восточного отдела и уполномоченный НКИД Евгений Поливанов действительно вел переписку с дипломатическими миссиями России за рубежом подтверждал в свое время профессор Самаркандского государственного университета И.И. Умников. Он вспоминал: «В эти годы я работал в полпредстве Наркоминдела в Бухаре и помню поступавшие иногда из Наркомидела телеграммы за подписью Поливанова. В моем архиве имеется копия исторического документа, связанного с именем Поливанова. Со времени Октябрьской революции Российское Резидентство (позже полномочное представительство) в Бухаре весьма продолжительное время не имело никаких директивных указаний от Наркомидела из Петрограда. Лишь 21 февраля 1918 года была получена первая телеграмма из Петрограда за подписью Поливанова следующего содержания: “Прежде всего, требуем публичного признания власти Совета Народных Комиссаров. Отвечайте немедленно”. В Петроград на имя Комиссара ино-

[1] Наша речь. – 1917. – 16 (29) ноября.

[2] Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 547–548.

[3] Ермакова Л.М. Некоторые материалы из архива Ореста Плетнера // Японские исследования. – 2017. – № 3. – С. 43.

странных дел была отправлена соответствующая телеграмма за подписью членов Коллегии по бухарским и хивинским делам. Позднее, когда Е.Д. работал в Туркестанском восточном институте в Ташкенте, он иногда в канун годовщины Октября выступал со своими воспоминаниями об Октябрьской революции в Петрограде и о своей работе в Наркоминделе»[4].

В конце 1917 года Советское правительство начало официальные переговоры с китайским посланником в Петрограде Лю Цзинжэнем об отмене старых договоров и установлении новых, дружественных отношений на основе полного равноправия. В связи с событиями, развернувшимися в конце года в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), вопрос о ней занял важное место в советско-китайских переговорах. В конце января 1918 года НКИД в дополнение к уже происходившим переговорам начал переговоры с китайской миссией в Петрограде «об упорядочении управления КВЖД».

24 января 1918 года произошла встреча уполномоченного НКИД Поливанова и заведующего восточным отделом ведомства А.Н. Вознесенского с сотрудником китайской миссии Ли Шичжун. О его результатах китайский посланник в Петрограде Лю Цзинжэнь доложил в Пекин[5].

Китайский дипломат дал Поливанову положительную характеристику: «Поливанов – племянник военного министра в бывшем правительстве, он еще молод, весьма обходителен и внешне совсем не похож на большевика».

Основная идея, которую советские дипломаты пытались донести до своих коллег по переговорам, состояла в том, что главным общим врагом Советской России и Китая является буржуазия империалистических стран, угрожающая российской революции и препятствующая достижению Китаем независимости. В этом смысле народы и правительства двух государств вполне могли бы быть союзниками по общей борьбе, убеждал Е.Д. Поливанов[6].

Впрочем, скоро политика в отношении Китая изменилась. 22 февраля 1918 г. Наркоминдел направил международным отделам краевых Совдепов инструкцию, в которой предписывал: «В отношении китайцев надлежит помнить, что нынешнее Пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшим восстание против реакционного севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику»[7].

Что же касается «персидских приношений» Поливанову, разбирался суд, снявший с него все обвинения. Обвинения в пьянстве также подлежали сомнению. Сам Евгений Дмитриевич по этому поводу говорил: «Меня бы просто не приняли в партию, я бы не прошел чистки»[8].

Троцкий официально возглавлял НКИД до 13 марта 1918 года. По инициативе Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина 8 января 1918 года товарищем, а затем 29 января – заместителем народного комиссара по иностранным делам был назначен Г.В. Чичерин[9]. В конце февраля 1918 года Поливанов покинул Наркомат иностранных дел, но контакты с ним не потерял.

---

[4] Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1989. – С. 18–19.

[5] Телеграмма Лю Цзинжэня в МИД КР, 26 января 1918 г. // Материалы о китайско-российских отношениях. Китайско-Восточная железная дорога. Часть I. – Тайбэй, 1960. – № 110. – С. 80–81.

[6] Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. – М., 2000. – С. 124–125.

[7] Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. – М., 1959. – С. 37.

[8] Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 548.

[9] Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г. – М.–Л., 1966. – С. 257.

Из телеграммы китайский посланник в Петрограде Лю Цзинжэнь в МИД Китайской Республики от 4 февраля 1918 г.:

«После обычных вежливых фраз он (Поливанов. — Авт.) сказал: "В Китае и в России одна за другой произошли революции. История свидетельствует, что предпосылки революции сложились в России раньше, чем в Китае. Но путь её был неровным. Кто бы мог предположить, что Китай в конце концов опередит в этом отношении нашу страну! Я думаю, что граждане Китая приветствуют нашу демократию. Ведь народы Китая и России — братья и должны рука об руку идти вперёд с тем, чтобы добиться своих целей. Я выступаю за дружбу с Китаем и очень хочу, чтобы наши страны были вместе. Что же касается харбинской проблемы, то тут с обеих сторон не обошлось без недоразумений, которые необходимо немедленно устранить".

Я ответил: "Тот факт, что граждане Китая восхищаются русской революцией, не подлежит никакому сомнению. А что касается харбинской проблемы, то я подробно обсуждал эту тему с г-ном Вознесенским и он, я думаю, уже сообщил Вам об этом. Суть дела в том, что Харбин находится на территории Китая и поддержание там порядка отвечает интересам китайского и российского народов. Это соответствует к тому же статье 5 Договора о КВЖД относительно ответственности за безопасность дороги и служебного персонала. Это было выражением суверенитета Китая, закреплённого договором, и не имело отношения к внутренним проблемам России".

Поливанов: "Совершенно справедливо. Поэтому я и не был против ввода китайских войск в Харбин. Когда было получено сообщение из Харбина, общественное мнение было возбуждено, звучали голоса, требовавшие выступить с протестом, готовилась шумная демонстрация перед зданием китайской миссии. Я публично объяснил ситуацию, исходя из принципа 2 "Китай — для китайцев" и до сих пор никаких демонстраций не было. Вот только буржуазная пресса развернула широкую кампанию и кое-кто поддался на её агитацию. По моему мнению, Ваша миссия должна выступить в печати с разъяснениями. Японская миссия уже опубликовала в газетах сообщение о посылке военных судов во Владивосток, и дело прояснилось".

Я вынул текст, предназначавшийся для печати, и показал его Поливанову: "Несколько дней тому назад г-н Вознесенский уже упоминал об этом, и поэтому я подготовил этот текст. Не знаю, как Вы к нему отнесётесь? Если Вы считаете это необходимым, передайте его для публикации в газетах".

Прочтя написанное, Поливанов сказал: "Это как раз то, что я имел в виду. Вот только можно ли добавить одну фразу о том, что относительно произошедшего на КВЖД мы уже обратились в китайскую миссию и вскоре должен быть ответ Пекинского правительства?"

"Это на самом деле так, — ответил я, — поэтому возражений, как представляется, быть не может".

Поливанов: "Мы считаем вопрос о КВЖД политической проблемой, и поэтому она должна быть разрешена обеими сторонами в духе миролюбия".

Я ответил: "Бывшее царское правительство порой использовало дорогу в качестве средства своей агрессии на Дальнем Востоке. Ныне вы — самые

последовательные борцы с монархическим режимом. Почему же вы утверждаете, что вопрос о КВЖД — это политическая проблема? КВЖД является чисто коммерческим предприятием, а нынешнее Рабоче-Крестьянское Правительство вовсе не национализирует частные железные дороги, например (не разборчиво. — Авт.). К тому же КВЖД находится на Дальнем Востоке, почему же нельзя предоставить ей свободу деятельности?"

Поливанов: "Говоря о том, что вопрос о КВЖД — это политическая проблема, я имел в виду борьбу с монархистами. Такие монархисты как посланник Кудашев и генерал Хорват были уволены со своих должностей приказом Рабоче-Крестьянского Правительства, но по-прежнему продолжают использовать КВЖД для контрреволюционных целей, и к тому же провоцируют раздоры между Китаем и Россией. Они издавна действовали заодно с царским правительством, замышляя захват китайской земли, порабощение китайского народа.

Одним из свидетельств этого является их отношение к китайским рабочим. Так почему же после всего этого Китайская Республика выступает в их защиту? Тут налицо явное недоразумение. Не исключено, что китайское правительство верит россказням о том, что мы бандиты и разбойники. Но у бандитов и разбойников не может быть такой совершенной организации, как у нас. Поэтому я надеюсь, что Вы от своего имени или от имени миссии правдиво проинформируете китайское правительство о мероприятиях рабоче-крестьянского правительства.

Мы знаем о том, что Китай находится в трудном положении, и не только не хотим усугублять эти трудности, но намерены помогать Китаю. Мы планируем отмену права консульской юрисдикции и концессий в Китае. Все вопросы такого рода решить легче, чем проблему КВЖД. Если предусмотреть выкуп дороги Китаем по примеру того, как участок от Куаньчэнцзы до Чанчуня был продан японцам, то у Китая пожалуй нет необходимых для этого средств. Мы долго обдумывали этот вопрос и пришли к выводу, что единственным выходом из положения является совместное управление дорогой представителями двух стран".

Я ответил на это: "Вопрос о посланнике Кудашеве — это проблема международного права, которую Китай должен решать совместно с другими странами. Если поступить иначе, могут возникнуть осложнения. Вопрос о генерале Хорвате мы недавно подробно обсуждали с г-ном Вознесенским. Китайское правительство прекрасно представляет себе, с кем имеет дело, и ни в коем случае не будет действовать по его наущению. Что до Рабоче-Крестьянского Правительства, то наш посланник регулярно информирует об этом китайское правительство и оно вполне в курсе событий. А не признали мы вас до сих пор потому, что должны действовать по согласованию со всеми союзными странами и не можем предпринимать каких-либо сепаратных шагов".

После этого Поливанов вынул сообщение Исполкома Совета из Читы, в котором говорилось: "20 декабря по российскому календарю отряды, созданные на территории Маньчжурии казачьим атаманом Семёновым, совместно с китайскими солдатами арестовали членов Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета по охране [Харбина], после чего отправили

их в Читу в опломбированных вагонах". "Эта телеграмма, — продолжал Поливанов, — передана Совнаркомом для публикации в прессе. Согласно этому сообщению, китайские рабочие, действуя заодно с контрреволюционными казаками, осуществили депортацию рабочих и солдатских депутатов, что является вмешательством в наши внутренние дела. Но я исхожу из того, что преждевременная публикация этого сообщения до того, как получены соответствующие разъяснения со стороны китайского правительства, только осложнила бы ситуацию. Поэтому я, основываясь на своей позиции дружбы с Китаем, временно отложил публикацию этого материала, рассчитывая передать его в китайскую миссию для того, чтобы она запросила от китайского правительства подробного объяснения случившегося".

Я сказал: "В этой телеграмме не сообщается о том, как конкретно обстояло дело и в каком месте Маньчжурии произошли эти события. Но если исходить из разделяемого Вами принципа «Китай — для китайцев», то вполне естественно, что члены Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета по охране (Харбина — авт.) должны были покинуть китайскую территорию".

Поливанов: "Вполне естественно, что Совет рабочих и солдатских депутатов должен был покинуть китайскую территорию. Но и контрреволюционные казаки не должны создавать в Маньчжурии свои формирования. Китайские солдаты — это граждане республики, но поддерживают русских контрреволюционеров. Этого я не могу понять! Поэтому я ещё раз прошу китайское правительство дать разъяснения на сей счёт. Если у него нет намерения встать на сторону контрреволюционеров, то нужно, чтобы китайским войскам были отданы на этот счёт недвусмысленные приказания".

Я ответил: "А вам надлежит сообщить российским солдатам, что Китай должен принадлежать китайцам!"

Поливанов: "Китай уже давно находится под гнётом иностранных империалистов, почему же он не воспользуется редкой возможностью и не займёт независимую позицию?"

На это я ответил Поливанову контрвопросом: "Вы говорите, что намерены отказаться от права консульской юрисдикции и разобраться со своими концессиями в Китае. Если это действительно ваша цель, то почему же вы не обнародуете её?"

Поливанов: "Цель Рабоче-Крестьянского Правительства действительно такова. Нами опубликованы и отменены все тайные договоры, заключённые царским правительством с другими странами и имеющие отношение к Китаю, то есть всё, что противоречит свободе и независимости китайского народа. Помимо этого, в Обращении Рабоче-Крестьянского Правительства к мусульманским и восточным народам также заявлено об отмене всех несправедливостей царского правительства по отношению к народам Востока. Возьмите, например, Персию, находившуюся в сфере влияния Англии и России и фактически ставшую почти что колонией Англии и России. После того, как Рабоче-Крестьянское Правительство аннулировало российско-английские договоры и вывело из Персии российские войска, Англия не только не была против, но, судя по последним сообщениям из Лондона, одобряет эти действия. Китай занимает более важное место в мире по

сравнению с Персией. И Россия и Китай — республики, а дружба народов России и Китая крепче, чем России и Персии. Поэтому Рабоче-Крестьянское Правительство преисполнено решимости оказывать помощь китайскому народу. Раньше я ездил в Японию и, проезжая Мукден, обратил внимание на то, что в китайской законодательной системе произошли большие изменения и даже полиция хорошо организована. С моей точки зрения, все иностранные суды в Китае могут быть упразднены. С нашей стороны следует упразднить право консульской юрисдикции и вывести российские войска с территории концессий, заменив их китайскими полицейскими силами. Одним словом, суверенитет Китая должен быть в руках китайского народа. До сих пор об этом не было ясно объявлено лишь потому, что не было случая провести с китайской стороной конкретные переговоры".

Я ответил: "Китай отличается от Персии тем, что будучи одной из союзных держав, он не может действовать без согласования с союзниками. Совместные мирные переговоры ещё не начаты, Рабоче-Крестьянское Правительство ещё не признано, поэтому трудно ожидать от китайского правительства, что оно будет обсуждать с вами эти проблемы. Но раз Вы говорите, что это цель Рабоче-Крестьянского Правительства, то вполне можно было бы открыто заявить об этом и народ нашей страны наверняка благожелательно отнесётся к этому. Как Вы знаете, нынешнее положение Китая таково, что в своих действиях он должен быть осмотрительным.

Я хочу задать Вам вопрос: долго ли продержится у власти Рабоче-Крестьянское Правительство?"

Поливанов: "Судя по нынешней ситуации, положение Рабоче-Крестьянского Правительства весьма прочное. Конечно, ни об одном правительстве нельзя предсказать, как долго оно продержится у власти. Однако, основываясь на сегодняшнем положении дел, я могу утверждать, что реставрации старых порядков в России не будет. Но какая бы партия (кроме монархистов) ни пришла бы к власти, я думаю, что никто не будет против наших шагов по восстановлению свободы и суверенитета китайского народа. Даже монархисты разных стран после окончания войны в Европе наверняка будут выступать за права человека и справедливость и не смогут открыто выступать против".

Я сказал: "Если таково ваше мнение, почему же вы не заявите об этом?"

В разговор вмешался Вознесенский: "Я просил наркома по иностранным делам Троцкого включить это в инструкцию, которой я буду следовать в Китае, а я со своей стороны обнародую её".

Поливанов: "С моей точки зрения, опубликовать всё это можно будет только после того, как состоятся конкретные переговоры с китайской стороной".

Я спросил его: "Сейчас больше нет тайной дипломатии, не могли ли бы Вы сказать о том, какова ваша политика в отношении Японии?"

Поливанов: "Наша политика в отношении Японии включает два пункта: во-первых, политически и экономически Китай должен принадлежать китайцам; во-вторых, мы разрешаем японцам осваивать территорию Сибири. Об этом мы уже лично сообщили первому секретарю японской миссии".

Я сказал: "Но эти два пункта противоречат друг другу. После окончания войны в Европе Япония станет самой могущественной империей в мире. Усилится и её влияние на Дальнем Востоке. А вы ещё собираетесь усилить её за счёт Сибири? Тогда она станет безраздельным хозяином в Китае. Если в один прекрасный момент Япония нарушит ваш первый пункт, каким образом вы тогда поможете китайскому народу?"

Поливанов: "Вы совершенно правы. Но такова современная ситуация, и у нас нет выбора. Это временная мера. Нам нужно стимулировать революцию в Японии и свергнуть японское императорское правительство".

Я сказал: "Стимулировать революцию в Японии — это нечто из области мечтаний! Япония позднее других вошла в число сильнейших держав мира. Милитаризм и патриотизм владеют её народом в той же мере, что и немцами. Ему абсолютно чужды революционные идеи. Даже если какая-то незначительная часть японцев воспримет вашу агитацию, и начнёт действовать, правительство располагает войсками и ему будет нетрудно подавить выступления.

Россия граничит с Германией, но хотя российские социалисты давно уже агитируют немцев, те до сих пор никак не реагируют на это. Что же после этого говорить о Японии на Дальнем Востоке?"

Поливанов: "Но именно так раньше иностранцы говорили и о русских!".

Я сказал: "Если бы не эта европейская война, в России не было бы нынешней демократии".

Поливанов, аплодируя: "Верно сказано! В этот раз война в Европе — это действительно трагедия, но она стала также войной, приведшей к освобождению народов. На мой взгляд, сейчас уже налицо взаимная ненависть Англии, Японии и Америки. В недалёком будущем между ними возможна война. А эта война может вызвать революцию в Японии и мы должны воспользоваться этим моментом. А сначала нам нужно стимулировать выступление Индии против Англии и оказать ей помощь в достижении независимости. Одним словом, в свете событий 20 века монархическим правительствам осталось существовать недолго".

После этого речь зашла об отношении царского правительства к китайским рабочим и о том, что сейчас следует изменить в этом смысле. Затем Поливанов сказал мне: "Когда создавалась Китайская республика, Монголия по наущению бывшего заведующего Восточным отделом МИД Козакова и бывшего посланника в Китае Крупенского послала войска против Китая. Козаков выступал за то, чтобы Россия оказала материальную помощь правителю Монголии. Будучи в Японии, я слышал об этом, а теперь нашёл подтверждение в нашем архиве. Я думаю, что Вы не знаете об этом".

"Я не слышал об этом", — ответил я.

Поливанов: "Козаков и Крупенский активно стремились причинить ущерб Китаю. Договор Китая, Монголии и России, предоставлявший Монголии независимость, на деле превращал её в российскую колонию. Мы планируем отменить этот договор с тем, чтобы Монголия либо была совершенно независимой, либо возвратилась в состав Китайской Республики".

Я спросил: "А какой из этих двух вариантов с Вашей точки зрения является предпочтительным?"

Поливанов: "Монголия — окраинная страна с недостаточно цивилизованным населением. Она сродни древним деспотическим государствам и в современном мире не сможет самостоятельно осуществлять управление. Будет лучше, если Китай сначала цивилизует её, затем ликвидирует там деспотический строй, после чего Монголия может стать по-настоящему независимым государством. Со своей стороны хочу спросить, как Вы лично относитесь к нашей нынешней политической системе".

Я ответил: "Политика Рабоче-Крестьянского Правительства основывается на идеях француза Прудона и немца Карла Маркса, и я не решаюсь что-либо говорить по этому поводу. Но в своей деятельности вы полагаетесь на насилие, а это входит в противоречие с вашими исходными принципами".

Поливанов: "Да. Но я лично принадлежу к числу социалистов-интернационалистов".

Тогда я спросил его: "Есть ли новости о мирных переговорах? Представителям Рабоче-Крестьянского Правительства вероятно нелегко вести переговоры со слугами германского кайзера?"

Поливанов: "Трудностей немало, но мы решили затягивать переговоры в ожидании того момента, когда в них примут участие страны союзников, или в германской армии произойдут революционные сдвиги. Как бы то ни было, мы не подпишем мирного договора до тех пор, пока не добьёмся мира без аннексий и контрибуций — мира, основанного на свободном волеизъявлении всех народов".

Затем я распрощался. Было уже II часов вечера»[I].

[I] Крюков В.М. К вопросу о «переговорах НКИД с посланником Лю Цзинжэнем» (1917–1918 гг.) // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. — М., 2012. — С. 59–67.

Чжунго Гунжэнь – китайский работник

Китайцев, проживавших в России, не обошли стороной события 1917 года и Гражданской войны. В столице российской империи – Петербурге – они начали оседать в начале XX века. В годы Первой мировой войны их ряды пополнились несколькими тысячами граждан Поднебесной, специально привезенных сюда для строительства железной дороги. После Октябрьской революции многие из них вступили добровольно в Красную Армию и участвовали в составе интернациональных частей в боях с белогвардейцами. Первый интернациональный легион Красной Армии был сформирован в феврале 1918 года в Петрограде для охраны советского правительства. В августе 1918-го, в день похорон убитого председателя Петроградского ЧК Моисея Урицкого, на Марсовом поле промаршировал китайский батальон Петроградского отряда. Помимо охранных функций китайские бойцы приняли активное участие в подавлении левоэсеровского мятежа в Ярославле, обороне Петроград летом и осенью 1919 года, охране Николаевской железной дороги, в боях с белогвардейцами на границе с Эстонией.

Китайских граждан в России представлял Союз китайских граждан (далее – СКГ), созданный в апреле 1917 года, занимавшийся оказанием помощи соотечественникам. Когда в феврале 1918 года государства Антанты отозвали свои посольства из России, китайское посольство переехало в Вологду,

а оттуда на родину. Охранять интересы китайских граждан диппредставительство уполномочило СКГ. С этого момента советское руководство предприняло шаги, направленные на превращение СКГ из благотворительной организации в «организацию пролетарскую», действующую в интересах Советской власти.

В декабре 1918 года СКГ трансформировался в Союз китайских рабочих Северной Области. Его финансирование осуществлял НКИД, направлявший деятельность организации в интересах внутренних и внешнеполитических задач советского государства[1].

В одном из документов ведомства говорилось, что Союз «работает рука об руку с Рабоче-крестьянским правительством»[2]. Его создание газета «Правда» отметила публикацией, в которой говорилось: «В Петрограде только что закончилось совещание китайских и корейских рабочих организаций в России. Все китайские организации объединяются в один общий союз китайских рабочих, насчитывающий 40–60 тыс. рабочих. Совещание приняло постановление выйти из рамок профессионального союза и придать ему характер революционной организации для широкой пропаганды»[3].

Выступивший перед участниками совещания заведующий восточным отделом Народного комиссариата иностранных дел А.Н. Вознесенский – коллега Поливанова по МИД И НКИД – подтвердил готовность советского правительства «оказать новому союзу всяческую поддержку и признать за ним все права по охране интересов китайских граждан в России[4].

Создание Союза сопровождалось мерами пропагандистского характера в отношении китайских граждан. Председатель иностранного отдела Пермского губернского совета депутатов Малинова, рассказывая газете «Известия ВЦИК» о формировании батальона китайцев-интернационалистов, заявила о необходимости скорой организации «советских изданий на корейском и китайском языках».

17 октября то же издание оповестило о выходе в свет еженедельной газеты «Китайский работник», «издающейся Исполнительным Комитетом Совета китайских рабочих Северной Области под редакцией Поливанова». На китайском языке газета называлась «Чжунго Гунжэнь».

После ухода из НКИД ведомство подготовило Поливанову – знатоку китайского языка и китайской проблематики – роль организатора китайских граждан, если учесть цель нового издания – «распространение коммунистических идей среди находящихся на территории Советской республики китайцев»[5].

Газета «Китайский работник» печаталась в литографии Ф. Золотникова в Петрограде на Васильевском острове. В России на тот момент не было типографий с китайскими наборными кассами, поэтому газету сначала писали от руки, а если точнее – она писалась лично Поливановым, затем литографическим способом размножалась. Скоро газету переименовали в «Великое равенство» – «Датун бао».

11 января 1919 года «Правда» сообщала, что среди китайцев началось распространение «листка», которое стало для них событием. Корреспондент передал свое восприятие произошедшего: «Не понимая их языка, но видя, как оживились лица китайцев, понял, что листок, наверно, говорит о чем-нибудь очень хорошем»[6].

В выпуске газеты участвовал Николай Конрад, помогавший китайским гражданам переводить декреты Советского правительства и готовивший агитационные листовки.

---

[1] Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М., 2009. – С. 78.

[2] Там же. С. 77.

[3] Китайские и корейские организации в России // Правда. – 1918. – 15 декабря.

[4] Там же.

[5] Новогрудский Г., Дунаевский А. По следам Пау. История одного литературного поиска. – М., 1962. – С. 64.

[6] Там же. С. 62.

旅俄華工大同報

一千九百二十年四月一日

ВЕЛИКОЕ РАВЕНСТВО

ПЕТРОГРАД. №27(3) 1 апреля 1920 г.

Первая страница китайской газеты «Датун бао» («Великое равенство»), издававшейся в Петрограде Всероссийским союзом китайских рабочих

Газета «Датун бао», написанная рукой Е.Д. Поливанова. 1 апреля 1920 г.

Издание газеты оказалось делом нелегким и очень щепетильным.

«Уверяю вас, это была нелегкая работа, – вспоминал Конрад. – Сколько бились мы, пытаясь перевести на китайский язык слово „Совет". Рылись в словарях, поднимали фолианты классических китайских трудов, поворачивали всякое сколько-нибудь близкое слово и так и этак – ничего не получалось, ни одно не в состоянии было в точности передать то, что вложил русский народ в понятие "Совет", "Советы", "Советский".

Сидим вот так, мучаемся, и вдруг Евгений Дмитриевич как стукнет кулаком по столу: "Есть слово!.."

То, что предложил Поливанов, было действительно отлично. Ведь, пока мы спорили и искали, китайские рабочие и китайские красноармейцы, не вдаваясь ни в какие филологические тонкости, решили этот вопрос без нас. Они и не пытались перевести русское слово "Советы" на родной язык, они просто включили это великое слово в свою речь так, как оно звучало.

И Поливанов, лингвист удивительной чуткости и удивительного таланта, первый понял: слово "Совет" на всех языках лучше всего будет звучать так, как оно звучит по-русски. К этому и свелось его предложение.

"Совета! – произнес он на пекинский манер. – Прекрасное китайское слово! Точнее не скажешь".

Так и пошло с его легкой руки. Так в дальнейшем по-китайски и писалось»[7].

К 1919 году, когда удалось найти пишущих китайцев (например, небезызвестный Чжан Юй-чуан – первый советский журналист, убитый по бандитскому заказу), Евгений Дмитриевич

[7] Новогрудский Г., Дунаевский А. По следам Пау. История одного литературного поиска. – М., 1962. – С. 77.

стал осуществлять общую редактуру всех китайских газет. Он также редактировал иркутские статьи Ярослава Гашека, которые тот пытался писать на китайском (Гашек реально выучил 80 иероглифов и пытался ими оперировать). Вместе с Конрадом Поливанов также выпускал корейскую газету.

Редактируемая Поливановым газета быстро распространялась в массах китайских граждан и была особенно популярна в отрядах китайских добровольцев, сражавшихся с белогвардейцами. В номере 269 «Известий ВЦИК» за 1919 год сообщалось: «...Из докладов начальников частей выяснилось, что... среди отрядов (китайских добровольцев. – *Авт.*) широко распространены китайская газета „Китайский работник“ и агитационные брошюры на китайском языке»[1].

Тираж каждого номера газеты составлял 2–3 тыс. экз. До осени 1920 года в свет вышло около 50 газетных номеров. Все говорило об активно идущей пропагандистской работе, проводимой Советской властью среди китайских граждан. Редактор издания смог установить контакты не только с китайцами, проживавшими в Петрограде, но и теми, кто сражался на фронтах Гражданской войны. Многих из них Поливанов знал лично, отзываясь на всякое сообщение о китайских добровольцах статьями и стихами.

«Два его стихотворения, – говорится во вступительной статье к книге “Статьи по общему языкознанию”, – рассказывают об их боевых подвигах, а еще одно стихотворение имеет пометку «Щербаков, 1918». Н.П. Архангельский, передавший нам стихи Евгения Дмитриевича, установил, что в 1918 г. такое название носил лишь один населенный пункт на берегу Азовского моря. Именно там в 1918 г. сражались китайские отряды»[2].

[1] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 54.

[2] Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 13.

Посвящается китайскому отряду № минно-подрывного б-на

Окружила нас белая свора
И ждет нас топор палача,
Но сдадимся еще мы не скоро
И винтовки не спустим с плеча.
Так скорее стреляй,
Чжан Чжун-фу, заряжай!
Так скорее стреляй,
Чжан Чжун-хай, помогай!
Нам другого бога не надобно,
Революция, тебе мы верны,
И за тебя теперь умираем мы,
Желтого Китая сыны.
Так скорее стреляй,
Чжан Чжун-хай, помогай!
Так скорее стреляй,
Чжан Чжун-фу, заряжай.
И наутро наши красные встретили
Шесть трупов, сидевших рядком,
Стрелявших за Революцию
И не сдавшихся вшестером.

Посвящается № китайскому отряду Южного фронта

Их 600,
Обязанных на геройство,
Желтых, косых,
Но бескосых,
С одним только кольтом
И полным спокойствием
Смирно идут умирать.
Сели. У ног их кучкой патроны
Лежат. И без пардону
В белых палят.
Ближе и ближе треск чужой,
пулеметный.
Боли взвизг мимолетный
Смело! Без сдачи! Ударь!
Треск ближе – и ниже осела
Трупов сидячих гряда.
И кольту родному нету покоя.
Сменили команду – убили героя.
Шлем Чжан Цзюану снесло с головою.
Но в бою, наконец, наступил перелом
И белые нашим отбиты крылом[1]*.*

В 1919 году работа Поливанова с китайцами получила новое наполнение.

[3] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 221–222.

21 февраля он возглавил восточный отдел Центрального информационного бюро при Петроградской трудовой коммуне[2], но сначала, как и положено перед началом новых дел, заполнил анкету, в которой указал членство в большевистской партии, подтвердил работу после революции в качестве уполномоченного Народного комиссара по иностранным делам. Холостяк Поливанов в ту пору жил на Васильевском острове по адресу – 5-я линия, 56, квартира 37[3].

Задач поставленных перед новым руководителем восточного отдела оказалось много. Одной из них являлось участие в работе Комиссии по научно-экономическому обследованию Востока. Не успел Поливанов переступить порог ведомства, как отправился обследовать быт китайцев, проживающих в Петрограде и его окрестностях с целью выяснения условий их жизни, труда и нужд, а также проведения разъяснительной работы среди данной категории граждан.

Сложное и ответственное поручение пришлось совмещать с основной деятельностью – преподаванием в Петроградском университете. На этой ниве у Поливанова произошли существенные изменения – в 1919 году его избрали профессором факультета общественных наук. В это время университет находился в состоянии поиска приемлемых форм общения с Советской властью. В СНК РСФСР рассматривали Петроградский университет в качестве одного из главных вузов страны, приняв меры по усилению участия государства в его делах. Этот процесс происходил противоречиво и сложно, так как университет активно сопротивлялся преобразованиям, предлагаемым Наркомпросом. Профессорско-преподавательский состав пытался противостоять инициативам ведомства, направленным на упразднение университетской автономии.

Тем не менее Наркомпрос в июне 1919 года провел реформу гуманитарного преподавания, создав факультет общественных наук Петроградского университета, объединив историко-филологический, юридический и восточный факультеты.

Отношения Поливанова с коллегами по университету складывались неоднозначно: дворянин, принявший революцию, ставший активным проводником ее идей в жизнь, вызывал протестное удивление. Это отдаляло Евгения Дмитриевича от либеральной профессуры, которая, тем не менее, пристально следила за молодым ученым, который, несмотря на сложные времена, окликался на запросы как общества, так и научных кругов. Не только политическая, но и научно-практическая работа позволяли Поливанову быть не только в центре революционных событий, но и понимать, и определять тенденции развития языкознания в соответствии с веяниями эпохи.

Так, он отреагировал на реформу русской орфографии 1918 года, выступив в ее поддержку, первым в советской науке в условиях Гражданской войны

[4] После переезда советского правительства в Москву в марте 1918 г. система органов власти Петрограда изменилась. 10 марта президиум Петросовета (Петроградский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) принял решение о создании Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны (ПТК). Его состав был утвержден пленумом Петросовета 13 марта 1918 г. Фактически Совет комиссаров заменил Исполком, хотя последний и не был распущен. Петросовет объявлялся «верховным органом местной власти», в то время как Совет комиссаров коммуны был ответствен перед ним и его Исполкомом. Отделы Петросовета объединились с соответствующими комиссариатами Петроградской трудовой коммуны (просвещения, финансов, агитации и печати, городского хозяйства, юстиции, продовольствия, по военному округу, по делам народного хозяйства, социальной помощи, путей сообщения). После образования 29 апреля 1918 г. Союза коммун Северной области (СКСО) Совет комиссаров ПТК, его комиссариаты были реорганизованы в аналогичные органы СКСО. В феврале 1919 г. СКСО был упразднен, Петросовет был восстановлен, при этом структура Петросовета изменилась: на базе бывших комиссариатов СКСО были образованы 12 отраслевых отделов, число которых к осени 1919 г. увеличилось до пятнадцати.

[5] ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 1.

Комиссару Снабжения-Распределения 3

Приступив к работе в Комиссии по научно-экономическому обследованию Востока 21 февраля с.г., прошу о зачислении меня в число работников.

Евгений Дмитриевич Поливанов

Вас. остр. 5 л. 37

10 марта 1919

Р.С.Ф.С.Р.
Петроградская Трудовая Коммуна
Центральное Информационное Бюро
Петроград Тучкова наб., 4.
Красный Дом
Телефоны 1-20-22 и 4-69-39.
4 июня 1919 г.
№ 1794

Копия 7

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие Поливанову Евгению Дмитриевичу в том, что он действительно является Заведующим Комвостоком ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО при Петроградской Трудовой Коммуне. –

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ Д. Россинский

подписали:

Заведующий Отделом Личного Состава Е. Попова

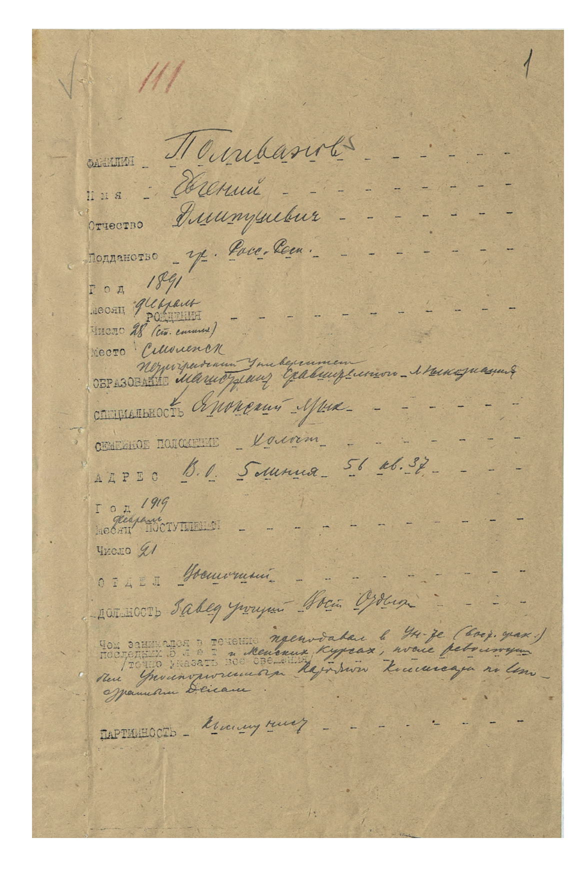
8

Гр. Стр. лич. ст.

Личная карта № 111

Фамилия Поливанов
Имя Евгений
Отчество Дмитриевич
21 февраля 1919 г. принят в отдел Восточный на должность Заведующ. окл. р. 1700
191 г. переведен в отдел на должность окл. р. 1815
191 г. переведен в отдел на должность окл. р. 2640
191 г. переведен в отдел на должность окл. р. 5400
Специальность, аттестат, предыд. службы Японский язык. Преподавал в Университете (Вост. фак.) и Женских курсах. После революции был уполномоченным Народного Комиссара по Иностранным Делам
Семейное положение Холост
Член профессиональн. союза
Член партии Коммунист
№ карточки Биржи Труда
Год рождения 1891 г. месяц и число 28 февраля ст. ст. в Смоленске
Адрес Вас. Остр. 5 линия д. № 56 кв. 37

Документы, подтверждающие работу Е.Д. Поливанова в ЦИО Петроградской трудовой коммуны. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. ЛЛ. 1, 3, 7, 8



111 1

Фамилия Поливанов
Имя Евгений
Отчество Дмитриевич
Подданство гр. Росс. Респ.
Год 1891
Месяц рождения февраля
Число 28 (ст. стиля)
Место Смоленск
Образование Петроградский Университет. Магистрант сравнительного языкознания
Специальность Японский язык
Семейное положение холост
Адрес В.О. 5 линия 56 кв. 37
Год 1919
Месяц поступления февраля
Число 21
Отдел Восточный
Должность Заведующий Вост. Отдел.
Чем занимался в течение последних 5-ти лет (точно указать все сведения) преподавал в Ун-те (Вост. фак.) и Женских курсах, после революции был уполномоченным Народного Комиссара по Иностранным Делам
Партийность коммунист

обратил внимание на малайский язык, опубликовав в 1918 году статью «Одна из японо-малайских параллелей»[1]. Академик С.Ф. Ольденбург на заседании отдела исторических наук и филологии Академии наук 16 (29) мая 1918 года официально представил эту статью, рекомендовав для ознакомления.

В этот период в списках опубликованных работ значатся «Формальные типы японских загадок[2], «По поводу “звуковых жестов” японского языка»[3].

Но нельзя не отметить, что издание научных трудов в условиях очевидной предвзятости со стороны коллег сопровождалось трудностями. Статья, подготовленная для «Известий Академии наук» в 1917 году, могла выйти в 1919, а то и в 1920 году. Рукопись

[1] Одна из японо-малайских параллелей // Изв. Росс. Акад. наук, Серия VI. – 1918. – Т. XII. – № 18.

[2] Поливанов Е.Д. Формальные типы японских загадок // Сборник МАЭ. – 1918. – Т. 5. – Вып. 1.

[3] Поливанов Е.Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Поэтика. Сборник по теории поэтического языка. – Пг., 1919. – Вып. 1.

«Исторической грамматики японского языка» терялась девять раз и каждый раз восстанавливалась «из головы» (т. е. на память). Другой пример: Госиздат приобрел у Поливанова «Теорию эволюции языка», но три года не мог решить, какому из своих отделов (экономическому или литературному) надо издавать лингвистические труды, и, наконец вернул работу автору с пометкой – «за истечением срока по нашей (Гиз-а) вине». За 1917–1920 годы ученый насчитывал около двадцати подобных случаев[4].

Очевидно, научная состоятельность и успешная государственная деятельность Поливанова являлись предметом откровенной зависти преподавателей Петроградского университета.

В повседневной жизни ученый для многих людей, близко знавших его, оставался доступным, общительным, ироничным к себе человеком. Писатель Вениамин Каверин, хорошо знавший Поливанова с 1919 года, учившийся у него, личность ученого описывал с восхищением. «Входил высокий человек лет тридцати, немного прихрамывающий, худощавый, без левой руки, в солдатской шинели, – писал Каверин в книге “Письменный стол: Воспоминания и размышления”. – Его встречали – мало сказать, с радостью – с захватывающим интересом»[5].

А он представлялся, когда входил в дом словами: «Извините за выражение: Поливанов». Держался он просто. Но это была совсем не та простота, которая позволила бы задать ему не относящиеся к предмету разговора вопросы. Расспрашивать его было как бы не принято, а по существу – невозможно. Он мог, шутя, между прочим, в шутливом разговоре сказать одну фразу, которую умелый и добросовестный ученый мог бы развить и представить в виде докторской диссертации. Однажды, по рассказу Каверина, он случайно встретился

В.А. Каверин

Дом, в котором проживал в 1919 г. в Петрограде Е.Д. Поливанов

с Поливановым по дороге в университет. Пока попутчики пересекали Неву (это было зимой), ученый изложил студенту содержание его будущей воображаемой работы о фонемах только потому, что тот упомянул, что идет на лекцию академика Карского по русскому языку.

Знание Поливановым многочисленных языков особенно поражало будущего писателя. Но восторг был связан не столько с их количеством (Каверин указывал на знание 16 языков), сколько с тем, что их знание не лежало, подобно мертвому инвентарю, в творческом сознании ученого.

«Поэзия и наука в их вещественно–ощутимом значении, – вспоминал писатель, – перекрещивались в его необычайном даровании»[6].

В вышедшем в свет в 1928 году «Скандалисте, или Вечера на Васильевском острове» – романе о русском языке, его истории и языковых изменениях,

[4] Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 558.

[5] Каверин В.А. Письменный стол: Воспоминания и размышления. – М., 1985. – С. 87.

[6] Там же. С. 91.

Каверин раскрывает университетскую жизнь Петрограда 1920-х годов и судьбы литераторов, для которых смысл жизни и творчества неразделимы.

В качестве прототипов своих героев он избрал литературоведа Виктора Шкловского, раскрыв его под именем Виктора Некрылова, Евгения Поливанова, скрывающегося в книге под фамилией лингвиста Драгоманова.

Каверин описывает академическую, университетскую среду. Профессора, начиная со специалиста по русскому сектантству профессора Ложкина и до талантливого лингвиста и наркомана Драгоманова, изображаются в карикатурном, сатирическом виде. В этой сатире без труда угадывается изрядная доля ностальгии. Ностальгия по «профессорской» России, которая постепенно умирает и в лучшем случае становится поводом для некролога. Не случайно один из героев, студент Леман, занимается сочинением и коллекционированием некрологов.

Такой некролог был заготовлен для Драгоманова: «Отличаясь редкостным трудолюбием и прекрасным знанием иностранных языков, покойный служил в комиссариате по иностранным делам. <…> Будучи командирован факультетом в Сирию, покойный два года изучал этнографию страны… Самоотверженная работа покойного в цирке Гагенбека[1]…»[2] .

Но как повествует роман, «самая некрасивая из его (Драгоманова. – *Авт.*) слушательниц называла его “гением и беспутством”»[3].

Роман заканчивается тем, что над городом на Неве опускается ночь, но в нем не спит Драгоманов. Пять китайцев-изгнанников сидят напротив него. Он учит их русскому языку. «Китайско-русская грамматика, как камень, лежит в желтых костяных руках, – рассказывает Каверин. – У них сухие, напряженные лица. Родина стоит за ними в иероглифах, просвечивающих сквозь русские буквы»[4].

Обучение китайцев русскому языку, проверка их быта, проведение бесед на политические темы стали частью большой организаторской работы большевиков и ее непосредственного исполнителя Поливанова в процессе мобилизации граждан Поднебесной на решение задач революции.

Летом 1920 года в Петрограде была создана китайская ячейка РКП(б). Китайский рабочий Ван Хун-сюнь вспоминал, как один ответственный работник с фамилией Поливанов, говоривший по-китайски, часто проводил с китайскими рабочими беседы на политические темы и обучал русскому языку.

«С помощью товарища Поливанова и китайской коммунистической ячейки я понял глубокий смысл свершившейся революции, – рассказывал китайский коммунист. – Покинув родину и приехав в Россию на заработки, я в полной мере испытал на себе гнет и эксплуатацию капиталистов, вдоволь хлебнул горя от русских подрядчиков. И только после Октябрьской революции я, китайский рабочий, оказавшийся без родных, близких, не имеющий никакой опоры, испытал теплое отношение к себе, познал дружбу. Будучи еще недостаточно подготовленным для вступления в партию, я состоял только в группе сочувствующих коммунизму»[5].

В марте 1921 года, когда в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж, Поливанов занимался созданием китайского отряда, несшего охрану Петрограда[6], а Шкловский свидетельствовал, что Евгений Дмитриевич «ходил по

---

[1] Генебек – немецкий коллекционер диких животных и предприниматель. Основатель зоопарка Гагенбека

[2] Каверин В.А. Скандалист, или Вечера на Васильевском острове. Исполнение желаний. – М., 1991. – С. 47.

[3] Там же. С. 48.

[4] Там же. С. 95.

[5] Дружба, скрепленная кровью (Сборник воспоминаний китайских товарищей – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР) / под. ред. Лю Юн-аня. – М., 1959. – С. 170.

[6] Там же.

льду» па штурм Кронштадта[7]. Ученый не на словах стал лидером китайской диаспоры в Петрограде, его влияние выходило за пределы северной столицы. Все благодаря завоеванному им авторитету – он был огромен!

В стране Советов были китайцы, которые его почитали и любили, были боявшиеся, но, кажется, не было ни одного, который бы о нем не знал или не слышал. Почтительное отношение к Поливанову было настолько велико, что рикошетом отражалось на его спутниках. «Везде, где бы мне ни приходилось сталкиваться с китайцами, – делился воспоминаниями старейший журналист Узбекистана М.С. Кардашев, – одно упоминание, что меня хорошо знает Евгений Дмитриевич, сразу налаживало отношения»[8].

Грудью на защиту Петрограда!

Ведомство, в котором параллельно с преподаванием в университете трудился Поливанов, называлось Центральное информационное бюро (ЦИБ) Исполнительного комитета Союза коммун Северной Области, с апреля 1919 года – Центральное информационное бюро Комиссариата печати, агитации и пропаганды Союза коммун Северной Области, после этого до марта 1920 года – Центральное информационное бюро Петроградской трудовой коммуны.

В бюро сосредоточивалась работа по ряду направлений:

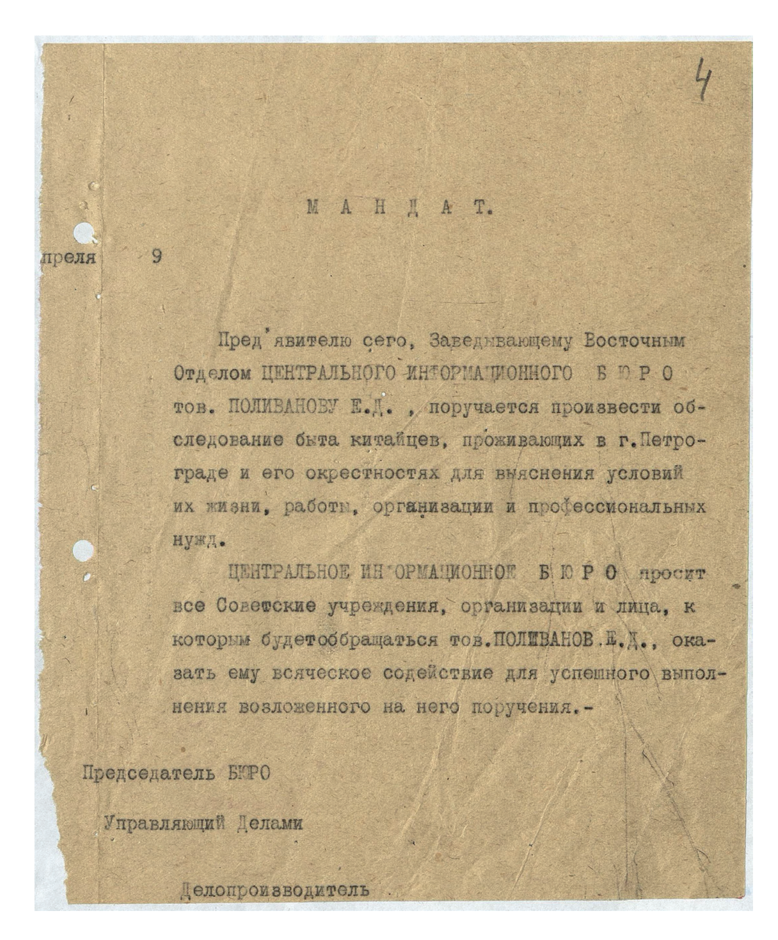
«а) собиранию и добыванию материалов и данных о компетенциях и функциях и работах советских учреждений и организаций;

б) систематизации, обработке, изданию и хранению всего добываемого тремя учреждениями (РОСТА[9],

[7] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М., 1973. – С. 137.

[8] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 56–57.

[9] Центральное информационное телеграфное агентство Советской России.



4

М А Н Д А Т.

преля 9

Пред'явителю сего, Заведывающему Восточным Отделом ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО Б Ю Р О тов. ПОЛИВАНОВУ Е.Д. , поручается произвести обследование быта китайцев, проживающих в г.Петрограде и его окрестностях для выяснения условий их жизни, работы, организации и профессиональных нужд.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ Б Ю Р О просит все Советские учреждения, организации и лица, к которым будетобращаться тов.ПОЛИВАНОВ Е.Д., оказать ему всяческое содействие для успешного выполнения возложенного на него поручения.-

Председатель БЮРО

Управляющий Делами

Делопроизводитель

Мандат Е.Д. Поливанова на право производства проверки быта китайцев, проживающих в Петрограде. Апрель 1919 г. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 4

«Дружба, скрепленная кровью» – книга о китайских добровольцах

Копия 6

Петроградская
Трудовая Коммуна.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Исх 2046
24/VII 19г

Дано сие тов. ПОЛИВАНОВУ Евгению Дмитриевичу в том, что он командируется в Старую Руссу для получения информ ционного материала по вопросам Эстонской прессы и получе ния газет.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО при Петроградской Трудовой Коммуне просит Советские учреждения и лица оказ вать тов. ПОЛИВАНОВУ посильное содействие при выполнении порученного ему задания и предоставить ему право проезда в делегатских, служебных вагонах и получения железнодоро ного билета вне очереди. –

Подп:

Председатель БЮРО (подп.) Тучков Россинский

Управляющий Делами (подп.)

Заведующий Секретариатом (подп.) Е. Попова

С подлин верно

Ю Собанская

Удостоверение Е.Д. Поливанова о командировке в Старую Руссу. 24 июля 1919 г. ЦГА СПб. Ф.1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 6

СЕВЦЕНТРПЕЧАТИ[1] и Центрального информационного бюро. – *Авт.*) информационного материала»[2].

Значимость реализации этих направлений проявились в период наступления Северо-Западной армии (Северный корпус) Белого движения и иностранных интервентов в мае – ноябре 1919 года на Петроград.

В ЦИБ проводилась многоплановая работа, начиная от изучения общественного мнения и кончая выпуском специальных изданий. Для выполнения последней задачи сотрудники анализировали официальные сводки, изучали статьи из белогвардейских, иностранных газет, делая переводы на русский язык и готовя аналитические записки для руководства по военным, политическим, экономическим проблемам, раскрывавших внешнюю политику иностранных правительств, их военные приготовления.

Результатом такой деятельности становились обзоры печати, Бюллетени, публикации в газетах «Северная коммуна», «Красная газета», «Правда». Объемные аналитические труды, охватившие период с 15 марта по 15 сентября 1919 год, насчитывали 437 страниц. Иностранная секция ЦИБ в мае подготовила три выпуска экстренного конфиденциального обзора из финской прессы.

Основным содержанием изданий являлся анализ ситуации на фронтах, а также внешнее и внутреннее положение иностранных государств[3].

24 июля 1919 года Поливанов был командирован в Старую Руссу для «получения информационного материала по вопросам эстонской прессы и полу-

[1] Структура Центрального агентства ВЦИК по снабжению и распространению произведений печати в Северной области.

[2] ЦГА СПб. Ф. 7386. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

[3] Там же. ЛЛ. 6–6 об.

чения газет». В удостоверении Центрального информационного бюро высказывалась просьба ко всем советским учреждениям оказывать командированному «при выполнении поручаемого ему задания и предоставить право проезда в делегатских, служебных вагонах и получения железнодорожного билета вне очереди» .

Условия следования к месту командировки, который оговаривал документ, подчеркивал на важность выполняемого его обладателем задания. В городе Старая Русса с июня 1919 года находился штаб Западного фронта Красной Армии, которая до этого завершила успешную контрнаступательную операцию. Поездка Поливанова имела цель получения информации об отношении Эстонии, в конце 1918 года принявшей на службу белогвардейский Северный корпус, к дальнейшей поддержке военных действий белогвардейцев и интервентов, и ее политических маневрах между белым движением и Советской Россией ради обретения независимости.

Собранный материал использовался для подготовки аналитических докладов советскому руководству для принятия последующих решений. Сразу после командировки Поливанова в Старую Руссу в Военном совете Петроградского укрепрайона появился документ под названием «Разведывательная сводка о положении в Эстонии и на Нарвском фронте и сведения, полученные из финских белогвардейских газет. 1919 год».

Последовавшие в дальнейшем события указывают, что сделанная им работа послужила во благо стабилизации направления на эстонском направлении: 31 августа 1919 года Наркоминдел Советской России обратился к правительству Эстонии с предложением о мирных переговорах. 5 сентября Эстония согласилась начать мирные переговоры с РСФСР.

1919 год для Петрограда оказался сложным периодом. Наступление на город армии генерала Юденича заставляло руководство РСФСР и Петроградской трудовой коммуны изыскивать способы остановить врага и сорвать его планы по захвату города. При организации взаимодействия Петроградских властей с командованием частей Красной Армии и Балтийского флота пригодился научный и организаторский потенциал Поливанова.

Плакат «Грудью на защиту Петрограда!». Худ. А. Апсит (1919 г.)

В одной из послевоенных анкет, содержание которой изложено в книге В. Ларцева «Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности», в пункте о военной службе Поливанова сообщается: «Работал в Политотделе Балфлота и 9 Армии (в 1920 и смежных годах)» .

Факт работы Поливанова в годы Гражданской войны в политотделе 9-й армии, входившей в состав Южного фронта, вызывает сомнение авторов. Что говорить о номере армии, если в той же анкете он указал неверный год своего рождения – 1892-й.

Сопоставление некоторых фактов из биографии ученого указывает на правильность предположения.

В феврале 1929 года в ходе так называемой «поливановской» дискуссии в Коммунистической академии он заявил, что в 1919 году встал вопрос об отправке его на «на юденический фронт», и для того, чтобы «решить, можно ли меня отправлять, тут (в Петрограде – *Авт.*) производилась чистка»[4].

---

[4] Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 548.

В следственном деле Е.Д. Поливанова, заведенном в 1937 году, о его службе в Красной Армии также имеется короткая запись: «В 1919, 1920 и 1921 гг. в политотделе 9 армии и Балтфлоте – культ. работа»[1].

В обнаруженном авторами заявлении Поливанова «о возможности обратного вступления в ВКП(б)», поданном в октябре 1935 года в Обком ВКП(б) Киргизии, Евгений Дмитриевич сообщил, что он прошел «особую персональную чистку в 1919 году в связи с откомандированием меня в Политпросвет армии в момент наступления Юденича на Петроград»[2].

Действительно, готовясь дать отпор белогвардейцам и интервентам, Петроградский губернского комитет РКП(б) провел с 25 июля по 11 ноября 1919 года три партийных мобилизации. По этому случаю в июле 1919 года Петроградской организацией РКП(б) была проведена перерегистрация всех коммунистов. Нет сомнения, Поливанов участвовал в обороне Петрограда в период наступления на город армии Юденича. В его отражении, как известно, участвовала 7-я армия, которой постановлением РВСР от 22 ноября 1918 года в оперативном отношении были подчинены Балтийский флот и крепость Кронштадт.

Поливанов, как человек, не имевший отношения к военной службе, а выполнявший служебные обязанности в военной организации, в силу возникших обстоятельств мог не придавать значения некоторым условностям, в частности номерам частей. Обращает внимание информация об откомандировании Поливанова в Политпросвет армии. В 7-й армии действовал политический отдел, в то время как Политико-просветительное управление находилось в составе Петроградского военного округа, который функционировал в тесном контакте с указанным объединением и Балтийским флотом, и даже выпускал с 7-й армией общую газету «Боевая правда».

Точный период, когда Поливанов работал в политотделах 7-й армии и Балтийского флота, установить не удалось. Но можно предположить, что он являлся посредником между командованием и китайскими добровольцами, участвовавшими летом и осенью 1919 года в обороне Петрограда, в боях с белогвардейцами на границе с Эстонией, охране Николаевской железной дороги. О патрулировании китайцами Петрограда в дни Кронштадтского восстания в марте 1920 года и участии в этом Поливанова говорилось выше. Нельзя исключать, что лингвистические способности ученого были использованы политотделами 7-й армии и Балтийского флота в реализации комплекса пропагандистских мероприятий против морских и сухопутных сил противника. В их перечень входили воззвания к английским и французским морякам, эстонским солдатам и офицерам, белогвардейцам, финским трудящимся, передававшиеся на различных языках по радио или распространявшиеся листовками[3]. В них разъяснялась ситуация в Советской России, намерения интервентов и последствия агрессии.

Другим местом приложения усилий Поливанова могла стать культурно-просветительная работа среди красноармейцев и матросов. В одном из объявлений в газете «Красный Балтийский Флот» об организации общеобразовательных курсов для моряков, сообщался адрес их нахождения – Петроград, Васильевский остров, 11-я линия, дом 58[4].

Поливанов проживал всего в двух кварталах от этого места. Недалеко находилась и редакция газеты «Красный Балтийский Флот», размещавшаяся в здании Главного адмиралтейства. Петроградское отделение редакции га-

[1] Алпатов В.М. Ашнин Ф.Д. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // Восток. – 1997. – № 5. – С. 127.

[2] ЦГА ОПД КР. Ф. 539. Оп. 1. Д. 313. Л. 107.

[3] Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. / Ленинградское отд-ние ин-та истории СССР АН СССР, Центр. гос. архив военно-морского флота СССР /отв. ред. А.Л. Фрайман. – Л., 1974. – С. 288.

[4] Извещения // Красный Балтийский Флот. – 1919. – № 51. – 24 сентября.

зеты 7-й армии и Политпросветуправления Петроградского военного округа «Боевая правда» находилось на улице Социалистической, дом 14.

Образовательные курсы для ученого могли стать площадкой познания языковой культуры наиболее революционной части российского общества – военных моряков, элементы которого, как он писал, вошли «в стандартный разговорный и в литературный язык нашей эпохи».

«Во время гражданской войны, – оценивал “морскую” языковую специфику Поливанов, – матросская “братва” (позволяю здесь употребить слово именно из ее жаргона) оказалась подлинным авангардом революционного энтузиазма; о ее политической роли – притом на всей российской территории – распространяться здесь излишне; но это командное положение “морской братвы” именно и обусловило ее первенствующую инициативную роль в языковой культуре данного момента: этим и объясняется переход “Даешь!” в общерусский язык, а вместе с тем и ряд других заимствований лумпенпролетарско-матросских слов в разные другие социальные диаменты (в том числе и в студенческий, между прочим, словарный обиход: “братишка”, “братва”, “шамать” и “шамовка”, “брось шлепать”, “топать” и т. п., столь частые у нынешнего студента слова идут именно отсюда)»[5].

Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 7 сентября 1920 года на базе бывшего Лазаревского (Армянского) института был создан Центральный институт живых восточных языков (далее – ЦИЖВЯ)[6]. Местом его нахождения был определен Петроград, в Москве располагался отдел.

В соответствии с § 4 Постановления институт находился в общем ведении Наркомпроса, Наркомнаца и Наркоминдела, причем утверждение состава преподавателей и учебных планов оставалось за Наркомпросом. В правах ЦИЖВЯ был приравнен к специальным военно-техническим вузам[7]. Цель Института – дать возможность лицам, готовящимся к практической деятельности на Востоке или в связи Востоком в любой Области экономической, административной, политической, агитационной, дипломатической, педагогической и др., приобрести необходимые для них востоковедческие знания и пройти систематическую школу практического востоковедения, а также подготовливать преподавателей и квалифицированных инструкторов для практических курсов востоковедения.

Первый состав профессоров и преподавателей ЦИЖВЯ объединял почти всех востоковедов Петрограда, среди которых были ученые с мировыми именами. В их число вошел Поливанов, ведший в институте курс японского языка.

Осенью 1920 года в институт было зачислено более 200 слушателей, из которых 30 командировали власти Татарской, Туркменской, Дальневосточной республик и Калмыкской автономной области; 10 абитуриентов китайской национальности направила китайская секция ЦК РКП (б) и двух слушателей – политотдел Балтфлота[8].

Идея создания высшей практической востоковедной школы возникла за год до революции среди петроградских востоковедов[9].

Новый 1921 год для Поливанова начался с радостного события – ученый женился. Его избранницей стала Бригитта Юлиана Кирк, дочь Альфреда. По разным источникам она родилась в городе Валк то ли 11 марта 1899 года (согласно справке пастора Ревельской Иоанновской церкви), то ли в 1901 году (по паспорту). С 1914 года Бригитта проживала в Ревеле, где училась в гимназии.

[5] Поливанов Е. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 169.

[6] Кононов А.Н., Иориш И.И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. – М., 1977. – С. 19.

[7] Там же. С. 20.

[8] Там же. С. 26.

[9] О проекте «Практической Восточной Академии» (Записка группы русских востоковедов). – Пг., 1916.

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ).
ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ.
Смольный, комн. № 94.
Телеф. № 87-59, 400-09 и 62.
№ 0102/I

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Петербург 16/IV 192 г.

в Ц.К.Р.К.П.

Петербургский Губернский Комитет Р.К.П.
направляет в Ваше распоряжение тов.
Поливанова Е.Д.
и жену
как мобилизованного для
дальнейшего направлен
в гор. Читу для работ
в китайской организац

О прибытии означенного товарища про
сим сообщить в Петербург, Смольный Губко
Р. К. П. по отрезному бланку.

14 Гос. Тип. Пт.

Секретарь П. К.

Заведывающ. Учетн. Распред. п/отделом.

Предписание Петербургского губернского комитета РКП(б) о направлении Е.Д. Поливанова в ЦК РКП(б). 16 апреля 1921 г. ЦГА ИПД. Ф. Р–1728. Оп. 1–3. Д. 23671. Л. 4

С занятием немецкими войсками города она переехала в Петроград и поступила в Петроградский университет. В его стенах однажды встретились профессор Поливанов и студентка Кирк.

16 апреля 1921 года Петербургский губернский комитет РКП(б) направил Поливанова с женой – Бригиттой Альфредовной – в распоряжение ЦК РКП(б) «для дальнейшего направления в гор. Читу для работы в китайской организации»[1].

ЦК направил Поливанова на работу в Коммунистический интернационал. 5 мая 1921 года он заполнил анкету, в которой отметил, что был рекомендован Карлом Радеком – секретарем данной международной организации, знакомство с которым началось после Октябрьской революции. Поливанов и Радек в одно время трудились в Наркомате иностранных дел, к тому же Радек заведовал отделом внешних сношений ВЦИК, т. е. о деловых качествах Поливанова секретарь Коминтерна отлично знал. Деятельность Поливанова как организатора китайской коммунистической секции РКП(б) была известна также председателю Исполнительного комитета Коминтерна Григорию Евсеевичу Зиновьеву, который с мая 1918 года являлся председателем Совнаркома Петроградской трудовой коммуны, председателем Совнаркома Союза коммун Северной Области, председателем Комитета революционной обороны Петрограда, а также членом Реввоенсовета 7-й армии.

Напомнил Радеку о Поливанове Меер Трилиссер – с марта 1921 года занимавший должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна, но через несколько месяцев возглавивший закордонную раз-

[1] ЦГА ИПД. Ф. Р–1728. Оп. 1–3. Д. 23671. Л. 4.

ведку ВЧК-ГПУ[2], а в 1922 году занявший пост начальника Иностранного отдела ГПУ. О рекомендации столь заметной фигуры в советской разведке Евгений Дмитриевич также отметил в анкете.

6 мая 1921 года в управление делами Коминтерна поступило заявление от Поливанова о принятии его в качестве заведующего японским и корейским подотделами в Дальневосточном отделе «согласно указанию заведующего отделом т. Трилиссера».

На этом заявлении Трилиссер наложил резолюцию: «Считаю тов. Поливанов <так!> ценным (квалифицированным) работником для Отдела Дальвостока КИ и потому прошу зачислить его по должности зав. п/о кор. и яп. яз».

Спустя два месяца в документах Поливанова значится должность – «заведующий агит-просветительным п/отделом». 8 июля Дальневосточный отдел Коммунистического интернационала обратился в Народный комиссариат иностранных дел с просьбой оказать содействие «заведующему агит-просветительным п/отделом тов. Поливанову в отправке денег для его жены, находящейся в Ташкенте»[3].

[2] После образования в 1921 г. Дальневосточной республики М.А. Трилиссер был назначен эмиссаром ДВР в Амурской области и членом Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки.

[3] Иванов В.В. Данные архива Коминтерна о сотрудниках Коминтерна. URL: https://www.ruthenia.ru/document/545664.html (дата обращения: 8 октября 2021).

М.А. Трилиссер

В августе 1921 года вслед за женой – Бригиттой Альфредовной – в Ташкент отправился сам Поливанов. Исполнительный комитет Коммунистического интернационала, продвигавший в жизнь идею революции в Азии, без которой не может быть победы пролетарской революции, поэтому мысль об этом должна стать достоянием каждого пролетария-коммуниста, командировал его – сотрудника Коминтерна, коммуниста и ученого-лингвиста, в Туркестан, сделав отметку в предписании – «для налаживания научных связей».

بۆتن دۆنيا
ئينقيلابى، بولر!
BƟTEN DƟNIA
NQILABE
BULЬR

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭЛЕГИЯ

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я во многом грешен, товарищи,
но в отношении науки
я грешить не намерен и не буду.
Е. Поливанов

«На университетской кафедре в Ташкенте в начале 20-х годов перед ошарашенной аудиторией появляется странная фигура среднего роста, худощавая, почти тщедушная. Большеголовый шатен, с огромными светло-голубыми глазами. На ногах дырявые калоши. На голове просаленная тюбетейка. На плечах грязный узбекский халат. Но через несколько минут аудитория покорена. Казалось бы, скучнейшая тема живет, искрится»[1], – такое яркое впечатление, сравнимое с падением метеорита, произвел Евгений Дмитриевич Поливанов на ожидавших появления лектора студентов, едва ступив на порог учебной аудитории Среднеазиатского государственного университета (САГУ) – первого в Средней Азии высшего учебного заведения, начавшего подготовку высококвалифицированных специалистов для нужд всех отраслей народного хозяйства и подъема культуры и науки народов Советского Востока.

В должность профессора историко-филологического факультета САГУ 30-летний ученый, уже успевший зарекомендовать себя в качестве ведущего отечественного япониста, вступил осенью 1921 года, прибыв в Ташкент по путевке Коминтерна с целью налаживания научных связей Туркестанской АССР с российскими вузами и научными центрами, а также подготовки местных научных и педагогических кадров. Наконец, Поливанов получил возможность отойти от политической деятельности и совместить свои разносторонние теоретические знания и редкий кругозор лингвиста с практической деятельностью. К тому же к этому времени в Туркестане образовалась достойная поливановского уровня научная среда, которая сложилась в результате командирования сюда в 1920 году историко-филологическим факультетом Петроградского университета 86 человек своего профессорско-преподавательского состава.

Неординарность поведения, склонность к эпатажу, но главное, врожденный лингвистический талант Поливанова – он мог, не отходя от стола, за несколько часов написать серьезную научную статью – как магнит мгновенно притянули к себе студентов. Он, в свою очередь, охотно шел со своими подопечными на контакт, щедро делясь с ними своими научными находками, вводя в методологию своих исследований, нацеливая на решение очередных задач, стоявших перед советским языкознанием.

Профессор А.В. Благовещенский в своих воспоминаниях писал: «В качестве заместителя декана педагогического факультета (Туркестанского восточного университета. – *Авт.*) мне пришлось знакомить студентов с только что приехавшим из Петрограда профессором сравнительного языкознания Евгением Дмитриевичем Поливановым. Введя его в аудиторию, где собрались студенты, и отрекомендовав им их нового преподавателя, я решил сам послушать [его]… Просидел два часа и заслушался: это была совершенно новая для меня область знания, но изложена она была необычайно увлекательно. После этого мне неоднократно приходилось встречаться с Евгением Дмитриевичем по разным делам,

[1] Кардашев М.С. Воспоминания о Е.Д. Поливанове (1890–1940). Материалы к «Поливановским чтениям в Самарканде» // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, 1966. – № 1. – С. 57.

и он оказался человеком с огромными знаниями»[2].

После лекций Поливанову иной раз приходилось «спасаться от оваций» бегством, слыша позади восхищенные отзывы: «Так читать фонетику! Да, такого лектора никто и никогда, вероятно, уже не услышит»[3].

В том же году Поливанов читает курсы общего и сравнительного языкознания, китайского языка и другие спецкурсы, в том числе эпизодический курс о методах собирания лингвистических материалов в Туркестанском восточном институте. Как самостоятельное высшее учебное заведение, специально предназначавшееся для изучения Востока вообще, а Туркестанского края в особенности, данное учебное заведение начало функционировать в ноябре 1918 года. Незадолго до этого момента приказом Народного комиссариата просвещения Туркестанской АССР была образована инициативная группа под председательством В.Н. Кучербаева, разработавшая проект Положения об институте, согласно которому последний получал статус самостоятельного специального высшего учебного заведения, которое приравнивалось к факультету восточных языков Петроградского университета с четырехлетним курсом.

«Первой и самой важной функцией этого учебного заведения, – говорилось в шестом номере журнала "Восток" за 1923 год, – было "выкачивание" из местного населения живой части молодежи, которая, будучи уже сама "восточной", смогла бы, с одной стороны, познать все многообразие жизни Востока и на основе этих знаний и интуиции легче справиться с теми проблемами, которые возложены историей на Туркестан, как на революционный источник для всего Востока, и, с другой стороны, влиять на ту европейскую часть Института, которая приобщилась к работе для Востока»[4].

Существовало при этом одно «но», на которое обратил внимание прозорливый Поливанов, в совершенстве владевший 18 языками и с листа переводивший Гёте с немецкого на узбекский язык: необходимость одновременного изучения студентами в сжатые сроки нескольких языков. В своей докладной записке руководству Наркомпроса он отмечал, что традиция «арабско-турецко-персидского отделения» с равными правами каждого языка не выдерживает никакой критики. Обосновывая свое мнение, он писал: «Когда я познакомил с нашей многоязычной программой Московский Институт востоковедения, профессора и студенты ужаснулись: как у ваших студентов головы выдерживают? И научатся ли они? А сравним японский Токийский институт иностранных языков, где действительно хорошо обучают (европейскому или восточному, например, китайскому) языку, но только потому, что студенты фактически 60 часов в неделю посвящают одному своему языку.

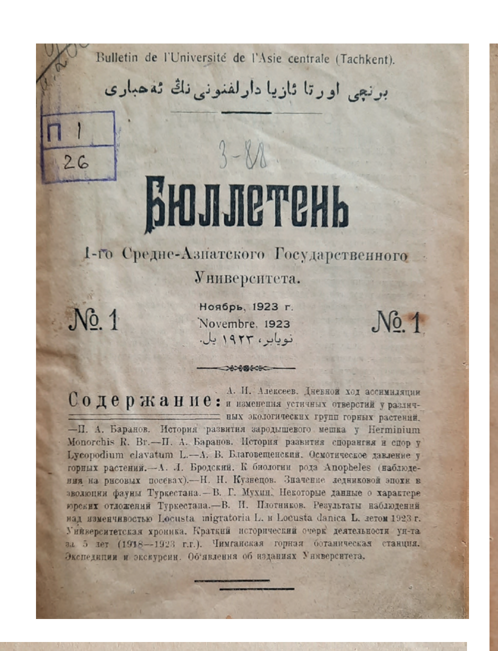
Я слышал, правда, соображения, что турецкому языку нужно учиться после арабского и персидского, потому что в них много арабских и персидских элементов. Но это вздор: поскольку чужое входит в турецкий язык, это чужое можно преподать на уроках турецкого же языка. Ведь не требуем же мы от обучающегося русскому или другому европейскому языку, чтобы он сначала научился по-гречески и по латыни, потому что в русском много латинских и греческих терминов (но познакомить с этимологиями иностранных слов на уроках русского языка полезно)…».

Развернувшаяся между Поливановым и руководством Института полемика коснулась, кроме того, основных направлений работы учебного заведе-

[2] Цит. по: Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции // Становление советского востоковедения (Сборник статей). – М., 1983. – С. 104.

[3] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 25.

[4] Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения.– М., 1963. – Сб. IV. – С. 339.


Bulletin de l'Université de l'Asie centrale (Tachkent).

برنجی اورتا ئازیا دارلفنونی نلڭ ئەحباری

Бюллетень

1-го Средне-Азиатского Государственного Университета.

№ 1 Ноябрь, 1923 г. Novembre, 1923 نویابر، ۱۹۲۳ یل. № 1

Содержание: А. И. Алексеев. Дневной ход ассимиляции и изменения устичных отверстий у различных экологических групп горных растений. —П. А. Баранов. История развития зародышевого мешка у Herminium Monorchis R. Br.—П. А. Баранов. История развития спорангия и спор у Lycopodium clavatum L.—А. В. Благовещенский. Осмотическое давление у горных растений.—А. Л. Бродский. К биологии рода Anopheles (наблюдения на рисовых посевах).—Н. Н. Кузнецов. Значение ледниковой эпохи в эволюции фауны Туркестана.—В. Г. Мухин. Некоторые данные о характере юрских отложений Туркестана.—В. И. Плотников. Результаты наблюдений над изменчивостью Locusta migratoria L. и Locusta danica L. летом 1923 г. Университетская хроника. Краткий исторический очерк деятельности ун-та за 5 лет (1918—1923 г.г.). Чимганская горная ботаническая станция. Экспедиции и экскурсии. Об'явления об изданиях Университета.

— 16 —

Воспитывая саранчуков (личинок) обоих видов и обоих поколений L. danica, автор на основании многочисленных опытов пришел к выводу, что воспитание саранчуков в скученном состоянии у обоих видов дает стадную окраску саранчуков, какая бывает у саранчуков перелетной саранчи (L. migratoria) собравшихся на воле в стаи (кулиги). Воспитание саранчуков в разреженном состоянии вызывает другую окраску, присущую саранчукам L. danica, которая, в противоположность migratoria, живет только одиночно, при чем здесь, повидимому, сказывается влияние фона.

Скучивание саранчуков уже приобретших даникоидную окраску (в частности зеленую) вызывает появление стадной окраски.

Фактор образования стадной окраски остался не выясненным. Ни температура, ни влажность роли здесь не играют.

Также, повидимому, и световое восприятие через глаза, а, может быть, через кожу здесь места не имеет: воспитывая одиночно в стаканчиках на свету и в темноте, автор неизменно получал зеленых саранчуков, тогда как кучное воспитание в темноте давало опять таки стадную окраску.

Правильность вывода автора, подтверждается совершенно таким же выводом, к которому пришел на основании своих наблюдений над южноафриканскою саранчей проф. Faure, только что опубликовавший, по сообщению энтомолога Уварова из Лондона, свою работу.

Хроника Университета.

Приступая к регулярному освещению жизни 1-го Средне-Азиатского Университета, редакционная коллегия «Бюллетеней» позволяет себе начать эту работу с краткого исторического очерка жизни Университета в прошлом.

Краткий исторический очерк деятельности 1-го Средне-Азиатского Университета за 5 лет (1918—1923 г.).

21 апреля 1918 года состоялось торжественное открытие в г. Ташкенте Туркестанского Народного Университета, первого высшего учебного заведения в Средней Азии, и сразу же начались занятия на 5 факультетах: Литературно-философском, Социально-экономическом, Сельско-хозяйственном, Естественно-математическом и Техническом. Наличие сил для преподавания в Университете позволило осуществить лишь в скромных размерах первые курсы факультетов, и организаторы Ун-та смотрели на свою работу, как на создание той базы, на которой должен в дальнейшем вырасти Университет, достойный Туркестана. Поэтому в самые же первые дни существования Народного Ун-та Совнаркомом Туркреспублики была направлена в центр специальная делегация с заданием привлечения в Туркестан квалифицированных работников Высшей Школы, приобретения оборудования и библиотеки. Вслед за от'ездом делегации образовались Оренбургский и Закаспийский фронты, отрезавшие почти на два года Туркестан от центра. В эти годы Народный Ун-т развивал свое дело, насколько позволяли его преподавательские силы и скромные материальные средства, а в центре шло интенсивное формирование Туркестанского Государственного Университета. Ряд Высших Школ центра (Физ.-Мат. ф-т Московского Ун-та, Ист.-Фил. ф-т Петрогр. Ун-та и Петро-

— 17 —

град. Технологический Ин-т) выделили из своей среды и избрали первых профессоров для организуемых в Туркестанском Ун-те ф-тов; первое собрание избранных работников Ун-та состоялось в Москве 22 декабря 1918 года и с этого момента началась реальная работа по созданию Ун-та (сначала в об'еме Историко-филологического, Физико-Математического и Технического, а вскоре Медицинского и, наконец, Военного факультетов). Результаты работы, протекавшей в условиях всем памятных конца 1918, 1919 и 1920 годов, годов наивысшей разрухи хозяйственного аппарата страны, выразились в том, что Туркестан в течение 1920 года получил из центра 43 профессора и 43 преподавателя, людей в большинстве случаев высокой академической квалификации, и около 70 вагонов ценного оборудования и литературы, совершенно несоизмеримых по ценности с теми средствами, которые отпускались государственными органами и полученных благодаря исключительной энергии активных работников Ун-та, воодушевленных идеей работы в столь интересной стране, как Туркестан.

Осенью 1920 года, когда прибыл личный состав из центра, произошло об'единение обоих групп (местной и центральной) работников Университета (преподаватели Народного Университета, пожелавшие работать и далее в Университете прошли через установленное избрание и, таким образом, весь состав Университета сложился из работников квалифицированных по одному принципу). С осени 1920 года и можно рассматривать начало деятельности Туркестанского Университета как Государственного, равноценного другим Государственным Ун-там Республики. К началу этой деятельности Ун-т сложился из факультетов: Историко-Филологического, Физико-Математического, Медицинского, Социально-Экономического, Сельско-Хозяйственного, Технического, Военного и Рабочего, что и фиксировалось декретом Совнаркома Туркреспублики в начале 1921 года. Окончательно же правовое положение Университета определилось лишь осенью 1922 года, когда постановлением Совнаркома Р. С. Ф. С. Р. от 22 ноября 1922 года Туркестанский Гос. Унт признан имеющим государственное значение и переведен в известной части на Центральное снабжение.

Физиономия Университета в течение последних трех лет несколько раз изменялась. Весной 1921 года были закрыты Историко-Филологический и Физико-Математический Факультеты и вместо них создан Педагогический Ф-т и, как средство сохранить научно-учебный аппарат Физмата, обслуживавший другие ф-ты, Совет Институтов (об'единивший Ин-ты: чистой и прикладной Математики, Астрономии, Геодезии и Геофизики, Физический, Химический, Геологический, Зоологический, Ботанический и Географический). Педагогический ф-т просуществовал до весны 1922 г. и был закрыт и был восстановлен Физико-Математический ф-т. Социально-Экономический ф-т был переконструирован в ф-т Общественных Наук. Летом 1922 г. был закрыт Военный факультет, а Технический ф-т сокращен и переконструирован в Инженерно-Мелиоративный ф-т. И к настоящему моменту Университет состоит из Физ.-математического, Общественных наук, Медицинского, Сельскохозяйственного, Инженерно-мелиоративного и Рабочего ф-тов и Совета Межфакультетских учреждений (б. Совет Институтов).

Несмотря на все реформирования как факультетов, так и органов управления Ун-та, подчас очень болезненных для его нормальной жизни, несмотря на крайнюю необеспеченность его личного состава, и подчас полное отсутствие средств на необходимые операционные расходы, Университет про-

— 18 —

должал свой рост и завоевание надлежащего себе места среди других учреждений Республики. И к пятой годовщине своего существования его помещения занимали об'ем в 21.500 кубич. саж. (но и эта большая цифра уже не удовлетворяет растущий Ун-т), книжные богатства его фундаментальной библиотеки и библ. институтов и ф-тов превышают 150.000 томов, создался и развивается целый ряд Институтов, имеется сельско-хозяйственное имение «Капланбек», функционируют две горные научные станции и т. д.

Университет прочными узами связался с хозяйственными органами Туркреспублики и соседних республик, выполняя целый ряд их заданий. Благодаря притоку научных сил оживилось и далеко подвинулось изучение природы и быта Туркестана. Создался ряд научных обществ, питающихся почти исключительно живыми силами Ун-та, и возродились замиравшие старые общества. Все научные общества ведут самую интенсивную жизнь, не уступающую, а в некоторых отношениях и превосходящую жизнь центральных обществ. За свое короткое существование Университет уже успел к весне текущего года выпустить 107 человек, окончивших его различных специалистов.

Этим достижениям и тому, что Университет не заглох подобно многим другим, вновь возникшим, университетам С. С. С. Р., он обязан помимо той энергии, которая была проявлена его работниками, также и моральной и материальной поддержке со стороны государственных органов Туркреспублики.

В настоящий момент личный состав Университета выражается: профессоров 47 человек, преподавателей 165 чел. Студенческий состав к весне 1923 года определялся в 2720 человек (Физмат 147, Сельско-Хозяйств. 344, Ф.О.Н. 370, Инж.-Мелиорат. 264, Медицинский 815, Рабочий 784).

Правление Ун-та в настоящий момент состоит из:
Ректора проф. А. Л. Бродского,
Зам. Ректора по финансовой части—проф. Н. И. Лебединского,
„ „ по учено-учебной части—проф. Н. А. Димо,
„ „ по хозяйственной части—преп. М. Н. Загрубского,
и врем. и. о. проректора (по студенч. делам)—студ. Насонкина.

П. Б.

---

18 июля 1923 г. постановлением Турцика утверждено решение комиссии по туркестанским вопросам о переименовании Туркестанского Гос. Ун-та *в 1-ый Средне-Азиатский Государственный Университет* и, в связи с этим, на Университет возлагается обслуживание как союзных Республик (Киргизской, Бухарской и Хорезма), так и сопредельных государств (получен запрос Правительства Персии об условиях, на которых персидские граждане могут обучаться в Ун-те).

---

17 октября с. г. постановлением Туркпрофобра решено закрыть Туркестанский Лесной Техникум, организовав взамен его Лесное Отделение Сельско-Хозяйственного Ф-та Университета.

Осенью тек. г. Сельско-Хозяйственный Ф-т начал свое перемещение из мало приспособленного помещения в более подходящее для его целей бывшее

«Краткий исторический очерк деятельности 1-го Средне-Азиатского Университета за 5 лет (1918–1923 г.)», опубликованный в первом номере Бюллетеня 1-го Средне-Азиатского Государственного университета

ния. По мнению лингвиста, оно должно было не только стать кузницей будущих дипломатических работников, но и высшей филологической школой для местных народов: узбеков, киргизов, казахов и туркмен, – а также орудием использования европейцев для плодотворной их работы в соответствующих государственных учреждениях республики.

«Контингент учащихся будет, естественно, главным образом из коренных народностей, – считал Поливанов. – Но куда же в дальнейшем пойдут эти слушатели по окончании института? Теперь, во время чисто деловой школьной политики, мы не имеем права думать ни об одном отделении вуза без того, чтобы не знать, к каким практическим функциям оно готовит. И здесь ответ ясен. Эти слушатели будут наивысшей квалификации работниками просвещения специально для Туркестана. <…>

Конечно, главным образом, эти местные туркестановеды (из обширной категории человековедов, то есть гуманитаристов) будут преподавателями высшей и нужнейшей для края квалификации в разных учреждениях просвещения (где они более всего нужны) до школ первой ступени. Но возможна и иная просветительная деятельность, в том же Наркомпросе или около него (Госиздате), например, в Национальных научных комиссиях Туркестанского Государственного Ученого Совета, авторство учебной, научной и научно-популярной литературы на местных языках, просветительская общественная работа на широкой арене и т. д. и т. д.»[1]

Рекомендации Поливанова отчасти были приняты к сведению: весной 1924 года Туркестанский Восточный институт был «влит в САГУ в качестве самостоятельного факультета» – восточного, – в составе двух отделений: педагогического, а также этнолого-лингвистического с разрядами турецкой, иранской филологии; исламоведения и арабской словесности, которые должны были заняться подготовкой преподавателей русского языка и обществоведения для местных (нерусских) школ и местных языков для русских школ второй ступени, квалифицированных ориенталистов для научно-исследовательской работы в Средней Азии, а также для работы в государственных органах.

Однако, «считаясь с разношерстным составом населения Средней Азии», руководство факультета не сочло возможным «ограничиваться специальным изучением лишь одного только из местных языков, как это делается в востоковедных вузах центра». «Предоставляя слушателям возможность основательной специализации по одному из местных языков, – говорилось в годовом отчете о работе Восточного факультета за 1925 год, – Востфак САГУ дает своим слушателям также по другим местным языкам исторические познания в таком объеме, что при желании или в случае необходимости они вполне подготовлены к быстрому практическому их изучению»[2].

В пучине диалектологии

В 1924 году Поливанов входит в состав специальной предметной комиссии по разработке и внедрению новых методов обучения и составления учебных планов на Востфаке САГУ и представляет в Туркестанский Наркомпрос планы подготовки научных работников, которые предусматривали сбор и изучение местного фольклора, описание диалектов тюркских языков, сбор и научную обработку сведений по истории и этнографии Средней Азии. Все эти направления, так или иначе, входили в сферу и его научных интересов. К примеру, в первые годы работы в Туркестанском восточном институте Поливанов погружается

[1] Назарьян Р. «Самый обычный гениальный человек» // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. – Ташкент, 2016. – № 2. – С. 112–117.

[2] Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1963. – Сб. IV. – С. 341–342.

Татарская народная версия
«Шемякина суда»

Начатое мною собирание народных рассказов об Ахмеде Ясави обнаруживает, что личность святого была просто осью, на которую наматывались бродячие рассказы анекдотического характера. При этом образ Ахмеда Ясави получился, по крайней мере, в двух вульгарных формациях — в разных национальных сферах: в узбекской версии (имею в виду далекое от литературного, чисто устное творчество) Ахмед — типичный дивонэ, несообразительный до нелепости, как, напр., в рассказе о починке дома, где Ахмед ставит подпорки не с той стороны, с которой нужно, в результате чего дом рушится; или в рассказе о том, как Ахмед вытаскивал отражение луны из колодца и, упав навзничь, увидел, что луна из колодца попала прямо на небо. В татарских же рассказах Ахмед — остроумный хитрец, всегда себе на уме. Он только прикидывается иногда глупцом, чтобы надуть своего противника, которого всегда побеждает (разделываясь, иногда очень жестоко, как напр., в рассказе о мулле и азанчи, которых Ахмед после ряда издевательств посадил в бочку «с целью обучения иностранным языкам», а на самом деле затем, чтобы отрезать у них высунутый в отверстие бочки язык). К этому роду относится и следующий рассказ, записанный мною от татарина Сызранского уезда (Симбирской губ.), Сайманской волости, с. Ахмедлей — Калимуллы Альфонова. Он представляет интерес как одна из версий «Шемякина суда», включающая Шейлоковский мотив о фунте вырезанного мяса у должника..., а также последнюю из «Сказок Муллы Ирамэ» изд. «Новая Москва» 1923; в последней, впрочем, Шейлоковского мотива нет, и это наиболее близкий вариант к русскому «Шемякину суду»).

в изучение миграции фольклорных сюжетов на тюркском материале и ему удается дать сравнительную характеристику образа Ахмеда Ясави в узбекской и татарской версиях рассказов о нем. Согласно его формулировке, сделанной в духе формальной школы, «личность святого была просто осью, на которую наматывались бродячие рассказы анекдотического характера»[1]. Публикуя один из таких фольклорных рассказов, Поливанов останавливается на миграции шейлоковского мотива фунта вырезанного мяса у должника.

Проблема миграции мотива при заимствовании из одной литературы в другую и связанная с ней проблема фольклорного освоения иноземной художественной литературы обсуждается в статье Е.Д. Поливанова «Катюша Маслова в Японии», опубликованной в Ташкенте в 1922 году. Со свойственным ему пониманием общественного фона, на котором происходили языковые и литературные заимствования, ученый писал: «Видоизмениться восприятию “Воскресения” в Японии суждено уже было потому, что трагедия возрождения проститутки гораздо менее потрясает жителя той страны, где торговля своими дочерьми является обычным средством расплаты с долгами, где проституция – настолько обычная участь женщины, что к ней пригляделись и не чувствуют ее ужаса…»[2].

Данный Поливановым краткий разбор японской пьесы, песенок, комментариев к песням и уличного романа о Катюше оказался ценным вкладом в изучение современных фольклорных жанров, лишь недавно по достоинству оцененных фольклористами. Фольклором Поливанов продолжал заниматься вплоть до последних лет жизни, когда он изучал и переводил «Манас».

---

[1] Татарская народная версия «Шемякина суда» // Сб. Туркест. вост. Ин-та в честь проф. А.Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 103.

[2] Поливанов Е.Д. Катюша Маслова в Японии // Искусство и жизнь. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 12.

Суд Ахмеда Ясави с тремя истцами

Однажды Худжа Ахмед Ясави зашел к своему соседу и спросил у него в долг десять рублей на один месяц, при этом говорит ему: «Если только в течение месяца я вам не уплачу, то вы вправе отрезать от моего тела фунт мяса». Сосед дал ему десять рублей. Худжа Ахмед Ясави истратил эти деньги. Прошел месяц, пришел к Худжа Ахмеду Ясави его сосед и спрашивает у него деньги, а Ахмед отвечает, что денег у него нет и когда будут — неизвестно. Проходит другой месяц, и сосед подает на Ахмеда в суд за то, что тот не платит ему его денег. Пошли они в суд. Шли они по одной деревне, и захотелось Ахмеду Ясави выпить воды. Зашел он в один дом, спрашивает воды. Хозяйка налила ему воды, и он стал пить. В это время вдруг на улице поднялся шум; Ахмед бросил воду и выбежал на улицу. Выбежал он не по ступенькам, а прямо спрыгнул на улицу, где сидел мальчик, — и убил мальчика. Тут прибежал отец убитого мальчика, страшно рассердился, стал ругать Ахмеда и спросил: «Куда вы идете?» Отвечал сосед Худжи Ахмеда Ясави: «Я веду его на суд». Отец мальчика говорит: «Вот кстати, и я пойду с вами на суд, буду жаловаться, что Ахмед Ясави убил моего мальчика».

И они втроем пошли дальше по улице.

Бежит лошадь, за лошадью хозяин ее, кричит: «Задержите, пожалуйста!» Худжа Ахмед Ясави взял в руки камень, ударил лошадь по голове и выбил у нее один глаз. Лошадь остановилась. Подбежал хозяин, начал ругаться и сказал: «Вы заплатите мне стоимость лошади. Зачем вы выбили ей глаз?» Худжа Ахмед Ясави сказал: «Нет, я не заплачу». Хозяин лошади спросил: «Куда вы идете?» Оба истца ответили: «Мы ведем его на суд». Тогда хозяин лошади сказал: «И я пойду с вами на суд жаловаться, что он выбил глаз у моей лошади».

Пошли они дальше и пришли на суд. Первым заявил сосед Ахмеда Ясави: «Ахмед не платит мне долг, и я должен вырезать у него фунт мяса из тела». Вызывают Худжу Ахмеда Ясави и спрашивают: «Согласен ли ты на то, чтобы вырезать у тебя фунт мяса из тела?» Он отвечает: «Да, согласен, но только так, чтобы нисколько не менее, нисколько не более — чтобы вырезан был ровно фунт; а если только чуть больше или меньше, то с истца голову долой». Дают соседу нож в руки. Сосед тут призадумался и говорит: «Я же не святой дух, не знаю, как определить, чтобы вышел точно один фунт. Нет, лучше я прощаю». Тут Худжа Ахмед Ясави говорит: «Или соглашайтесь резать или дайте мне еще десять рублей, так как у меня понапрасну пропало время». И, наконец, сосед согласился уплатить десять рублей, так как боялся, что ему снимут голову.

Входит затем отец мальчика и заявляет, что Ахмед Ясавл убил его сына, спрыгнувши на него из коридора. Обратно вызывают Худжу Ахмеда Ясави и говорят ему: «Что ты на это скажешь?» Отвечает Худжа Ахмед Ясави: «Вот что: я выйду на улицу около этого четырехэтажного дома, а он пусть сверху, из окна, спрыгнет на меня и убьет меня». Отец мальчика призадумался и говорит: «Если я спрыгну отсюда, то не попаду на него, а сам убьюсь. Нет, лучше я прощаю». Но Худжа Ахмед Ясавн говорит: «Или соглашайтесь спрыгнуть, или уплатите мне десять рублей». Отец мальчика —

ничего не поделаешь — заплатил десять рублей. Тут является хозяин лошади и заявляет: «Ахмед Ясави на улице выбил у моей лошади глаз, и я хочу, чтобы он уплатил мне стоимость лошади». Обратно вызывают Худжу Ахмеда Ясави и говорят ему: «Что ты на это скажешь?» Отвечает Худжа Ахмед Ясави: «Лошадь у него работать годна. Но я хочу сделать так: разрезать эту лошадь вдоль пополам — одну половину, которая с глазом, отдать хозяину, другую оставить мне, а половину стоимости я додам деньгами». Лошадь стоила сорок рублей. Хозяин и думает: «У меня хоть лошадь и с одним глазом, но работать на ней можно, а если ее разрезать, то я за полученные деньги (20 рублей) никакой лошади не куплю. И говорит потому: «Я прощаю». Но Худжа Ахмед Ясави ему в ответ: «Нет, вы или соглашайтесь сделать так, как я предложил, или же уплатите мне стоимость рабочего дня — десять рублей». Хозяин лошади платит Ахмеду десять рублей и уходит.

Так Худжа Ахмед Ясави судился с тремя истцами и заработал на этом тридцать рублей[1].

[1] Татарская народная версия «Шемякина суда» // Сб. Туркест. вост. Ин-та в честь проф. А.Э. Шмидта. (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 103–105.

В 1921 году Е.Д. Поливанова назначают на должность заместителя председателя Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса Туркестанской АССР – руководящего научно-методического органа Наркомпроса РСФСР, ведавшего осуществлением политики государства в области науки, искусства, образования и социалистического воспитания. На этом посту он готовит первый номер ежемесячного журнала «Наука и просвещение», о котором журнал «Восток. Журнал литературы, науки и искусства» напишет на своих страницах следующее: «Наркомпрос Туркреспублики наметил издание трех журналов: на русском, узбецком и киргизском языках. Нами только что получен № 1 русского журнала; узбецкий, по слухам, вышел, но нами не получен. По словам редакции русского издания (проф. Е. Поливанов, Ишан Ходжаев и Е. Чернявский), «соответствующей аналогией для него в дореволюционной периодической литературе можно было бы считать программу “Журнала Министерства Народного Просвещения”. Содержание научного отдела “ограничивается рамками краеведения и педагогики”. Предвидится возможность выделения вопросов педагогики в особый журнал. В № 1 входит, кроме того, часть материала журнала “Искусство и Жизнь”. Редакция напрасно обращается с просьбой “не критиковать № 1 за то, что в нем дана более чем скромная часть предполагавшихся отделов”, это – излишняя скромность. Мы приветствуем работников просвещения в Туркестане, успешно преодолевающих финансовые и технические затруднения на пути издательской деятельности и самоотверженно стоящих на страже новой общечеловеческой культуры в Средней Азии»[1].

Высокую планку журналу задал авторский состав его первого номера: выдающиеся петроградские востоковеды академик В.В. Бартольд, профессор А.Э. Шмидт, профессор П.А. Фалев, а также туркестанские специалисты А.А. Диваев, Б. Пестовский, Н.Н. Иомудский (Иомудхан) и, конечно же, сам Е.Д. Поливанов. Погрузившись по приезде в Ташкент в изучение диалектов узбекского языка, он публикует в нем работу «Звуковой состав ташкентско-

[1] «Наука и Просвещение». Ежемесячный журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркреспублики // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 2 Редакционная коллегия: В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Тихонов. – Москва; Петербург, 1923. – С. 153–154.

го диалекта»[2], названную его учеником К.К. Юдахиным – выдающимся советским тюркологом, разработчиком новых национальных алфавитов для народов СССР, автором легендарного киргизско-русского словаря – «образцом краткого, но четкого определения звукового состава того или другого узбецкого говора и пофонемной записи текстов»[3].

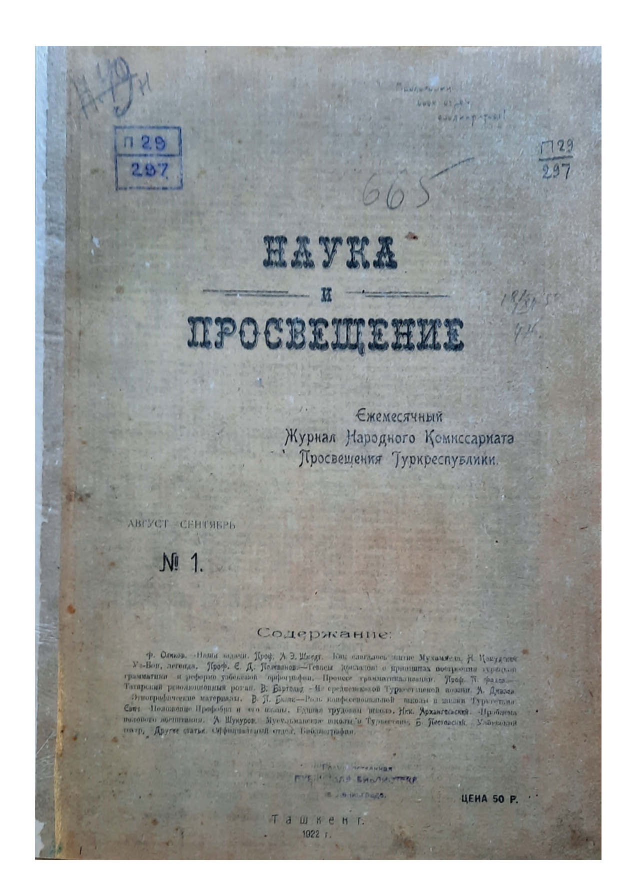
С 1923 году в качестве председателя этнографической комиссии Туркестанского Наркомпроса Поливанов становится организатором различных научных экспедиций по сбору местного материала, со свойственным ему энтузиазмом не только оживляя работу местных лингвистов-этнографов, но фактически ставя на научную основу местный языковой материал.

В том же году он принимает участие в лингвистической переписи населения Туркестанской АССР, предвосхитившей начало процесса национального размежевания Средней Азии, и делает на заседании ГУСа доклад «О лингвистической переписи». «По заслушании доклада проф. Поливанова о лингвистической переписи Туркестана, – сообщалось в Бюллетене народного комиссариата Туркреспублики, – т. е. о систематическом собирании материалов по живым говорам Туркестана и их лингвистической обработке, постановили создать центр указанной коллективной работы при ГУСе под руководством проф. Поливанова с привлечением научных сил Восточного института и учительства на местах и поручить тов. Поливанову составление соответствующих инструкций, а также прочтение эпизодического курса о методах собирания лингвистических материалов»[4].

[2] Поливанов Е.Д. Звуковой состав ташкентского диалекта // Наука и Просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 17.

[3] Юдахин К.К. Некоторые особенности карабулакского говора // В.В. Бартольду: Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 403.

[4] Бюллетень народного комиссариата просвещение Туркреспублики. – 1923. – 20 марта. – № 2.


НАУКА
и
ПРОСВЕЩЕНИЕ

Ежемесячный
Журнал Народного Комиссариата
Просвещения Туркреспублики.

АВГУСТ СЕНТЯБРЬ

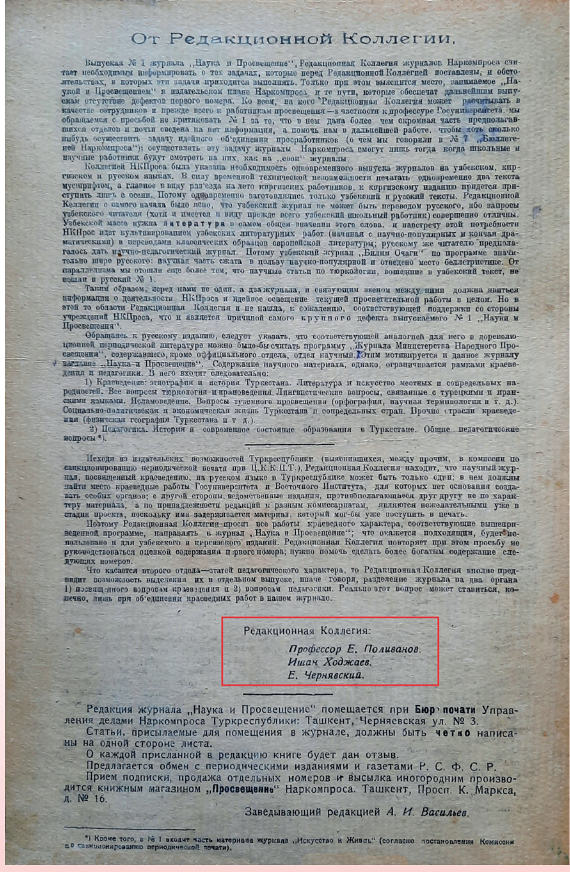
№ 1.

Содержание:

[illegible]

ЦЕНА 50 Р.

Ташкент.
1922 г.


От Редакционной Коллегии.

Выпуская № 1 журнала „Наука и Просвещение", Редакционная Коллегия журналов Наркомпроса считает необходимым информировать о тех задачах, которые перед Редакционной Коллегией поставлены, и обстоятельствах, в которых эти задачи приходится выполнять. Только при этом выяснится место, занимаемое „Наукой и Просвещением" в издательском плане Наркомпроса, и те пути, которые обеспечат дальнейшим выпускам отсутствие дефектов первого номера. Ко всем, на кого Редакционная Коллегия может рассчитывать в качестве сотрудников и прежде всего к работникам просвещения — в частности к профессуре Госуниверситета, мы обращаемся с просьбой не критиковать № 1 за то, что в нем дана более чем скромная часть предполагавшихся отделов и почти сведена на нет информация, а помочь нам в дальнейшей работе, чтобы хоть сколько нибудь осуществить задачу идейного об'единения просработников (о чем мы говорили в № 7 „Бюллетеней Наркомпроса"); осуществлять эту задачу журналы Наркомпроса смогут лишь тогда, когда школьные и научные работники будут смотреть на них, как на „свои" журналы.

Коллегией НКПроса была указана необходимость одновременного выпуска журналов на узбекском, киргизском и русском языках. В силу временной технической невозможности печатать одновременно два текста мусшрифтом, а главное в виду раз'езда на лето киргизских работников, к киргизскому изданию придется приступить лишь с осени. Потому одновременно заготовлялись только узбекский и русский тексты. Редакционной Коллегии с самого начала было ясно, что узбекский журнал не может быть переводом русского, ибо запросы узбекского читателя (хотя и имеется в виду прежде всего узбекский школьный работник) совершенно отличны. Узбекской массе нужна **литература** в самом общем значении этого слова, и навстречу этой потребности НКПрос идет культивированием узбекских литературных работ (начиная с научно-популярных и кончая драматическими) и переводами классических образцов европейской литературы; русскому же читателю предполагалось дать научно-педагогический журнал. Потому узбекский журнал „Билим Очаги" по программе значительно шире русского: научная часть сжата в пользу научно-популярной и отведено место беллетристике. От параллелизма мы отошли еще более тем, что научные статьи по тюркологии, вошедшие в узбекский текст, не вошли в русский № 1.

Таким образом, перед нами не один, а два журнала, и связующим звеном между ними должна явиться информация о деятельности НКПроса и идейное освещение текущей просветительной работы в целом. Но в этой то области Редакционная Коллегия и не нашла, к сожалению, соответствующей поддержки со стороны учреждений НКПроса, что и является причиной самого **крупного** дефекта выпускаемого № 1 „Науки и Просвещения".

Обращаясь к русскому изданию, следует указать, что соответствующей аналогией для него в дореволюционной периодической литературе можно было-бы считать программу „Журнала Министерства Народного Просвещения", содержавшего, кроме официального отдела, отдел научный. Этим мотивируется и данное журналу заглавие „Наука и Просвещение". Содержание научного материала, однако, ограничивается рамками краеведения и педагогики. В него входят следовательно:

1) Краеведение: этнография и история Туркестана. Литература и искусство местных и сопредельных народностей. Все вопросы тюркологии и ирановедения. Лингвистические вопросы, связанные с турецкими и иранскими языками. Исламоведение. Вопросы туземного просвещения (орфография, научная терминология и т. д.). Социально-политическая и экономическая жизнь Туркестана и сопредельных стран. Прочие отрасли краеведения (физическая география Туркестана и т. д.).

2) Педагогика. История и современное состояние образования в Туркестане. Общие педагогические вопросы *).

Исходя из издательских возможностей Туркреспублики (выяснившихся, между прочим, в комиссии по санкционированию периодической печати при Ц.К.К.П.Т.), Редакционная Коллегия находит, что научный журнал, посвященный краеведению, на русском языке в Туркреспублике может быть только один; в нем должны найти место краеведные работы Госуниверситета и Восточного Института, для которых нет основания создавать особых органов; с другой стороны, ведомственные издания, противополагающиеся друг другу не по характеру материала, а по принадлежности редакций к разным комиссариатам, являются нежелательными уже в стадии проекта, поскольку ими задерживается материал, который мог-бы уже поступить в печать.

Поэтому Редакционная Коллегия просит все работы краеведного характера, соответствующие вышеприведенной программе, направлять в журнал „Наука и Просвещение"; что окажется подходящим, будет использовано и для узбекского и киргизского изданий. Редакционная Коллегия повторяет при этом просьбу не руководствоваться оценкой содержания первого номера; нужно помочь сделать более богатым содержание следующих номеров.

Что касается второго отдела—статей педагогического характера, то Редакционная Коллегия вполне предвидит возможность выделения их в отдельном выпуске, иначе говоря, разделение журнала на два органа 1) посвященного вопросам краеведения и 2) вопросам педагогики. Реально этот вопрос может ставиться, конечно, лишь при об'единении краеведных работ в нашем журнале.

Редакционная Коллегия:
Профессор Е. Поливанов.
Ишан Ходжаев.
Е. Чернявский.

Редакция журнала „Наука и Просвещение" помещается при **Бюро печати** Управления делами Наркомпроса Туркреспублики: Ташкент, Черняевская ул. № 3.

Статьи, присылаемые для помещения в журнале, должны быть **четко** написаны на одной стороне листа.

О каждой присланной в редакцию книге будет дан отзыв.

Предлагается обмен с периодическими изданиями и газетами Р. С. Ф. С. Р.

Прием подписки, продажа отдельных номеров и высылка иногородним производится книжным магазином „**Просвещение**" Наркомпроса. Ташкент, Просп. К. Маркса, д. № 16.

Заведывающий редакцией *А. И. Васильев.*

*) Кроме того, в № 1 входит часть материала журнала „Искусство и Жизнь" (согласно постановления Комиссии по санкционированию периодической печати).

Первый номер журнала «Наука и просвещение» (1922 г.)

№ 1 НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ 17

вание предполагать, что именно эти принципы и могли лечь в основу киргизского обычного права.

До сего времени юридическая сторона быта киргизов исследована, можно сказать, очень мало, если не считать попыток Н. И. Гродекова, который в 1889 г. издал книгу под заглавием „Киргизы и Кара-Киргизы Сыр-Дарьинской области“; – юридический быт.

Книга эта составлена по материалам одной лишь Сыр-Дарьинской области; сюда даже не вошла Семиреченская область, а ведь киргизское население размещено, кроме Туркестана, в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Уральской областях и в Букеевской Орде в Астраханских степях. Поэтому книга эта не может исчерпывающе ответить на все юридические вопросы по обычному праву.

На первый раз, дабы положить начало к собиранию материала по юридическому быту, мне кажется, было бы не бесполезно вытребовать все книги бийских решений из архивов Сыр-Дарьинского и Семиреченского областных правлений, куда они сдавались ежегодно, по истечении известного срока, бывшими уездными начальниками для хранения в архиве.

В настоящее время я приступаю к обозрению этнографического материала, собранного в Сыр-Дарьинской области. По внешнему об'ему он будет обильнее Семиреченских материалов, но каков он будет в качественном отношении, покажет ближайшее будущее.

Заканчивая пока на этом свой беглый обзор Семиреченского этногр. материала, хотелось бы очень верить, что будут теперь же приняты самые решительные меры к тому, что означенные в высокой степени ценные материалы будут обработаны в срочном порядке, переписаны и скоро появятся в печати.

А. Диваев.

22/III—1922 г.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ ТАШКЕНТСКОГО ДИАЛЕКТА*)

I.

Вокализм Ташкентского диалекта представляет исключительное для турецких языков явление ввиду полного отсутствия гармонии гласных, что об'ясняется, очевидно, иранской языковой подпочвой. Вместо 9 обще-турецких Ташкентский различает всего 6 гласных фонем, которые я обозначу следующими знаками международного фонетического алфавита:

Узкие	i	ə	u
Полу-узкие	e		o
Полу-широкие	ä**)		ɔ

ɔ. Задний лабиализованный, очень открытый, т.е. очень открытое o. Происхождение: из обще-турецкого *a (но не в конечном открытом слоге), напр. ɔtä<ata, bɔlä <bala, ɔt<at «лошадь», jɔmɔn «плохой», bɔj «бай»; иногда из *a, чередовавшегося (в суффиксах) с *e, напр. mɔq<maq‖mek

ä. Передний открытый (нелабиализованный), т.е. очень переднее a, несколько более открытое, чем в английском man Происхождение: во-первых, из обще-турецкого *a в конечном открытом слоге: ɔtä<ata, bɔlä<bala; переход a>ä об'ясняется при участии иранского вокализма в воспринимавшем турецкий язык мышлении, по моему, следующим образом: если конечное a было (как и другие гласные) более коротким, чем неконечное*), то мышление с навыками персидского вокализма должно было-бы приравнять к своему краткому персидскому ä (в pädär), ибо другого краткого a в персидском нет; а другие, более долгие случаи a, противополагаясь данному, естественно должны были сойти за долгий звук, каким в персидском было ɔ: (в xɔ:nä); таким образом произошла дифференциация турецкой фонемы *a применительно к двум персидским фонемам—ɔ: (двоеточие означает долготу) и ä, иначе говоря, вокализм таких слов, как *ata, *bala (количественное различие гласных, в которых можно отметить точкой для полудолгого—a·ta, ba·la) построился по персидскому шаблону таких слов, как xɔ:nä. В дальнейшем противоположение ɔ и ä осталось уже только качественным, а не количественным, поскольку в данном турецком языке отсутствовала количественная дифференциация гласных вообще.

Другой источник фонемы ä—обще-турецкое a, чередовавшееся (в суффиксах) с e, напр., lär<lar‖ler в таком слове, как ɔllurär, или суффикс местного падежа dä из da‖de.

e. Передний полу-узкий нелабиализованный, т. е. закрытое e (франц, é fermée). Происхождение: из обще-турецкого узкого *e, напр., ber «дай».

o. Задний полу-узкий сильно лабиализованный, т. е. очень закрытое o. Русским ухом склонно восприниматься за u (русск. у, osmɔn>усман в русском восприятии). Комбинаторные варианты этой фонемы сильно аберрируют в зависимости от согласных: в таком сочетании, как kol «озеро», слышится звук промежуточный между o и ö, в слове же qol «рука»—заднее o. Происхождение: из обще-турецких o и ö, напр., ot<*ot «огонь», ot<öt «пройди», qol<*qol «рука», kol<köl «озеро, oz<öz «сам».

u. Очень узкий задний лабиализованный—закрытое u. Как и предшествующая фонема, сильно аберрирует в зависимости от согласного: в слове qul «раб»—с задним, в kul «пепел»—с более передним

*) В настоящей статье я не привлекаю к сравнению других говоров узбекского языка, подчеркивая при этом, что Ташкентская звуковая система носит вполне диалектический характер; укажу, например, на говор гор. Туркестана (северный аванпост узбекского населения) с его вполне турецким вокализмом (гармонией гласных и т. д.). Классификация говоров и территориальное определение узбекского языка для меня—дело будущего. Что касается термина «узбекский» (а не сартский), то я полагаю, что и в научной терминологии нужно исходить из того, как желает называть себя данная национальность.

**) Знак ä я употребляю по типографским условиям взамен принятой в международной фонетической транскрипции лигатуры a+e

*) А тенденция к сокращению конечных гласных может быть априорно признана естественной с общефонетической точки зрения (ср. невозможность долгих конечных во французском, несмотря на ударенность их, как в турецком, и еще, хотя бы,—сравнительную короткость конечных долгих гласных в калмыцком, где они по количеству недалеки от кратких гласных, имеющих в первом слоге).

9

Статья Е.Д. Поливанова «Звуковой состав ташкентского говора», опубликованная в первом номере журнала «Наука и просвещение» (1922 г.)

(приближающимся к франц. u) звуком. Происхождение: из обще-турецких *u, ü, напр., ur<*ür «бей», uč<üč «три».

Конвергенция *u, ü в фонеме u, как и конвергенция *o, ö в фонеме o, очевидно может быть приписана иранскому влиянию и органически связана с утратой сингармонизма. Появившаяся на месте прежних двух (передней и задней) единая фонема может сочетаться с любым согласным, но обнаруживает еще следы прежней двойственности в физической аберрации при таких случаях, как qul «раб» (из*qul)—kul «пепел» или qol «рука»—kol «озеро».

Различение сосредоточено здесь, однако, на противоположении q и k, аберрация же оттенков гласных вполне зависимое явление.

Фонема i—ə, которую я назову i mutabile (сравни этот термин у Бодуэна в применении к русскому общему представлению для i—ы*), имеет настолько различные варианты, что их трудно свести к одному символу: напр., i в it «собака», bit «вошь, «пиши», заднее ы—образное ə в qər «степь», qəl «сделай», qəz «девушка» и, наконец, переднее неполного образования ə в kər «войди», bər «один»

Это редуцируемый гласный, в определенных условиях достигающий даже нуля, напр., в t(ə səm «мой зуб», и употребляя в транскрипции для него два символа (i, ə), последним из них (ə) я имею в виду отметить не задний вариант, но именно случаи редуцируемости,—когда осуществляется не i, но несколько более щирокий неполного образования mixed (что обычно перед l, r, z и в конечном открытом слоге). Происхождение i mutabile из конвергенции общетурецких i, ы, которая необходимо обусловлена общим падением сингармонизма.

Из согласных, кроме более или менее соответствующих русским звукам п, б, м, в, т, д, н, с, з, р, л, ш, ч, дж, й (напр., в я=йа). к, г, х, имеются еще глубокое заднеязычное q (ق), соответствующий звонкий спирант (غ), глухой гортанный спирант h (ه) и заднеязычный носовой (нг), итого 22 согласных фонемы, если не считать плохо усвоенных языком иноязычных звуков ф и ж. ф арабских, персидских и русских слов обыкновенно заменяется через п. Также русское ж - через дж.

II.

Переходя к вопросу об удобной в типографском отношении транскрипции, которая смогла бы сыграть и роль новой узбекской графики, поскольку Ташкентскому диалекту суждено положение литературного языка, я считаю возможным остановиться на следующей условной системе обозначений—из латинского алфавита с дополнением русских букв.

Для гласных i ь u (вместо i ə u
е у е о
а о ä ɔ).

Т. е. ɔ=о, ä=а, о=у, ə=ь. i, e, u с вышеуказанными значениями. Примеры: ota, b la, ɔt «лошадь», b j «бай», yz «сам», yt «огонь», qyl «рука», kel «озеро», ur «бей», qul «раб», kul «пепел», bьr «один», qьldь »сделал», keldь «пришел», ber «дай», tьl «язык». Вместо двух символов i, ь надо было-бы в практических целях остановиться на одном из них.

Для согласных: p, b, m, f, v, t, d, n. s, z, v, l, j,*) k, g, h с обычными (латинскими) значениями;

q для глубокого заднеязычного тогда как k для „неглубокого“

x со значением русского х тогда как h для гортанного спиранта

ш с русским значением

c со значением русского ч

з со значением дж

н (русское) со значением нг

г (русское) со значением звонкого заднеязычного спиранта (غ)

ж с русским значением.

Примеры: t ш «камень», c j «чай», зoj «место», jaнь «новый», qarra «ворона» жurnol «журнал» (если не произносится зurnol).

Для иллюстрации описанной транскрипции приведу начало сказки ... bу ь «голодный волк».

b r ekan jyq ekan ... ekan tyq ekan bурь bak vul ekan tulkь jasavul ekan q rra q qьm ь ek n cum uq caqьm ь ekan bьr c bурь b r ekan ... likdan nьma qьlurьn bьlmaj vlturьb j'ab yjlab yzьgа dьdьkьm endь jyld nьma u ьrasa tutьb jerman dьb ketaj tkan ekan j lda bьr t u ьrabdur bурь t a haj sanь jerman dьbdur (или debdur).

ot xьjla qьlm q ь b lьb bурьг jaxшь endь jersan b rь syzьmg qul qs l m nь bьr ikkь гьz syzlarьm b r et-j s нга jer l debdur. bурь qanь tez syjl manь зuda qornьm debdur t endь manь jers n amm m nь bьr eg m b r шuни r zь qьlm s m bylmajdь m n b rьb r zь qьlьb kejdьsam san ш nmajsan шuнiн u un m n шyljerda turaj san b rьb bьr m z qalam d v d keltur man uz ьlьm il jeta dur ron s zlarьmnь etaj. mirza j zsьn s n manь jeb bylgandankьjin egamga lьb b ьb berus n debdur Bурь tnь syzьga kьrьb j xшь san munda tur man mьrza d v d q lain kelturaj deb qьшl qr q rab ketьbdur. ot vaxtьь ranimat t рьb qo ьb ketьbdur bурь qьшl q jaqьnьga borgan ekan. cybonlar kyrь q lьb bьrdan qulab berьbdurl r zyrra qutulьb ot turgan jerga kelsa t j q.

Перевод. Было—не было, голодный был—сытый был, волк бакоулом был, лисица есаулом была, ворона лекарем была, воробей ябедником был. Был голодный волк. От голода не знал он, что делать Думал—думал и сказал себе: «что встречу на дороге то и съем». Пошел и встретил по дороге лошадь. Волк сказал лошади;

*) Хотя условия аберрации совсем другие, чем для русских i—ы, где они состоят в мягкости или твердости предшествующего гласного.

«Эй, я тебя с'ем». Лошадь задумала хитрость и сказала волку: «Хорошо, ты с'ешь». (Но), волк, послушай, я хочу тебе кое-что сказать. Скажу, а потом ешь». Волк сказал: «Ну говори скорее. Я очень голоден». Лошадь сказала: «Теперь ты меня с'ешь, но у меня есть хозяин. Нельзя его оставить без удовлетворения. Если я пойду к нему, ты не поверишь. Ты ступай и приведи писца с пером и чернильницей. Писец пусть напишет. Ты после того, как с'ешь меня, отнесешь к хозяину (записку)». Волк согласился с лошадью. «Хорошо», сказал он, ты стой здесь, а я приведу писца с чернильницей и пером» и пошел в кишлак. Лошадь воспользовалась случаем и убежала. Волк подошел близко к кишлаку. Пастухи увидали и сразу погнались. (Волк) насилу спасся. Когда он пришел на место, где стояла лошадь, лошади не было.

Е. Поливанов.

Из средневековой туркестанской поэзии[1])

Коренное, иранское (по современной терминологии — «таджицкое») население Туркестана, в до-мусульманскую эпоху говорившее на особом наречии иранского языка и имевшее свою народную поэзию, при исламе быстро подчинилось культурному влиянию Персии и приняло персидский литературный язык. Песни на местных наречиях, о которых говорят некоторые мусульманские авторы, не дошли до нас. Уроженцы Туркестана приняли выдающееся участие в созидании персидской лирики, сделавшейся достоянием всего иранского народа, и их произведения в большом числе вошли в антологии персидской поэзии, поражающей однообразием формы и содержания. За эпохой поэтического творчества последовала эпоха мертвого подражания классическим образцам, по готовым шаблонам воспевались вино и любовь, прославлялись правители и вельможи, часто без всякого отношения к их действительным деяниям. Поэтические произведения, в которых отражались черты местной природы и жизни, на всем пространстве иранского мира, в том числе и в Туркестане,[2]) были редким исключением.

Одним из таких исключений являются стихи туркестанского поэта конца XII века дихкана[3]) Али Шутрунджи. Автор антологии, где приводятся эти стихи, замечает, что в Туркестане «в тот день, когда солнце вступает в знак рыб (в феврале), прилетают аисты (лякляк); народ радуется их появлению и считает их вестниками весны». Дальше приводятся стихи поэта в честь своего везира, начинающиеся картиной из местной природы:

«Радостную весть о наурузе[4]) всегда приносит нам аист; от этой вести становится веселым печальное сердце, очищается поле от снега и воронов, когда среди снега и воронов появляется аист».

Описывается гнездо аиста: «Гнездо подобно школе, детеныши—как ученики, аист сидит среди них, как старик-учитель». Переходя к прославлению везира, поэт выражает свои пожелания в образах, на европейский вкус, может быть, несколько странных:

«Пусть злоумышляющего против него угощает аист, потому что надо есть змей и лягушек тому, кого угощает аист. Пусть от дома его завистника бежит аист, потому что аист бежит от дома, которому грозит болезнь. Пока из гнезда без веревки спускаются детеныши, пока без лестницы поднимается к небу аист, пусть его завистник будет более жалок, чем детеныши, у которых вырваны перья, пусть враг бежит от него, как аист бежит от осеннего ветра».

Каковы бы ни были поэтические достоинства этих стихов (прозаический перевод, как всегда, производит совершенно иное впечатление, чем подлинник), они любопытны, как один из редких примеров отражения в туркестанской поэзии местной природы и местных народных верований.[5])

В. Бартольд.

Татарский революционный роман[6])

Помню, как лет десять тому назад в Публичной Библиотеке Петербурга я просматривал русско-мусульманские издания. Перед глазами мелькали заглавия: „Корани-Керим", „Хефт-йеки-шериф", „Мухтасар-аль-Кудури", „Аль-Хидая", разные сарфы и нахвы, все на арабском и, частью, на персидском языке. По-татарски печаталось мало. Для народа существовал один лубок. Революционное движение 1905 г. полагает грань между татарской литературой старого и нового периода. После 1905 года кончается засилье арабского языка, обнаруживаются новые, дотоле невиданные еще роды литературы, между прочим, роман. Все это явилось, конечно, не неожиданно и сразу,

[1]) Перепечатывается из рукописного студенческого журнала «Муштари», издававшегося в 1915 г. членами Туркестанского и Ферганского Землячеств в Петербурге.

[2]) Отурчение страны не закончено и до сих пор, хотя политическое господство окончательно перешло к турецкому элементу еще в X веке.

[3]) В средние века так назывались не сельские рабочие, как теперь, а представители земледельческой аристократии.

[4]) Персидский новый год, совпадающий с весенним равноденствием.

[5]) Только в Хивинских владениях отношение к аисту совершенно иное, чем в других областях Туркестана. А. Н. Самойловичу в 1908 г. говорили в Хиве, что аист злая птица, и если он залетит в Хиву, то его застрелят.

[6]) [illegible] Казань, 1920 г., стр. 454

10

— 87 —

Замечание. Долготу (—) мы очень часто ставили только по слуху, не считаясь с тем, имеет-ли это слово долготу в литературном языке или нет.

Литература. 1) *Позднеев, А. М.* „Образцы народной литературы монгольских племен“ Спб., 1880. В введении автор разбирает размеры монгольских песен, переложив предварительно их с разговорного языка на литературный, отличающийся от первого бо́льшим количеством слогов.

2) *Руднев, А. Д.* „Мелодии монгольских племен“ в „Сборнике в честь 70-летия Г. Н. Потанина.“ Статья касается только музыкальной мелодии песен и не рассматривает размеры со стороны поэтической техники стиха.

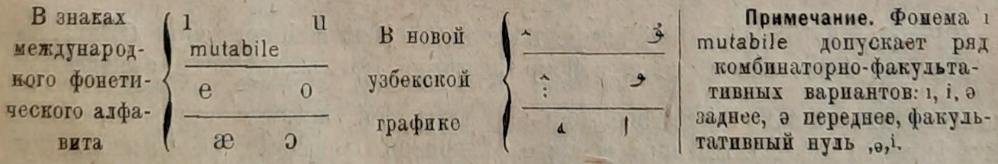
Настоящие наблюдения над калмыцкими песнями сделаны мною на основании собственных записей песен в Области Калмыцкого Народа.

Образцы фонетических записей Ташкентского диалекта.

Проф. Е. Д. Поливанов.

В моей работе «Ташкентский диалект» (в порядке работ Лингвистической К—ии Т. ГУС'а, ее номер: 6 Тур. серия 2 I—III), предназначенной для „Трудов С.-А. Г. У.“

Я пришел к выводу, что ташкентский диалект, как и другие говоры узбеков (так называвшихся «сартов») крупных городских центров—например, гор. Бухары, является—по фонетическим признакам—гибридным языком: сочетав в себе основной вокализм аборигенной иранской (восточно-персидской или, в этом смысле, таджикской) речи с словарным материалом и отчасти консонантизмом турецкого (именно узбекского языка, который без гибридизации с персидским представлен, например, северно-узбекскими говорами: Манкента, Кара-булака, гор. Туркестана) языка, ташкентский диалект представляет вполне исключительное среди турецких языков явление, как образчик ***турецкого языка без сингармонизма***. Утрата сингармонизма, вполне об'ясняющаяся иранской этнической подпочвой, понятно, выразилась и в уменьшении числа гласных фонем, коих (вместо обще-турецких 9-ти) в Ташк—ком всего 6:



Примечание. Фонема ı mutabile допускает ряд комбинаторно-факультативных вариантов: ı, i, ə заднее, ə переднее, факультативный нуль ,ə,ⁱ.

Эта система гласных обнаруживает, без сомнения, прямое преемство от иранского вокализма (я не останавливаюсь здесь на наличии e, o) и турецкой языковой стихии остается приписать, главным образом, отрицательную черту: утрату количественных различений гласных (ср. перс. xɔ:næ>Ташк. xɔnæ). С обще-лингвистической точки зрения многое очень интересно в этой гибридного происхождения звуковой системе, и в моей упомянутой работе я постарался дать мотивировку получившихся при данных гибридизационных условиях соответствий (в частности интересно соответствие: обще-тур. a>

Статья Е.Д. Поливанова «Образцы фонетических записей Ташкентского диалекта», опубликованная в Бюллетене 1-го Средне-Азиатского Государственного университета (1924 г.)

Ташк. æ в конечном открытом слоге и обще-тур. a>Ташк. ɔ—в прочих случаях.[1])

Не имея возможности здесь останавливаться на отдельных пунктах исследования, я предпосылаю ему лишь краткую иллюстрацию ввиде нижеследующих (пофонемных) записей Ташкентского текста в международном фонетическом алфавите.

№ 1. Xıtrı jıgıt. [Записано от неграмотного ташкентца рабочего Мухаммед Расуль (rəesul)].

bᵊr xɔtən bɔr ekæn ɔtı gulsunbubı [дублет gulsunbıbi; у других рассказчиков фигурирует другое имя – tursunbubi, tursunbıbı]

on tor jılkəecɔn[2]) [дубл. on tort jılkəecɔn] tuƺməeptı pɔlwungəe [дубл. pɔlwingəe]
məen nəgəe [=nıgəe] tuƺməèjməen [дубл. tuƺmíməen] pɔlwun ajttıkı
tuƺəesəen ul ajttıkı kəecɔn tuƺəeməen
dıdı pɔlwun ajttıkı jəeqındəe
tuƺəesəen gulsunbubı surəedı nıməe tuƺəeməén
pɔlwun ajttıkı [дубл. ettıkı] qəz [=qız] tuƺəesəen

tuƺulgəendəe bəzdəek gəeprəedı nɔn bersəe həem jedı, ɔsbersəe
həem jedı, həem gəeprəedı qolıgəe dutər ɔlıp cɔldı

jəenə əesıləe [у бухарца əesuləe] əejttı bu qəznı həemməe ɔdəem kurgəenı keldı bu qəznı kurəp həemməe həejrɔn qəldı qəz qusıƺnı [дубл. qusuƺnı] ettı kelgəen ɔdəemləer qusuƺnı esıtıb jeƺləestıləer jəenı bər ɔdəem qəznı kurməqqəe keldı həelıgı ɔdəem bər kəempırnı cəqırdı kəempır keldı bul ɔdəme əejttıkı kəempırgəe qəznı ɔldıgəe bɔrınʰ qəzgəe bɔrıp əejtıʰ məengəe teksın [дубл. teksunu] kəempırqəznı ɔldıgəe bɔrdı qəzgəe əejttıkı su jıgıtkəe tegəesəèmmə [дубл.—mu] qəz əejttıkı nìməe ıs qələédci kəempır əejttıkı həer ısnı qələẹdi qəz əejttıkı jıgıtnı etıpkelıʰ mundəe kəempır bɔrıp jıgıtnı etıp keldı qəz jıgıttəen surəedı nıməe ıs bıləesəen bu jıgıt xıtrı ekəen jıgıt əejttıkı bɔzɔrgəe bɔrəèməz. su jıgıtm(ө)neem qəz bɔzɔrgəe. bɔrdı. bᵊr bɔjnı dukəenʲgəe kqrdı [kırdı] bɔjnı cəqırdı jıgıt. bɔj jıgıtnı ɔldıgæ keldı.

turıp [turıb turub] ajttıkı (jıgıt) kɔƺæznı tıllæ q'lıb berıh. bɔj bᵊr hæltædæ tıllæ ɔlıp kelıp qojdı. bɔj bɔsqæ ıskæ kettı. jıgıt hæltænı ɔcıp tıllænı sænædı uc juz tıLləe ekəen. sekın bɔjləep tɔrɔzıgəe [tɔrɔzugəe] tɔrttı ɔƺərligi jettı jəerəm qəedɔq kelkı]/1 jıgıt həeltəenı ɔlıp kettı. bɔj ketıdəen cıqıp usləedı bɔj ettıkı [вместо ajttıkı). tılləenı qəeqqəe [=физич. qəeq:əe] ɔbəerəesəen. jıgıt əejttıkı tilləe məenıkı bɔj ettıkı məenıkı jıgıt əejttıkı səenıkı bolsəe tılləe necı

---

1) В общих чертах это a>æ, ɔ об'яснено уже в моей заметке „Звуковой состав Ташкентского диалекта" в „Науке и Просвещении" 1922 г. № 1. Как на один из результатов падения сингармонизма там указано, между прочим и на то, что суффикс Infinitivi имеет в Ташк. одну форму—mɔq,—что повторяет затем и пр. Кузнецов в своей статье в „Сборн. в честь А. Э. Шмидта" 1923 г.

2) Для избежания типографских затруднений всюду употреблены c з вместо c з со знаком шипящести, иначе говоря, звуки ч, дж обозначены просто через c з.

qəedəeq dıdı jəenı uzı tılləe nectəe dıdı. bəj əejttıkı bılmımoen dıdı [вместо bılmàjmoen возможнон bılmımoén] jıgıt əejttıkı moen uzım bıləemoen dıdı.

ıkəeleesı [вместо ıkıəeləesı] urus̆ [дублет urıs] bəsləedı. xənıı əldıgəe ıkəe-ləesi bərdı. jᶻıgıt əejttıkı tılləe moenıki didi. фактически [здəсь я услышал элемент «ж» в jıgıt] bəj əejttıkı moenıkı dıdı. jᶻıgıt əejttıkı tılləe nectəe dıdı bəj əejttıkı moen bılmımoen nectəe dıdı. jıgıt əejttıkı moen bıləemoen dıdı. xən əejttıkı səen bılsəeh nectəe? dıdı. jıgıt əejttıkı tılləe uc juz [физически возможно почти jyz] ıllıktəe dıdı. əɛ̧ərlıgı necı qəedəq dıdı. jıgıt əejttıkı jettı jəerım qəedəq dıdı. xən səenəedı tılləenı. səenəesəe uc juz ıllıktəe cıqtı. xən tərtəp [=tərtıp] kurdı jettı jəerım qəedəq keldı. xən əejttıkı tılləe jıgıtnıkı ekəen. bəj jeɛ̧ləegəenıcəe qəldı. jıgıt tılləenı ələp kettı qəznı əldıgəe bərdı.

Примечание 1. Описание ребенка, одаренного способностями взрослых с момента рождения, излюбленный мотив турецкого эпоса. Сравнить хотя-бы киргизскую былину о Шура-батыре. Интересно, что мне в 1923 г. пришлось встретить новый п репев той-же темы—в рассказе о том, как около станции Чиили в киргизском семействе родился мальчик-богатырь (это в 1923 году!), обладавший теми же свойствами, что и дочка Гуль-сун-биби: он заговорил тотчас по рождении, ел (и ложкой!) все, что едят взрослые и пр. Совпадение в этих чертах с данным текстом полное Этого молодца родители побоялись держать у себя и решили бросить в Дарью. Бросили, пришли домой, а он уже сидит дома: оказывается—вылез из воды и пришел домой раньше, чем успели притти родите-ли. С тех пор он растет в каждый день на год и говорит: когда мне будет 35 дней, у меня появится конь и сабля. Молва о нем дошла и в Ташкент.

В данном же рассказе этот мотив о былинном Wunderkind'е по существу совсем ненужен (ведь в дальнейшем речь идет о талантах джигита, а не его невесты), он попал сюда, видимо, просто механически, как типичный бродячий элемент эпической композиции.

В приложении к женщине-девочке этот мотив Wunderkind'a, конечно, вторичен.

1. **Хитрый** [xıtrı] **джигит** (молодец.) (Жила) была женщина, по имени Г.-биби (вариант Турсун-биби). 14 лет она не рожала. Пошла к ворожею: почему я не рожаю? Ворожей сказал: родишь. Она сказала: когда я рожу? Ворожей сказал: скоро родишь. Г.-биби спросила: что я рожу? Ворожей сказал: дочь родишь. Когда она родилась, она говорила, как мы. Если (ей) дать хлеба, ела и хлеб. Если дать кушанье и кушанье ела; и разговаривала. Взяв в руки дутар (двуструнный инструмент) играла (на дутаре).

Затем пела (букв. говорила) песни. Все люди приходили посмотреть эту девушку. Увидя эту девушку все оставались в удивлении. Девушка пела песни, пришедшие <люди> слушая (ее) песни, плакали. Пришел потом один человек посмотреть девушку. Этот (букв. давиший) человек позвал одну старуху. Старуха пришла. Этот человек сказал старухе: пойди к девушке, придя к девушке скажи: пусть она за меня выходит замуж. Старуха пошла к девушке и сказала <девушке:> не пойдешь-ли замуж за этого джигита. Девушка сказала: что за дело он делает. Старуха сказала: он всякое дело сделает Девушка сказала: приведи джигита сюда [приведи—букв. позвав приди]. Старуха пошла и привела джигита. Девушка спросила у джигита: какое дело ты знаешь? Этот джигит был хитрый. Джигит сказал: пойдем на базар Девушка пошла с этим джигитом на базар. Вошли (они) в лавку одного купца [bɔj]. Джигит позвал бая. Бай вышел [букв. пришел] к джигиту.

Вот сказал (джигит) [turıb<tur-ub от tur „стоять" (часто грамматикализующийся глагол)—букв. встав]. „Обменяй мне бумажки на золотую монету." Бай принес в <одном> мешке золотую валюту и положил (принес и положил мешок с золотом). (Тут) бай вышел по другому делу, а джигит раскрыл мешок и сосчитал золото. Оказалось 300 монет. Тихонько завязав, он свешал (их) на весах. Вес оказался (букв. пришел, 7½ фунтов. <Этот> джигит взял и понес мешок (букв. взяв ушел=унес). Бай сзади (за ним) выскочил и задержал (его) Бай сказал: куда ты тащишь золото [ɔbæræsæn вместо ɔlib bɔræsæn]. Джигит сказал: золото—мое. Бай сказал: мое. Джигит сказал: „если твое, то сколько фунтов в золоте. И затем, самого золота (монет) сколько"? Бай сказал: „не знаю". Джигит сказал: „(а) я-то <сам я> знаю." И они оба начали драться. Оба пошли (вдвоем)

к хану. Джигит сказал: „золото — мое“. Бай сказал: „мое“. Джигит сказал: „золота сколько?“ Бай сказал: „я не знаю, сколько“ Джигит сказал: „я знаю“. Хан сказал: „если ты знаешь, сколько?“ Джигит сказал: „золотых монет 350 штук“. „А вес их сколько фунтов?“ Джигит сказал: „7½ фунтов“. Хан сосчитал золото. Сосчитал, и вышло 350 монет. Хан взвесил (золото) [букв. весив посмотрел]—вышло 7½ фунтов. Хан сказал: золото было джигитово. Бай с плачем (плача) остался (стоять), (не зная) что (ему делать) [nıcæ—эллипс вместо такой приблизительно фразы—nımæ qəlurən bılməegəencəe—qəldı, или nıcəe и т. д.] Джигит взял золото и ушел [или: унес золото—разница между обоими значениями зависит от наличия паузы после əlıp]. И пошел к девушке.

Примечание 2. Приведена только половина рассказа—ввиду ограниченности места в „Бюллетенях“. Во 2-ой половине рассказывается следующее:

Девушка просит показать еще другое „дело“. Джигит останавливает торговца с тканями (шелк, атлас) на ишаке, обещает купить его товар и ведет под-уздцы ишака. Торговец идет следом. Вдруг джигит схватывает его за шиворот и тащит к цирульнику. „Кто это?“ спрашивает цирульник.—„Это мой сын, он—сумасшедший (sınnı ɓoptı) и кусает людей. Ему надо вырвать зубы“.—Ладно,—говорит цирульник. Семеро подмастерий справляются с торговцем, а цирульник вырывает ему клещами зубы. Джигит и девушка забирают товар, оставляя плачущего торговца ни с чем. Девушка убедилась в „талантах“ хитрого джигита и они женятся (erəxotənbold•).

Как пример стихотворного текста приводится „Песня джураджон“ зurəesəən).

№ 2. Пiсня зurəeзən.

əsməndəe zəeqcəe [физич. факультативно zəexcəe]
kəerməndəe əekcəe
зurəeзən
bəʁı ləetıpəe
jərıməen wəj jərıməen

zbŏsıkəe sɔlsəeɦ
bərəeməen

ətəĕskəe sɔlsəeɦ
bərəeməen
səeməerqəend u ənd̦зən
зurəeзən
bəʁı ləetıpəe

Форма узбекского стиха (песни) по этому образцу характеризуется:

1. Взаимным порядком ударений и неударяемых слогов. Ритмических целых (—строк) оказывается собственно 12. Каждая—совершенно правильный хорей [отметить неожиданные, но фактически именно так здесь и произносимые формы

bə ʁ ιʁ́ı, zbòŝıkəé, а не ızbŏsıkəe;

начальное ударение не должно создать недоумения, если мы вспомним 2 полюса ударяемости в обще-алтайском слове]. Каждая строка, конечно, кончается арзисом, что естественно для турецкого стиха.

2. Постоянной рифмой (и supra—рифмой). Мы имеем 7 рифмических корреспонденций (это на 56 слогах и 34 ударениях!) при одном сознательно выдержанном диссонансе (финальное ləetıpəe).

3. Определенным числом ударений (а следовательно и хореических стоп—с конечным арзисом: 2½, 1½, 3½ стопы) между цезурами, т. е. в каждом „стихе“: 3, 2, 4 ударение.

4. Своеобразной строфикой (форма arioso).

В 1924 году Поливанов возглавляет диалектологическую экспедицию в узбекские города и кишлаки, в которой принимают участие некоторые слушатели Востфака САГУ. Условно разделив узбекский язык на две основные группы говоров – иранизированные, заменившие турецкий вокализм иранским и утратившие сингармонизм, и неиранизированные, сохранившие сингармонизм и турецкий состав гласных[1], – Поливанов поручает своим студентам запись и предварительную обработку второй группы, а сам приступает к изучению первой.

Итогом проведенной работы стала его статья «Образцы фонетических записей ташкентского диалекта»[2], опубликованная в бюллетене Средне-Азиатского Государственного университета. Ее появление предвосхитили месяцы полевого сбора материала, когда он, незаметно выбегая под бурю аплодисментов после лекции в САГУ из аудитории, мчался в старый город, в чайхану, где по пятницам собирались старики из пригородных кишлаков, и оживали говоры на два поколения старше современных, проясняя пути и направления эволюции последних. «Е.Д. почтительно прислушивается к произношению старика, ловко ставит наводящие вопросы, но ничего не записывает, – вспоминал друг Поливанова М.С. Кардашев. – Его изумительная память сработает лучше любой записи. А слух у него тончайший, почти абсолютный. Любую, хоть мельком услышанную фонему, он воспроизводит не только совершенно точно, но и подчеркнув все ее особенности. <…> По дороге домой – целая лекция. Е.Д. не только

[1] Предлагая свою классификацию узбекских диалектов, Поливанов принимал за классификационный признак степень «иранизации» («гибридизации») этих диалектов и соответственно вычленял «иранизированные» и «неиранизированные» узбекские говоры».

[2] Поливанов Е.Д. Образцы фонетических записей ташкентского диалекта // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – 1924. – № 4. – С. 87–90.

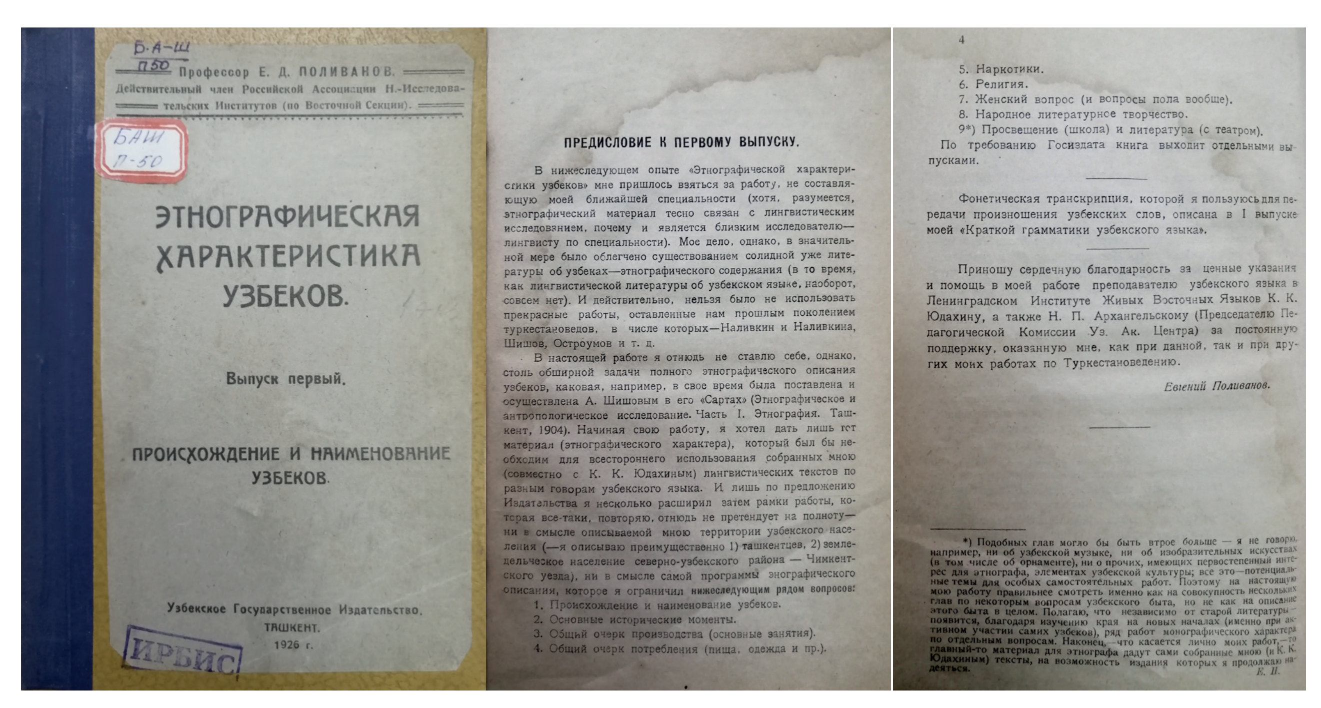
В 1964 году знавший Поливанова старый декханин Махмуд Хаджимурадов на вопрос о том, как говорил на его диалекте узбекского языка Евгений Дмитриевич, ответил коротко и исчерпывающе: «Лучше меня...»

запомнил все, что ему хотелось, но уже успел обобщить и сделать нужные выводы…»[3].

Использовал Поливанов также всякую возможность, чтобы ездить в экспедиции за пределы городов «в поле». За время пребывания в Средней Азии им были организованы десятки комплексных диалектологических экспедиций.

Занимаясь описанием диалектов узбекского языка, Поливанов широко интересуется этнографией и историей узбекской нации. Ученый-лингвист был уверен в том, что проблемы многоязычия и языковых контактов, занимавшие, кстати сказать, и его учителей – Бодуэна и Щербу, нужно решать на широком материале дисциплин гуманитарного цикла. Вот что он писал по этому поводу, к примеру, в своей работе «Этнографическая характеристика узбеков» (1926 г.): «В нижеследующем опыте мне пришлось взяться за работу, не составляющую моей ближайшей специальности (хотя, разумеется, этнографический материал тесно связан с лингвистическим исследованием, почему и является близким исследователю-лингвисту по специальности). <…> В настоящей работе я отнюдь не ставлю себе, однако, столь обширной задачи полного этнографического описания узбеков, какая, например, в свое время была поставлена и осуществлена А. Шишовым в его «Сартах»… Начиная свою работу, я хотел дать лишь тот материал (этнографического характера), который был бы необходим для всестороннего использования собранных мною (совместно с К.К. Юда-

[3] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 25.



Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ.
Действительный член Российской Ассоциации Н.-Исследовательских Институтов (по Восточной Секции).

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЗБЕКОВ.

Выпуск первый.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАИМЕНОВАНИЕ УЗБЕКОВ.

Узбекское Государственное Издательство.
ТАШКЕНТ.
1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

В нижеследующем опыте «Этнографической характеристики узбеков» мне пришлось взяться за работу, не составляющую моей ближайшей специальности (хотя, разумеется, этнографический материал тесно связан с лингвистическим исследованием, почему и является близким исследователю—лингвисту по специальности). Мое дело, однако, в значительной мере было облегчено существованием солидной уже литературы об узбеках—этнографического содержания (в то время, как лингвистической литературы об узбекском языке, наоборот, совсем нет). И действительно, нельзя было не использовать прекрасные работы, оставленные нам прошлым поколением туркестановедов, в числе которых—Наливкин и Наливкина, Шишов, Остроумов и т. д.

В настоящей работе я отнюдь не ставлю себе, однако, столь обширной задачи полного этнографического описания узбеков, каковая, например, в свое время была поставлена и осуществлена А. Шишовым в его «Сартах» (Этнографическое и антропологическое исследование. Часть I. Этнография. Ташкент, 1904). Начиная свою работу, я хотел дать лишь тот материал (этнографического характера), который был бы необходим для всестороннего использования собранных мною (совместно с К. К. Юдахиным) лингвистических текстов по разным говорам узбекского языка. И лишь по предложению Издательства я несколько расширил затем рамки работы, которая все-таки, повторяю, отнюдь не претендует на полноту— ни в смысле описываемой мною территории узбекского населения (—я описываю преимущественно 1) ташкентцев, 2) земледельческое население северно-узбекского района — Чимкентского уезда), ни в смысле самой программы энографического описания, которое я ограничил нижеследующим рядом вопросов:

1. Происхождение и наименование узбеков.
2. Основные исторические моменты.
3. Общий очерк производства (основные занятия).
4. Общий очерк потребления (пища, одежда и пр.).

4

5. Наркотики.
6. Религия.
7. Женский вопрос (и вопросы пола вообще).
8. Народное литературное творчество.
9*) Просвещение (школа) и литература (с театром).

По требованию Госиздата книга выходит отдельными выпусками.

Фонетическая транскрипция, которой я пользуюсь для передачи произношения узбекских слов, описана в I выпуске моей «Краткой грамматики узбекского языка».

Приношу сердечную благодарность за ценные указания и помощь в моей работе преподавателю узбекского языка в Ленинградском Институте Живых Восточных Языков К. К. Юдахину, а также Н. П. Архангельскому (Председателю Педагогической Комиссии Уз. Ак. Центра) за постоянную поддержку, оказанную мне, как при данной, так и при других моих работах по Туркестановедению.

Евгений Поливанов.

*) Подобных глав могло бы быть втрое больше — я не говорю, например, ни об узбекской музыке, ни об изобразительных искусствах (в том числе об орнаменте), ни о прочих, имеющих первостепенный интерес для этнографа, элементах узбекской культуры; все это—потенциальные темы для особых самостоятельных работ. Поэтому на настоящую мою работу правильнее смотреть именно как на совокупность нескольких глав по некоторым вопросам узбекского быта, но не как на описание этого быта в целом. Полагаю, что независимо от старой литературы — появится, благодаря изучению края на новых началах (именно при активном участии самих узбеков), ряд работ монографического характера по отдельным вопросам. Наконец,—что касается лично моих работ,—то главный-то материал для этнографа дадут сами собранные мною (и К. К. Юдахиным) тексты, на возможность издания которых я продолжаю надеяться. *Е. П.*

Обложка и предисловие к книге Е.Д. Поливанова «Этнографическая характеристика узбеков» (1926 г.)

хиным) лингвистических текстов по разным говорам узбекского языка»[1].

Интерес в связи с этим вызывает одна из неопубликованных статей Поливанова «К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского (так называемого бухарско-еврейского, или таджикско-еврейского) языка». Обнаружив в среднеазиатском еврейском языке отсутствие следов узбекского влияния (в отличие от других северно-таджикских говоров), ученый связал консерватизм фонетики с хозяйственной ситуацией местного узбекского населения. «…то, что, напр., в Бухаре, как и в Самарканде, как и в Ходженте, еврейское население в меньшей степени подверглось узбекскому языковому влиянию, – писал он, – стоит в связи со специфическими особенностями экономической ситуации еврейского населения – по сравнению с чисто-таджикским (мусульманским) населением тех же городов (Бухары, Самарканда, Ходжента). Во-первых, в отличие от чисто-таджикского населения местные евреи не имели пригородных земельных участков, т. е. не занимались садоводством и земледелием, и проводили, следовательно, весь год внутри города – в то время как таджики, выезжавшие с весны до осени на свои пригородные участки, естественно должны были вступать в более тесное экономическое и языковое общение с узбекским населением. <…> Во-вторых, – и это самое главное – местные евреи были оттеснены местным чисто-таджикским населением от (более или менее широкого) участия во внутри-районном товарообмене, – товарообмене с окружающими узбекскими кишлаками, и тем самым обречены были жить, преимущественно, лишь внутри-городской экономикой. <…> Отсюда, естественно, вытекала меньшая степень общения с узбеками и меньшее знакомство с узбекским языком: фактически мы знаем, что многие туз[емные] евреи (в отличие от всего экономически-активного состава местных чисто-таджикских, т. е. нееврейских коллективов) просто не владели узбекским языком…»[2].

[1] Поливанов Е.Д. Этнографическая характеристика узбеков. Происхождение и наименование узбеков. – Ташкент, 1926. – Вып. I. – С. 3.

[2] Цит. по: Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. 2. – М., 2010. – С. 445.

О широте научных интересов Е.Д. Поливанова и обширнейших познаниях ученого в области языков и культур народов Востока свидетельствует также полученное им из ГУСа от 27 января 1925 года письмо с просьбой сообщить, где можно приобрести следующие его работы: «Фонетический словарь турецких наречий Туркестана», «Несколько узбекских суеверий как материал для сравнительного анализа религиозных верований», «Понятие эволюции о языке», «Руководство по собиранию лингвистических материалов», «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях», «Условия антирелигиозной пропаганды на Востоке», «Материал по бехоизму»[3].

Накопленный в различных областях опыт позволил Поливанову в 1925 году читать не только языковедческие предметы, но и курс общей этнографии на кафедре этнографии и антропологии, а его коллегам утверждать: «В университете успехам научной туркологии по-прежнему больше всего содействуют работы Поливанова...»[4]. Но интересовала ученого не только тюркология: во время работы в САГУ он продолжает работу по исследованию японского ударения и занимается грузинской фонетикой.

Всестороннее изучение Поливановым фонологии диалектов узбекского языка оказалось тесно сопряженным с прикладными задачами реформы алфавита и орфографии узбекского языка, стартовавшей после Октябрьской революции. «Самое важное в моей работе – это ее прикладной характер для настоящего времени и ближайшего будущего»[5], – подчеркивал он. «И пока у нас до крайности мало рабочих рук..., – продолжал Поливанов свою мысль, – никому нельзя отказаться от своей доли в этой черной работе. Нельзя... быть только теоретиком, учет наличных кадров диктует нам необходимость быть одновременно и теоретиком, и «языковым политиком», и даже просто обследователем»[6].

По этой же причине выдающийся лингвист настаивал на том, чтобы в программы общелингвистического курса наряду с лингвистической пропедевтикой, теорией эволюции языка, методами сравнительно-исторического языкознания, социологической лингвистики и пр. включалось изложение «прикладной лингвистики»[7].

С VII–VIII веков после завоевания арабами Средней Азии староузбекский язык использовал в качестве графической системы арабский алфавит, который не раз претерпевал изменения, приближавшие его к нуждам тюркской фонетики. Очередная дискуссия о реформировании узбекского письма пришлась на 1918–1922 годы, разделив узбекское общество на три лагеря – «староорфографистов», предлагавших пользоваться арабским письмом без каких-либо изменений, «среднеорфографистов», настаивавших на том, чтобы ввести в алфавит 6 дополнительных знаков для обозначения гласных звуков, и «новоорфографистов», помимо введения знаков для гласных предлагавших изъять из алфавита буквы, используемые только в арабских словах.

К 1923 году рационализация узбекской письменности на основе арабской графики прошла все этапы теоретической разработки. Реформированный алфавит отныне включал в себя 6 букв, идеально подходивших к звуковому составу несингармонистических говоров узбекского языка: [ɔ], [ä], [e], [i], [o], [у]. Между тем, подготовленный в 1926

[3] Абдулина Э.Ш. Поливанов и теория обучения грамоте (Из неопубликованного наследия) // Русский язык в киргизской школе. – 1977. – С. 25.

[4] Цит. по: Алпатов В.М. Метеор (Е.Д. Поливанов) // Языковеды, востоковеды, историки. URL: https://biography.wikireading.ru/56379 (дата обращения: 4 марта 2021 г.)

[5] Поливанов Е.Д. Избранные работы / сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968. – С. 16.

[6] Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1889. – С. 13.

[7] Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. – Ленинград, 1928. – С. III.

ی ئي ئا ئۇ ئو ئی ئه ه ۉ و ن م ل ڭ گ ک ق ف غ ش س ژ ز ر د خ چ ج ت پ ب ئ

Алфавит узбекского языка, официально утвержденный 18 октября 1923 г. Народным комиссаром просвещения Туркестанской АССР, действовавший в СССР до 1930 г.

"Я пришел к выводу, что ташкентский диалект, как и другие говоры узбеков (так называвшихся «сартов») крупных городских центров — например, гор. Бухары, является — по фонетическим признакам — гибридным языком: сочетав в себе основной вокализм аборигенной иранской (восточно-персидской или, в этом смысле, таджикской) речи со словарным материалом и отчасти консонантизмом турецкого (именно узбекского языка, который без гибридизации с персидским представлен, например, северно-узбекскими говорами: Манкента, Кара-булака, гор. Туркестана) языка, ташкентский диалект представляет вполне исключительное среди турецких языков явление, как образчик турецкого языка без сингармонизма. Утрата сингармонизма, вполне объясняющаяся иранской этнической подпочвой, понятно, выразилась и в уменьшении числа гласных фонем, коих (вместо обще-турецких 9-ти) в Ташк-ком всего 6"[I].

[I] Поливанов Е.Д. Образцы фонетических записей Ташкентского диалекта //Бюллетень I-го Средне-Азиатского государственного университета. — I924. — Февраль. — № 4. — С. 87.

году проект новых правил узбекской орфографии основывался на принципе «пиши строго фонетически, соблюдая гармонию гласных», который должен был применяться, в том числе, в отношении тех диалектов узбекского языка, в которых сингармонизм отсутствовал, – ферганско-ташкентской группы говоров, длительное время испытывавших на себе арабо-персидское влияние и утративших сингармонизм.

Парадокс орфографической реформы, по мнению Поливанова, состоял в том, что отныне ни один узбек не мог писать строго фонетически на родном языке, так как для звуков сингармонистических говоров не хватало букв в новой графике (6 гласных букв для 9 гласных звуков), а для несингармонистических говоров приходилось соображаться с формами сингармонистическими[1].

Последнее обстоятельство беспокоило Поливанова в наибольшей степени. Гигантская работа, проделанная им за пять лет жизни в Туркестанской АССР, – ему удалось описать маргеланский, самаркандский, казак-найманский, кыят-кунградский, гурленский, хивинский, казли-найманский, туркестанский, кашгарский говоры, говор люли, говор ферганских каракалпаков и говор туземных евреев Ферганы, – блестящее их знание и глубокое понимание тенденций их развития к тому моменту позволили лингвисту прийти к убеждению в том, что в основу узбекского литературного языка должен быть положен иранизованный (несингармонистический) городской диалект Ташкента, Самарканда и Ферганы. И любые попытки посредством графики фонетически уподобить несингармонистические говоры говорам сингармонистическим противоречили, по его мнению, не только морально-этическим нормам и природе языка, но и закону целесообразности.

Сокрушаясь по поводу того, в каком печальном положении в результате новой орфографической реформы оказались центры узбекской цивилизации – Ташкент и Самарканд, Поливанов писал в работе «Краткая грамматика узбек-

[1] Поливанов Е.Д. Краткая грамматика узбекского языка. Часть вторая. Глагол. – Ташкент – Москва, 1926. – С. 66.

ского языка» следующее: «На первый взгляд кажется, что за требованием деятелей узбекской реформы, чтобы все писали с соблюдением сингармонизма, скрывается элемент воли, – залог выработки единого узбекского литературного языка. Но на самом деле, здесь незнание эволюции социально-языковой стихии, и в результате – попытка с негодными средствами. <…>

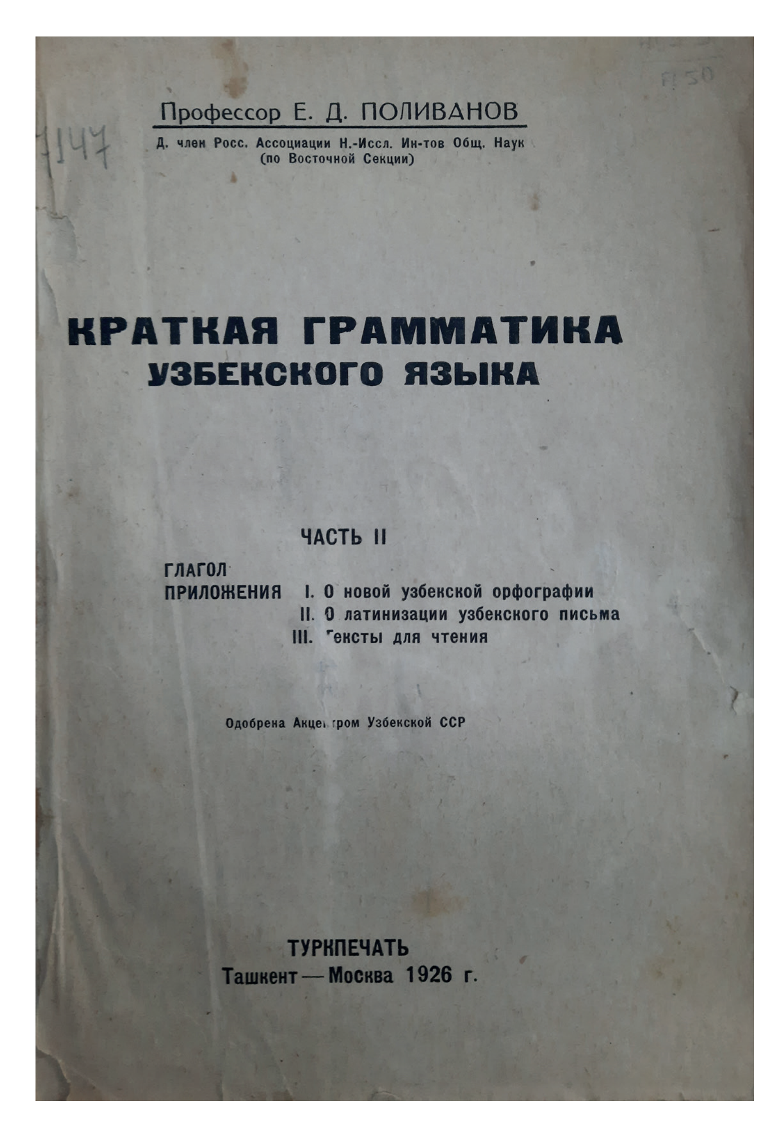
И для чего это? Ведь нельзя же рассчитывать на создание единого узбекского языка (и именно сингармонистического) тем, что заставляют ташкентцев писать одно вместо другого. Ведь они 1000 раз ошибутся против рекомендуемого написания и ни разу против своего произношения, усвоенного в детстве (т. е. никогда не изменят свое произношение под влиянием этого написания).

<…> Можно декретировать графику (буквенный запас), можно декретировать орфографию (правила о написании слов и форм), но нельзя декретировать диалект, ибо он усваивается в том возрасте, для которого не существует декретов. Издай мы хоть 200 постановлений об отмене грамматического рода в русском языке, это ни на кого не подействует, никто не откажется от своих навыков.

Выбор литературного диалекта зависит не от решения какой-либо комиссии, но от объективных чисто-языковых и культурных условий; среди них не последнее место займет то, на каком диалекте будут писать выдающиеся узбекские писатели, чьи сочинения будут материалом действительного культурного и языкового объединения узбеков.

Но в прогнозе языкового будущего (какой диалект станет литературным) мы вовсе не нуждаемся для вывода о том, как нужно применять новую графику. Вывод этот, по моему мнению, ясен: нужно посоветовать каждому узбеку писать фонетически на своем диалекте…

Мне возразят, что это создаст разнообразие узбекских говоров. Да ведь это разнообразие и так существует. Орфография не прибавит и не убавит его.


Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ
Д. член Росс. Ассоциации Н.-Исс. Ин-тов Общ. Наук
(по Восточной Секции)

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА
УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

ЧАСТЬ II

ГЛАГОЛ
ПРИЛОЖЕНИЯ I. О новой узбекской орфографии
II. О латинизации узбекского письма
III. Тексты для чтения

Одобрена Акцентром Узбекской ССР

ТУРКПЕЧАТЬ
Ташкент — Москва 1926 г.

Обложка и титульный лист работы Е.Д. Поливанова «Краткая грамматика узбекского языка. Часть вторая. Глагол» (1926 г.)

Ведь узбекские говоры отличаются не только фонетически, но и морфологически и очень сильно словарно (ср. северно-узбекский и бухарский). Пускай предстанет в письменности все богатство диалектов узбекской речи. По мере же того, как культурно-национальное объединение узбеков будет требовать и средства взаимного общения всех узбеков, т. е. стандартного языка, естественно в качестве такого возобладает один из говоров (или возможно 2); на нем (или на них, т. е. 2 говорах: сингармонистическом и несингармонистическом) тогда остановится и письменность»[2].

[2] Там же. – С. 66–67.

Выдержки из статьи Е.Д. Поливанова «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» о причинах диалектологического разнообразия узбекского языка

Ни один из турецких языков СССР не обладает столь резкими диалектологическими различиями, как узбекский язык, и ни один другой из турецких языков СССР не представляет, следовательно, столь специфических, — вытекающих из этого диалектологического разнообразия, — трудностей для вопроса о выборе литературного стандартного диалекта и его латинизации.

Упомянутое чрезвычайное разнообразие диалектов и говоров узбекского языка имеет следующие две главнейшие причины..

I. Первая основная причина: то, что благодатные оазисы Средней Азии, представлявшие отличные возможности для земледельческого хозяйства, неоднократно, т. е. в различные исторические эпохи, притягивали к себе турецкие племена, относившиеся к разным (а именно: трем) группам турецких языков; из языковых потомков, т.е. потомков по линии языкового преемства, этих, в разные времена оседавших и переходивших к земледелию, турецких племен и сложился нынешний узбекский нацколлектив говорящих на наречиях, генетически относящихся к трем разным группам турецких языков, а именно:

а) к так называемой «юго-восточной», или «чагатайской» группе турецких языков (группа taq — saıq),

б) к так называемой «юго-западнй», или «огузской» группе турецких языков (группа daq — sarı [sa:rь]),

в) к так называемой «северо-западной», или «кыпчакской группе турецких языков (группа tav — sarь).

Следовательно, обще-узбекского праязыка, как такового, никогда не существовало; узбекский язык (как совокупность говоров узб. коллективов) возник именно не из дифференциации (диалектологического дробления) некогда единой (иди более или менее единообразной) узбекской языковой системы, а наоборот, путем объединения различных в языковом отношении тур. коллективов (на почве усвоения ими единообразной экономической характеристики, т. е. экономических признаков узбекского нацколлектива).

2. Вторая основная причина диалектологического разнообразия состояла в том, что этим, наполнявшим нынешнюю узбекскую территорию турецким племенам, по крайней мере, древнейшим из этих турецких земельников — «чагатайским» туркам — пришлось вступить во все формы экономической борьбы с прежним иранским населением данной территории и частично входить с ними в некоторую этническую амальгаму, распространяя свой — турецкий, т. е. узбекский — язык (именно «чагатайское» его наречие) по смешанным, а иногда и почти часто иранским коллективам. В этих последних случаях, когда происходила, следовательно, гибридизация турецкого — узбекского и иранского — таджикского языков, язык победитель, т. е. узбекский язык, который вытеснял собою ирнанскую речь, не мог оставаться без изменений, зависящих от этой последней, т. е. от иранского — таджикского языка. В местах наи-

Эти выводы, в дальнейшем оказавшиеся совершенно правильными, вступили в противоречие с точкой зрения некоторых узбекских лингвистов и деятелей просвещения, стремившихся опереться на «более тюркский» диалект, оправдывавших это стремление необходимостью якобы «повернуться лицом к кишлаку». Поливанов же в статье «Невозможно молчать»[1], опубликованной 22 октября 1928 год в газете «Правда Востока», сравнивал это намерение с введением в узбекскую графику «трех ятей».

При этом в научности выводов Поливанова сомневаться не приходилось. В своей деятельности он всегда руководствовался знаниями, полученными в ходе тщательного изучения теории и истории языка и отвечал собственному идеалу лингвиста, образ которого, по его мнению, слагался: «1) из реального строителя (и эксперта в строительстве) современных языковых (и графических) культур, для чего требуется изучение языковой современной действительности, самодовлеющий интерес к ней – скажу более – любовь к ней; 2) из языкового политика, владеющего (хоть и в ограниченных, пусть, размерах) прогнозом языкового будущего – опять-таки в интересах утилитарного языкового строительства (одной из разновидностей «социальной инженерии» будущего); 3) из «общего лингвиста» и, в частности, лингвистического историолога (здесь – в «общей лингвистике» и лежит философское значение нашей науки); 4) из историка, культуры и конкретных этнических культур»[2].

К примеру, решая проблему обозначения долгих гласных в новых тюркских алфавитах, Поливанов в то же время исследовал передачу долгих гласных в древнетюркской письменности, опровергнув гипотезу В.В. Радлова, «склон-

[1] Статья Е.Д. Поливанова «Невозможно молчать» была опубликована благодаря поддержке Н.П. Архангельского.

[2] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 26.

более сильно преобладания таджикского элемента дело обстояло, например, так, что таджикское население просто перенимало узбекские слова, и в том или другом виде узбекскую морфологию, но перекладывала весь этот запас турецких слов и форм слов на свою привычную таджикскую звуковую систему, которой оно пользовалось в то же время и в родном своем таджикском языке. Затем истекал период коллективного двуязычия; таджикский язык забывался вовсе, а узбекский так и оставался метаморфизованным, — переложенным на таджикские звуки (или звукопредставления — фонемы). Так сказывались наиболее яркие примеры иранизированных говоров чагатайского» наречия узбекского языка — тех говоров, которые в силу утраты ими типичного для турецких языков сингармонизма нужно называть несингармонистическими. И они, в результате, обладали уже крупной суммой отличий от других — тоже «чагатайских» - говоров, но стоявших в стороне от более или менее явной гибридизации — например, от северно-узбекских говоров городов Туркестана и Чимкента, которые так и остались сингармонистическими. Но между этими двумя крайними случаями есть целый ряд промежуточных ступеней — зависящих от сравнительно меньшего объема таджикского языка, так что в итоге «чагатайские» говоры узбекского языка можно представить в виде целой гаммы последовательных вариаций или типов — то сильно, то менее сильно и, наконец, совсем или почти совсем не иранизированной турецкой речи[I].

[I] Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства). — Ташкент, 1933. — С. 4–6.

«...С точки зрения школьно-педагогических выгод такие "индивидуально-национальные" реформы, как напр., рационализация мусульманского (арабского) письма в Казакистане (завершенная в 1924 году) или приближающаяся к ней аналогичная татарская реформа, могут иметь не меньшую значимость, чем латинизация, и они, разумеется, уже сыграли свою серьезную роль для дела ликвидации неграмотности. По сравнению с графическим консерватизмом, отстаивавшим традиционный состав арабского алфавита и старую орфографию, эти реформы носили подлинно революционный характер, и забывать об этом, объединяя под единой кличкой «арабистов» и таких революционеров графики, как Байтурсунов (в Казакистане), Арабаев (в Киргизии), а с другой стороны, их религиозно настроенных противников, было бы по меньшей мере необдуманно. Но так или иначе, поворот к идее латинизации оказывается крупным идеологическим поворотом (хотя на первый, с птичьего полета брошенный взгляд и может показаться удивительным: как это идеологические различия выражаются в таких простых графических фактах, как различие между арабским и латинским начертанием буквы). Латинский алфавит или даже латинская основа алфавита означают для наших национальных письменностей не более, не менее как интернациональную систему графики, — систему, рассчитанную, во-первых, на взаимное сближение национальных культур внутри Союза, и, во-вторых, на сближение приемов графического общения в международном масштабе»[1].

[1] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. — М., 1931. — С. 95—96.

ного отрицать наличие долгот в обще-турецкую эпоху».

Или занимаясь изучением диалектов узбекского языка, занимался изучением происхождения отдельных орхонских букв, фактически доказав, что тюркская руника была изобретена собственно для тюркских сингармонистических языков[1].

Отстаивая право носителей не-сингармонистических говоров узбекского языка писать сообразно своему произношению, сразу же после реформы русского правописания Поливанов активно выступает в защиту латинизации советских тюркских языков, считая, что отказ от арабской письменности, пусть даже реформированной, неизбежен в силу неполного соответствия арабского алфавита строю тюркских языков, в частности узбекского.

Еще в годы перед Октябрем Поливанов помогает своему ученику – молодому якутскому лингвисту С.А. Новгородову разработать проект якутского алфавита[2], а в 1922 году выступает в качестве одного из организаторов II Съезда узбекских работников просвещения, на котором делает доклад о латинском алфавите для узбекского языка.

Несмотря на численный перевес «реформистов» – сторонников латинизации, постановление Съезда не внесло тогда конкретики в спорный вопрос. «Полагая, что латинский алфавит вполне пригоден для узбекского языка, но принимая во внимание большие трудности на пути к его введению, – писал журнал «Наука и просвещение», – было решено считать введение его делом будущего; в настоящее же время ограничиться реформой арабского алфавита».

Осветив вопрос о сингармонизме гласных в тюркских языках, Съезд уста-

[1] Поливанов Е.Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита: (Гипотеза о происхождении орхонских букв // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1925. – С. 177–181.

[2] Издание первого якутского букваря, написанного на этом алфавите, осуществилось в конце 1917 года.

Тезисы доклада проф. Поливанова о реформе узбекской орфографии.*)

1. Создание рациональной, научно-обоснованной системы орфографии (куда входят, во первых, графика, т. е. совокупность ассоциируемых с звуковыми элементами языка буквенных символов, во вторых, орфография в узком смысле, т. е. правила о написании отдельных слов в зависимости от их этимологического состава) является по отношению ко всякой национальной письменности необходимой задачей революции, т. к. в громадной мере облегчает очередную задачу просвещения масс, экономя работу первоначального обучения, и служит условием демократизации письменности, а следовательно и культуры.

2. По отношению к русской письменности эта задача уже выполнена. Новая русская орфография есть, таким образом, частица русской революции, органически связанная с политическими ее лозунгами. И в этой области духовной культуры мы имеем дело уже с выполненным революционным заданием, тогда как в других отраслях духовной культуры революционному процессу еще предстоит продолжаться.

3. Аналогия с русским упрощением орфографии поучительна для всех письменностей, которым предстоит еще подвергнуться реформе, но в частности условия, в которые поставлены отдельные национальные письменности, не совпадают с русскими, как в смысле степени потребности в упрощении, так и в смысле возможных путей его выполнения: напр., потребность в упрощении английской орфографии гораздо более насущна для английского народа, чем потребность упрощения русского письма. С переходом английской письменности к фонетическому принципу школа с'экономит целых два года обучения, которые могут быть употреблены на усвоение реально-полезных знаний.

В Японии же замена иероглифического письма фонетическим даст каждому учащемуся целых шесть лет, устранит необычайно резкое различие между интеллигентом со средним образованием и трудящимся классом, приобщит последний к книге и газете и послужит таким образом несомненным фактором социальной революции.

Для тюркских письменностей, в частности узбекской, потребность упрощения более значительна, чем для русской при старой орфографии, разрешение же проблемы так же связано с нежелательностью полного разрыва с традиционной письменностью, поскольку для русских необходимо было сохранить в современном поколении умение читать напечатанные по старому книги и поскольку для тюркских народов болезненно было бы порвать с арабским алфавитом

4. Останавливаясь с методологической целью на русском процессе, отмечу следующие его особенности:

а) знание старой орфографии, особенно правил о «яти», квалифицировало внешним образом интеллигента, почему при ликвидации этого символа привиллегированности реакционные элементы отстаивали старую орфографию, и полемика приняла политический характер;

б) русская реформа отнюдь не является максимальным усовершенствованием графики, чем она могла бы быть или при замене русского алфавита научной фонетической транскрипцией (напр., международным фонетическим алфавитом, в основу которого положена латинская азбука), или же при коренном изменении средств выражения йота и мягких согласных (в роде того, что сделано реформатором сербской письменности Вуком Караджичем). При проведении такого максимального изменения начальная школа сильно бы выиграла, но в виду вполне основательных причин реформа не перестроила алфавит по совершенно новому принципу, а озаботилась лишь систематическим проведением принципов, заключавшихся в старой орфографии;

в) большинство пунктов реформы принадлежит орфографии в узком смысле слова, т. е. правилам о написании отдельных слов, перестройка же графики произведена лишь в незначительном размере;

г) вопросы, от которых зависело изменение состава русского алфавита (упразднение «ѣ», «і», «ѳ» и «ъ» на конце слов), не могли вызывать особых колебаний и затруднений в своем разрешении.

5. Политический момент имеется и в полемике по тюркскому орфографическому вопросу, т. к. традиционное арабское написание может казаться ценным с точки зрения религиозной мусульманской традиции.

Но даже став на точку зрения необходимости изучения арабского Корана, нельзя настаивать на значимости графических его приемов для турецкой литературы. Рационализация тюркской орфографии, конечно, не облегчит чтения по арабски, но освобождение турецкой письменности от арабской традиции крайне облегчит ее изучение. Необходимо лишь сознательно отмежевать друг от друга арабский и турецкий языки с их обязательными для той и другой письменности законами. Некоторую остроту имеет только вопрос о написании вошедших в турецкий язык арабских слов, но его нельзя считать сколько нибудь существенным для религиозных традиций. В русском языке имеется громадный процент церковно-славянских слов, но они уже не зависят от письменной традиции в церковно-славянском языке евангелия, а эта последняя может продолжать свое самостоятельное существование.

6. Идеальной, с педагогической точки зрения, системой письма является такой алфавит, где каждый знак соответствует только одному представлению звука языка и ни один звук языка не выражается двумя знаками.

Достижение этого идеала (недостигнутого, как уже сказано, русской новой орфографией) и должна иметь турецкая письменность. С одной стороны мыслится возможным проведение указанного принципа при пользовании латинским алфавитом с необходимыми дополнениями.

Помимо интернационалистического значения перехода к латинскому шрифту, интересно отметить еще, что один турецкий народ, положим никогда не имевший арабской письменности, именно якуты, уже пользуется (с 1918 г.) фонетическим письмом на основе латинского алфавита, заменившим неудовлетворительные русские миссионерские транскрипции. Но поскольку желательно оставаться при арабском шрифте, возможно и в нем проведение указанного фонетического принципа путем значительных условных нововведений.

Примечание. Под фонетическим письмом в данном случае следует понимать не обозначение всевозможных оттенков звука, зависящих от его соседства с определенными другими звуками, а выражение лишь тех различий между звуками, которые способны дифференцировать слова. Число же таких представлений отдельных звуков вполне определено и легко учитывается в каждом языке.

7. Вопросы о написании отдельных слов (в узком смысле орфографические, как-то: нужно-ли писать суффикс прошедшего времени всегда—*di*, или же после глухих—*ti*) для турецкой письменности отходят на задний план перед главной аз-

*) На С'езде Узбекских работников просвещения.

Тезисы доклада Е.Д. Поливанова о реформе узбекской орфографии, сделанного в ходе II Съезда узбекских работников просвещения и опубликованного в первом номере журнала «Наука и просвещение» (1922 г.)

дачей создания фонетической системы графики. Основные пункты неудовлетворительности в этом отношении арабского алфавита состоят:

а) в излишнем различении начертаний в зависимости от положения буквы в слове;

б) в наличии согласных букв, излишних для турецких языков;

в) в недостатке необходимых для турецкой системы гласных букв;

г) в двоякой функции букв элифа, яи и вау. Поскольку первые два из этих пунктов предполагают только сокращение графики, третий и четвертый нуждаются в условных нововведениях, выбор которых не лишен затруднений.

ПРОЦЕСС ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ.

(Глава из общей морфологии).

В настоящей статье я имею в виду отметить условия грамматикализации, т. е. того исторического процесса, при котором материальная морфема, образовавшая отдельное слово, 1) теряет свое материальное значение, приобретая формальное, и 2) перестает быть самостоятельным словом, присоединяясь в качестве аффикса к другим материальным морфемам. Оба эти признака грамматикализации нуждаются в пояснении. То, что в составе сложного значения слова является индивидуальным, частным случаем из почти бесконечного ряда внеязыковых представлений, выражаемых языком (представлений различных предметов, действий, качеств),—то составляет его материальное значение, и выражающая это значение морфема называется материальной или лексической (потому что регистрируется в словаре, а не в грамматике). А те значения, для которых типично примышляться к большому количеству разных материальных значений, приходятся на долю формальных морфем, морфем с формальным значением. Таковы, например, значения об'екта или суб'екта, примышляемые к представлению предмета, значение единственного и множественного числа, значения времени или первого, второго и третьего лица, примышляемые к представлению действия, и т. д. То обстоятельство, что эти значения нормально присоединяются к большому ряду материальных значений (напр., вопрос о единичности или множественности предмета естественен почти при любом представлении предмета), делает то, что они выносятся за скобки из ряда сложных по значению слов, как типичные потенциальные осложнения материального значения. Это самое делает и число формальных значений незначительным по сравнению с числом материальных морфем; формальные морфемы легко поддаются учету, которым и занимается грамматика (морфология), тогда как учет материальных (лексических) морфем—дело словаря.

Таким образом, напр., в словах бала-лар-ы-ны, бит-ӓр-сиз морфемы бала и бит—являтся материальными (лексическими), а морфемы - лар,-ы,-ны,-ӓр,-сиз—формальными.

Отдельная морфема (т. е. неделимый на обладающие самостоятельным значением части отрезок речи) бывает или отдельным словом (бала, бит) или составной частью многоморфемного слова. В последнем случае во всяком языке находятся внешние звуковые признаки принадлежности данного ряда морфем к одному слову—как-то ударение (приходящееся один раз на протяжении данного комплекса—слова) или гармония гласных (в турецких языках, но не в ташкентском диалекте). Таким образом, в киргизском, напр., языке относительно суффикса лар можно определенно сказать, что он не является самостоятельным словом, так как 1) в комплексах ӱi-лер, ата-лар не два, а одно ударение, 2) суффикс этот изменяет свой гласный (а-е-ӧ) в зависимости от гласных основы; это, следовательно, не слово, а формальная морфема.

И вот исторический процесс грамматикализации и состоит в появлении подобной формальной морфемы (в тур. яз-ах суффикса) на месте самостоятельного слова с лексическим значением (которое некогда обладало и собственным ударением и не подчиняло своих гласных предшествующему слову).

Путь, которым осуществляется грамматикализация, вообще мыслим двоякий:

I) Слово сначала перестает быть самостоятельным, входя, как одна часть, в Compositum из двух лексических морфем (т. е. удерживает еще свое лексическое значение, но перестает быть словом), и только потом приобретает формальное значение.

В агглютинативных языках (в отличие от изолирующих) этот порядок явлений очень редок. Приведу японский пример: pito „человек“ входит, как вторая часть Compositi (—с внешним признаком такого типа словообразования в виде озвончения начального согласного pito > -bito), в сочетание с словами aki „торговля“, kari „охота“ и др.; получаются, таким образом, akibito „человек торговли“, karibito „человек охоты“, - это нормальный тип сочетания двух *лексических* морфем в роде рус. пар-о-ход, вод-о-воз (роль рус. -о-, т. е признака композиции, выполняет озвончение начального p в-bito). Затем фонетическим изменением слог bi в этом положении изменяется в n (в вост.-японском) или u (в западно-японском): — bito > —ndo или — udo (akindo или akiudo - купец, kariudo—охотник), и связь с отдельным словом pito „человек“ порывается: —ndo, —udo стали суффиксами Nominis agentis, т. е. формальной морфемой.

Этот порядок явлений в грамматикализации обычен зато в китайском языке, где Compositum из двух лексических морфем является нормальным типом слова вообще.

II) При другом порядке явлений слово сначала утрачивает свое лексическое значение, приобретая формальное, и только затем утрачивает внешние признаки своей самостоятельности.

новил «число гласных (6) и согласных (23) в узбекском языке»[1]. Позже в одной из своих работ Поливанов вспоминал: «...С таким жаром обсуждали реформы мусульманской графики, проект узбекской латиницы был принят весьма платонически – в качестве факультативного письма: "Кто хочет, пусть пишет, а мне лично не потребуется". А на просьбу (последовавшую за утверждением этого факультативного шрифта) к редакции официальной газеты "Кызыл Байрак" ("Красное знамя") печатать по-латински несколько строк и подзаголовок газеты (именно qizil bajraq, как тогда намечалось) последовал категорический отказ. Я могу привести ряд примеров, подтверждающих, что это отношение к латинице (в лучшем случае платоническое одобрение) было характерно и для других районов (кроме лишь Азербайджана да Якутии; но о последней здесь не может идти речи, так как в ней арабского шрифта не было)»[2].

В 1923 году Поливанов, консультируя своих коллег относительно построения новых орфографий киргизского и казахского языков[3], разрабатывает оригинальный проект создания письменности тюркских языков на основе латинского алфавита и выпускает брошюру «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях», где доказывает необходимость согласованных действий при реформе графики различных тюркских языков. В предисловии к ней говорилось: «Практический вывод данной статьи – необходимость созыва Конфедерации из работников просвещения турецких народов СССР по вопросам графики, чтобы предупредить готовящееся "вавилонское столпотворение" от выполнения реформы отдельными письменностями вразброд и связанные с этим лишние расходы»[4].

Именно по этой линии – линии создания единого координационного органа, и пошла в дальнейшем разработка письменностей для народов СССР. Весной 1924 года при Всесоюзной научной ассоциации востоковедов (ВНАВ) в Москве была создана возглавляемая работниками Центрального Восточного издательства[5] «Ассоциация латинского шрифта для тюркписьменностей» (Аслат), которой было поручено к осени того же года подготовить общетюркский Съезд работников просвещения для решения вопроса о создании единой системы латинских графических обозначений для письменностей тюркских народов. Для этого Аслатом был разработан проект подобного алфавита, опубликованный председателем правления Центриздата Н. Тюрякуловым в виде брошюры "jana alәpba" («Новый алфавит»).

Туркестанским работникам просвещения в свою очередь надлежало явиться на Съезд не с пустыми руками – как по основному вопросу (о латинизации письменности), так и по другим вопросам языковой культуры, в частности о научной терминологии на тюркских языках. По основному вопросу необходимо было иметь готовое мнение, для чего необходимо было быть знакомым и с существовавшими уже латинскими алфавитами и их проектами[6].

---

[1] Узбекская Национальная Научная Комиссия // Наука и просвещение: Журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркреспублики. – Ташкент, 1922. – № 2. Октябрь – декабрь. – С. 173.

[2] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 115–116.

[3] Поливанов Е.Д. Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография: Спорные вопросы Киргизской графики и орфографии. – Ташкент, 1924.

[4] Цит. по: Поливанов Е.Д. Избранные работы / сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968. – С. 16.

[5] Постановлением ЦИК СССР от 13 июня 1924 г. на базе Центрального Восточного и Центрального Западного издательств было образовано Центральное издательство народов СССР (Центроиздат), задачей которого являлось издание литературы общественно-политического, научного и учебного характера на национальных языках. Было ликвидировано Постановлением ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г.

[6] Поливанов Е.Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР: к Туркологическому съезду II 1926. – Ташкент, 1926. – С. 5–6.

— 158 —

Проект латинского шрифта узбекской письменности.

Проф. Е. Д. Поливанов.

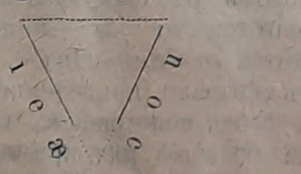
В моей работе: „Проблема латшрифта в тур. письменностях (Изд. Ин—та Востоковедения серия тур. яз. № 3 Москва 1923) я указывал, что если осуществлять переход к лат. алфавиту, то—непременно согласованно между всеми турецкими языками, участвующими в реформе (и не в разброд, как, к сожалению, показывает практика—у азербайджанцев и якутов) и лучше всего на основе уже признанной универсальной транскрипции, каковой является Международный Фонетический Алфавит (М. Ф. А.).

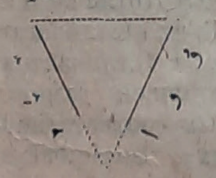
Потому в нижеследующем проекте я имею ввиду дать одно из возможных решений вопроса,—как условно упростить М. Ф. А. в приложении к узбекскому языку,—упростить постольку, поскольку этим устраняются графические неудобства и типографские затруднения.

Рассматриваю сначала узбекскую звуковую систему так, как будто мы имеем дело с одним ташкентским диалектом (на который, по существу, ведь оказывается рассчитанной и реформированная узб. мусграфика).

Для 6 ташкентских гласных фонем (в мусграфике) (ا ، ه ، ى ، ی ، و ، وْ) в М. Ф. А. находятся след. символы: ɔ. æ, e, ı, o, u.

В «треугольнике гласных» они разместятся так:





Для согласных же следующие:

p [f] t s S {вар š} č {t S} k q X h

b w m d z ž {d ʒ} r l n j g γ ŋ

Прим. 1. w=ۋ, S=ش, č=چ, ž=ج, k=ک, g=گ, X=خ, γ=غ, ŋ=ڭ, h=ه

Прим. 2 Пропускаю звук «ж», как редко встречающийся (в заимствованиях)—он заменим через ž ج

Взглянем сначала, какие отклонения от этой системы символов были желательны *для пишущего от руки*:

1. Вместо j—ȷ (чтобы не отрывать пера от линии слова для точки).

2. « č—c « « « « « « « « знака).
« ž—з { Ввиду того, что звуков c з (ц, дз) в узб—ом нет, условное употребление букв c з для ч д ж—вполне возможно.

3. По той же причине для ш ش берется не š, а другой вариант—S.

4. Быть может, ввиду необходимости отрывать перо для черточки при t возможно вместо t употреблять готическое (немецкое) его написание.

К этому присоединим изменения, диктуемые типографскими условиями:

1. Вместо æ—a. Так как другого (не переднего) a в Ташкенте нет.

«Проект латинского шрифта узбекской письменности», опубликованный Е.Д. Поливановым в шестом номере «Бюллетеня 1-го Средне-Азиатского Государственного университета» (1924 г.)

эта условность вполне допустима.

2. Вместо ı—i { (Так как ı ȷ без точек нет в кассах) таким образом
„ ȷ—j { пусть пишется ı ȷ, а печатается i j.

После этого трудными в типографском отношении буквами будут только: ɔ (поревернутое с), S γ (греческая „гамма“), ɳ (греч. „эта“). Но трудности эти, можно думать, преодолимы (они ничтожны по сравнению с трудностями якутского или азербайджанского латшрифтов.

В итоге получится след. азбука.

В письменном виде:

a ɔ b c d e f g γ h e з ı ȷ k l m n o p q r s S t u x z

В печатном виде:

a ɔ b c d e f g γ h e з i j k l m n o p q r s S t u x z

ٮ ا چ گ ع ه ڇ ڃ ـ ى ک ز خ ۆ ش س ق و

Большие (прописные) буквы, конечно, совершенно излишни и не включены в алфавит.

Письменная форма алфавита, как видно, делает процесс письма очень легким—не заставляя отрываться от строки для надстрочных точек и пр. Приведу образчик Ташк. текста в проектируемом письме:

mulla keldi jani ɔdamlar pul jaγip koj ɔlip xudɔji qildilar jani mulla xudɔjidan kegin mulla bɔrip suni bujiga oturdi kitɔbni qoliga ɔlip oqudi sunda ɔsmɔndan bulut keldi jani jɔɳgur jɔγdi boγdɔj kokardi.

Тоже печатаными буквами.

mulla keldi jani ɔdamlar pul jaγip koj ɔlip xudɔji qildilar jani mulla xudɔjidan kegın mulla bɔrip sunı bujiga oturdi kitɔbni qoliga ɔlip oqudi Sunda ɔsmɔndan bulut keldi jani jɔɳgur jɔγdi boγdɔj kokardi.

Остается серьезный вопрос: можно ли писать этим письмом на других сингармонистических диалектах узб. языка?

Ответ: можно. Лишней окажется буква ɔ. Буквы же а, о, и, ï (письм. ı) будут иметь по два звуковых значения. а=а и æ, о=о и ө (ö), и=и и у (ü), i=i и ы. При этом, если в слове будут участвовать одна из букв е у γ k q, то характер гласных в нем не будет вызывать сомнения (т. к. будет ясно—переднего или заднего состава слова). В прочих случаях можно прибегнуть, по образцу новой киргизской графики, к знаку ء перед словами: переднего состава: qazag ء tılıda [ء tilida] (благодаря ء—ясно, что нельзя читать tыlыda).

Опыт определения географической долготы Ташкентской Обсерватории при помощи радиосигналов времени Московской Ходынской Радиостанции.

П. Савицкий.

(Кафедра Астрономии).

Как известно географическая долгота может быть определена, как разность местных времен в оценке одного и того же физического события.

Такими событиями являются сигналы времени или ритмические сигналы ежедневно посылаемые крупнейшими радиостанциями мира. В настоящей

«Я нисколько не боюсь упрека в преувеличении, если сравню коллективную работу, проделанную и проделывающуюся сейчас в разных углах СССР, с прославленной деятельностью Кирилла и Мефодия, за которую эти два почтенных ученых своего времени удостоились и чина канонизированных святых, и ряда монографических исследований со стороны новейших ученых; скажу даже больше: что результаты работы современных нам якутских, азербайджанских, чеченских, ингушских и т. д. "Кириллов и Мефодиев" будут не в пример более плодотворны, ибо открывают путь не к религиозной культуре X века, а к советской культуре в ее национальных формах»[I].

[I] Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР // Революционный Восток. Журнал научно-исследовательской ассоциации при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина. – 1927. – № I. – С. 46.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд, положивший начало латинизации алфавитов тюркских народов СССР, был открыт в Баку 26 февраля 1926 года. В нем приняли участие 10 делегатов из Узбекистана: Абдуджаббаров Абдуррашид (преподаватель Акцентра, г. Самарканд), Гаврилов Михаил (преподаватель САГУ, г. Ташкент), Захири Ашур-Али (журналист, г. Фергана), Ильбек Метрик Юнус-оглы (журналист, г. Ташкент), Иногамов Рахим Ахунджаноглы (журналист, г. Самарканд), Рахими Шакирджан (г. Ташкент), Рахманов Бикджан (г. Хива), Садри Исмаил (зав. Соцвос., г. Бухара), Усманов Меджид (педагог, г. Самарканд), Хакимов Неймат (журналист, г. Ташкент), Юнусов Гази-Алим (зампред. Акцентра, г. Самарканд)[1]. Констатируя преимущества и техническое превосходство латиницы над арабицей, большая их часть проголосовала за «введение нового алфавита», назвав «метод его проведения в отдельных тюрко-татарских республиках и областях делом каждой республики и каждого народа[2].

В том же году Поливанов был включен в состав учрежденного Всесоюзным тюркологическим съездом Научного совета Центрального комитета нового тюркского алфавита, преобразованного в 1929 году во Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита[3], в течение десяти лет создавшего порядка восьмидесяти национальных алфавитов на основе латиницы. «Я был, может быть, – говорил он, – в первых рядах тех ученых, которые вошли в латинизирующее движение»[4]. Работе в нем ученый отдал много сил, прозорливо предсказывая, что в ближайшем будущем реформационная деятельность в построении алфавита на латинской основе коснется и зарубежного Востока.

Несмотря на то, что грамотность на арабской графике укоренилась в Узбекистане гораздо дольше и глубже, чем, к примеру, в Киргизии, сильной антилатинской оппозиции, возникшей в период политики латинизации в большинстве тюркских республик, здесь не обозначилось: вся узбекская интеллигенция в этот период предпочла сконцентрироваться не на выборе оптимальной для своего языка графической формы, а на яростной борьбе за возведение «своего» диалекта в ранг единого литературного языка.

Анализируя процесс латинизации восточных письменностей СССР, Поливанов писал: «…С узбекской письменностью дело обстоит вообще неблагополучно – по особо сложившимся диалектическим обстоятельствам.

[1] Первый Всесоюзный тюркологический съезд: 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). – Баку, 1926. – С. 541–544.

[2] Первый Всесоюзный тюркологический съезд: 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). – Баку, 1926. – С. 515.

[3] Далее – ВЦК НТА.

[4] Цит. по: Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1889. – С. 20.

Именно, узбекская мусульманская графика (1923 года) со своими шестью гласными буквами отлично удовлетворяет звуковому составу того (иранизированного, не сингармонистического) диалекта, на котором говорит большинство городов Узбекистана и, следовательно, большинство узбекской интеллигенции, а отсюда, казалось бы, и все данные видеть в нем стандартный литературный диалект: вспомним, что никогда в борьбе за роль литературного диалекта язык деревни или вообще экономически менее развитого коллектива не выходит победителем над языком города или вообще более развитого в экономическом отношении района.

Однако по неоднократным постановлениям различных съездов и конференций узбекский язык признается "сингармонистическим языком"[5] (между тем сама постановка этого вопроса на голосовании уже a priori доказывает неверность данного решения по отношению ко всему узбекскому языку: ведь никому в голову не придет голосовать – да еще на каждой из конференций – за сингармонистический характер казакского или киргизского языков, или тому подобные очевидные положения; и, разумеется, так как подобного рода вопросы столь же невозможно решать голосованием, как и вопрос о химическом составе воды, то никакого значения этим голосованиям придавать нельзя). Для типичного состава системы гласных в сингармонистических говорах узбекского языка (девять гласных звуков) шести гласных букв, разумеется, недостаточно. Это и создает видимость принципиального несоответствия между письмом и языком. На самом деле, конечно, больная сторона узбекского графического вопроса вовсе не в этом, а все в той же путанице представлений о литературном языке и сингармонизме: представители не-сингармонистического диалекта (а к ним безусловно относится большинство пишущих в настоящее время по-узбекски) принуждаются к соблюдению сингармонистической орфографии, и в результате получаются письменные формы, не соответствующие буквально ни одному из живых говоров, буквально ничьему произношению»[6].

По-прежнему придерживаясь мнения о том, что «управление языковой стихией (живой речью) не дается так легко в руки организованному начинанию, как управление письменностью»[7], в 1926 году Поливанов публикует ко II тюркологическому съезду брошюру «Проекты латинизации турецких письменностей СССР», в которой предлагает «графический компромисс» – ввести в латинский алфавит 6 гласных [ɔ], [a], [e], [i], [o], [u], отображающих звуковой состав не-сингармонистических говоров, и добавить для сингармонистических говоров знак «ء», который ставился бы перед словом и указывал бы на передний характер гласных в нем ([ӱ], [ö] и т. д.).

В случае «ء» перед словом буква «а» читалась бы как [ä], без знака – как [a]; «i» с «ء» – как русское [и], без – как [ы][8].

Однако, несмотря на широкую доказательную базу, в результате долгих дискуссий, разгоревшихся в это время на страницах узбекской печати, на различных заседаниях, собраниях и конференциях апологеты сингармонизма одерживают промежуточную победу, утвердив в мае 1929 года на республиканской орфографической конференции в Самарканде алфавит, состоявший из 34 знаков, в том числе 9 букв для отоб-

[5] Сноска Поливанова: «В основе этих постановлений лежит, без сомнения, политический момент: скрытые пантюркистские тенденции местных интеллигентов».

[6] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 108.

[7] Поливанов Е.Д. Краткая грамматика узбекского языка. Часть вторая. Глагол. – Ташкент–Москва, 1926. – С. 66.

[8] Поливанов Е.Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР: к Туркологическому съезду II 1926. – Ташкент, 1926. – С. 10–11; Поливанов Е.Д. Краткая грамматика узбекского языка. Часть вторая. Глагол. – Ташкент – Москва, 1926. – С. 91–92.

Профессор Восточного Факультета САГУ
Е. Д. ПОЛИВАНОВ.

ПО ПОРУЧЕНИЮ Уз. АКЦЕНТРА

س.س.ر. دەگی تۆرك ئملالەرینی
لاتنچە لەشدیرش پلانلەری

ПРОЕКТЫ ЛАТИНИЗАЦИИ
ТУРЕЦКИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ СССР.

К Туркологическому С'езду 11 1926.

Издание Узгиза.
Ташкент, 1926 г.

Обложка брошюры Е.Д. Поливанова «Проекты латинизации тюркских письменностей СССР» (1926 г.)

ражения гласных: i, ь, у, и, ө, о, е, а, ә[1]. По этому поводу Поливанов писал: «…Пока вопрос о литературном диалекте научно не вырешен, а требование “сингармонистической орфографии” остается в силе, до тех пор пользование латинским алфавитом с девятью гласными представит еще в несколько раз больше затруднений (для большинства пишущих по-узбекски), чем пользование мусульманской графикой»[2].

О событиях тех лет в статье, опубликованной в Литературной энциклопедии в 1939 году, вскользь упоминал ученик Поливанова К.К. Юдахин. «В 1929 году на языковой конференции в Самарканде, – говорилось в ней, – была принята новая орфография (узбекского языка. – *Авт.*). – Эта орфография, построенная на последовательном проведении сингармонизма, направляла литературный У. яз. в сторону говоров отдаленных, отсталых районов и отрывала его от говоров ведущих центров, где сингармонизм был утрачен. Для выражения сингармонизма были введены дополнительно три буквы для гласных, и число их так. обр. было доведено до девяти (при шести гласных фонемах в ведущем ташкентском говоре)»[3].

Политический подтекст борьбы за опорный диалект узбекского языка Поливанов раскрыл в своей книге «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык (К современной стадии узбекского языкового строительства)». Одним из исходных положений в языковых взглядах находившейся в то время у власти националистической и пантюркистской интеллигенции, он называл тот факт, что узбекский язык мыслился ими, «как один из письменных турецких языков – именно средне-азиатский письменный турецкий язык, продолжатель чагатайского языка, игравший и способный продолжать играть роль орудия объединения средне-азиатских турецких народностей; во-вторых, этот язык мыслился как чисто и насквозь турецкий (тюркский) язык; во всяком случае его надо было выдавать за таковой, для чего нужно было всячески замалчивать и игнорировать факты иранского (таджикского) влияния – и на узб. лит. язык, и на всю вообще узбекскую нац. культуру, которой искусственно сообщался чисто турецкий облик»[4].

Соответственно узбекский язык должен был быть обязательно сингармонистическим, и единственным аргументом для этого служил тезис о том, что дореволюционный узбекский язык был сингармонистическим, а значит, таковым должен оставаться и современный лите-

---

[1] Официальный статус узбекскому алфавиту на основе латиницы был придан 7 августа 1929 года Постановлением ЦИК СНК СССР.

[2] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 109.

[3] Цит. по: Сумароков Л.И., Сумарокова О.Л. К.К. Юдахин. Объединяя Центральную Азию словом. Документально-биографическая монография. – Бишкек, 2020. – С. 163.

[4] Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык (К современной стадии узбекского языкового строительства). – Ташкент, 1933. – С. 37.

Проект узбекского латинского алфавита Е. ПОЛИВАНОВА.

Проект казак-киргизского лат. алфавита „Ас Лат'а“ (Москва)

Проект Ленинградских Туркологов

Проект узбекского латинского алфавита Е. Поливанова (1926 г.)

Aa	Bв	Cc	Çç	Dd	Ee	Əə	Ff	Gg	Ɋɋ	Hh	Ii
Jj	Kk	Ll	Mm	Nn	Ņņ	Oo	Өө	Pp	Qq	Rr	Ss
Şş	Tt	Uu	Vv	Xx	Yy	Zz	Ƶƶ	Ьь	'		

Узбекский алфавит на основе латиницы, принятый в 1929 г.

«Либеральная, или джадидская интеллигенция не могла, конечно, солидаризоваться с языковой программой консерваторов и боролась против них за известный прогресс и реформу в области языка и графики. Принимая вместо корана учебник естественной истории, вместо старых методов обучения — западную педагогику и т. д., эта либеральная часть узб. интеллигенции должна была, естественно, высказаться и в пользу рационализации графики, и с другой стороны, соглашалась и на известный сдвиг в составе литературного языка (в сторону живой речи и в сторону создания новых, турецких по этимологии терминов). Но все эти новшества мыслились приемлемыми лишь постольку, поскольку они примиримы были с узко-националистической и пантюркистской идеологией, характеризовавшей основное ядро “джадидизма”. Именно графика должна быть реформирована (и пускай идет даже на разрыв с арабскими нормами буквоупотребления), но эта графика должна оставаться узбекской, т. е. турецкой, графикой — отнюдь не теряя своего облика (отсюда понятно враждебное отношение к латинизации, как к интернациональному, или европейскому, с их точки зрения, письму)»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства). — Ташкент, 1933. — С. 35–36.

ратурный язык. Далее в ход шли запрещенные уловки: попытки вычеркнуть из поливановской классификации диалектов узбекского языка упоминание о несингармонистических иранизированных говорах или запретить термин «иранизированный». К этому стоит добавить, что в декрете 1920 года государственными языками Туркреспублики были объявлены узбекский, киргизский и туркменский, а таджикский, как нетюркский, оказался забытым.

Его право на существование Поливанов отстаивал с момента своего прибытия в Ташкент – с 1921 года. В рукописях его коллеги и соратника Н.П. Архангельского сохранилась следующая запись: «Мы оба боролись за организацию в составе Научного Совета Туркестанского Наркомпроса Таджикской научной комиссии, против чего возражали некоторые члены Узбекской комиссии; они утверждали, будто в Туркестанской АССР таджиков нет, что туркестанские таджики обузбечились, таджики остались будто бы только в Бухарской республике»[1].

Отстояв таджикский язык, позже остальных туркестанских языков вступивший на путь графической реформы, Поливанов добился и того, чтобы иранизированный несингармонистический ташкентский говор был официально положен в основу произносительной нормы узбекского литературного языка. Это произошло в 1937 году – за год до его кончины. Что касается созданной им классификации узбекских диалектов, то в общих чертах она употребляется до сих пор, оставаясь непревзойденной.

От методы к методике

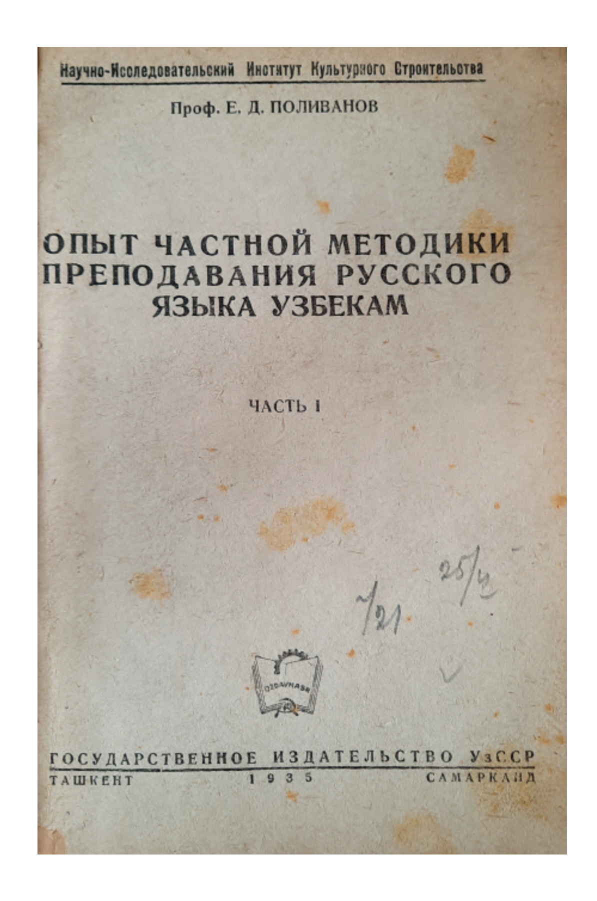
Несмотря на знание огромного количества иностранных языков и предпочитая, если того требовал предмет, читать на них свои лекции, Поливанов на протяжении всей своей научной жизни оставался русификатором в хорошем смысле этого слова, стремясь поставить изучение русского языка в союзных республиках на широкую организационную основу. Поэтому оказавшись по воле судьбы в Средней Азии, весь пыл своего сердца, а также все свои знания и выдающиеся способности педагога он посвятил этому важнейшему делу.

Еще в студенческие годы, пытаясь преодолеть финансовые затруднения, Поливанов ведет курсы русского языка, фонетики и русской литературы для готовящихся стать учителями народных училищ калмыков, прибывших на год в Петербург из Ставропольской губернии, а также подрабатывает на курсах учителей глухонемых. Однако в Средней Азии эта деятельность обретает совершенно иные масштабы. С 1923 года в качестве одного из руководителей педагогической комиссии Государственного ученого совета Наркомпросса Туркреспублики лингвист знакомится со всей издаваемой в советской Средней Азии учебно-методической литературой, пишет на них рецензии, составляет учебные программы и начинает внедрять свою научно-методическую концепцию обучения русской грамоте нерусских.

Ее отдельные положения излагаются или затрагиваются в целом ряде подготовленных им научных статей и книг и на несколько десятилетий обгоняют уровень развития современной ему методической науки. Более того, некоторые из них, как например, изданная в 1935 году в Самарканде книга «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» (Часть I), по словам исследователя Э.Ш. Абдулиной, оказывались как бы «преждевременными», их «лингвистический уровень не соответствовал научной подготовке значительной части педагогов-русистов тех лет»[2]. Призванный оказать конкретную методическую помощь учителю, «Опыт частной методики…» отличался широтой привлекаемого к сравнению материала и глубиной его анализа, восприятие ко-

[1] Поливанов Е.Д. Избранные работы / сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968. – С. 14.

[2] Абдулина Э.Ш. Пути развития методики обучения русскому языку в русской начальной школе (1918–1980 гг.): дис. ... канд. пед. наук. – Фрунзе, 1983. – С. 37.


Научно-Исследовательский Институт Культурного Строительства

Проф. Е. Д. ПОЛИВАНОВ

ОПЫТ ЧАСТНОЙ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА УЗБЕКАМ

ЧАСТЬ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР

ТАШКЕНТ 1935 САМАРКАНД

Титульный лист первой части «Опыта частной методики преподавания русского языка узбекам» Е.Д. Поливанова (1935 г.)

торого требовало от учителя серьезной филологической подготовки не только в области русского, но и узбекского языка.

Каковы же были собственно методические воззрения Поливанова. Во-первых, одним из первых указав на необходимость учета различительных признаков родного и изучаемого языков в вопросе обучения нерусских школьников русской грамоте он встает на позиции системно-сопоставительной, функциональной презентации материала. До него говорилось лишь об опоре на сходные явления известного и второго, нового для учащихся языка. В связи с этим ученый настаивает на принципиальной необходимости создания дифференцированных учебников русского языка для разных народностей, и необходимости знания учителем русского языка родного языка учащихся, в том числе «знакомство с лингвистическим освещением» грамматических форм, т. е. историко-лингвистической мотивировкой тех или иных языковых фактов в сопоставляемых языках.

Такого рода знания, по мнению Поливанова, пришлись бы кстати, к примеру, при разъяснении основного значения родительного падежа в русском языке в аудитории носителей узбекского языка, а точнее, – его городских несингармонистических говоров, где родительный падеж как таковой отсутствует: литературный узбекский суффикс «nьŋ» «niŋ» совпал в этих говорах с суффиксом винительного «nь» «ni», и, таким образом, вместо обоих этих падежей появился один, но зато сложный по своим функциям родительно-винительный падеж на «ni». «…Начальная причина этого смешения, – разъясняет ученый, – была чисто фонетическая и состояла в отсутствии звука ŋ (носового заднеязычного)

Русский язык в постсоветских среднеазиатских государствах имеет глубокие корни. Более ста лет назад народы Средней Азии завязали торговые и культурные отношения с Россией. В 50-70-х гг. XIX века с образованием Туркестанского генерал-губернаторства появились светские школы и другие учебные учреждения: русская начальная школа (1874 г.), русско-туземная школа (1884 г.) и др. В 1918 году было принято Постановление правительства Туркестанской республики «О добровольном изучении русского языка в национальных школах Средней Азии», а позже – Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 года и Постановление СНК СССР и ЦК КП(б) Киргизии «Об обязательном изучении русского языка в киргизских и других нерусских школах Киргизской ССР» от 12 апреля 1938 года. В период 1918-1938 гг. накапливается и предварительно обогащается опыт обучения тюркоязычное население страны русской речи.

в таджикском языке. Благодаря этому отсутствию фонемы ŋ в своем материнском – таджикском языке, двуязычные таджики склонные были устранять и узбекское ŋ (в узбекских словах или грамматических формах) в своем усвоении узбекской речи… <…> А так как в формации всех вообще не-сингармонистических (иранизированных) говоров сказалось влияние того оформления узбекской речи, которое было получено ею в устах двуязычных таджиков (причем явления, трудные для усвоения таджиками, были опускаемы и теми узбеками, которые входили в состав носителей, т. е. в социальный субстрат иранизированных диалектов, благодаря своему экономическому симбиозу с таджиками), то данная форма суффикса, без конечного ŋ (т. е. ni вместо niŋ), а вместе с ней и новое морфологическое представление "родительно-винительного падежа" получили распространение по всей территории иранизированных (не-сингармонистических) узбекских говоров»[1].

В целом сопоставляя русскую грамматику с узбекской, Е.Д. Поливанов не просто сравнивает две системы, а стремится выяснить все те особенности диалектной речи, которые сближают данный диалект с системой русского языка или отдаляют от нее.

Впервые, пожалуй, в «Опыте частной методики…» определенно прозвучало утверждение о необходимости максимального учета диалектальных особенностей речи учащихся-узбеков при обучении их русскому языку. Взять, к примеру, звук «ы», отсутствующий в ряде городских говоров (ташкентском, бухарском, самаркандском, маргеланском и пр.), но имеющий место в других – преимущественно кишлачных говорах Ферганской долины и большинстве хорезмских говоров, так называемые, сингармонистических (неиранизированных). «Если мы будем сравнивать не число диалектов (или типов говоров), а статистический состав обеих частей узбекского языка: 1) несингармонистический – без фонемы Ы и 2) сингармонистический, обладающий фонемой Ы, – писал Е.Д. Поливанов, – то мы вряд ли ошибемся, если скажем, что численность узбекского населения, владеющего фонемой Ы, превышает (и вероятно, на много превышает) численность узбекского населения, для которого фонема Ы является чужой. <…> И с этим фактом, конечно, не может не считаться практика преподавания русского языка»[2]. Это значило, что в районах с населением, говорящим на тех говорах, в звуковом составе которых имеется фонема «ы», отпадала необходимость в специальных упражнениях – акустических и артикуляторных – для постановки правильного произношения русского «ы».

Не менее важный тезис Е.Д. Поливанова касался субъективных особенностей звуковосприятия для представителей различных языков и был раскрыт в статье «Субъективный характер восприятия звуков речи». Он состоял в том, что «слыша чужое незнакомое слово (или вообще отрезок чужой речи, по своему объему способный быть схваченным слуховым вниманием), слушающий пытается найти в нем комплекс (т. е. последовательный ряд) своих фонологических представлений, т. е. разложить на свои фонемы, и даже сообразно своим (т. е. присущим родному языку слушающего) законам сочетаний фонем»[3].

На практике это речевое явление выглядит следующим образом: слыша русское слово «так», японец произнесет его [таку], восприняв как комплекс не трех, а четырех фонем. «Такая же судьба должна будет постигнуть каждый почти русский согласный на конце слова (или вообще в положении не перед гласным)»[4], – подмечает Полива-

[1] Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I. – Самарканд, 1935. – С. 70–71.

[2] Там же. С. 12–13.

[3] Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 236.

[4] Там же.

нов, объясняя это присущим японскому языковому мышлению «закона открытых слогов», согласно которому согласный звук мыслится произносимым (и возможным) только в положении перед гласным. Поэтому и согласные чужого языка, находящиеся в положении в конце или начале слова, но перед другим согласным, воспринимаются японцами как отдельные слоги, причем на место нуля гласного японское языковое мышление подставит свои наиболее краткие гласные фонемы [u] и [i].

Иначе представляется восприятие русской речи носителями узбекского языка. Услышав русские слова, начинающиеся с двух согласных, – «гром», «плеть», «пшено» и т. д., ими вместо двух согласных будет использован комплекс из трех: согласный + узкий гласный типа i + второй согласный: [girɔm], [pişeno], [pilet]. «Объясняется это явление, – указывает Поливанов, – общеизвестным законом турецкого (в частности узбекского) языкового мышления о невозможности двух согласных в анлауте (в начале слова), т. е. отсутствием общего фонетического представления слова с двумя начальными согласными»[5].

Констатируемая Поливановым принципиальная возможность несовпадения структуры восприятия речи и «состава», т. е. языковой структуры текста, имело безусловное значение для обучения языку и написания национально-ориентированных учебников, в которых учитывались бы все фонологические различия, препятствующие правильному усвоению звукового строя русского языка. Однако и сегодня чаще всего лингвистические проблемы обучения языку решаются путем простого наложения системы одного языка на систему другого и анализа несовпадающих фрагментов этих систем.

Едва ли не первым Поливанов поставил вопрос о необходимости класть в основу сопоставительных грамматик принцип системности. Уже в 1924 году в небольшой заметке «О гортанных согласных в преподавании арабского языка», опубликованной в седьмом выпуске «Бюллетеня Средне-Азиатского государственного университета» он отмечал, что весьма желательно научить учащихся не только подражать произношению соответствующих фонем чужого языка, но и уяснить характеристики тех или иных фонем и «их взаимные соотношения»[6].

Особенно много внимания уделяется этой стороне вопроса в работе «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам», где глубоко проанализированы в сопоставительном плане фонологические системы русского и узбекского языков и даны лингводидактические рекомендации, позволяющие учителю помочь учащимся преодолеть порождаемые качественной модификацией русских безударных гласных ошибки произношения и письма.

«Фактически, – пишет исследователь Э.Ш. Абдулина, – книга Е.Д. Поливанова, не получившая в свое время должного резонанса, знаменовала собой начало нового этапа в развитии методики организации обучения нерусских русскому звуковому строю»[7] и не случайно в 1961 году была переиздана как учебно-методическое пособие. Ее главным, исходным тезисом стало принципиальное различие между звуком и буквой соответствующей письменности.

«В теоретическом отношении это положение – о том, что буква не есть звук, и зачастую оказывается совершенно непараллельной (по своему употреблению в письме) функциям определенного звука языка (в фактической живой речи), – конечно, не представляет для нас чего-либо нового или неизвестного, – пишет во введении к своей работе Поливанов. – Но на практике, оказыва-

[5] Там же. С. 240.

[6] Поливанов Е.Д. О гортанных согласных в преподавании арабского языка // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1927. – Вып. 7. – С. 28–29.

[7] Абдулина Э.Ш. Пути развития методики обучения русскому языку в русской начальной школе (1918–1980 гг.): дис. ... канд. пед. наук. – Фрунзе, 1983. – С. 142.

О гортанных согласных в преподавании арабского языка.

Проф. Е. Д. Поливанов.

Настоящая заметка имеет в виду предложить один педагогический прием в преподавании арабского языка—именно при ознакомлении с такими вполне чуждыми европейскому языковому мышлению арабскими фонемами, как гортанные*) согласные ح ع (а также ء ه). Обучить произношению ح и ع приводимая ниже схема, понятно, сама по себе еще не может, но она должна значительно помочь уяснить учащимся характеристики гортанных фонем и их взаимные соотношения. Для того, чтобы правильно осуществлять ح ع, нужно, конечно, брать их на слух (лучше всего от араба, хотя и произношение туркестанцев, учившихся в медрессе, может тоже служить сравнительно надежной моделью). Даже если описать положение черпаловидных хрящей (и значит форму голосовой щели) при этих спирантах, это не поможет учащемуся, так как никто сознательно не управляет механизмом гортани так, как можно управлять, например, губами, языком и небной занавеской. Потому главным приемом остается все-таки подражание слышанному арабскому (или туземному) осуществлению ع ح. Но подмогой в этом отношении будет знание того, что ع является соответствующим звонким к глухому гортанному спиранту ح, т. е. относится к последнему так же, как ز к س (или как د к ت, ذ к ث) и (что особенно важно—) как غ к خ [غ=звонкий глубоко-заднеязычный спирант, ближайшее соответствие которому в русском—Г слова бога; خ=соответствующий глухой, т. е. глухой глубоко-язычный спирант, которому ближайшим соответствием в русском служит Х **].

Можно расположить, таким образом, пары (глухой и соответствующий звонкий согласный) фонем в следующий ряд:

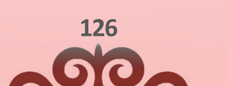
Глухой;	соответствующий Звонкий согласный
خ	غ—в ряду заднеязычных спирантов;
ح	ع—в ряду гортанных спирантов;
[как и	
ت	د—в ряду переднеязычных смычных;
ث	ذ—в ряду переднеязычных (типа английского th) спирантов].

Обратим теперь внимание на графические соответствия элементов этой таблицы—т. е. арабских букв, остановившись на первых двух ее строках, которые нас здесь и интересуют непосредственно. Мы видим, что глухие

*) Гортанные, конечно, в научном смысле—в отличие от задне-язычных (غ خ ق).

**) Здесь педагогически полезно доказать, что Г слова б о г а—соотв. звонкий к Х, на чередовании: б о г а/б о г=б о х (bɔx).

Статья Е.Д. Поливанова «О гортанных согласных в преподавании арабского языка» (1924 г.)



члены пары, как в ряду заднеязычных (خ—غ), так и в ряду гортанных (ح, ع) имеют общий графический элемент (фигуру ح) и отличаются одинаковым образом от график соответствующих звонких членов (вместо фигуры ح у звонких фигура ع).

Этот факт мы можем использовать, во-первых, прежде всего просто как мнемонический прием в преподавании: помни, дескать, что خ:غ=ح:ع (=X:Г слова б о г а), и раз ты усвоил произношение ح, то тебе достаточно озвончить его и получится ع. Во-вторых, преподавателю полезно сделать палеографический экскурс, об'яснив дифференциацию символов для гортанных и заднеязычных (посредством точки) из прежде единых символов: ح и ع (в I веке Хиджры различительная точка не употреблялась).

А попутно можно указать аналогичную дифференциацию символов для п е р е д н е я з ы ч н ы х спирантов типа англ. th — тоже посредством точки (—в ث ذ)—от символов для переднеязычных смычных—ت د.

Остается еще, конечно, характеристика других гортанных согласных: ء, ه. Первый (гамзу) надо характеризовать как смычный (или взрывный)— Stimmbänderverschluss, coup de glotte *); второй—как глухой спирант типа немецкого (или английского) h.

Prof. E. P o l i v a n o v.—«Sur les phonèmes laryngales dans l'enseignement de la phonétique arabe.

Résumé.

L'auteur veut montrer que pour l'enseignement de la phonétique arabe il serait utile d'expliquer la différence parmi les sons laryngales ح et ع, et leurs correspondants en catégorie arrière—linguale: خ et غ,—en ayant en vue la différence parmi leurs écritures (lettres ح et ع—qui signifient les phonèmes laryngales sans point sur elles, et lettres خ et غ qui signifient les correspondants arrière-linguales,—avec le point). Ainsi il fallait remarquer la différence parmi les letres ت et ث, et د—ذ de l'autre côté: l'absence d'un point (dans ت, د) signifie les sons explosifs, cependant que sa présence (dans ث=ت+· , ذ=د+·) —les spirants correspondants, tandis que la figure ت—avec ou sans troisième point—veut montrer les sons sourds, et la figure د dans د, ذ—la sonore correspondante).

---

*) Можно указать на наличие ء в языках: датском, латышском и ливском (—внутри гласного), диалектическом китайском (после гласного—в так называемом «5-ом тоне», характеристикой к-го является именно конечная «гамза»), тагальском (тоже на конце слога, и слова), тибетском (где возможны 2 разных гласных анлаута: с гамзой и с открытой голосовой щелью), в Касимовском татарском (на месте k, q, g, x, غ и ɣ—см. мои «Фонетические особенности Касимовского диалекта», изд. Моск. Ин-та Вост-ния. 1923. Сер. тур. яз. Вып. 1), а также в некоторых яфетических, и наконец в финском.

ется, про это весьма нередко забывают (несмотря на то, что еще в конце XIX и с самого начала XX века профессору Бодуэну де Куртенэ приходилось поднять кампанию против “смешения понятий буквы и звука языка” в учебниках русского языка и др. языков). И в результате этого смешения буквы со звуком языка получаются, безусловно, вредные для аудитории ошибки преподавателя»[1].

В этой же работе Е.Д. Поливанов обращается и к проблемам усвоения грамматического строя языка, изучение которого, по его мнению, категорически не должно было представлять собой самостоятельного, изолированного курса. Считая, что трудности в области звукового состава русского языка относительно ничтожны по сравнению с тем, что приходится преодолевать учащемуся при усвоении связанных со смысловой стороной речи грамматических явлений, ученый предлагал отказаться от специально отведенных уроков фонетики. Вводить фонетические упражнения он советовал «в режиме всего первого года обучения исподволь, т. е. уделять им небольшую часть времени из любого урока, главным содержанием которого будут факты морфологические и синтаксические»[2].

Опираясь на представление о закономерной связи различных уровней внутри целостной системы языка, Поливанов требовал «увязки данных морфологических фактов с определенными фонетическими упражнениями: напр., постановку неконечного ударения естественно будет связать с прохождением склонения существительного женского рода и именно таких падежей, как воды́ и во́ды, ноги́ и но́ги и т. д., или же с усвоением формообразования множественного числа на А ударенное – напр., до́ктор и доктора́, го́род и города́, во́йско и войска́ и т. д.»[3] Эти примеры ясно демонстрируют стремление ученого любое явление изучаемого языка представить в его функциональном аспекте.

Попутно с прохождением морфологии изучается синтаксис. «При постановке каждой грамматической формы, например каждого падежа и т. п., необходимо преподать в числе навыков, относящихся к данной фразе – согласно нормам русского порядка словорасположения». Однако следует «всячески избегать отягощать преподавание абстрактными синтаксическими схемами…»[4].

Между тем, считал Е.Д. Поливанов, уже на первых уроков учащиеся должны были начать осознавать принципиальные различия в грамматическом строе изучаемого и родного языков и в соответствии с этим – места тех или иных явлений в грамматических системах двух языков и их функциональную значимость. Вот как он рассуждает на эту тему, освещая проблему грамматического рода в русском языке в книге «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком»: «…Узбек, изучающий русский язык, имеет полное право сказать: “Ведь можно было бы обойтись без понятия грамматического рода, и от этого выиграл бы не только я, изучающий ваш язык, но и любой из вас, русских, говорящих на этом языке, – ибо, говоря на языке без грамматического рода, можно произнести прилагательное, еще не выбрав того существительного, к которому это прилагательное относится, и значит, в процессе говорения не потребуется тратить энергию на мыслительные процессы, связанные с согласованием по грамм. роду”. Это вполне верно, и с утилитарной точки зрения, конечно, нужно было бы предпочесть язык без грамматического рода языку, в котором категория грамматического рода имеется. Не надо только забывать при этом, что в том грамматическом строе, который существует в русском языке (и который мы по необходимости должны изучать таким, как он есть), явления грамматического рода, все-таки, несут на себе

[1] Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I. – Самарканд, 1935. – С. 3.

[2] Там же. С. 40.

[3] Там же. С. 40–41.

[4] Там же. С. 52.

известные выразительные функции (другое дело, что эти функции могли бы быть при другом грамматическом строе выполнены иначе и гораздо более выгодно): к ним относится прежде всего указание логических связей между словами (напр., между существительным и определяющим его прилагательным и т. п.) посредством их согласования по грамматическому роду (так как прилагательное ставится в том же грамматическом роде, к которому принадлежит определяемое им существительное). В узбекском же языке (и в тюркских языках вообще) эта связь между словами указывается иначе: посредством строго предусмотренного порядка слов (определение перед определяемым и т. д.). Но вот мы видим, что в русском языке отсутствует этот строго обязательный порядок слов (определение бывает перед определяемым, но может быть и после него), и это обстоятельство стоит в связи именно с тем, что для выражения логического соотношения между словами здесь служит по преимуществу другое средство – уже не обязательный порядок слов, а вышеупомянутое их согласование по грамматическому роду (а также по падежу и числу)»[5].

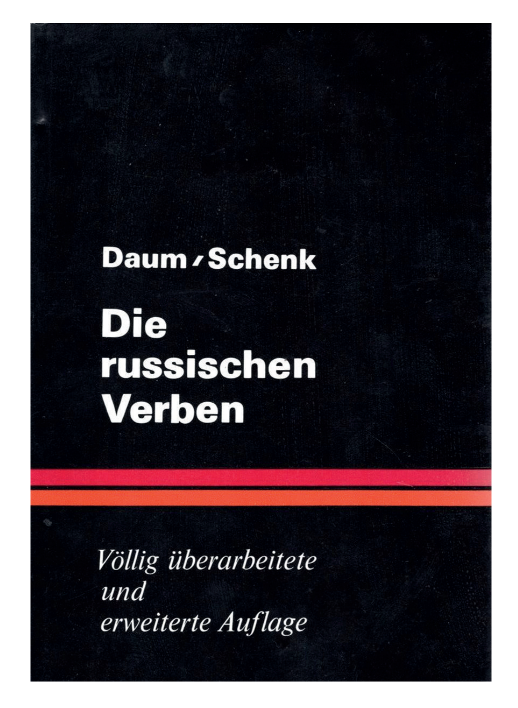
Изучение грамматических тем Е.Д. Поливанов называл вспомогательной задачей, подчинявшейся главной цели обучения – развитию речи. Механизм реализации этого принципа, который сохраняет свое главенство в современной методике преподавания русского языка как неродного и иностранного по сей день, ученый демонстрирует на примере изучения конкретной грамматической категории – имени существительного. «Я не буду останавливаться на вопросе: с чего начинать преподавание языка – с существительного или с глагола, – пишет он в своей работе «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам». – Вопрос этот, по-моему, в значительной мере излишний, праздный вопрос, – поскольку имеется в виду вся совокупность преподавания (а не только систематическое изложение морфологии): дело в том, что практические условия обязывают нас начинать сразу и с того, и с другого. Можно горячо протестовать, напр., против таких изложений материала, какое – для узбеков (не русского, а для узбекского!) языка мы найдем хотя бы в учебнике узб. языка Граматовича, где автор учебника (или преподаватель) стремится к тому, чтобы на первых уроках избежать хотя бы одной глагольной формы. Чтобы говорить, учащийся должен иметь дело с фразой. А для фразы обычно необходимы и существительное, и глагол.

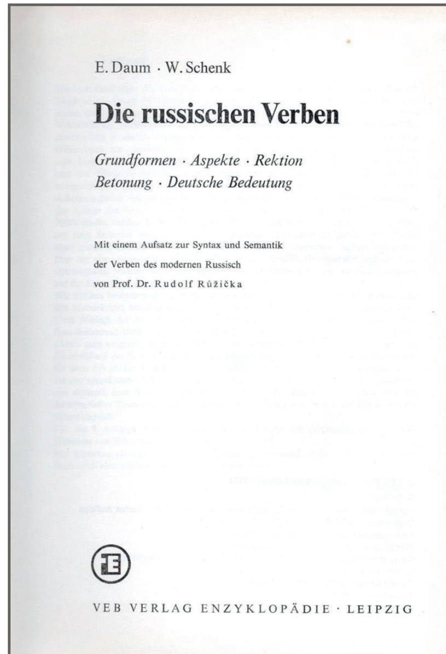
Поэтому я лично позволю себе поступить так: на первых уроках вводить и простейшие формы имен существительных, и две категории из области глагольных форм (– именно прошедшее время) и повелительное). Затем, правда, материал именной морфологии (– существительные, прилагательные) у меня сильно опережает изложение глагольной системы; но вот это то я не считаю принципиально-необходимой чертой преподавания: могло бы быть, я допускаю, и иначе»[6].

При этом из всего грамматического материала Е.Д. Поливанов выделяет так называемые «авангардные участки» (в терминологии Л.В. Шербы – «активная грамматика»), представляющие собой комплекс грамматических тем, отобранных по принципу частотности употребления и исключения конструкций и форм, которые, хотя и могут быть синонимичными, но имеют статус периферийных элементов в выражении определенных значений. К примеру, при работе с грамматическими формами существительного он выделяет 3 падежа (именительный, родительный и дательный) обоих родов (мужского и женского) для того, чтобы на этих 6 формах преодолеть важнейшие прин-

[5] Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент, 1933. – С. 61.

[6] Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I. – Самарканд, 1935. – С. 56–57.





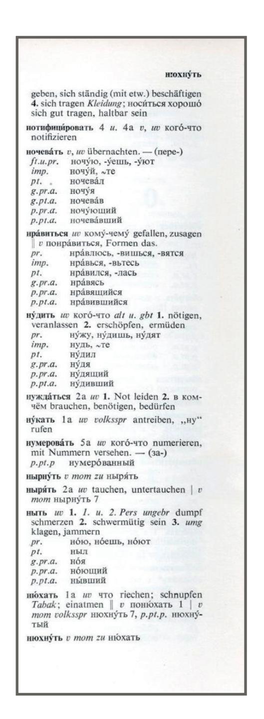
E. Daum · W. Schenk

Die russischen Verben

Grundformen · Aspekte · Rektion
Betonung · Deutsche Bedeutung

Mit einem Aufsatz zur Syntax und Semantik der Verben des modernen Russisch von Prof. Dr. Rudolf Růžička

VEB VERLAG ENZYKLOPÄDIE · LEIPZIG



нюхнуть

geben, sich ständig (mit etw.) beschäftigen **4.** sich tragen *Kleidung*; носиться хорошо sich gut tragen, haltbar sein

нотифицировать 4 *u.* 4a *v*, *uv* кого-что notifizieren

ночевать *v*, *uv* übernachten. — (пере-)
ft.u.pr. ночую, -уешь, -уют
imp. ночуй, ~те
pt. ночевал
g.pr.a. ночуя
g.pt.a. ночевав
p.pr.a. ночующий
p.pt.a. ночевавший

нравиться *uv* кому-чему gefallen, zusagen ‖ *v* понравиться, Formen das.
pr. нравлюсь, -вишься, -вятся
imp. нравься, -вьтесь
pt. нравился, -лась
g.pr.a. нравясь
p.pr.a. нравящийся
p.pt.a. нравившийся

нудить *uv* кого-что *alt u. gbt* **1.** nötigen, veranlassen **2.** erschöpfen, ermüden
pr. нужу, нудишь, нудят
imp. нудь, ~те
pt. нудил
g.pr.a. нудя
p.pr.a. нудящий
p.pt.a. нудивший

нуждаться 2a *uv* **1.** Not leiden **2.** в ком-чём brauchen, benötigen, bedürfen

нукать 1a *uv volksspr* antreiben, „ну" rufen

нумеровать 5a *uv* кого-что numerieren, mit Nummern versehen. — (за-)
p.pt.p нумерованный

нырнуть *v mom zu* нырять

нырять 2a *uv* tauchen, untertauchen | *v mom* нырнуть 7

ныть *uv* **1.** *1. u. 2. Pers ungebr* dumpf schmerzen **2.** schwermütig sein **3.** *umg* klagen, jammern
pr. ною, ноешь, ноют
pt. ныл
g.pr.a. ноя
p.pr.a. ноющий
p.pt.a. ывший

нюхать 1a *uv* что riechen; schnupfen *Tabak*; einatmen ‖ *v* понюхать 1 | *v mom volksspr* нюхнуть 7, *p.pt.p.* нюхнутый

нюхнуть *v mom zu* нюхать

Большой школьный словарь “Die russischen Verben” («Русские глаголы»), изданный в ГДР в 1965 г. немецкими учеными В. Даумом и В. Шенком, использовавшими идею Е.Д. Поливанова о создании грамматического словаря

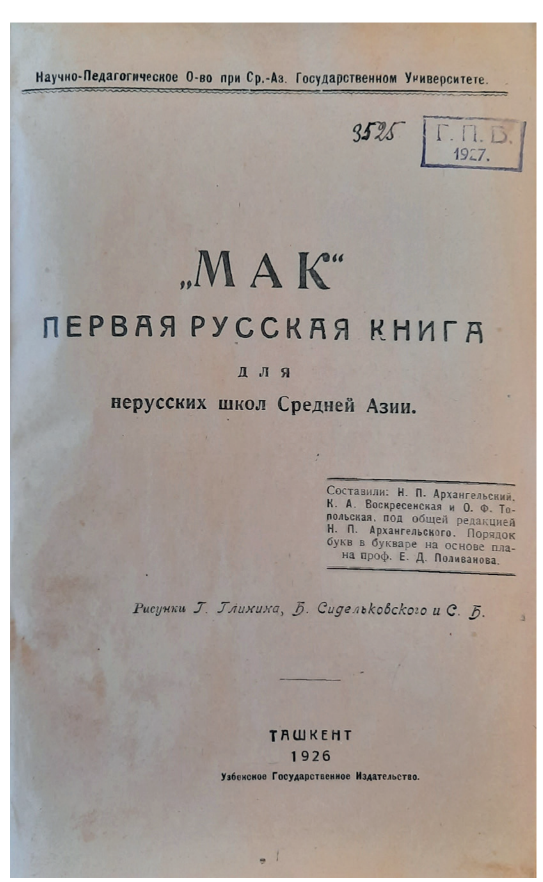
ципиальные трудности общего значения, т. е. разъяснить столь трудные и в то же время столь необходимые (в данном случае в узбекской аудитории) понятия, как 1) понятие типа склонения, 2) понятие грамматического рода, 3) понятие основного значения падежа. «Всякий преподаватель согласится со мной, – писал лингвист, – что преодоление этих чуждых для узбека “тайн” русской морфологии в 100 раз важнее, чем заучивание десятка таблиц суффиксов, и что эти таблицы суффиксов будут фактически вполне бесполезными, если учащийся не сделает продвижения вперед в области вышеуказанных принципиальных общих отличий русского деклинационного[1] мышления от узбекского»[2].

Помочь учащимся преодолеть трудности русского словоизменения был призван «грамматический словарь» русского языка, идея о создании которого была впервые описана Е.Д. Поливановым в предисловии к книге «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком», вышедшей в 1933 году. Словарь должен был представлять собой собрание «неправильностей» русской морфологии, которое включало бы от 10 до 15 тысяч слов. «Удастся ли и когда удастся осуществить издание всего состава вышенамеченной серии пособий будет зависеть уже не от меня, – писал автор, однако осуществить его ему так и не удалось. Поливановская идея впервые была реализована в 1965 году немецкими лексикографами Э. Даумом и В. Шенком в работе “Die russischen Verben” («Русские глаголы»).

Избранные Поливановым подходы к преподаванию русского языка как неродного сводились к довольно тривиальной, на первый взгляд, идее необходимости развивать языковое мышление не только на изучаемом втором (русском) языке, но, в первую очередь, на родном языке учащихся. К такому выводу Поливанова привел опыт работы в 1926–1929 годы в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина (КУТВ). «Мне кажется необходимым и бесспорно полезным,

[1] Деклинационный – связанный со склонением, изменением имени по падежам и числам.

[2] Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I. – Самарканд, 1935. – С. 58–59.



Научно-Педагогическое О-во при Ср.-Аз. Государственном Университете.

3525 Г. П. Б. 1927.

„МАК"

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КНИГА

для

нерусских школ Средней Азии.

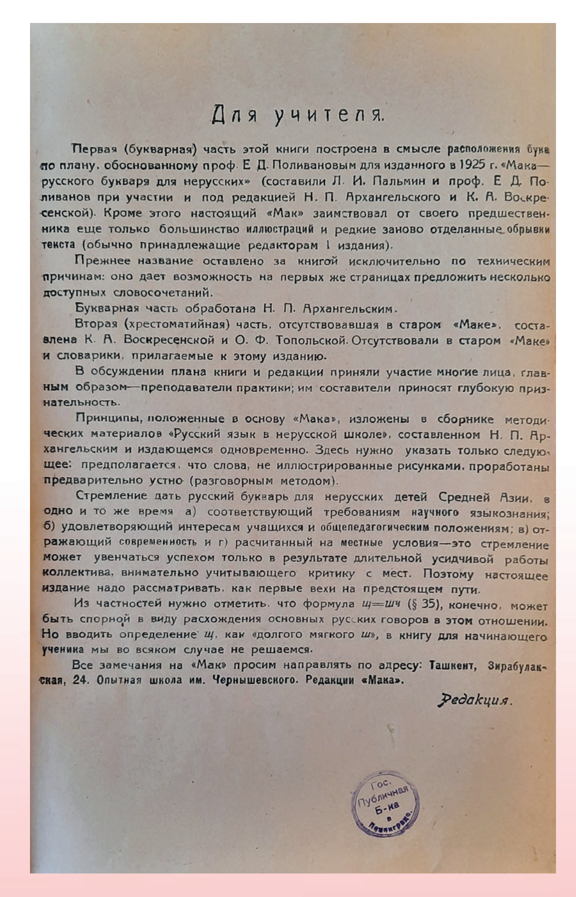
Составили: Н. П. Архангельский, К. А. Воскресенская и О. Ф. Топольская, под общей редакцией Н. П. Архангельского. Порядок букв в букваре на основе плана проф. Е. Д. Поливанова.

Рисунки Г. Глижика, Б. Сидельковского и С. Б.

ТАШКЕНТ
1926
Узбекское Государственное Издательство.

чтобы преподавание родного языка носило дифференциальный уклон, – писал он, – в смысле дифференциального изложения фактов своего языка по сравнению с русскими грамматическими нормами. В этом отношении от преподавания родного языка можно быть уверенным выиграет и знание (точнее, осмысленное усвоение) русской грамматики: учитель чеченского, ингушского и т. д. языков окажет здесь помощь своему коллеге – учителю русского».

В качестве подтверждения своего предположения Поливанов приводит следующий отзыв студента таджикской группы: «В этом году мне сильно помог родной язык для занятий по русскому языку. В прошлом году я с трудом понимал, что значит “прилагательное, местоимение, сравнительная степень и прочее”. Теперь же все эти вещи нам уже объяснены в своем таджикском (или в литературном – персидском) языке, и для меня открылась грамматика русского языка»[3].



Для учителя.

Первая (букварная) часть этой книги построена в смысле расположения букв по плану, обоснованному проф. Е. Д. Поливановым для изданного в 1925 г. «Мака— русского букваря для нерусских» (составили Л. И. Пальмин и проф. Е. Д. Поливанов при участии и под редакцией Н. П. Архангельского и К. А. Воскресенской). Кроме этого настоящий «Мак» заимствовал от своего предшественника еще только большинство иллюстраций и редкие заново отделанные обрывки текста (обычно принадлежащие редакторам I издания).

Прежнее название оставлено за книгой исключительно по техническим причинам: оно дает возможность на первых же страницах предложить несколько доступных словосочетаний.

Букварная часть обработана Н. П. Архангельским.

Вторая (хрестоматийная) часть, отсутствовавшая в старом «Маке», составлена К. А. Воскресенской и О. Ф. Топольской. Отсутствовали в старом «Маке» и словарики, прилагаемые к этому изданию.

В обсуждении плана книги и редакции приняли участие многие лица, главным образом—преподаватели практики; им составители приносят глубокую признательность.

Принципы, положенные в основу «Мака», изложены в сборнике методических материалов «Русский язык в нерусской школе», составленном Н. П. Архангельским и издающемся одновременно. Здесь нужно указать только следующее: предполагается, что слова, не иллюстрированные рисунками, проработаны предварительно устно (разговорным методом).

Стремление дать русский букварь для нерусских детей Средней Азии, в одно и то же время а) соответствующий требованиям научного языкознания; б) удовлетворяющий интересам учащихся и общепедагогическим положениям; в) отражающий современность и г) расчитанный на местные условия—это стремление может увенчаться успехом только в результате длительной усидчивой работы коллектива, внимательно учитывающего критику с мест. Поэтому настоящее издание надо рассматривать, как первые вехи на предстоящем пути.

Из частностей нужно отметить, что формула *щ=шч* (§ 35), конечно, может быть спорной в виду расхождения основных русских говоров в этом отношении. Но вводить определение *щ*, как «долгого мягкого *ш*», в книгу для начинающего ученика мы во всяком случае не решаемся.

Все замечания на «Мак» просим направлять по адресу: Ташкент, Зирабулакская, 24. Опытная школа им. Чернышевского. Редакции «Мака».

Редакция.

Второе издание Первой русской книги для нерусских школ «Мак» (1926 г.)

[3] Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. – М., 1927. – С. 117.

К моменту выхода в свет азбуки «Мак» у Е.Д. Поливанова сложились четкие представления о том, что из себя должен представлять процесс создания учебника начальной грамоты для национальной школы. Он представлял собой несколько этапов:

1. Изучение языка местного населения, его истории, быта и культуры.

2. Обсуждение проспекта учебника (с участием дидактов, методистов, авторов, составителей программ, лингвистов, учителей и издателей).

3. Обсуждение пробных вариантов уроков.

4. Написание учебника и выбор иллюстративного материала.

5. Рецензирование и обсуждение законченной рукописи.

6. Подготовка рукописи к печати и выпуск учебника.

7. Преподавание по учебнику в течение двух-трех лет. Сбор пожеланий, рекомендаций и рецензий по дальнейшему его улучшению.

Сегодня эта схема является классической, но мало кому известно, что ее авторство принадлежит Е.Д. Поливанову.

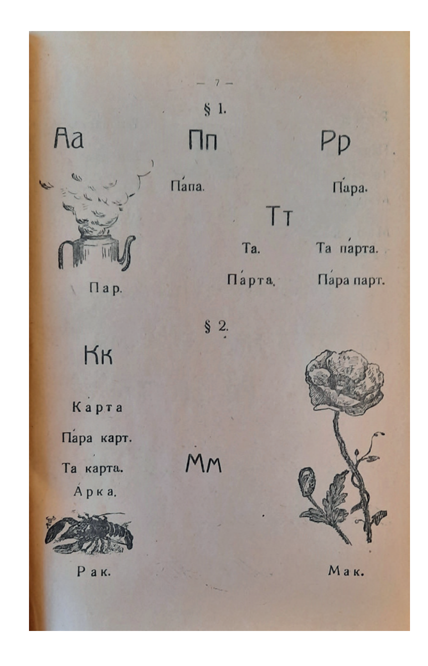
Работа в Сталинском университете также привела Поливанова к выводу о преимуществах коллективных форм работы, в частности – коллективном переводе с русского на родной язык (с последующим изданием под редакцией преподавателя), организации коллективных выступлений на родном языке (например, в форме литературного суда) и пр.

В начале 20-х годов XX столетия, когда Е.Д. Поливановым уже была выработана достаточно стройная научно-методическая концепция в вопросе теории обучения русской грамоте нерусских, ученый создает первый советский русский букварь для национальных школ Туркестана, значившийся в издательском плане ГУСа на первое полугодие 1923–1924 года как «Начальный учебник русского языка для тюркских школ». Название «Мак» азбука получила в процессе работы, вероятнее всего, в честь красного цвета революции. Понимая, какое огромное значение имеет первый учебник, ученый постарался сделать его максимально научным, рациональным, доступным и познавательным. Сказалось, вероятно, не только лингвистическое чутье, но и тесное общение семьи Поливановых с известным педагогом и букваристом В.П. Вахтеровым, чей, к примеру, «Русский букварь», изданный в конце XIX века, выдержал более 120 изданий, и знакомство с трудами К.Д. Ушинского.

Изданный в 1925 году, по своей структуре он представлял собой учебник русской грамоты, содержавший материал для обучения первоначальному чтению и письму без включения предварительного устного курса. Отсутствие последнего объяснялось особыми научно-методическими взглядами Е.Д. Поливанова, в частности упомянутой выше его приверженности принципу системности в преподавании. Ученый полагал, что для успешной организации учебного освоения русской фонологической системы, требующей в начале обучения первостепенного внимания, необходимо помнить о существующих в определенных случаях значительных расхождениях между буквой и обозначенным ею звуком. «Каждое слово, – писал он, – должно быть преподносимо аудитории не только в виде слухового впечатления, но наоборот – главным образом в орфографической своей форме – чтобы и зрительные, и моторные (при написании) навыки поддерживали и облегчали выработку правильного акустического распознавания данных русских звуков (в конкретных позиционных условиях)»[1].

Таким образом, в основу своей системы Поливанов кладет реализацию фонем в звуке и букве в сильной позиции с учетом их восприятия ино-

[1] Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I. – Самарканд, 1935. – С. 17.



— 7 —

§ 1.

Аа Пп Рр

Пап. Папа. Пара.

Тт

Та. Та парта.

Парта. Пара парт.

§ 2.

Кк

Карта

Пара карт.

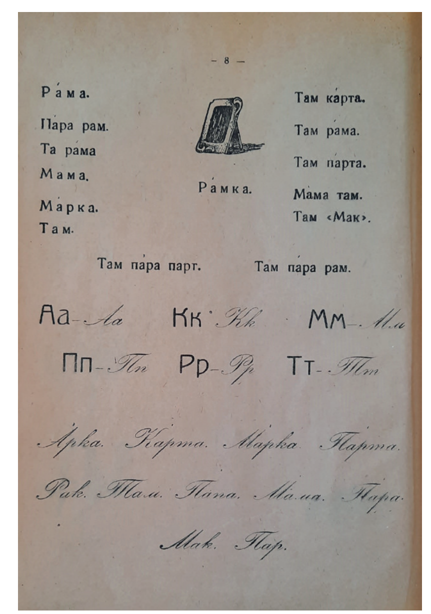
Та карта.

Арка.

Рак.

Мм

Мак.



— 8 —

Рама.

Пара рам.

Та рама

Мама.

Марка.

Там.

Рамка.

Там карта.

Там рама.

Там парта.

Мама там.

Там «Мак».

Там пара парт. Там пара рам.

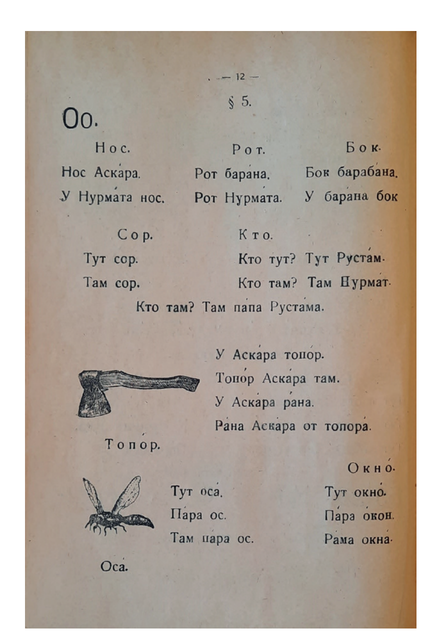
Аа — Аа Кк — Кк Мм — Мм

Пп — Пп Рр — Рр Тт — Тт

Арка. Карта. Марка. Парта.

Рак. Там. Папа. Мама. Пара.

Мак. Пар.



— 12 —

§ 5.

Оо.

Нос. Рот. Бок.

Нос Аскара. Рот барана. Бок барабана.

У Нурмата нос. Рот Нурмата. У барана бок

Сор. Кто.

Тут сор. Кто тут? Тут Рустам.

Там сор. Кто там? Там Нурмат.

Кто там? Там папа Рустама.

У Аскара топор.

Топор Аскара там.

У Аскара рана.

Рана Аскара от топора.

Топор.

Тут оса. Окно.

Пара ос. Тут окно.

Там пара ос. Пара окон.

Рама окна.

Оса.

Первые страницы из второго издания учебника «Мак», на которых представлены согласные в сильной позиции

язычной аудиторией и их системного взаимоотношения. Стоит подчеркнуть, что все ранее издававшиеся буквари в подаче звуко-буквенного материала существенных различий от букварей для русских детей не содержали.

Презентация буквенного состава русского алфавита в «Маке» была создана с учетом фонетических различий педагогически контактирующих языковых систем: русского и языков тюркской группы (узбекского, казахского и киргизского). С опорой на социально-психологическую значимость и употребительность русских фонем Е.Д. Поливановым была установлена оптимальная последовательность их подачи: исходя из того, что первому был свойствен консонантизм, а второй группе – вокализм, главное внимание в букваре уделялось согласным фонемам. Начиналось обучение с изучения твердых согласных в сильной позиции, потому как тема твердости-мягкости представляла для тюркоязычной аудитории наибольшие затруднения.

Изложение различий русских согласных по твердости-мягкости начинается со знакомства с мягким знаком, который, являясь показателем мягкости впереди стоящей фонемы, способен изменять смысл всего слова. Чтобы показать, как это происходит, в учебнике представлены следующие примеры: угол – уголь, галка – галька.

Продолжается экскурс в мир звуков русского языка знакомством со смягчающими согласные гласными, в представлении которых Е.Д. Поливанов удачно использует морфологические ассоциации при подаче пар твердых–мягких согласных – форму единственного и множественного числа существительных на твердую и мягкую согласную, показателем мягкости которой является мягкий знак: слон – слоны, конь – кони, баран – бараны, ладонь – ладони и др. В конце учащиеся знакомятся с йотированными «сложными» гласными – е [йэ], я [йа], ю [йу], ё [йо]. Такой порядок подачи русских звуков в национальных школах Средней Азии стал общепринятым.

Каждый урок в учебнике подавался в строгом соответствии с его лингвистической основой и методической целесообразностью, будучи тесно взаимосвязанным с предыдущим учебным материалом. Качественный состав лексики был обусловлен возрастными особенностями учащихся. С седьмого параграфа в обучение вводятся глаголы в прошедшем времени и повелительном наклонении. Как уже было отме-

— 28 —

§ 10.

Ь

Букварь. Вот букварь.
«Мак»—букварь.
Букварь Зухры упал.

Вот рука. Вот локоть.
Вот ладонь. Вот ноготь.

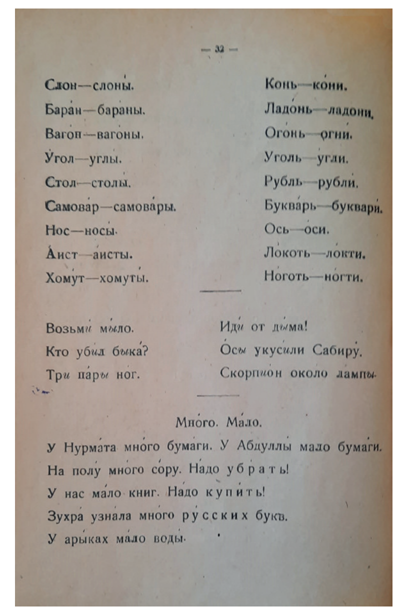
Рубль. Вот рубль.
Аскар дал Нурмату рубль.

Пальто.
Вот пальто.
Пальто Рустама у Абдуллы.

Уголь. Огонь.
Вот уголь. Вот огонь.

Конь.

Ось.



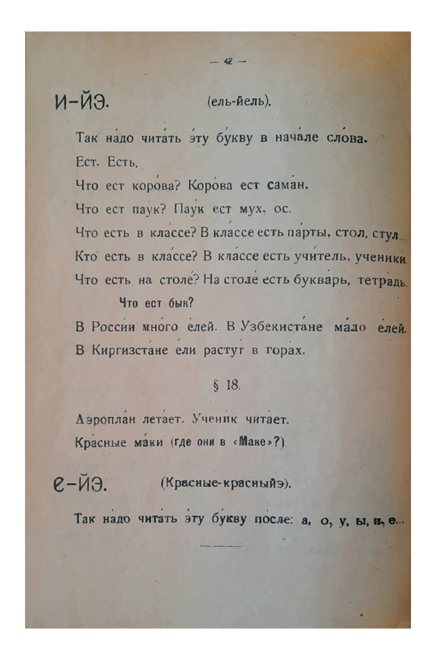
— 32 —

Слон—слоны.	Конь—кони.
Баран—бараны.	Ладонь—ладони.
Вагон—вагоны.	Огонь—огни.
Угол—углы.	Уголь—угли.
Стол—столы.	Рубль—рубли.
Самовар—самовары.	Букварь—буквари.
Нос—носы.	Ось—оси.
Аист—аисты.	Локоть—локти.
Хомут—хомуты.	Ноготь—ногти.

Возьми мыло.	Иди от дыма!
Кто убил быка?	Осы укусили Сабиру.
Три пары ног.	Скорпион около лампы.

Много. Мало.

У Нурмата много бумаги. У Абдуллы мало бумаги.
На полу много сору. Надо убрать!
У нас мало книг. Надо купить!
Зухра узнала много русских букв.
У арыках мало воды.



— 42 —

И-ЙЭ. (ель-йель).

Так надо читать эту букву в начале слова.
Ест. Есть.
Что ест корова? Корова ест саман.
Что ест паук? Паук ест мух, ос.
Что есть в классе? В классе есть парты, стол, стул...
Кто есть в классе? В классе есть учитель, ученики.
Что есть на столе? На столе есть букварь, тетрадь.
Что ест бык?
В России много елей. В Узбекистане мало елей.
В Киргизстане ели растут в горах.

§ 18.

Аэроплан летает. Ученик читает.
Красные маки (где они в «Маке»?)

е-ЙЭ. (Красные-красныйэ).

Так надо читать эту букву после: а, о, у, ы, и, е...

Представление смягчающих гласных во втором издании учебника «Мак»

чено выше, эти формы глагола Поливанов считал наиболее легко усвояемыми и активизирующими творческое мышление учащихся и не только побуждать к произнесению тех или иных фраз, но и приглашать к действию: «Откройте тетради!», «Вымойте руки!», «Сядь рядом!», «Стань прямо!» и т. д.

Продуманный в лингвистическом отношении букварь, но «слабый с методической стороны»[1], поскольку к работе над ним не было возможности привлечь опытных учителей, в 1926 году был переиздан второй раз в соавторстве с Л.И. Пальминым, Н.П. Архангельским и Н.А. Воскресенским. В нем впервые была воплощена революционная идея того, что сегодня называется «учебно-методическим комплексом».

К азбуке прилагалась хрестоматия, в которой была сделана попытка организовать повторяемость слов и фраз, данных в букваре, двуязычный словарик, свод фразеологических оборотов русского языка с примерами, а также подготовленный Н.П. Архангельским сборник методических материалов «Русский язык в нерусской школе». В предисловии к нему говорилось, что азбука отвечала «требованиям научного языкознания», удовлетворяла «интересам учащихся и общепедагогическим положениям», отражала современность и была «рассчитана на местные условия»[2].

Сам Поливанов называл свою работу «опытом», знаменовавшим начало издания профессиональной учебной литературы по русскому языку в Средней Азии. В ней впервые в истории методической мысли была сделана попытка обосновать целый ряд методов обучения русскому языку учащихся национальных школ Туркестана, опираясь на сопоставительную характеристику изучаемого и родного языков.

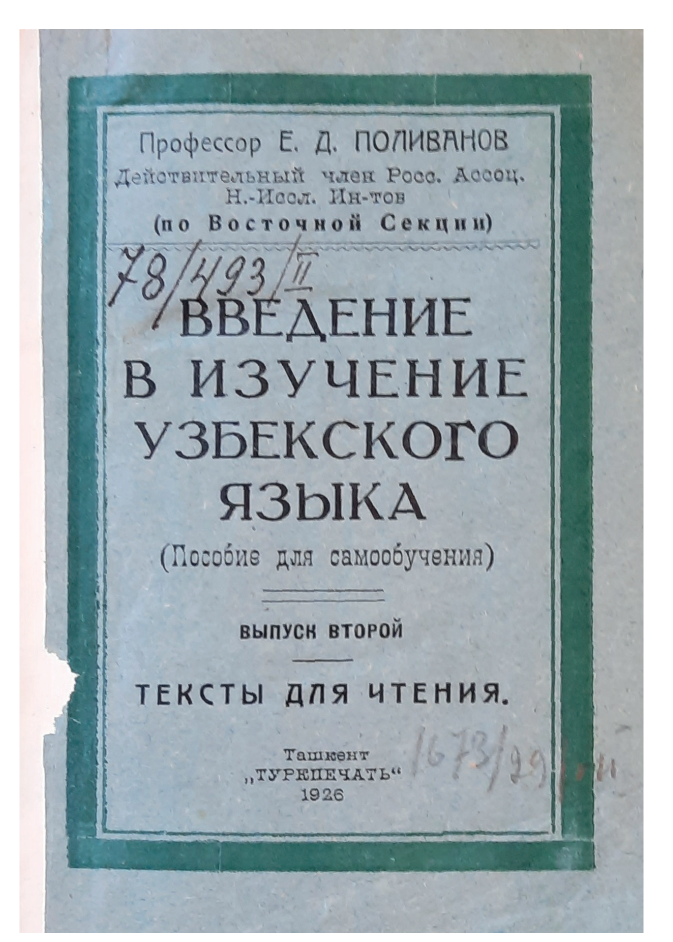
В период работы над первым изданием «Мака» Е.Д. Поливанов составляет план издания целой серии учебников русского языка для детей Туркестана, однако реализовывался тот медленно. Желая ускорить издательский процесс, он даже выражает намерение издать одну из своих работ, подготовленную им одновременно с «Маком», – «Русский букварь для школ коренного населения Туркестана» – за свой счет[3].

---

[1] Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1989. – С. 24.

[2] «Мак». Первая русская книга для нерусских школ Средней Азии / сост. Н.П. Архангельский и др. – Ташкент, 1926. – С. 1.

[3] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 275.


Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ
Действительный член Росс. Ассоц. Н.-Иссл. Ин-тов
(по Восточной Секции)

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА
(Пособие для самообучения)

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

Ташкент
„ТУРКПЕЧАТЬ"
1926

«Настоящий – второй выпуск “Введения в изучение узбекского языка”, – говорилось в предисловии к пособию, – имеет задачей подготовить обучающегося к самостоятельному чтению легких узбекских текстов, и именно, прежде всего, газетных заметок и статей (почему данный выпуск и состоит, главным образом, из разбора газетных статей и заметок)». Предполагается при этом, что обучающийся, переходя после прохождения данного (II-ого), а по возможности и III-его выпуска к самостоятельному чтению газеты будет пользоваться – во-первых, первым выпуском “Введения в изучение узбекского языка” (содержащим краткое изложение узбекской грамматики) и Узбекско-русским Словарем.

Все три выпуска “Введения в изучение узбекского языка” рассчитаны, между прочим, на читателя, изучающего узбекский язык самостоятельно – без помощи учителя, хотя, разумеется, на путь самообучения (без учителя, или без общения с туземцами) нельзя смотреть иначе, как на “печальную необходимость” – при недоступности других способов обучения»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения), Вып. 1. Краткий очерк узбекской грамматики. – Ташкент, 1925. – С. 1–2.

притяжательный суффикс 3-ьего лица -сі йомуш-чі — в ачит «сотрудник», «работник».

ۋەقف يۇمۇشچىسى ваq(і)п йомуш-чі-сі — «сотрудник Вакуф(отдела»).

№ 3. (Из № 248 (11 окт. 1925) газ. «قزل ئۆزبېكستان»)

شوراغا سايلاو قاچان باشلانادر؟

ئيسكى تاشكەنت ئۆزبېك شۇراسىنىڭ ٢نچى سىيسسيەسيگە ٢٠ نچى ئوكتەبردەن سايلاو باشلانادر، بو سايلاودا ئيسكى تاشكەنت ئجراقومى ئۇنىڭ شوعبەلەرى كارخانە وە تەشكيلات-لاردە ئوزلەرينىڭ بىر ييللىك قىلغان ئشلەريدەن حيساب بيرەدرلر.

Исправляя допущенные в данной заметке отступления от правил новой узб. графики мы получаем следующий текст:

شۇراغا سايلاۋ قاچان باشلانادر؟

ئېسكى تاشكەنت ئۇزبەك شۇراسىنىڭ ٢ نچى سېسسيەسىگە، ٢٠ نچى ئوكتەبردەن سايلاۋ باشلانادر.

33

بـو سايلاۋدا ئېسكى تـاشكەنت ئجراقومى ئۇنىڭ شوعبەلەرى كارخانە ۋە تەشكيلاتلاردە ئۆزلەرىنىڭ بىر ييللىك قلغان ئشلەرىدەن حساب بېرەدىلەر.

При этом в ряде словонаписаний соблюдено сингармонистическое правило (о недопустимости ە ـە в слове, где есть ا, ق и т. п.)—в расхождении с Ташкентским (не сингармонистическим) произношением. например:

شوراغا (شۇراغا), тогда как согласно Ташкентскому произношению следовало бы писать شۇراگە шурэга (Дательный падеж от شورا «Совет»)

قاچان — по Ташкентски قەچان qачэн «когда»

باشلانادر — „ باشلەنەدى бэшланадi «начинается» (бэш-ла-н-а-дi—3 л. Настоящего от основы Страдательного залога бэшлäн «начинаться»—производной от бэшла -(мэq) «начинать»)

قلغان — по Ташкентски قلگەن qiл-ган (причастие Прошедшего времени от qiл (-мэq) «делать»)

37

Фонетическая транскрипция текста.

шурэга сайлав qачэн бэшланаді(р). ескі тэшкант озбак шурэсіні(ŋ) іккінчі сессійасіга йігірманчі октабірдан сайлав бэшланаді(р). бу сайлавда ескі тэшкант іджрэqомі уні(ŋ) шо'баларі кэрхэна ва ташкілэтларда озларіні(ŋ) бір-йіллік qілган ішларідан хісэб береді(р)лар.

ПЕРЕВОД

Когда начинаются выборы в Совет.

С 20 октября начинаются выборы во вторую сессию узбекского Совета старого Ташкента. На этих выборах секции Ташкентского Исполкома дадут отчет о их (сделанной) годовой работе (букв.: работах) на фабриках и организациях.

СЛОВА

شۇرا «Совет (Раб. и Кр. Депутатов)»

سايلاۋ выбор, выбор (—отглагольное существительное от سايلاماق «выбирать»; эта категория отглагольных существительных—с окончанием на ۋ, употребляется только в письменном (или литературном) языке; в разговорной же узбекской речи отглагольные имена на ۋ—почти отсутст-

вуют (принадлежа за-то другим турецким языкам, например казакскому))

قەچان qачэн «когда»

باشلەنەدی=باشلانادر бэш-ла-н-а-ді (а в письменном языке бэшланадір) «начинается»—3 лицо от бэш-ла-н-мэq «начинаться», т. е. от глагола Страдательного залога, производного от глагола бэш-ла-мэq «начинать» (при чем глагольная основа бэш-ла образована от имени باش бэш «голова, начало»).

Примечание. Страдательный залог образуется обычно посредством суффикса ل -л/іл (например, بېرلماق бер-іл-мэq—от بېرماق бермэq «дать, давать»), но если последним согласным в основе глагола является ل л, то в суффиксе Страдательного залога - вместо ل л— употребляется звук ن н, например, باشلەماق бэшла-мэq «начинать»— Страдательный залог: باشلەنماق бэшланмэq «начинаться»; ئالماق эл-мэq «брать, взять». Страдательный залог ئالنماق эл-ін мэq («быть взятым»).

ئېسكی ескі «старый» (про вещи)

ئېسكی تاشكەنت ескі тэшкант «Старый Ташкент»

ئیككنچی іккі-нчі «второй» (от ئیككی «два»)

یگرمەنچی йігірма-нчі «двадцатый»

سېسسیە сессійа (русск. слово) «сессия»

ئجراقومی іджрэ-qом-і—букв. «его (здесь Ташкента, т. е. Ташкентский) Исполком»:

ئجراقوم іджрэ-qом «Исполком»; (первая половина слова арабская, значит «Исполнительный», а вторая—قوم -qом - из русского Ком(итет))

Суффикс -і (в іджрэqом-і) указывает на принадлежность 3-му лицу (здесь: старому Ташкенту); таким образом, ئېسكی تاشكەنت ئجراقومی значит «Старо-Ташкентский Исполком».

ئونك уні(ŋ) «его» Родительный падеж от ئول у(л) «он»

شوعبە шо'ба «Отдел, Секция»

كارخانە (персидск. слово: كار «дело» + خانە «дом») кэрхэна «фабрика»

تەشكىلات «предприятие, организация».

ئوزلەرینك оз-лар-іні(ŋ) Родительный падеж от оз-лар-і «они сами» (оз ئوز—«сам»)

بریللك бір-йіл-лік «одно-годичный», «годичный» «годовой» (бір «1», یللك йіл-лік «годовой»—от یل йіл «год»)

ئشلەریدەن іш-лар-і-дан Исходный падеж от іш-лар-і (букв. «их дела», ئش іш—«дело, работа»)

قلگەن=قلغان qіл-гäн Причастие Прошедшего от qіл-мэq «делать»

حساب (арабск. слово) «счет, **отчет**».

بېرەدرلەر—разговорн. بېرەدلەر бер-а-ділар 6 лицо Настоящ. времени от بېر бер «давать, дать».

№ 4. (из № 248 газеты قیزل ئوزبەكستان)

(ОБ'ЯВЛЕНИЕ)

دوختر ب م. دەيچ

اچكى هم بالالار كەسەللەرینی هر كونی كېچقورون ساعت ٤ دەن ٦ گەچە قبول قیلادر، ئوزبیكچە وە تاجكچە بیلەدر.

Часть плана издания учебников, как свидетельствует исследователь Э.Ш. Абдулина, имевшая доступ к архивам Республики Узбекистан, где хранится ряд неизданных работ советского лингвиста, был осуществлен лишь во второй половине 30-х годов XX столетия в Киргизии, где к тому времени жил и трудился ученый. Так, например, им была начата работа над комплексом учебников русского языка для первого класса киргизской школы, где наряду с букварем значились учебные книги, дополняющие букварь, в частности «Начальный курс русского языка с орфографическими упражнениями» (1928 г.)[1].

Также архивы сохранили названия двух методических работ Е.Д. Поливанова, не значащихся в списках его трудов: «Русский язык в Туркестанской школе» (1925 г.), «Методическое пособие к преподаванию русского языка в узбекской школе» (1925 г.)[2]. В них проводились два главных принципа – необходимость учета особенностей двух языковых систем (если речь шла об изучении языка как неродного) и фокусировка внимания на тех категориях языка, из которых строится речь.

Одновременно со школьными книгами была задумана серия учебных пособий по русскому языку для студентов высших учебных заведений и аспирантов, куда должны были войти курс русской грамматики в сопоставлении с узбекским языком (фонетика и морфология), синтаксис и стилистика современного русского языка в дифференциальном сопоставлении с фактами узбекского языка, грамматический русско-узбекский словарь, узбекско-русский словарь. К сожалению, свет увидела лишь первая книга серии – «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком», изданная спустя много лет после написания – в 1934 году в Ташкенте.

Несправедливым будет не отметить тот факт, что в такой же степени Е.Д. Поливанова волновали лингводидактические проблемы освоения не только русского, но и узбекского, таджикского, дунганского и киргизского языков, поэтому наряду с русскими букварями им были созданы словари и учебные пособия по национальным языкам народов Средней Азии, обозначены пути обучения грамоте на разных языках народов Средней Азии и велась борьба за аналитико-синтетический метод в преподавании. В этом аспекте внимания заслуживают рецензия ученого на узбекский букварь для взрослых Ш. Рахими (1923 г.) и «Докладная записка проф. Е.Д. Поливанова о методах начального обучения грамоте в узбекских школах» (1925 г.), свидетельствующие о том, что одновременно с выработкой стройной системы преподавания русского языка как неродного формировались и научно-методические взгляды ученого в области преподавания национальных языков. Этой проблеме ученый не посвящал многотомных монографических исследований, однако изданные им немногочисленные учебные пособия представляют собой кладезь практических идей, сохраняющих свою актуальность по сей день.

Не будет преувеличением назвать Поливанова родоначальником того, что сегодня в педагогике зовется интерактивными формами обучения. «Люди моего поколения отлично помнят, как нас учили на гимназических уроках русской грамматики всякой ерунде, – с ироничной горечью писал Поливанов, – и как мы старались воспринять за истину, что “окончание есть последний слог слова, например, “в стол-е” и т. д. Благодаря этому, у нас выработалось убеждение, что объектом эмпирического знания могут быть растения, животные, небесные планеты и что угодно, но не язык, не языковые факты. В этой области царил кем-то извечным изреченный непосягаемый закон

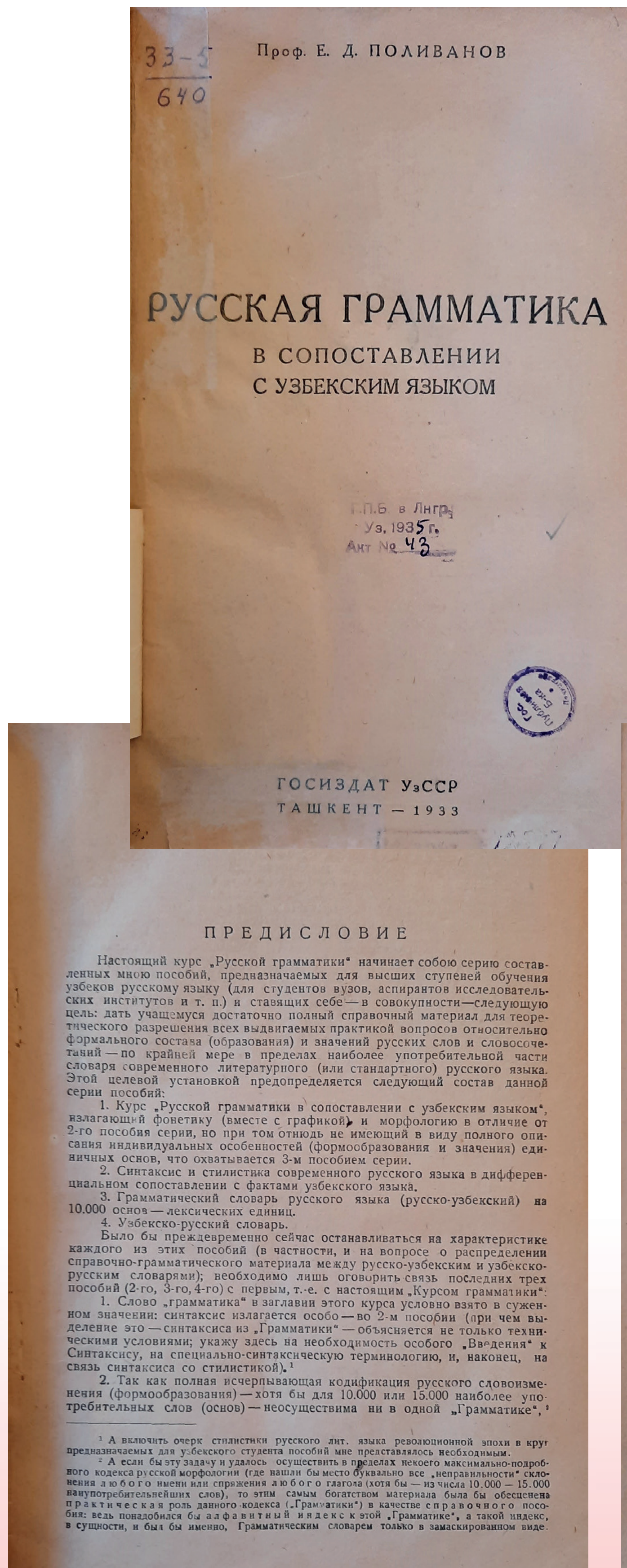
[1] Абдулина Э.Ш. Пути развития методики обучения русскому языку в русской начальной школе (1918–1980 гг.): дис. ... канд. пед. наук. – Фрунзе, 1983. – С. 142.

[2] Абдулина Э.Ш. Е.Д. Поливанов и теория обучения грамоте (Из неопубликованного наследия) // Русский язык в киргизской школе. – Фрунзе, 1977. – № 5. – С. 29.

(и лишь впоследствии мы узнали фамилию законодателя – Грота). С этим, конечно, надо покончить»[1].

Призывая педагогов отказаться от «аподиктического изложения правил орфографии и норм литературного диалекта», Поливанов выступал за использование индуктивного метода, представляющего возможность самим учащимся формулировать правило на основе явлений, с которыми они сталкиваются при изучении родного или иностранного языка. Особенно актуальным такой подход он считал в отношении тех языков, литературные нормы которых еще проходили обкатку, а значит графические, в частности орфографические, правила должны были

[1] Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. – М., 1927. – С. 117–118.



Проф. Е. Д. ПОЛИВАНОВ

РУССКАЯ ГРАММАТИКА

В СОПОСТАВЛЕНИИ С УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКОМ

ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ — 1933

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий курс „Русской грамматики“ начинает собою серию составленных мною пособий, предназначаемых для высших ступеней обучения узбеков русскому языку (для студентов вузов, аспирантов исследовательских институтов и т. п.) и ставящих себе — в совокупности — следующую цель: дать учащемуся достаточно полный справочный материал для теоретического разрешения всех выдвигаемых практикой вопросов относительно формального состава (образования) и значений русских слов и словосочетаний — по крайней мере в пределах наиболее употребительной части словаря современного литературного (или стандартного) русского языка. Этой целевой установкой предопределяется следующий состав данной серии пособий:

1. Курс „Русской грамматики в сопоставлении с узбекским языком“, излагающий фонетику (вместе с графикой) и морфологию в отличие от 2-го пособия серии, но при том отнюдь не имеющий в виду полного описания индивидуальных особенностей (формообразования и значения) единичных основ, что охватывается 3-м пособием серии.

2. Синтаксис и стилистика современного русского языка в дифференциальном сопоставлении с фактами узбекского языка.

3. Грамматический словарь русского языка (русско-узбекский) на 10.000 основ — лексических единиц.

4. Узбекско-русский словарь.

Было бы преждевременно сейчас останавливаться на характеристике каждого из этих пособий (в частности, и на вопросе о распределении справочно-грамматического материала между русско-узбекским и узбекско-русским словарями); необходимо лишь оговорить связь последних трех пособий (2-го, 3-го, 4-го) с первым, т.-е. с настоящим „Курсом грамматики“:

1. Слово „грамматика“ в заглавии этого курса условно взято в суженном значении: синтаксис излагается особо — во 2-м пособии (при чем выделение это — синтаксиса из „Грамматики“ — объясняется не только техническими условиями; укажу здесь на необходимость особого „Введения“ к Синтаксису, на специально-синтаксическую терминологию, и, наконец, на связь синтаксиса со стилистикой).[1]

2. Так как полная исчерпывающая кодификация русского словоизменения (формообразования) — хотя бы для 10.000 или 15.000 наиболее употребительных слов (основ) — неосуществима ни в одной „Грамматике“,[2]

[1] А включить очерк стилистики русского лит. языка революционной эпохи в круг предназначаемых для узбекского студента пособий мне представлялось необходимым.

[2] А если бы эту задачу и удалось осуществить в пределах некоего максимально-подробного кодекса русской морфологии (где нашли бы место буквально все „неправильности“ склонения любого имени или спряжения любого глагола (хотя бы — из числа 10.000 — 15.000 наиупотребительнейших слов), то этим самым богатством материала была бы обесценена практическая роль данного кодекса („Грамматики“) в качестве справочного пособия: ведь понадобился бы алфавитный индекс к этой „Грамматике“, а такой индекс, в сущности, и был бы именно, Грамматическим словарем только в замаскированном виде.

то на запрос учащихся: „Откуда нам научиться верно склонять или верно спрягать любое данное русское слово?“ — могут быть даны лишь 2 ответа: Первый ответ — „Усваивайте склонение, respective спряжение каждого данного слова на практике — из живой русской речи или из литературных текстов“.

Второй же ответ: „Ваш запрос будет удовлетворен тогда, когда будет издан Грамматический словарь русского языка, в котором все индивидуальные, т.-е. все так называемые „неправильности“ в склонении, respective в спряжении данного слова будут указаны“. Но ясно, что примириться с первым ответом для преподавателя русского языка это означает: признать свою беспомощность и ненужность, признать вообще невозможность научить школьным путем русскому языку. Это — постыдная капитуляция перед трудностями русского языка. Остается, следовательно, второй ответ — ответ, указывающий, что теоретическая база для овладения всеми (пускай в объеме 10.000 — 15.000 слов) трудностями русского языка, всеми „неправильностями“ русской морфологии возможна: это — расположенный по алфавитному порядку Грамматический словарь.[1]

Удастся ли и когда удастся осуществить издание всего состава вышенамеченной серии пособий будет зависеть уже не от меня. Узгосиздатом мне заказана лишь первая книга этой серии — „Грамматика“. Что касается остальных трех, то они („Синтаксис“ — под несколько иным заглавием) были заказаны мне Средазкнигой еще в 1925 году; но благодаря ликвидации этого издательства, рукописи их так и остались до сих пор неизданными (чему способствовал с другой стороны мой отъезд из Средней Азии).

В заключение, выражаю свою благодарность рецензентам этой моей „Грамматики“ — профессору Шенгели, Грищенке, и особенно Гази Юнусову за ряд полезных указаний.

XI. 1919

[1] Я намеренно называю такой „Словарь“ грамматическим, а не только морфологическим, так как он должен, в известной мере, содержать в себе и моменты фонетического словаря русского языка, например, в виде таких пояснений: „сегодня (го читать во)“ „блеф звучит как узбекское bløf“ и т. п.

Титульный лист и предисловие книги Е.Д. Поливанова «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (1933 г.)

преподноситься как нечто условно признанное, «вполне подвергающееся критической оценке».

«К примеру, при классном чтении современных изданий и особенно газет на родном языке, – пояснял Поливанов, – та или другая газетная статья может читаться и разбираться – не как образец того, как надо писать, а зачастую, как материал для выводов о том, как не надо писать (и это следует сказать главным образом по поводу орфографических особенностей современной национальной прессы, ибо здесь-то и наблюдается в настоящее время наибольший разнобой)»[2].

Кстати сказать, Поливанов одним из первых осознал преимущества аутентичного газетного текста в качестве учебного материала при обучении языку. Именно поэтому в основу второго выпуска своего пособия «Введение в изучение узбекского языка» – «Тексты для чтения» он положил тексты газеты «Красный Узбекистан». Вместе с двумя другими выпусками – кратким очерком узбекской грамматики и узбекско-русским словарем – оно было адресовано читателям, «изучающим узбекский язык самостоятельно – без помощи учителя…»[3]. Каждый урок в нем состоял из небольшой газетной заметки, записанной арабицей «с полным соблюдением употребленной в газете орфографии», орфографических замечаний или уточнений, транскрипции на базе кириллицы, перевода на русский язык с фонетическим, грамматическим или стилистическим комментарием.

В основу прилагавшегося к пособию узбекско-русского словаря был положен иранизированный не-сингармонистический ташкентский говор, к которому, по словам Е.Д. Поливанова, иногда были «прибавлены дублетные формы других говоров: главным образом, Самаркандского, и в единичных случаях – северно-узбекского (не-иранизированного)»[4]. «Локализовать (т. е. указать принадлежность к говору определенного пункта) каждый из приводимых дублетов слов, и вообще ставить себе диалектологические задачи, – писал автор, – не могло входить в рамки настоящей работы, – тем более, что одновременно я был занят составлением другого словаря узбекского языка, где преследовались именно диалектологические и вообще лингвистические цели (это – "Диалектологический и этимологический словарь узбекского языка"[5], в настоящее время почти законченный составлением)»[6].

Между тем, учитывая многообразие диалектов восточных языков Союза, каждый из которых был, по словам Поливанова, «ценен, как ключ к психике определенного коллектива», ученый советовал на уроках родного языка прибегать к сравнению грамматических фактов двух или более диалектов, один из которых, разумеется, являлся стандартным или литературным для данной национальности, с тем, чтобы учащиеся видели, «что грамматика, как элемент преподавания служит прямой и ясной цели: выправления индивидуального языка в сторону стандартного диалекта путем систематического констатирования различий между ними»[7].

Между тем, учитывая многообразие диалектов восточных языков Союза, каждый из которых был, по словам Поливанова, «ценен, как ключ к психике определенного коллектива», ученый советовал на уроках родного языка

[2] Там же. С. 118.

[3] Поливанов Е.Д. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения). Вып. 1. Краткий очерк узбекской грамматики. – Ташкент, 1925. – С. 3.

[4] Краткий русско-узбекский словарь / сост. Е.Д. Поливанов. – Ташкент – Москва, 1926. – С. III.

[5] Словарь был издан в 1925 и упоминается в одном из писем Е.Д. Поливанова А.Н. Самойловичу.

[6] Краткий русско-узбекский словарь / сост. Е.Д. Поливанов. – Ташкент – Москва, 1926. – С. III–IV.

[7] Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. – М., 1927. – С. 116.

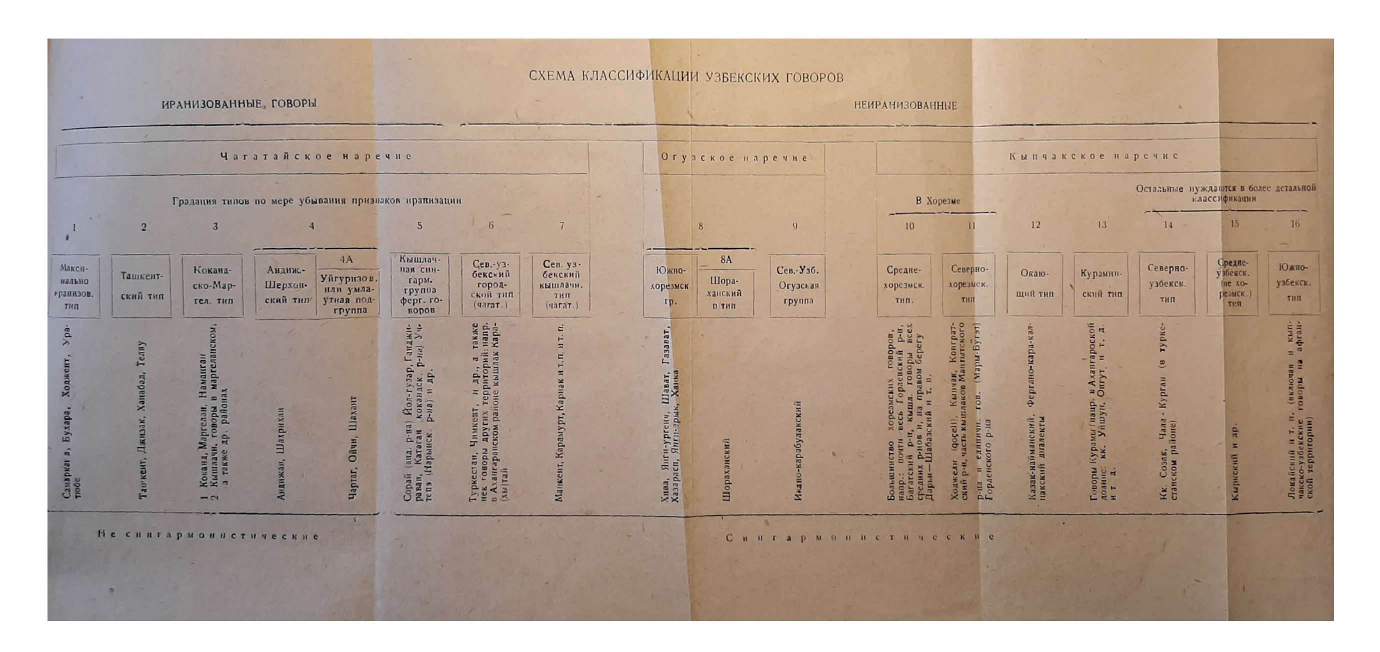


Схема классификации узбекских говоров Е.Д. Поливанова. Была напечатана в его книге «Материалы по грамматике узбекского языка» (1935 г.)

прибегать к сравнению грамматических фактов двух или более диалектов, один из которых, разумеется, являлся стандартным или литературным для данной национальности, с тем, чтобы учащиеся видели, «что грамматика, как элемент преподавания служит прямой и ясной цели: выправления индивидуального языка в сторону стандартного диалекта путем систематического констатирования различий между ними»[1].

Уже вышесказанного достаточно для того, чтобы понять, как много труды Е.Д. Поливанова, пронизанные идеями «осмысленного», а не механического обучения, значат для современной теории и практики обучения родному и неродному языкам. Разбросанные в многочисленных статьях, выступлениях и рецензиях, в совокупности своей его идеи представляют собой интереснейшую лингводидактическую теорию, опираясь на которую современные букваристы могли бы обучать детей чтению и письму более успешно, нежели это делается в настоящее время. Однако современной отечественной лингводидактической наукой поливановские «опыты» оказались фактически забытыми, и некоторые из них были осуществлены лишь за рубежом. Впрочем, это касается всего научного наследия Поливанова. Остается лишь надеяться, что будущие поколения окажутся более прозорливыми и смогут по достоинству оценить его.

Красный профессор

Кропотливые диалектологические исследования по тюркскому языкознанию и борьба за преодоление безграмотности на советском Востоке, в которые Поливанов включился, прибыв в 1921 году в Ташкент, по большей части осуществлялись на фоне событий, разворачивавшихся далеко за пределами среднеазиатских республик. После съезда тюркологов в Баку в начале 1926 года Е.Д. Поливанов в Ташкент не возвращается и отправляется на несколько месяцев во Владивосток, где читает лекции в Дальневосточном университете. Оттуда в том же году он переезжает в Москву, куда его приглашает В.М. Фриче – старый революционер, литературовед, руководивший в это время литературным отделом Коммунистической академии и курировавший в Москве все филологические науки. Поливанов некоторое время колебался между Москвой и Ле-

[1] Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. – М., 1927. – С. 116.

Эмблема Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) (1928 г.)

Сохранились названия некоторых курсов, которые Е.Д. Поливанов читал в 1927–1928 году для аспирантов РАНИОНа: сравнительное изучение турецких языков; сравнительные штудии по грамматике алтайских языков; сравнительная фонетика тибето-китайских языков; лингвистическое введение в изучение языков дальневосточной группы; описательная грамматика японских языков (японского и рюкюского. – Авт.); современные штудии по сравнительной грамматике японских языков[I].

[I] Поливанов Е.Д. Избранные работы / Сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968. – С. 20.

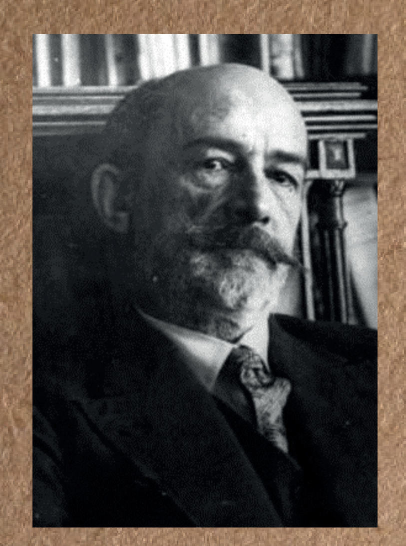
нинградом, по поводу своего возвращения в город на Неву он вел переговоры с Н.Я. Марром (тогда их отношения еще оставались хорошими), но в итоге предпочел Москву, где стал заведующим лингвистической секцией Института и языка Российской ассоциации научных институтов общественных наук (РАНИОН). Как впоследствии писалось, как «красный профессор» Поливанов был выдвинут на руководящую лингвистическую работу в РАНИОН в противовес представителям «буржуазной» Московской фортунатовской школы.

О работе Е.Д. Поливанова в РАНИОН сохранились воспоминания советского лингвиста, одного из основателей Московской фонологической школы, а в ту пору аспиранта этого института, сдававшего Евгению Дмитриевичу экзамен по латинскому языку, П.С. Кузнецова. «Он меня поразил своими познаниями в области италийских языков (он ведь был по основной специальности японист), – писал он. – Он пожелал все же побеседовать немного со мной (неофициально) о том, что же я все-таки делал в области латинского языка… Он был удовлетворен, и тогда я стал его спрашивать, какого по его мнению, было качество латинского ударения классической эпохи… Е.Д. развивал свои идеи, по которым это ударение такое, каким будет через двести лет в японском языке, кажется, в токийском диалекте»[2]. Одной из особенностей концепции Поливанова был интерес к лингвистическим прогнозам, к изучению будущего языков, унаследованный им от И.А. Бодуэна де Куртенэ.

«И кто еще мог тогда в Москве равно компетентно рассуждать о японском и латинском языках? – комментировал этот исторический эпизод из рабочих будней Е.Д. Поливанова советский лингвист В.М. Алпатов. – Языковеды традиционного типа были либо славистами, либо индоевропеистами. Ученые передовых для того времени взглядов почти всегда специализировались по русскому языку, лишь немногие по западным языкам (А.И. Смирницкий), совсем немногие занимались и русским, и западными языками (Л.В. Щерба). И среди них чуть ли не один Поливанов мог квалифицированного рассуждать о языках, по строю далеких от русского»[3].

[2] Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. URL: https://books.google.kg/books?id=yUCtCgAAQBAJ&pg=PT121&lpg=PT121&dq=Дальневосточный+университет+Поливанов&source=bl&ots=-HgKE_G1ER&sig=ACfU3U2MYFxKE_nNhr_nDVty3C-tHyhdhIg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiC8cH-1roDyAhXD-yoKHebsBXwQ6AEwEHoECCM-QAw#v=onepage&q=Дальневосточный%20университет%20Поливанов&f=false (дата обращения: 31 июля 2021 г.).

[3] Там же.

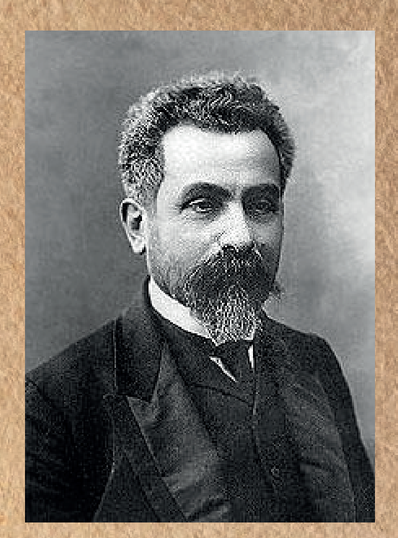


Владимир Михайлович Фриче (1870–1929) — в советские годы член ВКП(б), член президиума Коммунистической академии, председатель секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии, председатель президиума РАНИОНа, директор Института языка и литературы РАНИОНа, директор Института археологии и искусствознания РАНИОНа, председатель литературного отделения Института красной профессуры, член АН СССР, член Государственного ученого совета, ответственный редактор журналов «Печать и революция» и «Литература и марксизм», член редакции журнала «Красный архив».

Фриче родился в Москве, в немецкой семье. С пятнадцати лет начал жить самостоятельным трудом. По окончании немецкой гимназии поступил в университет, где сначала занимался классической филологией, а затем западной литературой. В университете приобщился к социал-демократическому движению. По окончании университета был оставлен проф. Н.И. Стороженко по кафедре всеобщей литературы. С конца 90-х гг. XX в. начинает свою преподавательскую деятельность в средней школе, где, решительно отступая от установленных традиций, знакомит учащихся не только с новейшей и западной русской литературой, но и с принципами марксистского метода.

В 1904 г. Фриче сдает магистерский экзамен и начинает с осени того же года читать лекции в Московском университете. В начале 1905 г. примыкает к большевистскому крылу РСДРП, становится членом лекторской группы при Московском комитете РСДРП (б) и обслуживает Москву и область в качестве лектора и пропагандиста. В 1910 г., в связи с усилившейся реакцией, прекращает чтение лекций в Московском университете, однако продолжает выступать с нелегальными лекциями в рабочих клубах, участвует в марксистской прессе (сборник «Литературный распад» и др.), использует легальные возможности для нелегальной работы.

С декабря 1917 г. Фриче назначают комиссаром по охране удельных и дворцовых имуществ в Москве, в марте 1918 г. — комиссаром по иностранным делам Совета Народных Комиссаров Мосгубсовета. Послереволюционный период жизни, несмотря на исключительную загруженность организационной работой, он посвящает научной работе: наряду с опубликованием трудов по истории и теории изобразительных искусств и ряда популярных брошюр и книг на политические и литературные темы (не считая книги по истории рабочего движения в России и на Западе) выпускает монографию о Шекспире сборник статей о современной русской литературе («Литературные заметки»), книгу «Западно-европейская литература XX в. в ее главнейших проявлениях» и сборник статей о Толстом, в котором в связи с его юбилеем ставит ряд новых проблем. Последние годы усиленно занимается вопросами методологии литературоведения.



Николай Яковлевич Марр (1865–1934) — в советские годы первый председатель Государственной Академии истории материальной культуры, директор Института Яфетидологических изысканий, директор Кавказского историко-археологического института АН, член Белорусской АН, председатель комитета по изучению языка и этнических культур народов Востока, директор Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока, академик и вице-президент АН СССР, второй избранный директор (после Э.Л. Радлова) Публичной библиотеки. С 1930 г. — член ВКП(б).

Марр родился в Кутаиси в семье шотландца — ботаника, культивировавшего чайные посадки в Грузии, и грузинки. До окончания университета считался подданным Великобритании. До поступления в кутаисскую гимназию в 1874 г. почти не знал русский язык. Самостоятельно овладел французским, немецким, английским и итальянским языками.

Окончив гимназию в 1884 г. с золотой медалью, поступил кавказским стипендиатом на факультет восточных языков Петербургского университета. После его окончания был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре армянской и грузинской словесности. Его первая научная работа «Природа и особенности грузинского языка» была опубликована на грузинском языке в 1888 г. в газете «Иверия». С 1 июля 1891 г. был допущен к чтению лекций, чем занимался до конца жизни.

В сентябре 1891 г. Марр начинает раскопки Ани — средневековой столицы Армении, — продолжавшиеся до 1917 г. В 1915 г. за работы в Ани Русское археологическое общество награждает его большой золотой медалью. В 1899 г. получает степень магистра армянской словесности, в 1901 г. удостаивается степени доктора армянской словесности за сочинение «Ипполит, толкователь "Песни песней", грузинский текст по рукописи X в.», в 1909 г. избирается в адъюнкты по Историко-филологическому отделению, в 1912 г. — в члены РАН. В июне 1917 г. по инициативе Марра создается Кавказский историко-археологический институт.

Внеся значительный вклад в историю и археологию Кавказа, не имеющий лингвистического образования Марр в 20-е гг. XX вв. критикует сравнительно-историческую теорию и пропагандирует новое учение о языке, получившее название «Яфетическая теория». Одна из его ключевых идей была диаметрально противоположна обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные языки.

До1950 г. «Яфетическая теория» имела множество последователей, пользовалась государственной поддержкой и пропагандировалась как «подлинно марксистское» языкознание, а критики ее подвергались систематическим проработкам и даже репрессиям, что значительно затормозило развитие лингвистики в СССР.

Учебный корпус Коммунистического университета трудящихся Востока имени И.В. Сталина (КУТВ) (здание слева от редакции газеты «Известия»). Фото: pastvu.com/p/26662

Фактически возглавив московское языкознание, в московский период Поливанов становится действительным членом лингвистической секции Института языка и мышления, профессором Московского института востоковедения (МИВа), действительным членом Института народов Востока (Иннарвоса), членом бюро лингвистического раздела Института языка и литературы и начинает преподавать в Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина, созданного решением ЦК РКП(б) в феврале 1921 года при Наркомнаце с целью «подготовки политработников из среды трудящихся восточных договорных и автономных республик, автономных областей, трудовых коммун и национальных меньшинств»[1].

Основную массу студентов этого учебного заведения составляли лица, прибывшие по разверстке ЦК РКП(б). Для них занятия проводились на русском языке, а для тех, кто не владел русским, – на их родных языках. И если на 1 декабря 1921 года в КУТВ обучались представители 40 национальностей Востока (в первую очередь, советского: армяне, грузины, узбеки, абхазцы, киргизы, уйгуры и пр.), то в год трудоустройства Поливанова – почти всех восточных народов, в том числе китайцы, японцы и корейцы. Поэтому в числе десяти языков, на которых за короткое время удалось организовать занятия (позже этот список значительно расширился), были ранее не изучавшиеся в Москве – китайский и корейский. И этот шанс Поливанов использует сполна.

Несмотря на политизированный характер обучения в КУТВ (он был в большей степени партийным, чем научным учебным заведением: в программу университета входили вместе с курсом русского языка политическая экономия, исторический материализм, история классовой борьбы, история рабочего движения, история ВКП(б), некоторые естественные науки), здесь кипела научная работа, имевшая значительные достижения в том числе благодаря Поливанову.

Успешно реализуясь в области тюркологии, в стенах КУТВ ученый-компаративист продолжает свои исследования по японистике и китаистике. В 1927 году он издает «Краткую фонетическую характеристику китайского языка (пекинского говора северно-мандаринского наречия)»[2] и публикует статью «О новом китайском алфавите “Чжу-инь цзы-му”»[3], посвященную новому китайскому фонетическому алфавиту, создание которого знаменовало собой небывалый сдвиг в области графической культуры. «Достигается, – действительно, воочию, бесспорно достигается то, – писал Е.Д. Поливанов, – что китайская грамота перестает уже быть “китайской грамотой” в смысле нашего обывательного словоупотребления, т. е. образцом неимоверно-трудной, непреодолимой по своей сложности системы»[4].

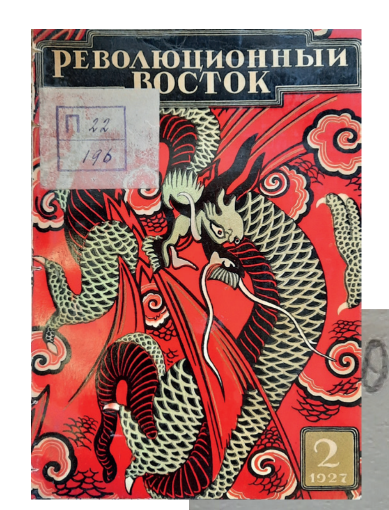
---

[1] Базиянц А.П. Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения (Сборник статей). – М., 1983. – С. 63.

[2] Поливанов Е.Д. Фонетическая характеристика китайского языка (пекинского говора северно-мандаринского наречия). – М., 1927.

[3] Поливанов Е.Д. О новом китайском алфавите «Чжу-инь цзы-му» // Революционный Восток. – 1927. – № 2. – С. 90–96.

4 Там же. С. 92.



Статья Е.Д. Поливанова «О новом китайском алфавите “Чжу-инь цзы-му”», опубликованная во втором номере журнала «Революционный Восток» (1927 г.), издававшемся при научно-исследовательской организации при Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМ. И. В. СТАЛИНА

№ 2

ИЗДАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА ИМЕНИ т. И. В. СТАЛИНА

МОСКВА 1927

Необходимость обучения в школах на родном наречии настоятельно диктуется вышеуказанными различиями наречий. Современное положение в китайских школах мы можем уподобить положению школ у нацменьшинств во времена царской России, когда русский язык вытеснял национальный.

Естественно, от такого положения необходимо отказаться. От скорейшего разрешения этих двух проблем будет зависеть дальнейший политический и культурный рост трудящихся Китая, а это, в свою очередь, будет способствовать успешному завершению китайской революции и закреплению ее завоеваний.

Б. Пашков.

О новом китайском алфавите „Чжу-инь цзы-му“.

Еще в 1917 году мне пришлось, говоря о судьбе японской письменности, сделать предсказание, что Япония перейдет к фонетическому письму [1]) тогда, когда в Японии произойдет социальная революция. Это, однако, лишь частный случай того законообразного положения, которое рассматривает процесс графической революции (замену одной системы письма другою), как органически связанный с переворотами социально-политическими, и утверждает органическую связь между обоими явлениями.

Во всяком случае явное подтверждение этого общего закона дает нам современный Китай. Здесь, именно в эпоху нац. демократической революции, и именно, как производное от нее, создается небывалый (и даже бывший немыслимым для многих китаистов, привыкших к „прежнему Китаю“) сдвиг в области графической культуры: появляется потенциальный заместитель иероглифики —

[1]) Будь то латинский шрифт (так назыв. Ромадзи) или же туземного происхождения слоговое письмо (катакана и хирагана), употребляемое ныне лишь в виде дополнения к иероглифическому (для изображения морфем с грамматическим значением).

90

в виде общедоступного по своей легкости фонетического письма.

Разумеется, частичным подтверждением того же закона явится и русская реформа 1917 г. [1]) (как и последующий за ней поток новых алфавитов у нацменьшинств в СССР [2]), хотя по своему историческому значению появление китайского фонетического письма совершенно несоизмеримо с русской ликвидацией „яти“, „фиты“ и т. д.

Правда, на первый взгляд—и имея в виду лишь современный этап распространения китайской реформы, — можно, казалось бы, притти к обратной оценке: русская новая орфография—это, дескать, полностью проведенная замена старой, а китайский фонетический алфавит—лишь подсобное средство, вспомогательный прием для изучения иероглифики, существенно важный (в настоящее время) лишь для школьников (еще не овладевших традиционным письмом).

Вот потому-то, ввиду того, что такой (я бы сказал: близорукий) взгляд на китайскую реформу действительно существует и с ним приходится сталкиваться, мне и представляется нужным дать характеристику нового китайского алфавита с учетом исторических его перспектив. И начать при этом удобнее будет именно со сравнения с русской графичекой реформой—„новой орфографией“ 1917 г.

* *
*

Разница здесь прежде всего в об'еме реформы, т.-е. в размере вносимого ею изменения графики. В русской „новой орфографии“ мы имеем всего на-всего лишь упорядочение приемов старой системы письма; принципиальные же его основы оставлены реформой нетронутыми: русское письмо было и продолжает быть (после 1917 г.) звуковым письмом со смешанными правилами буквоупотребления, в которых значительное место занимает этимологический принцип словонаписаний. Новая орфография вовсе не упразднила этого этимологического прин-

---

[1]) О чем мне пришлось уже говорить в № 1 „Рев. Востока“— в статье „Революция и литературные языки СССР“.

[2]) Ср. там же („Рев. Восток“ № 1, стр. 45—57.)

91

ципа, а обусловила лишь более последовательное его проведение, освободив, кроме того, наш алфавит от совершенно ненужных (и неприемлемых с точки зрения звукового письма) символов—в роде ѣ, ѳ, і—символов, для которых не имелось соответствующих особых звукопредставлений.

Нечто совершенно принципиально-отличное представляет собою китайское нововведение: здесь вместо письма *идеографического* (основанного на изображении смысловой идеи слова—независимо от его звукового состава) предлагается фонетическое — и именно звуковое [1]) письмо, отлично удовлетворяющее тем научно-педагогическим требованиям, которые к такого рода письму могут быть пред'явлены, и потому обеспечивающее колоссальную экономию энергии и времени, тратящихся на усвоение грамоты. Достигается,—действительно, воочию, бесспорно достигается то, что китайская грамота перестает уже быть „китайской грамотой“ в смысле нашего обывательского словоупотребления, т.-е. образцом неимоверно-трудной, непреодолимой по своей сложности системы.

Отныне китайская грамота (уже без кавычек)—в виде нового китайского алфавита „Чжу-инь цзы-му“ (что значит „Фонетическая азбука“)—оказывается ничуть не сложнее, чем грамота немецкая, русская или любая из созданных после 1917 года график у нацменьшинств нашего Союза (и конечно, французская и тем более английская орфографии, обремененные массой излишних трудностей, оказываются гораздо более трудными для обучающегося грамоте француза и англичанина, чем новый китайский алфавит для китайца).

И только после того, как вы представили себе, каким ужасным злом была благодаря своей трудности и сложности традиционная китайская грамота, требовавшая для изучения не менее 8—10 лет усидчивого труда и имевшая все данные войти в пословицу, как символ адскитрудной системы,—вы сможете оценить изобретение но-

[1]) Обычно различают три стадии в развитии письменности: идеографическую, силлабическую и звуковую. Но ясно, что и силлабическое и звуковое—это два под-вида фонетического письма, и в качестве таковых они оба вместе могут противополагаться понятию идеографического письма.

92

вой китайской грамоты, открывающей возможность существования китайской письменности без иероглифики.

Вот почему я беру смелость утверждать, что из всех имевших место в XIX и XX веках сдвигов в области языковых и графических культур в любом районе мировой территории созданная китайской революцией „фонетическая азбука“ (Чжу-инь цзы-му) является наиболее крупным, и по историческим последствиям несравнимым ни с каким другим фактом.

В китайской „фонетической азбуке“ мы видим прежде всего *изобретение*, изобретение совершенно отличное по своему принципиальному характеру от предыдущего состояния графики, но способное, тем не менее, фактически уживаться и сосуществовать (по крайней мере на первых этапах своего распространения) со старой (иероглифической) письменностью. Это-то сосуществование двух систем, имеющее место как раз в наши годы, т.-е. в период первых практических шагов нового изобретения, сосуществование, при котором новой „фонетической азбуке“ принадлежит даже, казалось бы, лишь вторичная, вспомогательная роль,—и об'ясняет нам весьма распространенный факт недооценки китайского явления: „новый алфавит в настоящее время и не пытается и не может пытаться вытеснить иероглифику, которая все-равно остается общепринятым письмом, а потому новый алфавит становится монополией полуграмотных недоучек и школьников“.

Для современной эпохи с этим нельзя спорить. Более того, нужно сказать, что иначе и быть не могло в период первых практических шагов „фонетического алфавита“. Ведь для того, чтобы сразу отказаться от иероглифики, нужно было бы заняться переизданием всей имеющей спрос литературы. Да и нельзя было ожидать, что лица, потратившие столько труда на усвоение иероглифики, сразу согласятся поставить крест на приобретенных познаниях и принести свои „в поте лица заслуженные“ привилегии в жертву демократизации графической культуры. Есть и масса других вполне понятных причин, обязывающих реформу к постепенному распространению.

Вполне понятно также и то, что „фонетический алфавит“ находит наибольшее применение (и я бы сказал:

93

наибольшее число преданных сторонников) именно в школьной среде—иначе говоря, в среде будущего поколения грамотного Китая.

Важно не это; важно то, что в самой реформе есть об'ективные данные, являющиеся залогом несомненной в будущем победы над старым, иероглифическим письмом вплоть до полного его вытеснения [1]). И в данном отношении не столь существенно даже, как относится к „фонетическому алфавиту" программа той или другой из политических группировок Китая и какие на этот счет выносятся постановления тем или другим органом. Ибо в сфере руководства графической культурой только то постановление будет иметь историческую значимость, которое не противоречит об'ективным условиям, предопределяющим ход социального процесса и не будет сметено последним.

А что у фонетического алфавита, как такового (оставим на минуту вопрос о данной его форме—в том виде, какой представляет сейчас „Чжу-инь цзы-му"), есть все данные для победы над той „китайской грамотой", которая вошла у нас в пословицу,—в этом я позволяю себе не сомневаться.

Уже на основании историко-лигвистического опыта (т.-е. по аналогии сходных процессов конкуренции между идеографическим и звуковым письмом—у других народов) можно сказать, что Китаю предстоит пережить такое же постепенное вытеснение иероглифики новым звуковым письмом, какое пережила Корея, исходившая—конечно, при несколько отличных языковых условиях—от того же китайского иероглифического письма и пришедшая к почти безысключительному употреблению национального звукового письма [2]) (—„эн-мун'а").

[1]) За исключением разве области ученых филологических и лингвистических изысканий, где будущим китайским ученым придется изучать иероглифику на тех же правах, как изучает, например, глаголицу исследователь древне-славянских памятников.

[2]) В целях краткости, я не останавливаюсь здесь на аналогичном аннамском процессе. В Японии же мы имеем в сущности (конечно, в связи с определенными политическими условиями) промежуточную ступень того же пути—от иероглифики к фонетическому (хотя и не звуковому, а слоговому) письму.

94

Конечно, для суждений о будущей истории китайской графики важен еще другой вопрос—удовлетворительна ли данная именно форма звукового алфавита, т.-е. конкретная система знаков „Чжу-инь цзы-му“.

Здесь не место давать конкретное описание и критический разбор этой системы. Укажу лишь, что это алфавит из 39 или 40 (в последней редакции) знаков, не вполне, однако, подходящий к понятию „звуковой азбуки“ (где каждое звукопредставление отдельного гласного или согласного изображается особой отдельной буквой), но вовсе не являющийся, в то же время, силлабической (т.-е. слоговой, графикой (каковы оба японские алфавита [1])). Этот промежуточный (между звуковым и силлабическим) характер новой китайской графики как нельзя более гармонирует, однако, со специфическими особенностями китайской фонетики, где роль элементарного фонетического представления в значительной мере принадлежит не отдельным гласным и согласным (как в русском языке), а целому слогу (или слогопредставлению,—силлабеме), который оказывается в то же время разложимым на определенный ряд фонетических единиц другого порядка (им-то и соответствуют знаки „Чжу-инь цзы-му“).

Таким образом, необычайный на первый взгляд характер алфавита „Чжу-инь цзы-му“ на деле вполне соответствует специфическим особенностям китайского языка и поэтому является в данном отношении более удовлетворительным, чем любая транскрипционная система, созданная—по строго-звуковому методу—из латинских букв по обычному для европейских языков принципу.

Этой особенностью, которую именно и приходится ценить, так как ею достигается и известная графическая экономия (напр. 2 знака вместо 3-х, 3 знака вместо 4-х и полное соответствие китайскому языковому мышлению) [2]) могла обладать именно национальная, созданная на основании практики китайской лексикографии [3]), система, какой и является „Чжу-инь цзы-му“.

---

[1]) Катакана и хирагана.

[2]) Именно китайскому расчленению слова (или слога) на составные элементы,—отличному, до известной степени, от нашего деления слога на звуки.

[3]) В частности на основании метода „це-инь“, т.-е. фонетического анализа силлабемы, при чем составные части делимого слога выра-

95

В этом отношении победное завоевание китайского школьника — „Чжу-инь цзы-му“ вполне выдерживает, по моему мнению, лингвистическую критику, а те частичные попреки, которые высказаны были по адресу „Чжу-инь цзы-му“ европейским ученым-фонетиком, французским миссионером Mullie [1]), об'ясняются именно тем, что Mullie мыслит фонетическое письмо возможным лишь в привычной для него форме — по подобию латинской фонетической транскрипции, и не учитывает тех особенностей китайского языкового (точнее: звукового) мышления, которые невольно должна была учесть национальная фонетическая азбука китайской формации.

Итак качественная оценка данной системы, по-моему, вполне может говорить за то, что раз вытеснение иероглифики новым видом письменности — это лишь вопрос времени, и раз национально-демократическая революция выбросила уже лозунг „демократизации грамоты“, то алфавит „Чжу-инь цзы-му“, как таковой, (на подобие корейского „эн-мун'а“) вполне пригоден для предназначаемой ему роли в будущей истории китайской культуры.

Е. Поливанов.

Революционное движение Индии в связи с событиями в Китае.

Насколько серьезным считается пробуждение Китая в кругах английских колонизаторов, можно судить по следующему заявлению в почти официальном органе английского правительства, в „*Имперском обозрении*“, где мы читаем: „простираясь от границ Бирмы до Тихого океана, *сильное китайское правительство* легко сделается угрозой для южного Востока“. Это указывает на

жались путем сопоставления 2-х иероглифов, сходных между собой по данному звуковому элементу, но различных по остальным (напр., *ан* выделялось из сопоставления *тан* и *кан* и т. д.).

[1]) В его книге „Notions élémentaires de phonétique et Alphabet Général“ Шанхай 1922.

Годом позднее вместе с сотрудником Московского института востоковедения Н.М. Поповым-Татива Е.Д. Поливанов составляет пособие по транскрипции китайских социально-политических терминов – первую работу такого типа в истории русского китаеведения[1]. «Одним из существенных затруднений в практике научно-исследовательской работы востоковеда, – говорилось в предисловии к ней, – является, бесспорно, вопрос транскрипционный... Эти соображения и легли в основу намеченного Научно-исследовательской Ассоциацией при КУТВ <…> плана издания серии практических пособий по транскрипции... Брошюра содержит, прежде всего, сводку транскрипционных приемов, принятых в западно-европейской и русской синологической литературе… Вслед за сводкой дается ряд примеров транскрипции наиболее часто встречающихся в литературе китайских терминов <…> в качестве приложения опубликовывается лингвистическая работа проф. Е. Поливанова, могущая служить систематическим руководством для китаистов по китайской фонетике, т. е. той области изучения китайского языка, которая была до сих пор всего менее разработанной»[2].

В то же самое время вместе с коллегами Поливанов приступает к подготовке первых в европейской науке не столько практических, сколько научных грамматик по китайскому[3] и японскому[4] языкам, которые удовлетворяли бы современным научным требованиям. Обе работы были изданы в 1930 году.

Одновременно Поливанов совершенствует свои знания в области корейского языка, полученные то ли во времена его учебы в Петербургском университете, то ли во время поездок в Японию в 1914–1916 годы. Его первой работой в этой области была опубликованная в 1916 году статья «Гласные корейского языка»[5], в которой он дал научный анализ системы корейского вокализма в ее современном и историческом состоянии.

Увлеченный в московский период методологией сравнительной грамматики алтайских языков и странным «отшельничеством»[6] корейского языка в генеалогической классификации, в 1927 году Поливанов публикует свою знаменитую статью «К вопросу о родственных отношениях корейского и “алтайских” языков», где, впервые широко применив методы сравнительно-исторического и типологического языкознания к корейскому языковому материалу, демонстрирует ряд общих сходств в фонетическом и морфологическом строе корейского и алтайских языков (турецких, монгольских и маньчжуро-тунгусских) – «исключительно-суффиксальный характер морфологии»; «постоянное место и экспираторный характер ударения»; «приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы»; «сингармонизм, являющийся (независимо от вопроса о времени его происхождения) характерным для всех групп “алтайского семейства”»; «сходства общего характера в составе фонетической системы (гласных и согласных)»[7].

Во второй половине XX века эта статья приобрела широкую известность в мире, выйдя в 1974 году в переводе на английском языке, в 1976 году – на японском, а в 1993 году – на корейском.

[1] Поливанов Е.Д., Попов-Татива Н.Н. Пособие по китайской транскрипции. – М., 1928.

[2] Там же. С. 6.

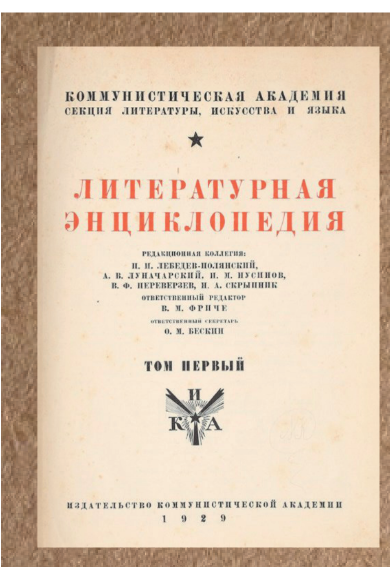
[3] Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. – М., 1930.

[4] Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. – М., 1930.

[5] Гласные корейского языка. I – Современное произношение гласных. II – Происхождение современных корейских гласных // Восточный сборник, кн. II. – Пг., 1916. – С. 344–348.

[6] В российской научной литературе корейский язык традиционно трактуется как изолированный, генетические связи которого устанавливаются лишь гипотетически.

[7] К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Известия Академии наук СССР. Серия VI. – Л., 1927. – Т. XXI. – № 15–17. – С. 1195–1204.


КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ,
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, И. М. НУСИНОВ,
В. Ф. ПЕРЕВЕРЗЕВ, И. А. СКРЫПНИК
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. М. ФРИЧЕ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
О. М. БЕСКИН

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
1929

В 1929 г. в СССР под редакцией В.М. Фриче выходит в свет первый том фундаментальной «Литературной энциклопедии». С 1929 по 1939 гг. к печати было подготовлено 11 томов, однако издано было лишь десять: десятый том не был пропущен партийной цензурой, и, сохранившись в домашней библиотеке одного из участников энциклопедии, был издан репринтным способом в Мюнхене в 1991 г. Всего изданные тома содержали более пяти тысяч статей о национальных языках и литературе, творчестве национальных литераторов, литературных школах, течениях, направлениях, подробно описаны литературоведческие и лингвистические понятия и т. д.

В 1928 г. одним из авторов «Литературной энциклопедии» и редактором статей по языкознанию и поэтике по приглашению В.М. Фриче стал Е.Д. Поливанов. Однако ученому удается поработать только над первым ее томом. Со следующего тома в связи с начавшимися в 1929 г. гонениями, предпринятыми сторонниками Н.Я. Марра на Поливанова и его вынужденным отъездом в Среднюю Азию место редактора, ответственного за лингвистику, заняла Р.О. Шор. В связи с этим и значительная часть подготовленных им материалов в следующие тома не вошла, и некоторая их часть — «Абхазский язык», «Аварская литература», «Акусма», «Венетский язык», «Андаманский язык», «Австралийские языки», «Банту», «Бирманский язык», «Аннамский язык», «Баскский язык», «Бопп Франц», «Албанский язык», «Вводные слова», «Глухие гласные и согласные звуки», «Гармония гласных», «Говор», «Эвфемизм» и др. — хранится сегодня в Российском государственном архиве литературы и искусства[1].

Материал этот Поливанов рассчитывал использовать для задуманного еще в годы работы в ВЦК НА, где он столкнулся с необходимостью создания и унификации лингвистической терминологии, в частности у тюркоязычных народов Средней Азии, «Словаря лингвистических терминов» (1935–1937 гг.).

С 1926 г. Е.Д. Поливанов также активно сотрудничает с Большой советской энциклопедией. Однако, в томе, изданном в 1931 г., под подготовленной им статьей «Японский язык» появляются лишь его инициалы — Е.П. Фамилия Поливанова в это время уже окажется под запретом. В этом же томе была опубликована статья «Яфетическая теория», в которой о взглядах Поливанова было прямо сказано: «Прямые враждебные выпады, идущие под знаком апологии буржуазной науки и империалистической политики капитализма»[2].

---

[1] Указатель статей, не вошедших в «Литературную энциклопедию». По материалам Российского государственного архива литературы и искусства (фонд 623 «Редакция „Литературной энциклопедии“ (Москва, 1929–1943)», опись 1) / сост. А.В. Андронов, А.Е. Сапожникова. — СПб., 2017.

[2] Яфетическая теория // Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 65. — М., 1931. — Ст. 824.

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. В. КУЙБЫШЕВА ◇ М. Н. ПОКРОВСКОГО ◇ Н. И. БУХАРИНА ◇ В. П. ЗАТОНСКОГО ◇ Ф. А. РОТШТЕЙНА ◇ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА ◇ Л. Н. КРИЦМАНА ◇ Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО ◇ Ю. Л. ПЯТАКОВА ◇ П. И. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО ◇ Н. М. ЛУКИНА ◇ В. П. МИЛЮТИНА ◇ Ю. ЛАРИНА ◇ Н. ОСИНСКОГО ◇ А. Б. ХАЛАТОВА ◇ О. Ю. ШМИДТА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
О. Ю. ШМИДТ

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

ЭФЕМЕРИДЫ — ЯЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СЛОВАРНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
МОСКВА ◇ ОГИЗ РСФСР ◇ 1931

Шекспира, Ибсена; Осанаи—Ибсена, Горького («На дне»), Андреева («К звездам»), Метерлинка. Попутно возникает и своя японская драматургия, следующая образцам европейской. После распада этих организаций за насаждение нового театра взялся ряд трупп, быстро возникавших и быстро распадавшихся. Наиболее длительной и популярной была деятельность Художественного театра (Гэйдзюцу-дза) с писателем Симамура Хогэцу в качестве режиссера и Мацуи Сумако на ролях первой актрисы,—поставившего «Воскресение» и «Анну Каренину» по Толстому, «Накануне» по Тургеневу, «Живой труп» Толстого и «Саломею» Уайльда. Одновременно продолжались попытки передовых актеров Кабуки (Морита Кан'я и Итикава Энноскэ) перейти к новому репертуару. Благодаря им окончательно укрепляется новая японская драматургия.

В 1924 возникает Малый театр Цукидзи в Токио, руководимый Хидзиката и тем же Осанаи; последний, еще раньше воспринявший методы и репертуар Московского Художественного театра (первая поездка Осанаи в Москву в 1914), продолжает культивировать на сцене Цукидзи систему Станиславского и ставит ряд пьес репертуара

ственного театра. Типичный эклек-
мящийся быть всегда на уровне евро-
театральной моды, Осанаи отдает
экспрессионизму (постановки пьес
, Чапека) и исканиям левого теат-
ение постановок Мейерхольда, Ка-
театра, вторичное посещение Мос-
927), в то же время пытается найти
между своим европеизованным теат-
етодами Кабуки. В 1929 уже после
Осанаи (ум. 1928) театр Цукидзи рас-
на две самостоятельные труппы;
них («Син-Цукидзи»—Новый Цукид-
главе с Хидзиката ориентируется
мы мейерхольдовского театра (поста-
пьесы «Мать» по Горькому в 1929),
продолжает в общем линию Осанаи.
ие массы и передовую интеллиген-
удовлетворяет эклектический эсте-
атра Осанаи, и часть учеников по-
начинает сотрудничать с пролетар-
драматургами, ориентируется на ре-
онный репертуар и рабочую и сту-
ую аудиторию. Театр «Дзэн'эй-дза»
рд) в Токио во главе с молодыми
рами и актерами Сенда, Сасаки и др.
пьесы японских пролетарских писа-
аходясь под сильнейшим влиянием
рского театра СССР; деятельность
привлекает к себе усиленное вни-
олиции. Пролетарское театральное
ие развивается также в целом ряде
в и театральных организаций, объ-
ых в ассоциацию «Нихон-Пророта-
кидзё» Домей (таковы кружки и те-
Токио-Саёоку-Гэкидзё, развивший-
Дзэн'эй-дза»), Осака-Сэнки-дза, Кио-
уку-Гэкидзё и др. Эти организа-
ивлекают рабочего зрителя (по от-
кио-Саёоку-Гэкидзё за 1930 от 70%
его зрителей—рабочие). Они ставят
жные спектакли в рабочих рай-
(Токио-Проретариа-Энгэйдан — То-
кийский пролетарский театральный кру-
жок) и работают в тесном контакте с лите-
ратурными пролетарскими организациями
Японии.

Лит.: Конрад Н., Японский театр, в сб.: Восточный театр, Л., 1929; Японский театр, сборник ст. под ред. Н. И. Конрада (изд. ВОКС), Л.—М., 1928; Конрад Н., Театр Но, в сборн.: О театре, вып. 1 (изд. «Academia»), Ленинград, 1926; его же, Японская литература в образцах и очерках, т. I, Л., 1927, стр. 363—75—Драматическая композиция Но и стр. 415—47—Лирическая драма; его же, Театр Кабуки (изд. ВОКС), Л.—М., 1928; его же, Театр Кабуки, в кн.: Театральный Октябрь, сборн. 1, Ленинград—Москва, 1926; Гагеман К., Игры народов, вып. 2—Япония (изд. «Academia»), Ленинград, 1925; Cinq Nô, Drames lyriques japonais, traduits avec une introduction et des notes par Noël Péri, P., 1921; Waley A., The No Plays of Japan, L., 1921; Maybon A., Le Théâtre japonais, P., 1926; Piggott F., The Music and Musical Instruments of Japan, L., 1909; Piper M., Die Schaukunst der Japaner, B., 1927. *Н. Конрад.*

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК, совокупность сильно отличающихся друг от друга диалектов, на к-рых говорит население Японских о-вов (японцы). Иногда к Я. я. причисляют и говоры входящих в состав Японской империи о-вов Рю-кю (или Лю-кю). Но большинство авторов выделяет все-таки рю-кюский язык из понятия Я. я. в качестве единственного близкого Я. языку, но все же самостоятельного яз. По своему строю Я. я. при-

Статья Е.Д. Поливанова «Японский язык», размещенная в 65-м томе Большой советской энциклопедии (1931 г.)

надлежит к *агглютинативным* (см.) языкам; особенно характерным для строения его слов является т. н. «закон открытых слогов», не допускающий наличия двух согласных в начале или одного согласного в конце слога. Этот «закон» определяет и произношение заимствованных слов в Я. я., ср. «писутору» (пистолет), «покэто» (карман—от англ. «pocket»). Гласных в Я. я. 5—«а, и, у, э, о»; кроме того в большинстве говоров встречается слогообразующий носовой. Соединение гласных с неслоговыми «и, у» и с носовым образует дифтонги. Для системы согласных Я. я. характерно наличие задненёбного носового; отсутствие различения фонем «з» и «дз» (русское «зубы» японец повторит как «дзубы»), отсутствие плавного «л», к-рый в заимствованных словах заменяется через «р» («Рондон» вместо «Лондон»). Ударение в Я. я. музыкальное или музыкально-экспираторное. — В области грамматики в Я. я. следует отметить отсутствие личных форм у глагола; прилагательное, как и глагол, изменяется по временам и наклонениям; категории рода в Я. я. нет. Личные местоимения употребляются редко и обычно заменяются вежливыми описательными выражениями («слуга» вместо «я», «князь» вместо «вы»). Числительные до 10 употребляются кроме японских и китайские. Для «стандартного» разговорного Я. я. характерно наличие особых «вежливых» форм имени и глагола.

Несмотря на крупные расхождения между отдельными японскими диалектами, доходящие до того, что южанин или даже житель центральной Японии вовсе не понимает живой речи уроженца японского С.-В.,— Япония может считаться объединенной в языковом отношении благодаря наличию: 1) общего для всей Японии (кроме о-вов Рю-кю) письменного литературного яз., 2) «стандартного» или господствующего разговорного языка. При этом каждый из этих «общеяпонских» яз. соответствует определенной социально-экономической базе. Первый и наиболее древний из этих «общих» яз.—письменный лит. язык—соответствует национальному объединению на почве старого дореформенного (хотя и под китайским влиянием организованного) народного х-ва. Назначением этого письменного яз. и было служить тому объединению нации, к-рое могло осуществиться и осуществлялось на основе данных форм х-ва, выражаясь в виде теократически-феодальной монархии (сначала с перевесом первого из этих начал—теократического, затем—феодального). Иначе говоря, письменный Я. я. был средством гос. объединения и централизационной политики Японской империи. Это определение подтверждается и хронологическим совпадением создания японского письменного яз. (8 в. хр. э.) с первыми стойкими шагами гос. власти, относящимися к этой же самой эпохе (так. назыв. эпоха Нара). За 11-вековое существование японский письменный яз. пережил конечно ряд изменений, причем основные этапы этой истории соответствовали изменениям социально-политическим как классовым, поскольку фактическая власть переходила от теократической династии к феодалам, так и территориальным, поскольку этим переходам сопутствовали перемещения столичного центра, а значит и смены влияний различных территориально-диалектических групп. Но за все время туземных форм х-ва Я. я. сохранял все-таки основную свою характеристику: это был яз. гос. объединения Японии, обслуживавший те нужды междурайонного общения, которые были характерны именно для туземных форм х-ва. А они не могли конечно вызвать потребность в постоянном общении между значительными массами разных районов (что имело место позже—после перехода от феодализма к капитализму и от туземных форм х-ва к европейским, когда японское производство стало насквозь товарным). Вот почему за все эти 11 вв. письменный Я. я. продолжал быть единственным «общим» (или стандартным) яз. Японии: рядом с ним не существовало «общего» (или стандартного) разговорного яз. Максимальной единицей внутреннего языкового объединения служил феодальный клан. В япон. диалектологии обычно поэтому соответствие между кланом и диалектом.

Совершенно иные предпосылки для языкового развития приносит капиталистическая Япония, пришедшая на смену Японии феодальной. Товарное х-во делает уже обязательным общение представителей разных районов. Правда, участвует в этом общении лишь определенный класс. Но и термин «общеяпонский разговорный язык» следует понимать лишь в смысле яз. определенной классовой принадлежности: это язык японской буржуазии (и интеллигенции). Это обстоятельство делает для нас понятным и тот факт, что несмотря на существование общеяпонского разговорного яз. до сих пор не умирают, а продолжают жить местные провинциальные говоры: с одной стороны, крестьянские и рыбачьи говоры деревень, с другой стороны, весьма крупные порою (по численности говорящих) провинциальные городские говоры, на которых продолжают говорить пролетариат и мелкая буржуазия. Обычно япон. говоры делятся на 3 группы: зап. (являющуюся также и центральной), юж. и вост. (со включением так наз. с.-в. подгруппы). В роли стандартного разговорного языка естественно выступает столичный, т. е. токиоский (прежний эдоский) говор, хотя и с измененным уже разумеется социальным субстратом: носителями его являются уже не эдоские самураи Токугавской эпохи, а нынешняя токиоская буржуазия, а следом за ней и буржуазия (с интеллигенцией) всей Японии, поскольку она уже научилась говорить по-токиоски (хотя весьма часто это сопровождается еще состоянием двуязычия, т. е. знанием, кроме стандартного токиоского, еще и своего местного провинциального диалекта). Указанная смена социального субстрата токиоского говора произошла сравнительно недавно, и потому в настоящем состоянии этого говора явно видны следы его социального прошлого. Японский студент, употребляя для понятия «я» и «ты» слова, значащие «слуга» и «князь», невольно продолжает языковую традицию, объяснение ко-

733 ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК 734

торой мы можем найти конечно не в современном быту, а в мышлении тех эдоских самураев, на долю которых выпало оформление японского разговорного стандарта.

Вопрос о генезисе Я. я. не может считаться окончательно решенным; некоторые исследователи Я. языка вместе с рю-кюским склонны считать его продуктом гибридизации двух различных языковых стихий: 1) австронезийской («южноостровной») или малайско-полинезийской, и 2) континентальной, представителем которой на азиатском континенте служит корейский, а также и другие яз., так наз. «алтайской» языковой группы (маньчжуро-тунгусские, монгольские, турецкие). Кроме того в гораздо более позднюю, уже историческую эпоху, в формацию Я. я. входит третий элемент—китайский, причем это влияние обнаруживается почти исключительно в области словаря, но зато достигает здесь чрезвычайных размеров: китайских заимствований, к-рые начинают проникать в японскую речь в виде отдельных «культурных слов» еще в дописьменную эпоху (напр. названия «лошади», «сливы», «денег» и т. д.), а затем врываются уже мощным и несколько раз возобновлявшимся потоком при посредстве письменности, в общем оказывается так

Китайский иероглиф	Знаки катакана	Значение	Китайский иероглиф	Знаки катакана	Значение	Китайский иероглиф	Знаки катакана	Значение
阿	ア	a	千	チ	ti (chi)	牟	ム	mu
伊	イ	i	門 津	ツ	tu (tsu)	女	メ	me
宇	ウ	u	天	テ	te	毛	モ	mo
江	エ	e	土	ト	to	也	ヤ	ya
於	オ	o	奈	ナ	na	勇 由	ユ	yu
加	カ	ka	仁 二	ニ	ni	與	ヨ	yo
幾	キ	ki	奴	ヌ	nu	良	ラ	ra
久	ク	ku	子	ネ	ne	利	リ	ri
介 計	ケ	ke	乃	ノ	no	流	ル	ru
己	コ	ko	八	ハ	fa (ha)	礼	レ	re
草 散 左	サ	sa	比	ヒ	fi (hi)	呂	ロ	ro
之	シ	si (shi)	不	フ	fu	曰	ワ	wa
須	ス	su	皿 邊	ヘ	fe (he)	慧	ヱ	we
世	セ	se	保	ホ	fo (ho)	井	ヰ	wi
曽	ソ	so	末	マ	ma	乎	ヲ	wo
多	タ	ta	三 美	ミ	mi	.	–	–

Японская слоговая азбука катакана и происхождение ее знаков из китайских гиероглифов (по Иенсену).

много, что в современном словаре японского интеллигента бо́льшая половина слов имеет китайское происхождение; если же мы обратимся к особым стилям письменной речи и даже к современному газетному яз., то тут на долю «чисто японских» слов придется не более 25%, а остальное составят именно китайские заимствования (китаизмы). Первыми по времени проводниками китайской культуры были китайские ремесленники, начиная уже с 4 в. хр. эры, массами эмигрировавшие из т. н. удела Нгу (У—в современном китайском произношении, Го—в японском), т. е. из того района, в к-ром находится Шанхай. Эти ремесленники и обучили японцев «туземным» способам производства, внеся вместе с тем массу китайских слов в японскую речь. По имени удела Нгу или Го (в японском произношении) слова эти носят название Го-он («он» означает «звук» или «произношение»). Вот почему большинство китайских по происхождению слов Я. я., имеющих вполне разговорный характер (напр. числительные) и проникших во все народные говоры, принадлежит именно к Го-ону. Но вместе с ремесленниками,—проводниками китайской материальной культуры, из удела Нгу шли и проповедники новой для Японии религии—буддизма; буддийские священные книги (сутры) они читали и учили читать именно на диалекте Нгу; а отсюда Го-он стал и произношением тех слов, к-рые вошли в японский яз. через буддийскую литературу (и прежде всего конечно терминов самого буддизма). В следующий, второй период китайское языковое влияние шло уже из другого района Китая и носило при этом почти исключительно книжный характер. Заимствования этой эпохи называются Кан-он'ом от имени китайской династии Хань, по-японски Кан. Наконец третья, позднейшая и наименее многочисленная категория китайских заимствований носит название То-ин (от имени династии Тан, по-японски То), здесь опять-таки процесс заимствования имел место уже после эпохи Танской династии. По сравнению с влиянием китайского яз. все остальные иноязычные вклады в япон. словарь могут считаться уже малозначительными. Тем не менее надо отметить: 1) небольшое число индийских (санскритских) буддийских терминов, вошедших в Я. я. через китайское посредство; 2) ряд романских—испанских и португальских—слов, попавших в Я. я. в результате первых колонизационных попыток Европы в отношении Японии; слова эти распространены и сохранились в употреблении преимущественно на Ю. Японии; 3) несколько единичных голландских (и немецких) слов; 4) довольно значительное число английских слов, причем количество их крайне возросло именно в самое последнее (после войны 1914—18) время; эти новейшие заимствования идут, в большинстве случаев, уже не из Англии, а из Америки.

Письмо. В первый период существования япон. письма оно состояло исключительно из китайских гиероглифов. Довольно скоро однако, уже в 9 в., изобретены были 2 слоговых азбуки: т. н. катакана и хирагана. Обе эти азбуки представляют сокращение нек-рых определенных кит. гиероглифов, но по разным принципам: в катакана взяты

отдельные элементы начертания гиероглифа (напр. его левая половина и т. д.); в хирагана же каждый знак является скорописным упрощением всей фигуры гиероглифа. Несмотря на существование двух слоговых (силлабических) азбук, ни одна из них до сих пор не употребляется самостоятельно: современное японское письмо состоит из сочетания китайск. гиероглифов (читаемых или сообразно своему значению по-японски или же в японизированных китайских чтениях: Го-он, Кан-он, То-ин) и знаков той или другой слоговой азбуки. При этом в большинстве случаев основа (т. е. лексическая часть слова) изображается гиероглифом, а суффиксы (т. е. грамматические части слов) пишутся знаками катакана или хирагана. В итоге оказывается, что знание 50 знаков той или другой слоговой азбуки вовсе не делает человека способным читать японск. книгу: ему необходимо еще знать несколько тысяч гиероглифов.

Китайский гиероглиф	Знаки хирагана	Значение	Китайский гиероглиф	Знаки хирагана	Значение	Китайский гиероглиф	Знаки хирагана	Значение
安	あ	a	知	ち	ti chi	武	む	mu
以	い	i	川	つ	tu tsu	女	め	me
宇	う	u	天	て	te	毛	も	mo
衣	え	e	止	と	to	也	や	ya
於	お	o	奈	な	na	由	ゆ	yu
加	か	ka	仁	に	ni	与	よ	yo
幾	き	ki	奴	ぬ	nu	良	ら	ra
久	く	ku	祢	ね	ne	利	り	ri
計	け	ke	乃	の	no	留	る	ru
己	こ	ko	波	は	fa ha	礼	れ	re
左	さ	sa	比	ひ	fi hi	呂	ろ	ro
之	し	si shi	不	ふ	fu	和	わ	wa
寸	す	su	部	へ	fe he	為	ゐ	wi
世	せ	se	保	ほ	fo ho	恵	ゑ	we
曽	そ	so	末	ま	ma	遠	を	wo
太	た	ta	美	み	mi			

Японская слоговая азбука хирагана и ее происхождение из китайских гиероглифов (по Йенсену).

Сложный состав японской письменности, делающий изучение ее делом многих лет, является конечно крупным злом японск. культуры, и передовые элементы японской буржуазии давно уже выступили с проектом перехода к фонетической графике в виде латинского письма (по-японски рома-дзи — буквально римские, т. е. латинские буквы). Существует об-во латинизации письма (т. н. Ромадзи-кай), издается на латинизированном письме несколько журналов, но официального признания эта реформа при современных политических условиях получить не может: правящие классы Японской империи заинтересованы в сохранении трудного гиероглифического письма и по мотивам своей внутренней и по мотивам своей внешней политики. Замена сложного письма, требующего по крайней мере 10-летнего изучения, простым латинским алфавитом была бы демократизацией письменной культуры и следовательно поставила бы трудящиеся массы Японии в равные условия с буржуазной интеллигенцией в смысле овладения книгой, газетой, а значит и книжной культурой вообще. А это разумеется невыгодно и опасно для власть имущих классов. С точки зрения империалистской внешней политики япон. правительства гиероглифическое письмо является одним из средств политического объединения Японии с др. странами, пользующимися китайской гиероглификой—именно Китаем и Кореей. Эта внешне-политическая роль гиероглифики учитывается теми органами, к-рые являются фактическими проводниками япон. агрессивной политики на континенте, в частности напр. т. н. об-вом «Тоадобункай» (или об-вом Объединения восточно-азиатской письменности).

Лит.: Грамматики Я. я.: B. H. Chamberlain (Chicago, 1924), W. Aston (Tokyo, 1888), R. Lange (B., 1906), J. J. Hoffmann (Leiden, 1877), L. Balet (Tokyo, 1925). На рус. яз.: Плетнер В. и Поливанов Е. Д., Грамматика японского разговорного языка, М., 1930; Японско-русские словари: Д. Позднеева (Токио, 1908), Мацуда (1926). Фонетические описания: Edwards E., Étude phonétique de la langue japonaise, Lpz., 1903; Поливанов Е. Д., Психофонетические наблюдения над японскими диалектами, П., 1917.

Е. П.

ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО. Доисторический период. В результате археологических раскопок современных японских ученых в Японии открыта неолитическая культура и получены сведения об искусстве доисторического периода, наиболее значительными памятниками которого являются мощные *дольмены* (см.). Скульптура представлена глиняными статуэтками стражей могил (ханива), находимыми в погребениях (рис. 1 и 2). Эти статуэтки свидетельствуют о большом художественном даровании первобытного населения Японии и, несмотря на лаконичность и обобщенность формы, передают характерными чертами этнический тип, одежду, головные уборы, прически и украшения японцев той эпохи. Находки многочисленных бус, частью западного происхождения, равно как и нескольких позднеантичных стеклянных сосудов, бывших в употреблении в домашнем обиходе знати, свидетельствуют о живых сношениях с материком. Сношения с Китаем могут быть доказаны еще с древнейших времен; связи с китайской культурой были настолько тесны, что японскую культуру и искусство долго рассматривали как ответвления китайской. Китайские бронзовые зеркала типа эпохи Хань (3 в. до хр. э.—3 в. хр. э.) постоянно встречаются в погребениях; находят и их подражания местной работы. Неглазурованная керамика указывает скорее на корейские прообразы, в то время как украшения оружия связаны с китайскими образцами. Мно-

Корейскому языку Поливанов также посвящает один из своих докладов, прочитанных в 1927 году в Институте языка и литературы РАНИОН, и готовит обзорную статью «Корейский язык» для пятого тома «Литературной энциклопедии», в которой, несмотря на большое количество приведенных ранее иллюстраций для установления извлеченного из корейского языка сравнительно-фонетических и морфологических соответствий деликатно подчеркивает предположительный характер сделанных им выводов.

«Вопрос о положении корейского языка среди других языков, – пишет он, – нельзя считать окончательно разрешенным (высказывался целый ряд гипотез, напр. даже о «родстве» К. яз. с дравидскими и т. п.), хотя за последнее время некоторые лингвисты причисляют его к «алтайской» группе языков, т. е. яз. маньчжуро-тунгусских, монгольских и турецких»[1].

Иначе гипотеза о корейско-алтайском языковом родстве прозвучала в изданном Е.Д. Поливановым в 1928 году «Введении в языкознание для востоковедных вузов» – первом общелингвистическом труде, основанном не на индо-европейских языках, а отдельных описательных и компаративно-исторических проблемах разных языковых групп Ближнего и Дальнего Востока, богато проиллюстрированных материалом значительного числа языков. В нем, рассуждая о понятии сравнительно-исторического языкознания и праязыка, Поливанов безапелляционно утверждает, что «обще-алтайский праязык» является источником, к которому возводятся доисторический обще-турецкий праязык, предок чувашского языка, обще-монгольский праязык, обще-маньчжуро-тунгузский праязык и древний источник корейского языка[2].

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

31

Е. Д. Поливанов

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДЛЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ

ЛЕНИНГРАД 1928
Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе

Титульный лист первой части «Введения в языкознание для востоковедных вузов» (1928 г.) – учебника, в котором Е.Д. Поливанов впервые изложил методологию «социологической лингвистики», в которой, прежде всего, изучались объективные языковые закономерности, их связь с социально-экономическими условиями существования языков и т. д. Работа включала два раздела – «Лингвистическая пропедевтика» и «Общая фонетика». По задумке Е.Д. Поливанова, следующие тома должны были содержать иллюстративный материал по фонетике в виде описаний звукового состава русского и трех западно-европейских языков; иллюстративный материал по фонетике восточных языков – в виде характеристик звуковых систем отдельных языков и диалектов: японского, китайского, турецких (азербайджанского, узбекского, казахского, киргизского, татарского), калмыцкого, чеченского, абхазского, грузинского, армянского и т. д.; элементарные понятия общей морфологии; теорию эволюции языка; методы сравнительно-исторического языкознания; иллюстративный материал из сравнительной грамматики индо-европейских языков и сравнительно-исторических грамматик некоторых групп не-индо-европейских языков; понятие морфологической классификации языков; социологическую лингвистику; прикладную лингвистику; языкознание и поэтику; генеалогическую классификацию языков

[1] Поливанов Е.Д. Корейский язык // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 5. – М., 1931. – Стб. 469.

[2] Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 59.

Хотя фактически из-под пера Поливанова вышло всего[1] три работы, целиком посвященные корейскому языку[2] (продолжить разработку начатого помешала травля ученого марристами), его заслуженно причисляют к зачинателям современного научного корейского языкознания в России. По оценкам Л.Р. Концевича, в области изучения корейского языка в России второе и третье десятилетия XX столетия «представляли бы собой лакуну, если бы не труды Е.Д. Поливанова… ибо его предшественник профессор Восточного института во Владивостоке Г.В. Подставин (1875–1924) занимался в основном преподавательской деятельностью и составлением учебных пособий и программ по практическому обучению корейскому языку, а первая корееведческая работа другого крупного лингвиста профессора Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета А.А. Холодовича (1906–1977) вышла только в 1935 г.»[3]

Стоит отметить, что много ценных сведений о корейском языке приводится и в других работах Поливанова, преимущественно в целях прояснения того или иного положения или в качестве иллюстрации. И пусть они не дают достаточных оснований для построения последовательного описания, но позволяют наметить некоторые контуры этого описания.

Также сохранились документы, свидетельствующие о том, что в годы работы в Институте народов Востока Поливанов выезжал в научно-исследовательскую экспедицию в Самарканд с целью дать «подробную характеристику (включая словарь и тексты) двух главных говоров гор. Самарканда: узбекского и таджикского…»[4].

В целом московский период в жизни Поливанова, длившийся три года (с 1926 по 1929 год), по оценке исследователей, стал пиком его научной деятельности. Всегда отличавшийся огромной работоспособностью, он пишет так много[5], что не все из написанного успевают печатать. И, возможно, ученому удалось бы сохранить набранный темп, если бы не конфронтация с марристами – последователями «нового учения о языке» Н.Я. Марра, перешедшая в острую фазу в феврале 1929 года. Эта научная схватка во многом предопределила его трагическое будущее, как, собственно говоря, и факт работы за границей.

Начав свою работу в области языка со строгого следования основным законам сравнительно-исторической науки о языке, хотя и выступая уже на первых шагах своей самостоятельной деятельности как нарушитель догмы об изолированности грузинского языка[6], в начале 20-х годов XX столетия

---

[1] Вполне вероятно, что работ по корейскому языкознанию, подготовленных Е.Д. Поливановым, было значительно больше. К примеру, Л.Р. Концевич строит предположение, что полное описание фонем корейского языка могло иметь место во второй части неопубликованного «Введения в языкознание для востоковедных вузов». Об этом косвенно свидетельствуют ссылки на страницы ее корректуры (набор был рассыпан после выступлений ее автора с критикой яфетической теории в 1929 г.) в ряде рукописных работ ученого.

[2] Третьей работой Е.Д. Поливанова по корейскому языкознанию является ненайденная статья «О родстве корейского и урало-алтайских языков» (или «Тождество корейского языка с урало-алтайскими»; «О принадлежности корейского языка к “алтайским”») // Ученые записки Иннарвос. – 1926/27. – С. 240.

[3] Концевич Л.Р. Е.Д. Поливанов и его вклад в корейское языкознание // Петербургское востоковедение. – СПб., 1993. – Вып. 4. – С. 451.

[4] Архив РАН. Ф. 677. Оп. 3. Д. 78. Л. 64. Отчет по участию в научно-исследовательской экспедиции действительного члена Инорвостока профессора Евг. Поливанова.

[5] Напомним, что в этот период Е.Д. Поливановым были написаны его главные труды по узбекской диалектологии, латинизации и языковому строительству в советских республиках. См. главы «В пучине диалектологии» и «От методы к методике».

[6] Ранние работы Н.Я. Марра были посвящены теории о родстве грузинского и армянского языков.

Н.Я. Марр поворачивается к ней спиной, работая над так называемым «новым учением о языке», или «яфетической теорией».

С момента своего возникновения марризм успевает «раздвоиться на две самостоятельные дисциплины» – учение об яфетических языках (по имени Иафета, третьего сына Ноя), «представляющих собой по типологии речи пережитки до-исторических языков Афревразии, Америки с Океанией, и Австралии и ныне ютящихся в трех горных странах, на востоке в Памирской полосе, на западе в Пиренеях по одному языку и на Кавказе в составе значительно многочисленной и разнотипной массы», а также общее учение о языке, его происхождении и взаимоотношениях различных языковых систем[7].

Основу «второго направления» в общих чертах составляли две идеи, касавшиеся исторического развития языка. Первая из них была диаметрально противоположна обычным лингвистическим представлениям о постепенном распаде единого праязыка на отдельные, но генетически родственные. «За этот долгий исследовательский путь, – подводил итог эволюции своей лингвистической теории Н.Я. Марр, – мы вынуждены были расстаться с целым рядом представлений, прежних, как казалось, незыблемых научных положений о расовых языках, о существовании **кустарно строившегося праязыка**, о вне исследуемой лингвистической среды за горами за долами находившейся прародине тех или иных народов, да еще прародине с райским бытьем фантастического праязыка, о меж-языковых китайских стенах, о хронологизации языковых явлений на основании письменных памятников и сосредоточении исследовательского внимания на письменных, особенно мертвых языках, в ущерб и умаление бесписьменных и живых, представляющих громадное значение для науки об языке, об исключительном значении морфологии, о неважности, во всяком случае второстепенности, лексического материала сравнительно с грамматикой, о национальной или первородной племенной чистоте языков и т. д. и т. д. Пришлось постепенно расстаться со всем этим абсолютно не нужным, вредным багажом»[8].

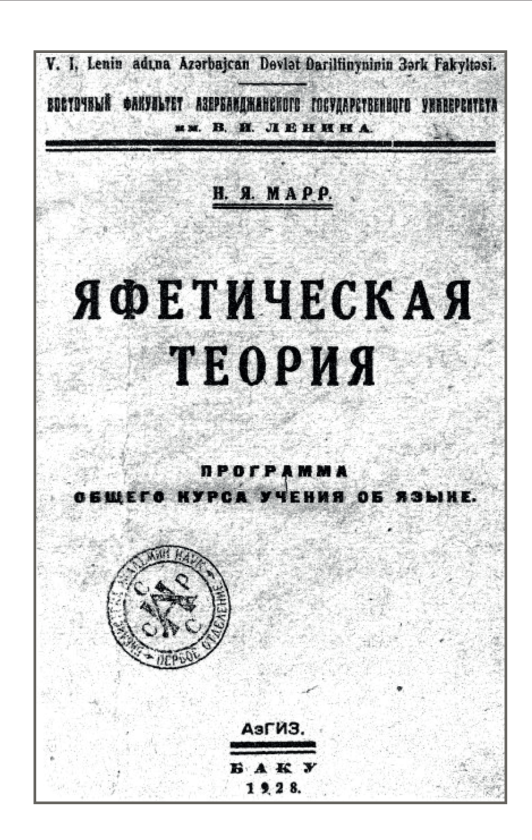
Из доклада Е.Д. Поливанова, сделанного на заседании подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.: «Праязыки существуют. Если спросят – где существуют, я отвечу – сколько хотите. Например, латинский праязык, точно так же как и любой другой праязык, вовсе не должен относиться к эпохе зарождения человеческой речи. Общеславянский, общеиндоевропейский и прочие языки в данном отношении имеют такое же право на признание, как и латинский. Разница только в том, что латинский засвидетельствован еще письменностью, и разница эта существенна. Письменность латинская и дает нам подтверждение метода»[I].

[I] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 515.

Если верить марристам, языки возникали независимо друг от друга. Не только русский и украинский языки были объявлены исконно не родственными, но и каждый русский диалект и говор объявлялся в прошлом отдельным, самостоятельно возникшим языком. Со временем происходил процесс скрещения, когда два языка в результате взаимодействия превращались в новый третий язык, в равной степени являвшийся потомком обоих языков. «Языковое развитие идет в обратном направлении: от множества к единству, – писал Марр, – и его результатом будет единый всемир-

[7] Марр Н.Я. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. – Баку, 1928. – С. 16.

[8] Н.Я. Марр. Избранные работы: в 5 т. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. – Ленинград, 1933. – С. XXIX–XX.



V. I. Lenin adına Azərbajcan Dəvlət Darilfinynin Şərk Fakyltəsi.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ЛЕНИНА.

Н. Я. МАРР.

ЯФЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ПРОГРАММА ОБЩЕГО КУРСА УЧЕНИЯ ОБ ЯЗЫКЕ.

АзГИЗ.

БАКУ

1928.

Книга Н.Я. Марра «Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке» (1928 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Идеи, неразрывно связанные с языковедным построением яфетической теории, можно легко подобрать у различных писателей, даже у консервативных представителей старой лингвистической школы, не исключая ее современного столпа А. Мейе, профессора Сорбонны, тем более подобные встречи легко наблюсти с Шухардтом, материально шире, хотя и не глубоко ориентированным во взаимоотношениях языков различных систем, но и тогда, когда они выступают поборниками социологического подхода к вопросам человеческой речи (Мейе), и тогда, когда они трактуют о правильно подмеченном сродстве явлений в языках различных систем (Шухардт), обычно определяемой по т. н. расовой принадлежности, с нами совпадения у них лишь в словах и отвлеченно взятых мыслях, отнюдь не по существу в самом языковедном построении. Такие совпадения, иногда разительные, в вопросе о происхождении языка, наблюдаются и с неокантианцем Кассирером, мысли которого в целом абсолютно не вытекают из языковедно добытых основных положений яфетической теории, оказавшихся обоснованными на историческом материализме и диалектизме. Естественно, ближе к нам в гносеологических вопросах стоят лингвисты, примыкающие по своему мировоззрению к марксизму, в первую голову Людвиг Нуаре и его предшественники, а в вопросах взаимоотношений языков мира ученые по необходимости более, чем близко, вплотную подходившие исследовательски к живой речи в ее безконечно переливающемся разнообразии, именно американисты и африкинисты, как то Boas, Rivet, Meinhoff, Schmidt и др., да часто историки материальной культуры, в числе их и археологи, самими фактами наталкивающиеся, в их вынужденных высказываниях о смене языков в связи со сменой культур, на такие кардинальные положения нового учения об языке, яфетического, как скрещение. Имею при этом в виду прежде всего известного производителя систематических раскопок на Крите, Evans'a. Подобные встречи уже далеко не слу-

VI

чайны. Они связаны или со сродством независимо выявившихся методов или со сродством в выборе продвигаемой в исследовательскую орбиту категории языков, языков живых, или со сродством в исканиях увязки лингвистических явлений с историею материальной культуры и общественности и т. п. Однако, языковедное построение, составляющее предмет настоящего краткого вводного курса в общее учение об языке, имеет свои независимые материальные и теоретические языковедные предпосылки. Без ознакомления с ними и соответственной проработки конспектообразно изложенных в настоящем курсе мыслей трудно расчитывать на их правильное восприятие и целесоответственное усвоение. Студенты Ленинградского Университета располагают возможностью глубже усваивать указанные предпосылки, слушая такие в печати неимеющиеся пока общие курсы, как „Палеонтология речи", „Сравнительная грамматика сибилянтной ветви яфетических языков", „Сравнительная грамматика языков семитической и яфетической систем", равно специальные курсы и семинары по отдельным группам языков, как то „Схождения и расхождения армянского и грузинского языков", „Языки Вол-Камья (чувашский и финские) в палеонтологическом разрезе" и т. п. Само собою понятно, что эти мои общие и специальные курсы в Ленинграде же находят дальнейшей материальной опоры в курсах и занятиях по различным яфетическим или ближайше связанным с ними языкам у И. А. Орбели, К. Д. Дондуа, А. Н. Генко, И. И. Мещанинова, читающих в том же университете, некоторые и в Институте Живых Восточных Языков в Ленинграде и Институте Национальных и Этнических Культур в Москве. Тем же, кто не располагает возможностью слушать мои или моих учеников соответственные лекции или принимать непосредственное участие в связанных с ними практических занятиях, для усвоения названных необходимых предпосылок можно порекомендовать следующие печатные работы для проштудирования: 1) Абхазский аналитический алфавит. К вопросу о реформах письма, изд. ЛИЖВЯ. 1926; 2) По этапам развития яфетической теории. Сборник статей Н. Я. Марра, изд. Института Этнических и Национальных Культур народов Востока СССР (Москва). Ленинград 1926; 3) Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (К увязке языкознания с историей материальной культуры), изд. Кавказского Историко-Археологи-

VII

ческого Института в Тифлисе, Ленинград 1926; 4) Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры (Сообщения ГАИМК, Ленинград 1926, I, стр. 37—70); 5) Чуваши-яфетиды на Волге. Чувиздат. Чебоксары 1926 и по личному интересующегося выбору из трудов, вошедших в Классифицированный перечень печатных трудов по яфетидологии, 2-е издание Института Этнических и Национальных Культур народов Востока (Москва). Ленинград 1926.

Н. Марр

Ленинград.
16. VI. 1927.

Привесок. Я не касаюсь здесь трудностей печатания яфетидологического курса за тридевять от себя земель и неизбежных отсюда последствий, но не могу не выразить здесь особо благодарности тем, которые героически содействовали ослаблению происходивших отрицательных черт названных трудностей, именно А. Р. Зифельдту и И. И. Мещанинову.

Н. М.

Ленинград.
10. VIII. 1927.

ный язык новой системы, особой, доселе не существовавшей…»[1]. И произойти это должно в коммунистическом обществе.

Другая идея марризма относилась к структурному развитию языков. Согласно Марру, хотя языки возникли независимо друг от друга (первоначально в среде магов), они всегда развивались по единым законам, хотя и с неодинаковой скоростью и проходили одни и те же стадии – аморфную, агглютинативную, флективную и т. д., – определяемые уровнем социально-экономического развития общества. При изменении экономического базиса язык как часть надстройки подвергался революционному взрыву и становился качественно иным как структурно, так и материально. Между тем, в языке остаются следы прежних стадий вплоть до четырех элементов, из которых первоначально состояла речь всех без исключения народов – SAL, BER, YON, ROШ[2]. Из их комбинации формировались слова, появлялась фонетика и грамматика. И их следы, согласно «новой теории о языке», благодаря методу лингвистической палеонтологии можно отыскать в любом слове любого современного языка.

Стоит подчеркнуть, что Е.Д. Поливанов отнюдь не был с самого начала антагонистом Н.Я. Марра. Напротив, они хорошо знали друг друга по восточному факультету Петроградского университета, где Поливанов слушал у Марра курс грузинского языка. После отъезда Евгения Дмитриевича из Петрограда, они продолжали переписываться. В письме от 18 октября 1924 года Марр писал своему тогда еще другу Поливанову: «Что касается яфетического языкознания, буду очень рад, если все еще рождающаяся теория найдет Вас, Вас особенно, в числе восприемников, ибо она начинает уже давно выпадать у меня из рук, как я чувствую, обречен

Из доклада Е.Д. Поливанова, сделанного на заседании подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.: «Я сказал, что Марр не дает никакого доказательства тому, что все слова всех языков произошли из четырех элементов, и просит принять это на веру. Как я уже говорил, если бы на собрание химиков пришел отрицатель того, что вода есть H2O, и заявил — поверьте мне, и я из этих четырех элементов все сделаю. Это буквально так. Если вы согласитесь с этим, то вам будет преподнесено чудовищное объяснение любого слова любого языка из одного из компонентов или из их комбинаций, но объяснение заведомо противоречащее той истории данных слов, которая нам уже с очевидностью известна»[I].

[I] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 522.

на выпадение из жизни, в тартарары, куда мне и дорога для большего спокойствия всех. Не знаю, говорил ли я Вам, что турецкие и угрофинские языки вынужден я ввести в круг предметов непосредственного яфетидологического изучения; мост перебрасывает, перебросил чувашский. Тут нечто невероятное. Я вполне понимаю, что своими невероятными вещами ко двору не прихожусь»[3].

В том же году в письме Н.Я. Марру Поливанов, будучи в тот момент в Ташкенте, выражает готовность читать курс сравнительно-исторического языкознания турецких наречий[4].

Поливанов с интересом следил за развитием мыслей Марра и первоначально кое в чем их разделял. К примеру, «Грамматику чанского (лазского) языка, с хрестоматией и словарем», опублико-

[1] Марр Н.Я. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. – Баку, 1928. – С. 19.

[2] Являлись также, согласно теории Марра, элементами племенных названий древних людей.

[3] Поливанов Е.Д. Избранные работы / сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968. – С. 20.

[4] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 29.

Из доклада Е.Д. Поливанова, сделанного на заседании подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.: «Я утверждаю, что в книжке "Чуваши-яфетиды на Волге" нет приемлемых соответствий, а между тем все утверждения связаны генетически между чувашским и яфетическими языками, в частности грузинским, потому что здесь грузинский язык основывается на четырех примерах. Уже одного этого числа — четыре — прежде всего мало. Правда, есть вещи, где Марр еще больше перещеголял себя в этом пренебрежении к доказательствам того, что он утверждает. Когда он сравнивает с яфетическими, например, малайские и австралийские языки, он берет три примера, из которых один просто не годится ввиду своей неприемлемости. Там один только звук даже, с точки зрения яфетидологии, является доказательным. Но тут четыре примера. Вот, дескать, совпадает грузинское слово с чувашским, и на этом строится теория, что чуваши — яфетиды, и в Чебоксарах бедным чувашам преподносится как истина, что они — яфетиды! Нет, каждый из примеров доказывает обратное тому, что хочет доказать Марр, т. е. каждый из этих примеров доказывает, что он не годится для цели сближения чувашского языка с грузинским»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 529.

ванную Марром в 1910 году, он называл «прелестной книгой» и советовал ей подражать[1]. Однако опубликование в 1926 году книги «Чуваши-яфетиды на Волге», заставило Поливанова пересмотреть свое отношение ко взглядам Марра и позже назвать эту книгу «образцом и первым резко выраженным шагом ложного пути». «Привлечение чувашского языка сделано действительно так, – отмечал Поливанов, – как позволительно сравнивать языки, я бы сказал, человеку, так же далекому от лингвистики, как далек лингвист от химии»[2]. К тому же уже в предисловии к этой работе прозвучал тезис, за секунду обесценивший сравнительно-исторический метод в языкознании.

В частности Н.Я. Марр пишет: «…В 1924 году вскрылось, что индоевропейские языки вовсе не представляют языков особой расы, это первоначально те же яфетические, из которых они вырабатывались в особый новый тип в результате коренной экономическо-общественной перестройки, связанной с открытием металлов и особенно с широким введением их в хозяйственную жизнь. Все языки того же очерченного района Африки, Азии и целиком арийской Европы, т. е. и хамитические, и семитические, и индоевропейские, оказались членами одной и той же семьи с яфетическими языками, но лишь различных ступеней развития человеческой речи. <…> Вскрылось, что сравнительный метод вообще обманчив, существовавший же сравнительный метод индоевропеистов оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значения слов, но и основы распределения значений, и даже их созидания, в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни»[3].

Другим поводом для пересмотра Поливановым своего мнения об учении Марра послужили попытки сторонников марризма затормозить своими прожекторскими идеями развернувшееся в 20-е годы XX века языковое строительство, распространяя мысль о том, что «кустарное по автономиям составление письма без учета теоретических

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 511.

[2] Там же.

[3] Марр Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге. – Чебоксары, 1927. – С. 7.

ТАБЛИЦА II. АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Печатный

a e ı o u ə y w t ť ṫ [ṭ] ť ţ ṭ d ď ď [ḍ] ď ḍ ḑ ϑ ϑ ϑ [ϑ] ϑ ϑ ϑ s [ş] z [ẓ] ш

щ щ щ ȷ ȷ ȷ [ȷ] k ķ k k ķ k g g g ğ ğ ğ q q q q q q [q] [q] h r l [ḷ] n [ņ]

p b φ m f v [v] h w.

ТАБЛИЦА III. АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Рукописный

Абхазский аналитический алфавит, представленный Н.Я. Марром к Первому всесоюзному тюркологическому съезду в Баку (февраль 1926 г.)

достижений и практических перспектив нового учения об языке, строящегося в мировом масштабе»[4], – вредное занятие.

В качестве альтернативы национальным алфавитам Марр и его соратники предлагали единый «аналитический алфавит», прообразом которого должен был стать разработанный в начале 20-х годов XX столетия на основе абхазского языка – фонетически самого богатого в мире – кавказский, или яфетический алфавит. Он состоял из 64 знаков и 9 знаков бзыбского диалекта.

Пытаясь отстоять его преимущество перед «национальными», в работе «Абхазский аналитический алфавит» Н.Я. Марр писал: «Основное научное требование, преследуемое всеми научными алфавитами и транскрипциями, – иметь для выражения каждого речевого звука, или фонемы, отдельное условное начертание, а не раздельное двубуквенное или, тем более, трехбуквенное начертание. <…> Наша транскрипция более последовательна и идет дальше в цельном планомерном отражении в буквах самой звуковой системы данного языка, построенной на закономерных соответствиях в фонетике различных сроднившихся племенных образований или в закономерных сменах звуков различных эпох. Буквы, будучи каждая графически точной передачей (хотя и условной) изображаемого ею звука, определяемого как социальное явление, положением его среди других, все вместе дают наглядную картину звуковой системы не данного только, но всех яфетических языков, а так как яфетические языки вскрываются в основе всех европейских или прилегающих к европейским групп или семей языков, – семитических, турецких, угрофинских и прометеидских (так наз. индоевропейских), – у яфетического аналитического алфавита большие перспективы будущего развития»[5].

Однако по терминологическим и понятийным соображениям яфетидологическая транскрипция, претендовавшая на универсальный характер, не могла в действительности считаться надеж-

[4] Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. – М., 1929. – С. 10–11.

[5] Н.Я. Марр. Избранные работы: в 5 т. Т. II. Основные вопросы языкознания. – Ленинград, 1936. – С. 335–336.

Из доклада Е.Д. Поливанова, сделанного на заседании подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.: «Нужно сказать о работе Марра в области прикладной лингвистики. Здесь опять приходится указать, к сожалению, на крупнейший провал в области создания абхазского алфавита. Попытка создать абхазский алфавит на основе яфеической транскрипции, как будто бы универсальной, угробила на несколько лет издание абхазской книги, задержала издательское дело. Об этом достаточно говорил представитель Абхазии на втором пленуме <ВЦК НТА>»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 551.

ной фонетической транскрипцией. По оценке Е.Д. Поливанова, которую он дал аналитическому алфавиту абхазского языка во «Введении в языкознание для востоковедных вузов» (1928 г.), яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе ее лежали известные теоретические положения, не являлась «фонетической транскрипционной системой», поскольку выбор известных обозначений в ней был «продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим nonsens'ом является и распространение понятия “аффрикат” на заднеязычные спиранты и смычные…»[1].

Детальный разбор недостатков марровского алфавита Е.Д. Поливановым был представлен в докладной записке, направленной им в ноябре 1927 году в Комиссариат народного просвещения Абхазской ССР. В ее заключительном абзаце говорилось: «Итак ААА[2] не выдерживает ни тех требований, какие могут быть предъявлены к теоретической системе фонетической транскрипции, ни, тем более – тех, которые школа и жизнь предъявляют к практическому письму. Какой же вывод? А вывод тот, что чем скорее будет ликвидирован этот опыт с ААА в Абхазии, тем лучше и для Абхазии, сделавшейся объектом данного яфетидологического эксперимента, и для других народностей, стоящих перед реформой своей письменности: ликвидация абхазского прецедента даст им возможность избежать опасных рецептов “яфетидологической транскрипции”»[3].

В ходе второго пленума ВЦК НТА, проходившем в Ташкенте с 7 по 12 января 1928 года, председатель Верховного Совета Абхазской АССР Г.А. Дзидзария, докладывая о состоянии латинизации алфавита в Абхазии, подверг абхазский аналитический алфавит Н.Я. Марра критике, в результате чего пленум одобрил переход абхазской письменности на новую графику и рекомендовал положить в его основу унифицированный тюркский алфавит. Между тем, несмотря фактический крах аналитического алфавита и в теоретическом и в практическом отношении, сторонники Н.Я. Марра объявили его «основным костяком мирового алфавита»[4].

Новое учение не выдерживало никакой научной критики, однако оно достаточно быстро обросло большим количеством верных адептов и покровителей из среды лидеров партийно-советской номенклатуры, которым Марр импонировал своей революционностью и неортодоксальностью мышления. Марризм поддерживали первый нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский, президент Академии наук СССР А.П. Карпинский, главный ученый секретарь Академии наук СССР С.Ф. Ольденбург,

[1] Цит. по: Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 177.

[2] Абхазский аналитический алфавит.

[3] Андронов А.В., Симонато Е.И., Томеллери Витторио С. Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский Аналитический Алфавит // Studi Slavistici. – 2017. – XIV. – P. 236.

[4] Врубель С. Унификация и латинизация // Культура и письменность Востока. – 1931. – Кн. VII–VIII. – С. 127.

«глава марксистской исторической школы в СССР» М.Н. Покровский, создатель советской цензуры, начальник Главлита П.И. Лебедев-Полянский, ректор МГУ А.Я. Вышинский, представители смежных наук – советский философ-марксист, один из создателей Института философии АН СССР А.М. Деборин, советский историк, археолог, проректор Ленинградского университета Б.Л. Богаевский и пр. В рядах марристов оказался даже В.М. Фриче, в 1926 году пригласивший Е.Д. Поливанова фактически возглавить советское языкознание, а в 1929 году лично возглавивший антиполивановскую кампанию. Были в числе поклонников яфетидологии даже представители художественного слова. «Как много! И сколько преданий! От дней Атлантиды / Несут откровенья до нас яфетиды...», – восклицал В.Я. Брюсов в стихотворении «ЗСФСР» (1924 г.).

На страницах печати учение Марра называли революцией в лингвистике, а все остальное языкознание, дескать, «надо бросить в печку». Его громогласно провозглашали гением, сравнивали с Коперником, Дарвиным, Менделеевым, Велимиром Хлебниковым с его «Законами времени». Еще при жизни Марр был канонизирован. “Le Journal de Moscou”, например, писал: «В области своей науки Н.Я. (Марр. – *Авт.*) сделал то, что Маркс сделал по отношению к Гегелю. Если Маркс имел основание заявить, что он поставил Гегеля на ноги, Марр мог бы повторить за ним, что он перевернул языковую пирамиду. В самом деле, если индоевропеистика тщетно пыталась поставить эту пирамиду на ее вершину («праязык»), Марр прочно поставил на основание (первичное множество языков)»[5].

Объяснить колоссальный разрыв между научной слабостью «нового учения о языке» и многолетней силой его влияния предпринимал попытку не один пытливый ум. Изучавший этот феномен советский и российский лингвист В.М. Алпатов, популярность Марра объяснял не только его личными качествами, благодаря которым псевдонаучная теория стала средоточием внимания сильнейших и умнейших мира сего. Решающую роль, по мнению ученого, играла созвучность его идеи эпохе – эпохе, «когда ждали скорой мировой революции, построение коммунизма казалось делом близкого будущего и многие всерьез надеялись успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке»[6].

Из доклада Е.Д. Поливанова, сделанного на заседании подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.: «Прежде всего относительно того, как относятся западные лингвисты к Марру. Я уже сказал о том, что два коммуниста высказываются <о его учении> весьма и весьма отрицательно. В двух работах есть такие выражения, которые заставили меня, потому что горько советскому ученому коллекционировать ругань по адресу другого советского ученого, бросить это дело и не собирать больше. <...>

Вообще французские ученые, нужно сказать, более корректны, чем немецкие ученые, и из того упоминания, которое делается французскими учеными М. Крэном, например и Ж. Вандриесом, можно сделать вывод, что они яфетическую теорию знают, но знают настолько, чтобы о ней не говорить в таком, например, труде, как “Les langues du monde” <1924>, в труде, являющемся сводкой всех достижений по всем группам языков»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 513–514.

[5] Цит. по: Голубева О. Д. Н.Я. Марр. – СПб., 2002. – С. 70.

[6] Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм. URL: http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm (дата обращения: 1 августа 2021 г.)

«...Я вовсе не думаю отрицать буржуазный характер всей прошлой истории нашей науки. Всякая наука, созданная в буржуазном обществе, может именоваться буржуазной наукой и может обнаружить в себе внутренние признаки этой своей социальной природы. Но ведь никакой другой науки кроме буржуазной вообще не существовало, а на Западе не существует и до настоящего времени. И это относится и к лингвистике, и к астрономии, и к теории вероятностей, и к орнитологии и т. д. и т. д. Наша задача состоит в том, чтобы убедиться, что такая-то и такая-то научная дисциплина сумела установить ряд бесспорных положений; и раз мы в этом убеждаемся (для чего необходимо, впрочем, наличие известных знаний в данной специальности), то мы не только можем, но и должны считаться с этими бесспорными достижениями буржуазной науки, как должны считаться с формулой a2-b2=(a+b)(a-b), как должны считаться и с наличием микроскопа, и с наличием всей той бактериологической фауны, которая этим микроскопом была открыта, несмотря на то, что изобретатель микроскопа был голландский торгаш — существо насквозь буржуазное и идеологически вполне, быть может, нам чуждое. Если же мы, под тем предлогом, что все это — "продукты буржуазной науки", будем строить свою науку без всех указанного рода буржуазно-научных достижений или просто отметая (т. е. не желая знать) их или же отрицая их (потому что они — продукт буржуазного мира), мы не только не создадим никакой новой, своей науки, но превратимся просто в обскурантов»[1].

[1] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. — М., 1931. — С. 15.

Столь же созвучной времени была резкая враждебность Марра науке Запада и дореволюционной России, приведшая к утверждению «новым учением о языке» своей научности и отрицания таковой у «старой» науки. В отсутствие доказательной базы в ход пускались главным образом апелляции к эмоциям. Так, в 1926 году Марр окрестил ученых-индоевропеистов «расистами» и «фашистами», а саму индоевропеистику – «плоть от плоти и кость от кости отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой»[1]. При этом «индоевропеистикой» Марр называл все старое языкознание, кладя в основу определения этого понятия не предмет исследования, а принадлежность к европейской культурной традиции.

Вслед за одиозным ученым его последователи стали называть индоевропеистами всех оппонентов «нового учения о языке». Не стал исключением и Е.Д. Поливанов. «Кстати, мне очень странно было слышать, что меня называют индоевропеистом, – писал он. – Как странно меняется значение слов! Об этом существует особая наука. И вот как меняется слово "индоевропеист". Тогда, когда в 1912 г. приблизительно оформлялось известное течение среди Лингвистов при Ленинградском университете, меня как раз называли антиевропеистом. Почему? Потому что я звал и сам больше всего работал на неевропейском материале»[2].

В 1928 году, стремясь скоррелировать свою лингвистическую теорию с новой революционной, изменяющейся на глазах языковой практикой и государственной идеологией, Марр начинает вкраплять в свои труды цитаты из классиков марксизма-ленинизма,

[1] Марр Н.Я. Классификационный перечень печатных работ по яфетидологии. – Ленинград, 1926. – С. 3.

[2] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 548.

прописывая свою теорию в истории советского языкознания как единственно истинную. В своем докладе, сделанном в 1930 году в ходе торжественного заседания в честь 110-летия Санкт-Петербургского университета, Марр подчеркнул: «Вопрос о марксизме и яфетической теории сейчас одна из наиболее модных, далеко не изжитых тем. Вопрос в общем решается положительно такими авторитетами марксизма, что нет места для сомнения не только в близости и родстве, но и в том, что, как марксизм, яфетическая теория, мало сказать, есть материалистическое учение»[3].

«Освящение "нового учения о языке" цитатами из высочайших авторитетов придало мифу (о яфетической теории. – *Авт.*) полную завершенность, – отмечает В.М. Алпатов. – Теперь были все основания для завоевания монопольной власти. Благоприятствовала этому и политическая обстановка в СССР в конце 20-х годов»[4]. При поддержке М.Н. Покровского в 1928 году Марр входит в Общество историков-марксистов, объединявшее советских историков, работавших на позициях марксизма, а в Коммунистической академии, ранее не занимавшейся языкознанием, создается подсекция материалистической лингвистики во главе с Марром, которая выступает в качестве центра пропаганды марризма как «марксистской лингвистики» при поддержке главы литературного отдела Комакадемии академика В.М. Фриче. Именно под его председательством 4 февраля 1929 года в Коммунистической академии, располагавшейся в городе Москве на улице Волхонка, 14 прошло первое историческое заседание, известное как «поливановская» дискуссия, разделившее жизнь Е.Д. Поливанова на успешное «до» и гнетущее «после».

Коммунистическая академия, располагавшаяся по адресу: г. Москва, улица Волхонка, 14 в бывшей усадьбе Голицыных

Коммунистическая академия (до 1924 г. именовалась Социалистической академией общественных наук) действовала с 1918 по 1936 гг. Предполагалось, что созданные первоначально на ее базе две секции — учебно-просветительская и научная — разовьются в полный аналог Академии наук СССР и смогут ее заменить. Причина этого состояла в бытовавшей в большевистских кругах уверенности в том, что персональный состав Императорской Санкт-Петербургской (с 1917 г. — Российской Академии наук) в основе своей не принимает учение Маркса и Энгельса в качестве метода своих изысканий. Между тем, Комакадемия оказалась довольно нестабильным учреждением, претерпевшим за время своего существования три реорганизации. В итоге Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 февраля 1936 г. «О ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в Академию наук СССР» параллельное существование Академии наук и Коммунистической Академии было признано нецелесообразным.

[3] Н.Я. Марр. Избранные работы: в 5 т. Т. I. Этапы развития яфетической теории. – Ленинград, 1933. – С. 267.

[4] Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм. URL: http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm (дата обращения: 1 августа 2021 г.)

Из беседы языковеда Н.С. Трубецкого с лингвистом Р.О. Якобсоном об одной из первых статей Марра, посвященных «новому учению о языке»: «Статья Марра превосходит все, до сих пор написанное им. ..По моему глубокому убеждению, рецензировать ее должен не столько лингвист, сколько психиатр. Правда, к несчастию для науки, Марр еще не настолько спятил, чтобы его можно было посадить в желтый дом, но что он сумасшедший, это, по-моему, ясно»[1].

[1] Цит. по: Голубева О.Д. Н.Я. Марр. — СПб., 2002. — С. 69.

Из выступления В.А. Каверина, сделанного в ходе Самаркандской конференции 1964 г., посвященной Е.Д. Поливанову: «Разумеется, я знал о борьбе против Марра, и мы все знали об этой борьбе. Здесь сегодня были изложены факты, говорящие о том, как последовательно и непримиримо Поливанов боролся. Но многие, особенно молодежь, присутствующая здесь, не могут даже вообразить себе всей сложности этой борьбы в тех условиях. Это, конечно, нужно было быть человеком огромной воли, огромной чести и огромной веры в советскую науку для того, чтобы действовать так, как действовал Поливанов. Чего греха таить, многие деформировались, согласились, отступили от своих научных убеждений. Поливанов этого не сделал»[1].

[1] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. — М., 1988. — С. 90.

Критическое отношение к яфетической теории Н.Я. Марра в научных кругах исподволь высказывалось неоднократно. О множестве «случайностей» в этой теории, о ее «преждевременности» и «экстравагантности», о противоречии ее принципам, на которых покоилась сравнительная грамматика индоевропейских языков, писали М.Н. Петерсон, Ж. Вандриес, Н.С. Трубецкой, В. Шмидт, А. Мейе, М. Коэн, А. Дирр, Х. Шёльд и пр. Однако вступить в открытый бой с этим псевдонаучным и псевдомарксистским абсурдным учением, дискредитировавшим науку о языке, среди советских лингвистов до Е.Д. Поливанова никто не осмеливался. Потому как каждый знал, что может последовать за этим в условиях, когда марристы занимали ключевые посты в языковедческих институтах и издательствах.

Что же побудило Поливанова, до недавнего времени чуть было не увлекшегося магией яфетической теории, броситься в гущу противников с тем, чтобы развенчать миф о единственно марксистском материалистическом учении? Высокое чувство ответственности за судьбу науки о языке и сознание общественного долга. По словам краеведа-историка Н.П. Архангельского, «главным интересом Поливанова была наука, и в вопросах науки он не допускал компромиссов…»[1].

Эту мысль ученый проводит в самом начале своего выступления. «Казалось бы… можно было бы говорить жизнерадостно о построении новой дисциплины, о пересадке марксистского начала на новую почву – языкознания, – подводил он публику к теме своего доклада. – К сожалению, мой доклад, во всяком случае, в первой своей части будет далеко не оптимистическим, я даже опасаюсь, что он будет как раз обратным. Более того, я буду делать это с большой горечью, но буду его делать, исполняя долг, это для меня вполне ясно, а долг этот неприятный и тяжелый»[2].

Исполнял свой долг Поливанов с высокой степенью присущего ему про-

[1] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 68.

[2] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 508.

фессионализма, в непрофессионализме упрекая своих оппонентов, стремившихся декларативно оперировать, казалось бы, приемлемыми с точки зрения марксизма общими, аксиоматическими положениями, никак не подтверждавшимися языковыми фактами. «С моей стороны было бы совершенной ошибкой серьезно разбирать те или другие положения, не указывая, что главное-то лежит совершенно в иной плоскости, – заявлял Е.Д. Поливанов. – Как только вы уясните себе, что дело в другой плоскости, не в плоскости тех споров, которые хоть издали напоминают споры марксистов с немарксистами, тогда вы поймете и то, что лингвисты всех лагерей могли быть единодушны в этом направлении <критики>, ибо все дело в материале. Один из очень благожелательно настроенных к Марру авторов выразился про него так: не из пальца же он высасывает эти выводы, из фактов он их берет, дальше он идет к своим положениям. Вот тут-то и все дело, вот тут-то и нужно искать источник ошибок, ведь берет он свои положения именно не из фактов. Иначе говоря – положения, которые высказываются Марром, оказываются не связанными с фактами»[3].

Н.Я. Марр, как известно, на заседаниях не присутствовал, будучи в отъезде, т. е. критика в его адрес проходила мимо него, и отвечать на нее приходилось его адептам – публике разношерстной и лингвистически слабо подготовленной. «Авторитетных лингвистов было мало, зато присутствовало много кавказоведов и представителей молодежи разных национальностей из Миннарвоса, еще не овладевших тайнами науки о языке»[4], – отмечал в статье «Выступления Е.Д. Поливанова 1927–1929 годов и его доклад в Коммунистической академии – важный источник по истории борьбы с марризмом» Л.Р. Концевич. «Многие из выступавших во второй и последний дни, – пишет он, – в том числе специально приехавшие для “защиты” учения Н.Я. Марра ученые

[3] Там же. С. 512.

[4] Там же. С. 617.

Из доклада Е.Д. Поливанова, сделанного на заседании подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.: «Так вот, я говорил, что делать этот доклад грустно, тяжело, что это неприятная вещь. Приходится утверждать, например, что Марр не имеет лингвистического образования. Дело в том, что практическое изучение языков — это одно, а наука об эволюции языка — нечто совершенно другое. Можно быть изумительным полиглотом, но не знать ни аза ни по общему языкознанию, ни по истории какого-либо языка. Академическая степень дана Марру, конечно, не за знание лингвистических методов, а, прежде всего, за филологического рода работы.

Можно привести некоторое подтверждение того, что Марр действительно не знает тех дисциплин от которых он отмахивается. Академик, сверстник Марра, сказал мне про него следующее: “Мы все, филологи-восточники, изучали в наши университетские годы сравнительную грамматику, а Марр ею не занимался” [Председательствующий акад. В.М. Фриче: — Фамилия академика?]. Это — Ф.И. Щербатский. Один из академиков внес предложение внес предложение в Академию наук прекратить порчу бумаги, т. е. издание марровских статей в Известиях и Докладах Академии [Председатель: — Кто это?]. [Голос с места: — Это достаточно скомпрометированный академик]. К сожалению, это академик не нынешнего выбора, но важно не то. Важен ответ, который был дан непременным секретарем Академии: “Как мы можем это сделать? Это ведь убьет Николая Яковлевича”. Ответ, как хотите, чисто кадетский. [Голос с места: — Совершенно ник чему такие вещи здесь говорить]»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 532.

и аспиранты из Ленинграда не слышали самого доклада Е.Д. Поливанова, а пользовались не правленой им стенограммой. Сам докладчик выходил из зала заседаний во время выступлений некоторых ораторов и даже, по его собственному признанию, во второй день ушел домой из-за скуки и некомпетентности выступавших. Поэтому их критики сам Е.Д. Поливанов не слышал»[1].

Между тем, ученый прекрасно осознавал, с кем имел дело. «Мне вспоминается как по заданию партии, мне приходилось и в Ташкенте, и в Самарканде, а в 1924 году и здесь около Москвы, выступать в антирелигиозной кампании: проводить в Ташкенте митинги и беседы исключительно среди рабочего населения, а в Самарканде и под Москвой в более разнообразной, в социальном отношении, среде, – рассказывал ученый. – Впечатление у меня такое же, а именно: имею дело здесь с верующими – это прежде всего. Было бы смешно мне ставить своей задачей переубедить верующих. <…>

Точно также и здесь есть разные, конечно, не в классовом, но в ином социальном разрезе, разновидности противников. Есть, так сказать, те, которых нечего переубеждать, потому что, как вам сказать, они пришли в яфетизм тогда, когда яфетизм стал популярной теорией. Тогда, когда я старался найти общий язык с Марром, до того, как я убедился в том, что дальше идти в защиту промахов и в сторону их исправления невозможно, – в эту эпоху некоторые из моих оппонентов и не думали об яфетидологии. Но сейчас я думаю, что для некоторых это является просто оппортунистическим моментом»[2].

«И вот я призывал бы этих “верующих” работников к пересмотру, – продолжал Поливанов. – Я считаю, что моя миссия будет вполне закончена, если кто-нибудь, пользующийся Марром для каких-нибудь дальнейших выводов, даст себе труд, во-первых, проверять материал, для того, чтобы не было японских слов, названных китайскими. <…>

Во-вторых, я призываю к доказательству того положения, из которого они исходят. И вот если кто-нибудь пойдет в этом направлении, если мною будет дан толчок, тогда я скажу, что из-за этого стоило и прийти сюда и сделать во всех отношениях невыгодную для себя авантюру»[3].

Между тем, исход дискуссии был предрешен в самом ее начале. «… Я должен предупредить и подчеркнуть, что сегодняшний докладчик Е.Д. Поливанов не является работником нашей подсекции, – прозвучало в речи открывавшего работу заседания подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии ее председателя В.М. Фриче. – К тому же его сегодняшний доклад в значительной степени содержит в себе полемику с лингвистической концепцией Н.Я. Марра. Постановка такого доклада может показаться несколько необычной, если принять во внимание, что точка зрения Коммунистической академии на работы Н.Я. Марра совершенно определенная»[4].

Итоги «поливановской дискуссии», завершившейся 25 февраля 1929 года, подводила статья «Кто травит академика Марра?», вышедшая под рубрикой «Классовая борьба в науке» в газете «Вечерняя Москва» 1 марта 1929 года. «…проф. Е.Д. Поливанов, – сообщалось в ней, – был выдвинут реакционной частью московской и ленинградской профессуры, как некий таран против попыток внести в науку о языке принципы диалектического материализма. Сам Е.Д. Поливанов свою роль скромно усматривает в том, чтобы “с грустью (!) разоблачить своего собрата в науке” <…> Отбросив прославленную “ученую корректность” и “научную добросовестность”, проф. Поливанов не нашел ничего лучшего, как выдвинуть против акад. Марра всевозможные сплетни, почерпнутые за кулисами Академии Наук,

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991. – С. 620.

[2] Там же. С. 547.

[3] Там же. С. 549.

[4] Там же. С. 508.

Из статьи Е.Д. Поливанова «Программно-методологический экскурс» (1929 г.): «Из аргументов "личного характера", т. е. попросту говоря, из ругани, меня затронул только один брошенный мне упрек <…> у мня действительно лишь немногим более ста (включая статьи в научных журнала), и из них на долю отдельных изданий приходится всего лишь около 20%. За 14 лет, казалось бы, можно было напечатать больше. /Тем не менее, объем напечатанного мною, наверное, превышает общую совокупность того, что написали все мои оппоненты (по вышеупомянутому докладу) на лингвистические темы/.

Но не надо забывать, что несколько лет подряд вообще почти нельзя было печатать научные статьи: статья, сданная для "Известий Академии наук" в 1917 г., выходила в них в 1919 г., а то и в 1920 г. Кроме того, кочевая жизнь мало благоприятствует печатной продукции. В качестве примера укажу, что рукопись "Исторической грамматики японского языка" терялась девять раз и каждый раз восстанавливалась "из головы" (т. е. на память). Другой пример: Госиздат приобрел у меня "Теорию эволюции языка", но три года не мог решить, какому из своих отделов (экономическому или литературному) надо издавать лингвистические вещи, и, наконец, вернул мне работу "за истечением срока по нашей (Гиз'а) вине". И подобных случаев я мог бы назвать еще около двадцати. Как из этого видно, нельзя судить о написанном по напечатанному. И вот, чтобы покончить с упреком в недостаточном числе научных работ, я позволю себе, отбросив скромничанье (которое вовсе не добродетель, а просто вредная, оказывается, вещь), объявить своего рода соревнование: есть Институт народов Востока, где люди занимаются тоже восточными языками и некоторыми обобщениями. За три года я успел познакомиться с темпом и характером этой работы и могу заявить, что за ближайшие пять лет (т. е. 1929–1934 гг.) я приготовлю не меньшее число лингвистических работ, чем все работники Института народов Востока вместе взятые: на описательную грамматику какого-либо языка я отвечу описательной же грамматикой другого языка; на диалектологический обзор — аналогичным диалектологическим обзором; на историческую фонетику или морфологию исторического же характера равновеликой работой; и даже — на компаративное открытие (т. е. установление родства каких-либо языковых групп) компаративным открытием (правда, в последнем случае, казалось бы, нельзя было бы ручаться за будущее, ибо здесь дело зависит от случая или, вернее, от самого материала, а не от исследователя; но здесь я делаю оговорку, что в данном отношении я позволю себе использовать сделанные мною уже раньше /и до сих пор неопубликованные/ открытия). Думаю также, что для многих из числа близко стоящих ко мне или к Институту людей этот "вызов на соревнование" не покажется удивительным. Заявить же о своей работоспособности, мне кажется, лучше, чем промолчать из скромности и тем дать повод к ошибочным на твой счет представлениям»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 558.

заверяя, что он, академик Марр, – "невежда" и "шарлатан", что он "не имеет лингвистического образования"[1] и т. д. и т. п. <…> Противники Марра не смогли привести никаких принципиальных доводов против материалистического языковедения[2]. Каковы итоги трехдневного диспута?

– Научная репутация Марра, – заявил в своем заключительном слове тов. В.М. Фриче, – вышла из диспута незапятнанной. Яфетическая теория находит и будет находить все больше и больше сторонников»[3].

Обвиненный в сговоре с «шушукавшимися по вузовским закоулкам и подворотням» «сплетниками», а также в причастности к черносотенной монархической организации «Союз русского народа», идеологию которой составляли поддержка самодержавия, великодержавный шовинизм и антисемитизм, тяжело переживающий оскорбление Поливанов пишет в редакцию письмо: «…В связи с заметкой 1 марта о моем докладе в Ком. Академии я считаю нужным указать, что решение выступить с докладом, посвященным критике фактического материала яфетической теории ак. Марра, было мною принято вполне единолично, без всякого содействия с чьей-либо стороны. Упоминание о моем черносотенстве действительно имело место в аргументах одного из моих оппонентов, хотя, как и было мною указано, я членом Союза русского народа не состоял»[4].

Однако опровержение так и не было опубликовано. Началась беспрецедентная по своим масштабам травля ученого, которая усилилась в 1930 году, когда после выступления в присутствии Сталина с приветственным словом XVI Съезду ВКП(б) Марр получил партбилет и орден Ленина, был избран в члены ЦИК СССР, и все, кто отстаивал иные направления а науке, официально были объявлены идеалистами, враждебными контрабандистами, вредителями в науке, социал-фашистами и троцкистами.

В тот же период, читая во Франции курс грузинского языка, окрыленный победами на идеологическом фронте Марр в одном из писем пишет: «Раз никто этого не догадался высказать, я собираюсь написать всем на орехи под общим заглавием "Моим бессмертным клеветникам", ибо длительность клеветнической трактовки не меня лично (хотя затрагивают и личность), а моих не сокровеннейших, но для меня священнейших научных исканий равняется длительности моей научной деятельности и, конечно, перейдет в поколения будущие и после моей смерти. Как же не назвать бессмертными подобных клеветников, кто бы они ни были»[5].

Ничего подобного, правда, он, так и не написал, для этого у него не было времени – он предпочитал не дискутировать, а трудиться над фантасмагорическими теориями. Грязную работу за него делали его «оруженосцы». «"Пламенный, страстный, прямолинейный, мятущийся человек" Марр не мог не причинить окружающим огорчений, – вспоминали о нем его современники. – Вспыльчивый, горячий, яростно спорящий, он резко жестикулируя, мог кричать во весь голос на людей, не понимающих его "учения". Он мог сердиться на них, "мог просто браниться" и обзывать оппонентов нелестными прозвищами, но он не замарал свои руки никакими "оргвыводами"»[6].

[1] Н.Я. Марр, на самом деле, не имел лингвистического образования.

[2] В данном случае автор статьи прибег к уловке, именуемой «подмена понятий»: Е.Д. Поливанов выступал не против материалистического языкознания, а против яфетической теории.

[3] Кут. А. Кто травит академика Марра? // Вечерняя Москва. – 1929. – 1 марта. – № 50(1562). – С. 2.

[4] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 85.

[5] Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. – Москва – Ленинград, 1935. – С. 305.

[6] Голубева О.Д. Н.Я. Марр. – СПб., 2002. – С. 69.

1 МАРТА 1929 г. ПЯТНИЦА № 50 (1562)

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

МОСКВА ВЫБИРАЕТ СОВЕТЫ

Классовая борьба в науке

КТО ТРАВИТ АКАДЕМИКА МАРРА?

(Трехдневный диспут в Коммунистической Академии)

Это не было индивидуальным выступлением проф. Е. Д. Поливанова против акад. Н. Я. Марра. Как указал председательствовавший на диспуте тов. Антипарь, к этому выступлению готовились кампанейски. Подогревали интерес к докладу всевозможными сплетнями. Шушукались по вузовским закоулкам и подворотням, что «ЦК партии (!?) уже дважды запрещал (?!) проф. Поливанову выступить с докладом». На доклад возлагали большие надежды. В Ленинграде готовились даже гнать последователей Н. Я. Марра из вузов и научно-исследовательских институтов.

Короче говоря, проф. Е. Д. Поливанов был выдвинут реакционной частью московской и ленинградской профессуры, как некий таран против попыток внести в науку о языке принципы диалектического материализма. Сам Е. Д. Поливанов свою роль скромно усматривает в том, чтобы «с грустью (!) разоблачить своего собрата по науке».

Коммунистическая Академия посвятила вопросу о теории Н. Я. Марра три длинных вечера. Учитывая необходимость всесторонней критики так называемого яфетического учения о языке и обнаружения отдельных ошибок, возможных в новой теории, Коммунистическая Академия широко предоставила слово ее противникам, нисколько не ограничивая их даже подобием регламента. И эти противники, действительно, широко использовали предоставленную им трибуну для того, чтобы... облить грязью крупнейшего советского ученого и общественного деятеля, про которого тов. М. Н. Покровский как-то сказал, что его научные выводы «войдут в железный инвентарь марксистского понимания истории», ученого, у которого за плечами 40 лет упорной научной работы, заслуги которого признаны крупнейшими языковедами. И все это только потому, что труды этого ученого привели его к коммунистическим выводам: что человеческий язык развивается не по присущим ему внутренним, независимым законам, а является функцией общественно-хозяйственной жизни, что язык является продуктом трудовой деятельности человека, что он вырастает из трудового процесса и что, следовательно, язык должен изучаться в связи с историей общества, с историей материальной культуры и т. п.

*

Проф. Е. Д. Поливанов издевался над яфетической теорией, как над «покровительствуемой теорией», к которой льнут все оппортунисты, умалчивая о том, что эта теория, по выражению тов. В. М. Фриче, еще «не занимает командной позиции в наших вузах, а, наоборот, с трудом пробивает стену обывательских сплетен и даже организованного противодействия: в наших вузах на 12-м году Октябрьской революции насчитывается всего 2—3 представителя материалистического учения о языке. Остальные кафедры—целиком в руках сторонников старого, схоластического языковедения.

Отбросив прославленную «ученую корректность» и «научную добросовестность», проф. Поливанов не нашел ничего лучшего, как выдвинуть против акад. Марра всевозможные сплетни, почерпнутые за кулисами Академии Наук, заверяя, что он, академик Марр,— «невежда» и «шарлатан», что он «не имеет лингвистического образования» и т. д., и т. п.

Профессор славяноведения I МГУ Ильинский, выступивший с исключительной по резкости декларацией, договорился до того, что обвинил материалистическое языковедение Марра «вызовом здравому смыслу», который может вызвать у ученых только «смех или ужас, смотря по темпераменту».

Прибегали даже к подлогам. Проф. Поливанов победоносно указывал, что против Марра выступает французский коммунист—языковед проф. Марсель Коэн. Из оглашенной справки исполкома Коминтерна, однако, оказалось, что в рядах французской компартии такого ученого... не имеется.

В борьбе против акад. Марра создался своеобразный единый фронт, начавшийся представителями схоластической профессуры и имеющий на своем левом фланге небезызвестного в свое время махиста П. Юшкевича.

Старик Отоцкер, памятный дореволюционной общественности, как завсегдатай питерского Религиозно-Философского общества,— и тот захотел тряхнуть стариной и записался в фалангу ораторов «против Марра». Но, оглядев потухающим взором молодую аудиторию и не обнаружив среди сытых косовороток и потрепанных толстовок ни митрополита Антония, ни даже Мережковского, Отоцкер грустно поник лысой головой, безнадежно махнул рукой... и не стал говорить.

*

В защиту акад. Марра выступили крупнейшие московские и ленинградские языковеды, специалисты по языкам кавказским, индоевропейским, японскому, семитическим, китайскому, персидскому, по языкам алинонским, и т. д. и т. п. Из Ленинграда специально приехали для защиты учения Марра профессора Франк-Каменецкий, Державин, Холодович, Мещанинов.

Что они говорили? Конечно, и у Марра есть ошибки. Всякая новая теория неизбежно обречена на погрешности в деталях. Акад. Марр сам первый признает эти ошибки. Кроме того, учение Марра не получило еще окончательного оформления, оно находится в процессе роста. От многих своих первоначальных предположений Марр отказался в ходе работы.

*

Противники Марра не смогли привести никаких принципиальных доводов против материалистического языковедения.

Каковы итоги трехдневного диспута?

— Научная репутация Марра, — заявил в своем заключительном слове тов. В. М. Фриче, — вышла из диспута незапятнанной. Яфетическая теория находит и будет находить все больше и больше сторонников.

Корректнейший В. М. Фриче мягко указал, что докладчик, выступавший в своей критике под флагом марксизма, имеет о нем «весьма слабое представление». Более решительный в выражениях тов. Охитович отметил, что «представление проф. Поливанова о марксизме — явно домоуправленческого характера».

Разоблачая постоянные стремления проф. Поливанова прикрыть свою реакционную теорию марксистской фразеологией и во что бы то ни стало засвидетельствовать цитатами из Ленина и особенно из Сталина свою коммунистическую выдержанность, тов. Охитович огласил документ, из которого стало ясным, что неистовый критик яфетической теории поучающий Коммунистическую Академию, чтобы она была «прежде всего марксистской», в своем прошлом является... членом монархического Союза русского народа.

Общественная подоплека кампании против акад. Н. Я. Марра стала для всех очевидной.

А. КУТ.

Газета «Вечерняя Москва» со статьей «Кто травит академика Марра?», подводящей итоги «поливановской» дискуссии, продолжавшейся три дня – 4, 18 и 25 февраля 1929 г. (с перерывом)

В Сталинских стойких рядах

Последовавшая за выступлением Е.Д. Поливанова с объективным анализом научной ценности «нового учения о языке» травля, организованная адептами Марра во главе с В.Б. Аптекарем, вынудила ученого летом 1929 года оставить Москву, где он был лишен всех занимаемых должностей, и отправиться по приглашению Наркомпроса Узбекистана в Самарканд. В среднеазиатских советских республиках, всегда привлекавших Поливанова не только своим лингвистическим запалом, но и укладом жизни, его все еще ценили.

«В 1927/28 г. Поливанов был выдвинут на руководящую лингвистическую работу в РАНИОН в противовес представителям "московской фортунатовской школы". Это был шаг неправильный. Поливанов, оставаясь индоевропеистом до мозга костей, продолжал фактически дело фортунатовской школы, но более тонкими и хитрыми средствами. Маска буржуазного агента в науке с него не была сорвана своевременно ни руководством РАНИОН, ни критикой»[1].

[1] Данилов Г. [Рец. на кн.] Е. Поливанов. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей, «Федерация», М., 1931 // Русский язык в советской школе. — 1931. — № 6–7. — С. 165.

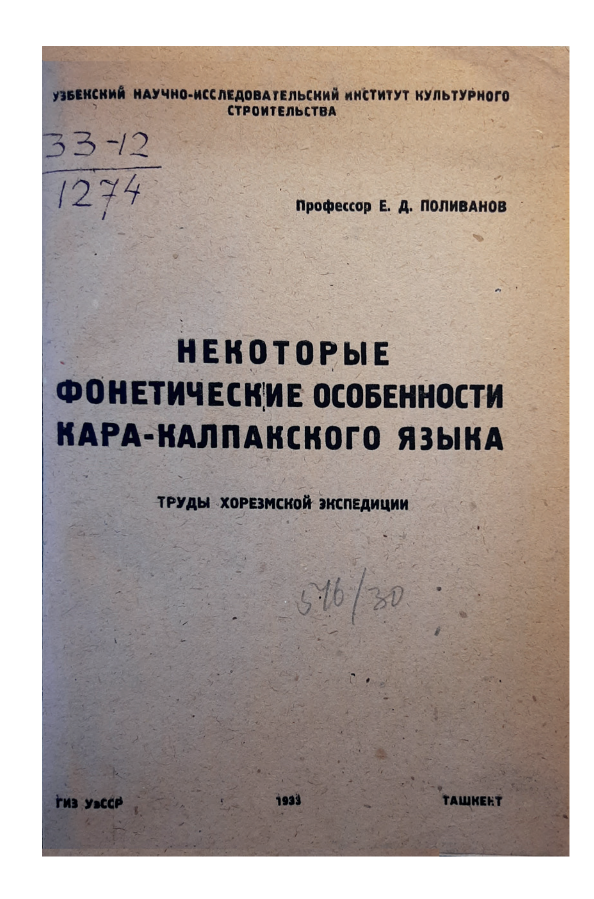
Заняв должность профессора сектора лингвистики Узбекского государственного научно-исследовательского института (УзГНИИ) и по приглашению профессора Шенгели – Высшего педагогического института – опальный «красный профессор» сразу же включается в работу. Он руководит двумя метод. объединениями: одно состояло из преподавателей вузов и техникумов Самарканда, преподававших русский язык в национальных школах, другое – из преподавателей узбекского языка для европейцев; преподает на курсах переподготовки учителей, консультирует по вопросам написания учебников для национальных школ, редактирует материалы журнала «Научная жизнь», проводит занятия с аспирантами, читая им курсы общего языкознания (на узбекском языке) и научной грамматики русского языка.

В 1930 году Поливанов приступает к реализации разработанной им еще в 1923 году программы сплошного языкового обследования Средней Азии, в рамках которой в том же году проводит три комплексные экспедиции – Памирскую, Ферганскую и Хорезмскую[1].

В ходе последней, исследуя хорезмские говоры узбекского языка, вслед за С.Е. Маловым Поливанов изучает каракалпакский язык. Блестяще овладев им за месяц, в 1933 году он публикует исследование «Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. Труды хорезмской экспедиции», в котором выдвигает гипотезу о степени близости каракалпакского к казахскому и узбекскому языкам.

Известно, что в самаркандский период Поливанов также заканчивает составление большого (объемом 15–17 п. л.) «Диалектологического словаря узбекского языка». Об этом он писал академику А.Н. Самойловичу в Ленинград, в Турколологический кабинет АН СССР из Самарканда 29 октября 1930 года: «...Довожу до сведения Вашего и Турк-кого к-та Ак. Наук, что составляемый и пополняемый мною все время "Диалектологический словарь узб. языка" возможно было бы печатать уже в том объеме, какой он сейчас имеет (это не помешает потом издать пополнения к нему по ряду новых говоров). Если бы Турк. к-т согласился взять на себя издание этого словаря,

[1] Всего в так называемый самаркандско-ташкентский период своей жизни Е.Д. Поливанов провел около шести диалектологических экспедиций: помимо Хорезмской, Ферганской и Памирской в 1930 г. – Сайроно-Чимкентсскую (1931 г.), Чирчико-Ахангаранскую (1932 г.), а также экспедицию по маршруту Ташкент – Андижан – Нарынский район – Наманган – Коканд (1932 г.).


УЗБЕКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРА-КАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

ТРУДЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ГИЗ УзССР 1933 ТАШКЕНТ

Титульный лист работы Е.Д. Поливанова «Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. Труды хорезмской экспедиции» (1933 г.)

я с удовольствием привел бы его в годный для набора вид...»[2].

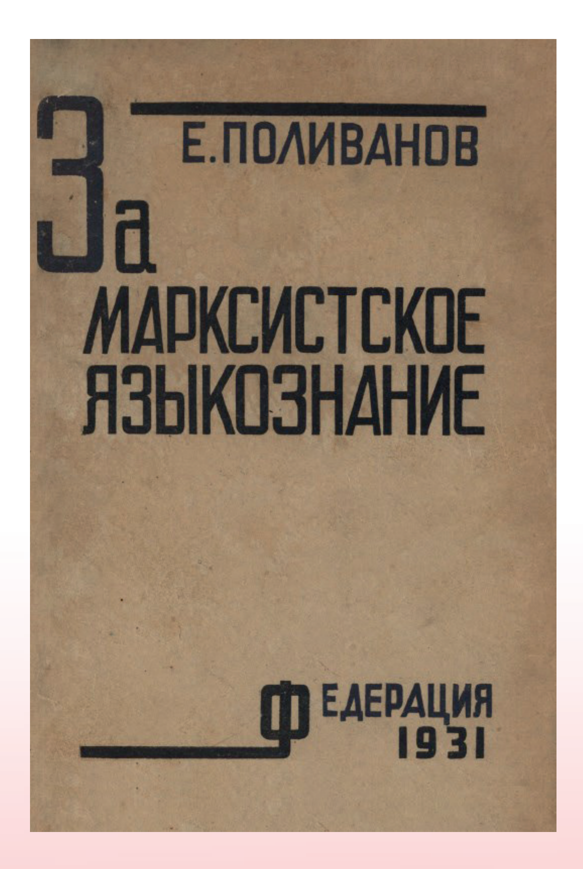
В 1931 году вместе с выделившимся из Узбекского государственного научно-исследовательского института (УзГНИИ) Узбекским государственным научно-исследовательским институтом культурного строительства (УзГНИИКС) Поливанов переезжает в Ташкент, и в том же году ему чудом удается издать в Москве книгу «За марксистское языкознание», где, подтвердив свое неприятие идей марризма, он наиболее развернуто излагает свою программу развития марксистского языкознания. «Для науки совершенно не нужна полемика с яфетидологией, – подчеркивает он в предисловии. – Отношение к марризму у всякого мало-мальски сведущего лингвиста вполне опреде-

[2] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 96.

«Итак, я позволяю себе смотреть на каракалпакский язык как на языковую систему, стоящую в наиболее близкой и весьма тесной генетической связи с казахским языком и лишь в некоторых отдельных — фонетических и морфологических гл. образом — явлениях уклоняющуюся (от явлений казахского языка) в сторону узбекского языка. Таким образом, несмотря на общее происхождение трех видов языковых систем: I) казакского языка, 2) каракалпакского языка, 3) "собственно-узбекских", или "кыпчакских" говоров узбекского языка, т. е. несмотря на то, что эти три языка (казакский, каракалпакский и "собственно узбекские" говоры) принадлежат к северо-западной группе тур. языков и даже внутри этой северо-западной группы долгое время составляли некоторое единство, лишь сравнительно поздно распавшееся, т. е. некую особую подгруппу турецких языков, несмотря на это, — каракалпакский язык внутри данной (состоящей из трех единиц) подгруппы тур. языков, отходит в сторону казакского, а не собственно узбекского. Если же при сравнении с каракалпакским будем иметь в виду не "собственно узбекские" говоры, но литературный узбекский язык или какую-либо иную (не "собственно узбекскую") группу узб. говоров, то тогда расстояние между каракалпакским и узбекским окажется еще во много раз больше, чем расстояние между каракалпакским и казакским»[1].

[1] Поливанов Е.Д. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. Труды хорезмской экспедиции. — Ташкент, 1933. — С. 4—5.

Е.Д. Поливанов. 30-е гг. XX столетия



Сборник популярных лингвистических статей Е.Д. Поливанова «За марксистское языкознание» (1931 г.)

ленное и не нуждается в комментариях. Был, правда, период, когда (вовсе не в интересах научной мысли, как таковой, а наоборот, в интересах массы неспециалистов, которым простительно было не разобраться в чем дело) чувствовалась необходимость открыто заявить о своем отношении к марризму; эту повинность я в свое время и выполнил. Но было бы совершенно напрасной тратой энергии давать ответы моим оппонентам – не лингвистам, столковаться с которыми в этом деле столь же безнадежно, как объяснять теорию Эйнштейна лицам, не знающим таблицы умножения»[1].

Цитата была названа марристами «наглым заявлением», прозвучавшим из уст «разоблаченного в свое время черносотенного лингвиста-идеалиста», разразившегося «истошным воем»[2]. В посыпавшихся на работу рецензиях «любителей хорового пения» (так в сборнике популярных лингвистических статей были названы последователи марризма) Поливанов был обвинен в великодержавном шовинизме, в «атрофии языкового зрения», клевете, а его контраргументы названы «картонными мечами»[3].

Книга, безусловно, была объявлена «антимарксистской» и вызвала новый всплеск борьбы с «поливановщиной», проявившейся, в первую очередь, в запрете ученому печататься в Ленинграде и Москве. В это время из центральных издательств и журналов изымаются все его печатавшиеся работы, а их набор – рассыпается. В их числе оказывается статья «Программно-методологический экскурс», в которой опальный ученый вновь попытался дать научный отпор своим оппонентам, второй том «Введения в языкознание

[1] Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931. – С. 6–7.

[2] Аптекарь В.Б. Н.Я. Марр и новое учение о языке. – М., 1934. – С. 45.

[3] Е. С-ч. Кулацкий волк в шкуре советского профессора. О книжке Е. Поливанова «Марксистское языкознание» // Международный язык. – 1931. – № 8–9. – С. 357–358.

для востоковедных вузов», грамматики азербайджанского, казахского, калмыцкого и эрзя-мордовского языков. Рукописи этих книг до нас не дошли.

Печатать, по словам Поливанова, в это время удается лишь двадцатую часть написанного – и то по большей части за границей (в журналах “Slavia”, “Travau[du Cerle linguistique de Prague”, “Archiv orientalni”, “Archives neerland de phonetique experimentale” и др.) либо в Средней Азии. Однако даже здесь двери многих издательств перед Поливановым закрываются: в Узбекистан просачивается марризм, нашедший в узбекских националистах, имевших «зуб» на «апологета не-сингармонизма», верных сторонников. К примеру, ни в одной местной газете в 1933 году, несмотря на рекомендацию к печати Терминкома[4], ученому не удается опубликовать статью, посвященную реформе состава узбекского алфавита.

Также в годы пребывания в Ташкенте за «антимарксистские взгляды» Поливанова не допускают к чтению лекций – забытым оказывается огромный вклад ученого в становление и развитие САГУ.

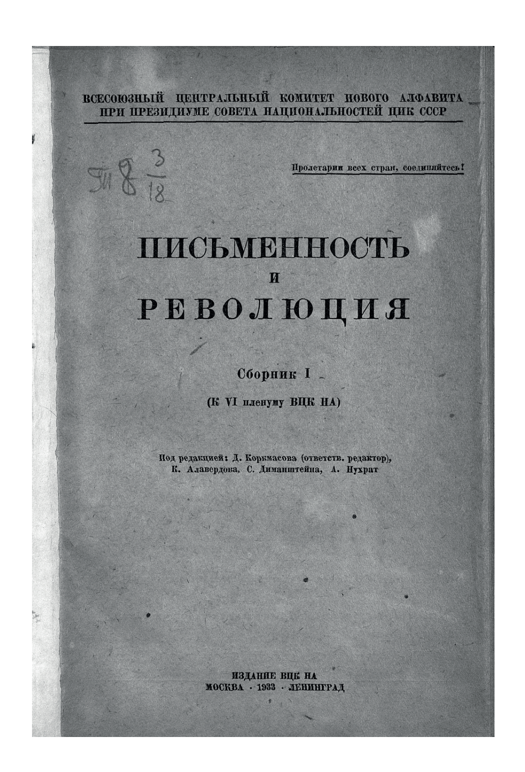
Невыносимым становится пребывание и в УзГНИИКСе. «Научные работники и аспиранты кабинета осуждают последнее выступление проф. Поливанова в печати (речь идет о книге «За марксистское языкознание. – *Авт.*), – говорилось в одном из документов, характеризовавших сложившуюся ситуацию, – и отмежевываются от него. Если проф. Поливанов будет стоять на той же (т. е. прежней) точке зрения – считать его дальнейшее пребывание в кабинете (в кабинете лингвистики УзГНИИКС. – *Авт.*) вредным. Предложить проф. Юнусову написать доклад в УзГНИИ 2 июля на тему: “Марксистская лингвистика” и “поливановщина”»[5].

[4] Терминком – терминологическая комиссия.

[5] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 105.

«Неужели все, что я сделал конкретного в области латинизации – напр., то, что еще до революции я принимал активнейшее участие (вместе с С. Новгородовым) в выработке первой их турецких латиниц – в якутской латинице 1917 года (когда профессора-востоковеды, кроме Бодуэна, негодовали на нас за выбор латинского, а не русского алфавита); то, что я уже в 1922 году докладывал съезду готовый состав узбекской латиницы; то что я в 1923 году опубликовал брошюру «Проблема латинизации тур. письменностей СССР»; то, что я в 1926 году, во второй моей брошюре, сигнализировал опасность “разнобоя” при децентрализованном проведении латинизации (опасность, которая стала очевидной для всех на следующий год – в 1927 году; наконец, то, что я в 1928 году указал на вышеназванную ошибку в составе узбекского лат. алфавита (не говорю уже об участии в пленумах, в Научном Совете ВЦКНТА и в “Культуре и Письменности Востока”), – неужели все это, говорю я, недостаточно для того, чтобы позволить мне выступить по вопросу, прямо относящемуся к моей специальности, перед узбекской общественностью?! Неужели нельзя мне простить, что я указал ошибку моих оппонентов – ошибку, которую они сами в настоящее время признают ошибкой»[1], – с недоумением и возмущением писал Поливанов, забыв отметить, что являлся также автором более двадцати работ, посвященных теории и практике латинизации.

[1] Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства). – Ташкент, 1933. – С. 43.



ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО АЛФАВИТА
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ЦИК СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПИСЬМЕННОСТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

Сборник I

(К VI пленуму ВЦК НА)

Под редакцией: Д. Коркмасова (ответств. редактор),
К. Алавердова, С. Диманштейна, А. Нухрат

ИЗДАНИЕ ВЦК НА
МОСКВА · 1933 · ЛЕНИНГРАД

Статья «Вперед к дальнейшим победам на фронте языковой культуры», опубликованная в журнале «Письменность и революция» (1933 г.), в которой подводятся итоги латинизации национальных языков СССР

ВПЕРЕД К ДАЛЬНЕЙШИМ ПОБЕДАМ НА ФРОНТЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Октябрьская революция вызвала грандиозный, невиданный в мире порыв трудящихся масс Союза к знанию.

Вся история послеоктябрьского периода с исключительной убедительностью показала, что рабочий класс, руководимый своей ленинской партией, ведя за собой миллионные массы трудящихся, может достигнуть на фронте просвещения таких успехов, которые совершенно невозможны в буржуазном государстве.

Эти успехи особенно разительны на фронте национального просвещения. На протяжении всего послеоктябрьского периода трудящиеся многонационального Советского союза, на основе ленинской национальной политики, под руководством коммунистической партии, преодолевая сопротивление классового врага, показывали образцы героической настойчивости и революционного натиска в борьбе за изживание своей отсталости, унаследованной от царского колониально-капиталистического режима.

И теперь, в начале второй социалистической пятилетки, мы имеем все основания гордиться достигнутыми успехами. Однако, ни на минуту не должны мы забывать о больших недочетах в нашей работе и о тех громадных задачах, выполнение которых требует от нас *дальнейшей мобилизации сил*, большевистской бдительности и упорства.

Совершенно бесспорно, что в деле культурного подъема народов СССР громадную положительную роль сыграл латинизированный алфавит, сменивший старые, архаичные, клерикальные формы письменностей. Он, как технически более совершенный и легко доступный массам, явился мощным орудием проведения ленинской национальной политики, подлинным революционным массовым алфавитом трудящихся не только у нас в Союзе, но и за рубежом.

Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита, в результате многолетней борьбы за новый алфавит, может внести в свой актив тот факт, что *70 народов СССР пользуются уже этим алфавитом*. На этом алфавите десятки миллионов трудящихся ликвидировали свою неграмотность и строят пролетарскую по содержанию, национальную по форме культуру.

1*

3

Благодаря этому алфавиту в десятки раз убыстрились темпы ликвидации неграмотности. Ряд республик и автономных областей вплотную подошли к сплошной грамотности на основе нового алфавита.

И сегодня мы можем сказать, что вчерне работа по линии латинизации закончена. Ближайшая задача заключается в закреплении и в дальнейшем развитии достигнутых успехов.

VI Пленум ВЦК НА должен наметить те конкретные мероприятия, которые должны будут обеспечить закрепление и внедрение имеющихся результатов.

Новый этап на фронте национально-культурного и, в частности, языкового строительства, выдвигает иные задачи, неимоверно более сложные, более ответственные. Эти задачи неизбежно должны были быть выдвинуты всем ходом социалистического строительства. Обусловленный правильным проведением ленинской национальной политики и созданием в национальных республиках и районах мощных индустриальных баз, бурный рост национальных по форме и пролетарских по содержанию культур закономерно связывается с тем, что трудящиеся в процессе своего культурного развития выдвигают новые, более сложные требования.

В связи с этим одна из основных и серьезнейших задач, стоящих перед VI Пленумом, заключается именно в том, чтобы во всей сумме вопросов, встающих перед ВЦК НА на данном этапе определить основное звено.

Таким звеном явятся вопросы создания и регулирования национальных терминологий, орфографий литературных языков, словарей и грамматик.

Вопросы эти сейчас — коренные вопросы и они должны быть поставлены Пленумом со всей остротой.

С точки зрения именно этих вопросов должны быть определены как дальнейшие методы работы ВЦК НА, так и те изменения, которые может быть потребуется провести в его организационной структуре.

Чтобы оценить всю политическую важность правильного разрешения, например терминологической проблемы, достаточно посмотреть, как часто из-за господствующей кустарщины в этом отношении, отсебятины, а иногда и непроходимого политического невежества переводчиков приносится неисчислимый вред *делу усвоения трудящимися учения Маркса, Энгельса, Ленина* и Сталина. Неразрешенность терминологической проблемы сплошь и рядом приводит к безобразным, граничащим с вредительством, искажениям партийных лозунгов и партийных документов, что, разумеется, старается использовать в своих целях классовый враг.

*Совершенно несомненно, что наблюдающиеся в строительстве на*циональных терминологий, орфографий литературных языков — прорывы и недочеты являются болезнями нашего бурного культурного роста, но именно поэтому необходима мобилизация всех наших сил на разрешение этих задач. Было бы преступлением в дальнейшем предоставлять это дело *хоть в какой-либо степени самотеку*.

4

Необходимо в самом срочном порядке исчерпывающе изучить все то, что делается сейчас и в центре и на местах по разработке терминологии, орфографии и литературных языков. Необходимо внести четкую плановость в эту работу, создать крепкий научный центр и сосредоточить в нем лучшие силы и по-настоящему руководить этим делом.

Практика национально-культурного строительства в послереволюционные годы вырастила значительные кадры национальных работников, располагающих ценнейшим опытом. Необходимо серьезнейшим образом заняться учетом этих кадров, подытоживанием их опыта.

Наконец, следует отметить, что советская лингвистика в лице нашего крупнейшего ученого с мировым именем — акад. Н. Я. Марра пролила свет на целый ряд актуальнейших лингвистических проблем, которые буржуазным языкознанием или намеренно обходились или попросту не могли быть решены, поскольку исходные позиции буржуазного языкознания являются порочными. Научные работы Н. Я. Марра и его личное участие оказывали громадную помощь ВЦК НА.

При разрешении труднейших задач, которые ныне встали перед ВЦК НА, яфетическая теория — ее теоретические основы и колоссальный фактический материал, разработанный ею — должна быть максимально использована.

Исполняющийся 45-летний юбилей славной научной деятельности Н. Я. Марра является прежде всего нашим праздником.

Наряду с указанными выше вопросами предстоящему пленуму ВЦК НА придется разрешить и ряд других вопросов, приобретающих сейчас *большое* значение. Сюда следует отнести вопросы применения нового алфавита в технике (на телеграфе, в машинописи, полиграфии), вопросы подготовки кадров, изучения языков мелких по численности народностей и т. д.

Для успешного разрешения вставших перед нами задач требуется коренной перелом в самих методах нашей работы.

Но мы с уверенностью говорим, что как ни трудны, как ни сложны задачи, стоящие перед ВЦК НА, — они будут разрешены. Порукой этому — неопровержимая сила ленинской национальной политики, проверенной опытом многомиллионных многонациональных трудящихся масс на огромной территории, порукой тому учение Маркса-Ленина-Сталина, порукой тому большевистское руководство нашей партии, ее Ленинского ЦК во главе с вождем пролетариата — т. Сталиным.

5

«Между мной и даже моими ближайшими сотрудниками, я бы сказал, не ручеек или река, а даже море взаимного непонимания»[1], – комментировал характер своих отношений с коллегами Поливанов.

Еще один удар по ученому наносится, когда марристы прибирают к рукам последний оплот «независимых» языковедов – ВЦК НА, решая воспользоваться его достижениями, и исключают профессора Поливанова из состава членов его Научного совета. С момента выступления Н.Я. Марра в ходе Первого пленума обновленного Научного совета ВЦК НА 16–20 февраля 1933 года с докладом по вопросам письменности и языка, марризм официально называется главной движущей силой латинизации, а Марр – «активнейшим работником социалистического культурного строительства народов СССР»[2]. Таковой оказалась реальность, перевернувшая все с ног на голову.

Травля Поливанова была настолько жестокой, что, по словам М.С. Кардашева, «стоило упомянуть имя Марра, как лицо Е.Д. искажала болезненная гримаса, он жалобно говорил: “Не надо…, пожалуйста, не надо”, – и загораживался выставленной вперед рукой»[3]. Но даже в этих сложных условиях он продолжает выполнять и даже перевыполнять планы своей научной работы по институту: в 1932 году напротив его фамилии стоит цифра 120 %. «…Я занят научной работой (включая чтение корректур) не менее десяти часов в сутки (регулярно с пятишести часов вечера до поздней ночи)»[4], – делился ученый с коллегой, не упоминая о дневной работе в библиотеке, а также о своих диалектологических изысканиях, сопровождавшихся увлекательными «выездами в поле».

К передаче и распространению тех многочисленных знаний, которыми располагал Поливанов, к углублению культурной революции на периферии вопреки травле и попыткам дискредитации, по словам Ю.Ю. Авалиани, он «считал себя призванным»[5], и ничто не могло отвлечь его от выполнения своего долга.

В 1936 году журнал «Литературный Узбекистан» опубликовал открытое письмо поэтов Киргизии под названием «Сталину». Это была поэма, написанная Джоомартом Боконбаевым, Аалы Токомбаевым и Джусупом Турубековым. Авторизованный перевод сделан Поливановым. Каждая строчка поэтического произведения дышала пафосом социалистического созиданий. Последнее четверостишье очень четко передавало настрой советского общества середины 30-х годов XX столетия, который выразительно передал переводчик с киргизского языка на русский:

Счастлив тот, кто в стране труда
В Сталинский век живет,
Кто в Сталинских стойких рядах
К победе идет вперед[6].

«Яфетидологи не потрудились примкнуть к великой алфавитной революции, — писал один из главных теоретиков ВЦК НА Н.Ф. Яковлев. — По-видимому, они считали, что палеонтология речи и разложение на элементы более актуальные задачи, чем создание хотя бы одного приемлемого национального алфавита для одного из народов СССР»[I].

[I] Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. — М., 1991. — С. 614.

[1] Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 28.

[2] Вперед к дальнейшим победам на фронте языковой культуры // Письменность и революция. – 1933. – Сб. 1 (К пленуму VI ВЦК НА). – С. 5.

[3] Цит. по: Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1889. – С. 39.

[4] Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 106.

[5] Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1889. – С. 24.

[6] Сталину. Открытое письмо поэтов Киргизии // Литературный Узбекистан. Кн. 5–6. – 1936. – С. 10.

СТАЛИНУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПОЭТОВ КИРГИЗИИ

(КИРГИЗСКИЙ ТЕКСТ БОКОМБАЕВА, ТОКОМБАЕВА, ТУРУБЕКОВА).

Из Центрального Тянь-Шаня,
Иль по русскому названью —
Из страны Небесных Гор, —
Из страны, где меж горами
Голубой узор озер
Чередуется с лугами
И зелеными «джайлоо».
Из страны, где «Алатоо»
Называем здесь мы сами,
Из страны, где табунами
Испещренная долина
Скотовода манит взор,
Из страны, где на низинах
Уже в марте снег растаял
И раскинул между сопок
Рис — зеленый свой ковер,
Из страны, где зреет хлопок,
Но в вершинах вечный снег,
Из страны, где проживают
Два миллиона человек, —
От народа-скотовода —
От киргизского народа,
Приведенного к свободе
Октябрем большевиков, —
И тобой освобожденных
К новой жизни стариков,
И тобою вдохновленных
Крепких силою мужей,
И тобой освобожденых
Наших жен и матерей,
От всех возрастов детей,
От подростков разных лет —
Сталин! пламенный привет
И поклон свой самый низкий
Шлет тебе поэт киргизский!

***

Сотни лет мы занимали
Наш любимый Алатоо,
Сотни лет мы кочевали
Из равнин на джайлоо

И не раз за эти годы
Ханы хищные хотели
Уничтожить ту свободу,
Что мы любим с колыбели.

И монголы, и уйгуры
К нашим горам подбирались,
Самаркандского Тимура
Сюда полчища являлись.

Но давать всегда отпор им
Наши предки нас учили,
Нам союзниками горы
Долго верными служили...

Наконец пришел сильнейший
Во сто крат сильнейший враг, —
Был врагом он самым злейшим,
Но и он замедлил шаг.

Отобрав от нас насильно
Наши лучшие айдоо,[1]
Окружил кольцом змеиным
Он цветущий Алатоо.

И когда из паутины
Уж казалось не уйти нам,
Не спастись от царских лап,—
То народу изменили
И наш бай, и наш манап:
На подачки поспешили
Променять они свободу,
Нищету и боль оставив
Всему прочему народу.

И киргиз, изнемогая,
Вел войну с двойным врагом:
В кабале он был у бая
И под царским сапогом.

И тогда в тоске бесплодной,
Обессилевши от слез,
Наш певец, поэт народный,
Слово скорби произнес:

[1] Пахотные земли.

Авторизованный перевод открытого письма поэтов Киргизии «Сталину» Е.Д. Поливанова, опубликованный в журнале «Литературный Узбекистан» (1936 г.)

«Под гнетом рабства и мучений,
Как в паутине, наш народ
Звериных байских оскорблений
Печать кровавую несет.
Придет ли день, когда громада
Нависших над народом туч
Исчезнет, и когда с отрадой
Блеснет нам воли светлый луч?»

***

Наконец, когда мученья
Наш народ сносить устал,
Полный крови, полный мщенья
Год шестнадцатый настал.
Несказанно храбр и стоек
Угнетенный Восток.
С кинжалом против винтовок,
С одним ружьем на пятьсот
Драться отряд идет.
Это — шестнадцатый год.

И вот берега Иссык-Куля
Покрыты холмами скелетов,
В каждом солдатская пуля,
В каждом одна примета:
Каждая так голова легла,
Что мертвые впадины глаз
Стойко глядят вперед —
Устремлены на врага...
И прохожий решает: Ага!
Это шестнадцатый год...

***

Обессиленным пришлось нам
Отступить перед врагом,
И опять в плену несносном
Быть под царским сапогом.
Кровь киргизов обагрила
Всю долину реки Чу,
Но Октябрь возвестил нам
О возмездии палачу.
В Октябре, когда наш Ленин
Возвратил свободу нам,
Дух минувших поколений
Возвратился к их сынам:
О победе и свободе
Наш поет теперь народ...
И известно всем в народе,
Кто к победе нас ведет:
Побеждает неизбежно
Тот, чья воля — как гранит
В небо взросших, белоснежных
Наших горных пирамид.
И теперь поэт народный
По-иному уж поет, —
В Сталинский век живет:
О тебе он речь ведет:
«Счастлив тот, кто в стране труда
В Сталинский век живет,
Кто в Сталинских стойких рядах
К победе идет вперед.»

Авторизованный перевод
Е. Поливанова.

Похороны академика Н.Я. Марра. Санкт-Петербург, 1934 г.
Фото: https://ledi-oks.livejournal.com/1216963.html

В 1934 году, в связи со смертью Н.Я. Марра борьба с «буржуазной лингвистикой» начинает утихать и Е.Д. Поливанова приглашают работать в более спокойный, чем Ташкент город Фрунзе. И даже несмотря на «утрату» в это время в Ташкенте полусотни готовых его научных работ (обстоятельства, к сожалению, не выяснены), здесь красный профессор вновь чувствует прилив научного вдохновения и сил. «Итак, во всем остальном дела очень хорошо обстоят, – делился он обстоятельствами своей жизнью с В.Б. Шкловским. – Но тут необходимо дать пояснение, по какой причине я живу во Фрунзе и не хочу перебираться отсюда. Причины эти для меня решающие. Если начать с первой (и признаюсь, не самой решающей), во Фрунзе – одна (или, если считать Алмату – одна из двух) только точка, где пересекаются 2 из моих специальностей: китаеведение и туркология (правда, япон. яз. здесь уже не причем, но трех пересекающихся линий, как вы знаете в мире вообще не бывает, или бывает только раз в жизни: потом следить до старости и ждешь второго случая того пересечения трех линий, но… может быть и будет). Вторая причина – чисто личного, и даже материально (но специфического) характера… <…> В третьих я с отвращением думаю о всяком другом климате, кроме среднеазиатского. И вообще здесь хорошо»[1].

[1] РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 727. ЛЛ. 3–4.

Во Фрунзе Е.Д. Поливанов получает возможность преподавать, став профессором Педагогического института и занимает должность научного сотрудника I разряда в Киргизском научно-исследовательском институте культурного строительства (КирНИИКС)[2].

В 1934 году институту был поставлена задача «приблизить научно-исследовательскую работу к практике социалистического строительства на культурном фронте»[3], выполнение которой затруднялось отсутствием достаточного количества научных работников: из 5 научных сотрудников, предусмотренных штатом, лишь 2 имели соответствующую подготовку и практику. Директор института, например, не имел специальной подготовки в сферах, в которых предстояло его подчиненным выполнять поставленную задачу.

Кадровая неукомплектованность института, несмотря на наличие специального постановления Бюро Киргизского обкома ВКП(б), привела к невыполнению плана 1934 года по вопросам истории и языковедения[4].

Но 1935 год обещал быть более продуктивным: новому сотруднику КирНИИКСа Е.Д. Поливанову предстояло поднять на высокий уровень исследования по изучению и описанию дунганского языка, а также попутно изучить дунганский фольклор и литературу.

[2] По одной из версий, во Фрунзе Поливанов отправился по приглашению бывшего Наркома просвещения Киргизии К. Тыныстанова, к тому времени работавшего в КирНИИКС и после одной из своих поездок в Ташкент – на всесоюзное совещание по орфографии – озаботившегося сложной судьбой ученого. Согласно другой гипотезе, в киргизскую столицу «красный профессор» перебрался по приглашению Наркомпроса Киргизии, переданному через К. Тынынстанова. Третье предположение состоит в том, что переезду ученого содействовал хорошо знавший его по совместной работе в Узбекском институте культурного строительства другой советский тюрколог И.А. Батманов.

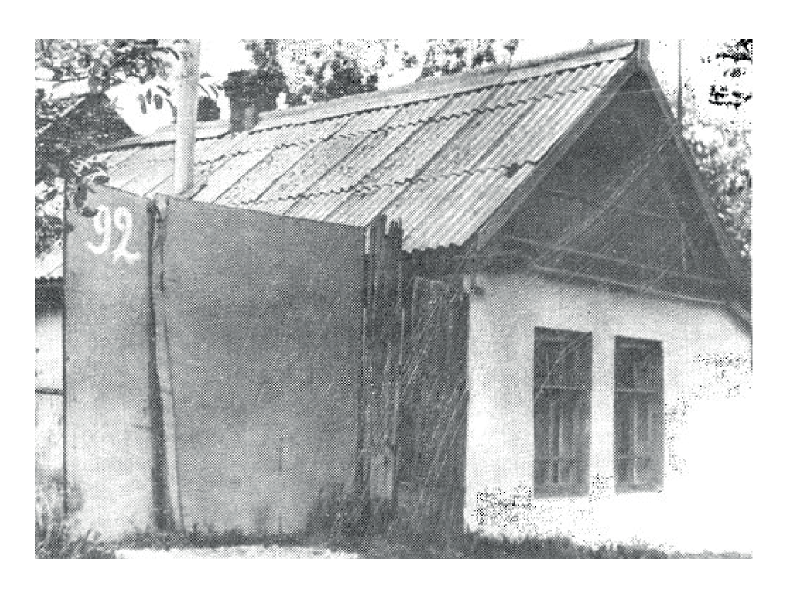
[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2.Д. 912. Л. 3.

[4] Там же. Л. 3 об.

Носителями дунганского языка, принадлежащего к китайской группе сино-тибетской семьи языков, были дунгане Средней Азии и Казахстана (самоназвание хуэйхуэй, лаохуэйхуэй, чжунюань) – потомки непосредственных участников восстания населения Северо-Западного Китая в 1862–1877 годах, известного мировой истории под названием дунганского. В результате переселения части хуэй в пределы тогдашней России на территории Киргизии, Узбекистана и Казахстана образовался ряд их селений.

Вплоть до середины 20-х годов XX века дунгане не имели своей письменности, и лишь незначительная часть населения пользовалась иероглифической, арабской и русской письменностью. Первый проект дунганского алфавита на основе арабской графики был составлен в 1927 году в Ташкенте дунганскими студентами Я. Шиваза, Ю. Яншансиным и Х. Макеевым. Спустя год этой же группой молодых ученых был предложен проект алфавита на латинской основе, окончательный вариант которого – значительно упрощенный – был принят на конференции, проходившей в городе Фрунзе в июне 1932 года. В определенном отношении дунганское фонетическое письмо явило собой уникальное явление, став одной из немногих в мире и единственной на территории СССР активно функционирующей письменностью, обслуживавшей язык изолирующего типа. И неоценимая заслуга в его создании, по словам Ю. Яншансина, принадлежала Е. Поливанову, принимавшему активное участие в подготовке научных кадров из числа дунганской интеллигенции[5], а в середине 30-х годов XX столетия приступившего к изучению диалектов дунганского языка и его кодификации.

В 1935 году в план научно-исследовательской работы Поливанова вошли подготовка учебного пособия для 5–6 года обучения техникумов «Грамма-



Дом № 37в г. Фрунзе по улице Дзержинского, где жил Е.Д. Поливанов в 1934–1936 гг. Фото из кн. Ларцева «Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности»

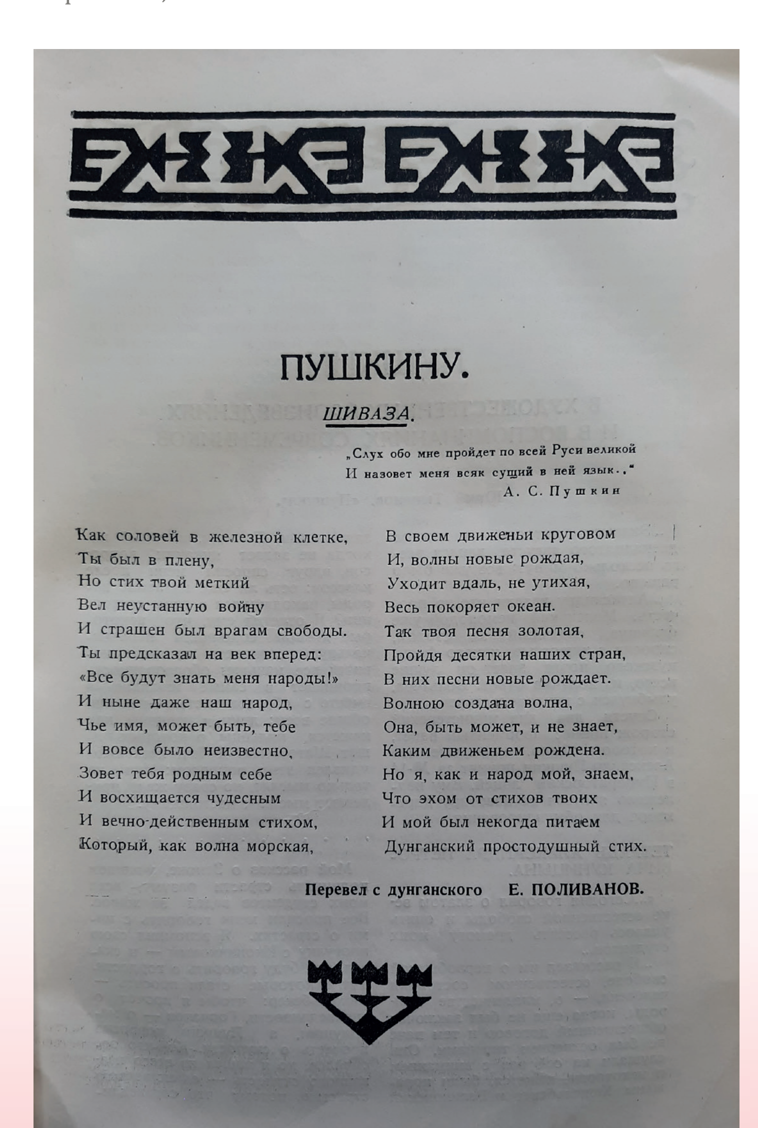
тики дунганского языка. Часть I. Морфология», руководящего пособия для научных работников и педагогов по изучению дунганского языка «Подробное научное описание разделов научной грамматики дунганского языка (фонетика, морфология и синтаксис)», «Краткого русско-дунганского словаря», научно-популярной брошюры «Современная дунганская литература»; разработка программ по дунганскому языку для начальной и средней школы, рецензирование учебников, составление брошюры «Современная дунганская литература», а также организация и чтение докладов и лекций[6]. Общий объем научных трудов должен был составить 14 печатных листов.

Для начала Поливанов устанавливает дружеские отношения со многими представителями дунганской интеллигенции, а с некоторыми из них активно сотрудничает. К примеру, с Ясыром Шиваза он работает в области дунганской литературы. Самыми знаменитыми и известными их совместными трудами стал перевод на дунганский язык «Интернационала», с дунганского на русский – стихотворения «Пушкину».

[5] Краткий дунганско-русский словарь / сост. Ю. Яншансин. – 2 е изд., испр. и доп. – М., 2009. – С. 8.

[6] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. ЛЛ. 7–10.

Поэт дунганского происхождения Ясыр Шиваза читает колхозникам артели им. Фрунзе свои стихи. «Советская Киргизия», 1950 г.



ПУШКИНУ.

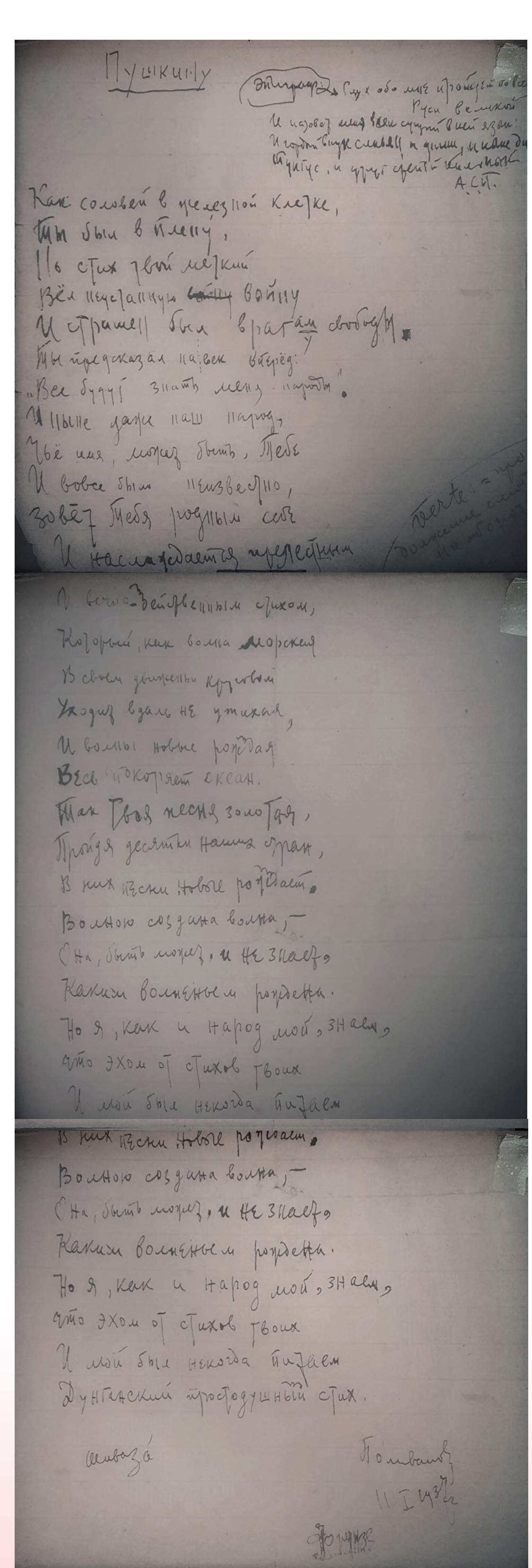
ШИВАЗА.

„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык..“
А. С. Пушкин

Как соловей в железной клетке,
Ты был в плену,
Но стих твой меткий
Вел неустанную войну
И страшен был врагам свободы.
Ты предсказал на век вперед:
«Все будут знать меня народы!»
И ныне даже наш народ,
Чье имя, может быть, тебе
И вовсе было неизвестно,
Зовет тебя родным себе
И восхищается чудесным
И вечно-действенным стихом,
Который, как волна морская,
В своем движеньи круговом
И, волны новые рождая,
Уходит вдаль, не утихая,
Весь покоряет океан.
Так твоя песня золотая,
Пройдя десятки наших стран,
В них песни новые рождает.
Волною создана волна,
Она, быть может, и не знает,
Каким движеньем рождена.
Но я, как и народ мой, знаем,
Что эхом от стихов твоих
И мой был некогда питаем
Дунганский простодушный стих.

Перевел с дунганского Е. ПОЛИВАНОВ.

Перевод Е.Д. Поливанова стихотворения Я. Шивазы «Пушкину», опубликованный в журнале «Литературный Узбекистан» (Кн. 1, 1937 г.)



Пушкину

Эпиграф: Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
А.С.П.

Как соловей в железной клетке,
Ты был в плену,
Но стих твой меткий
Вёл неустанную ~~войну~~ войну
И страшен был врагам свободы.
Ты предсказал на век вперёд:
«Все будут знать меня народы».
И ныне даже наш народ,
Чьё имя, может быть, тебе
И вовсе было неизвестно,
Зовет тебя родным себе
И наслаждается прелестным
И вечно-действенным стихом,
Который, как волна морская
В своем движеньи круговом
Уходит вдаль не утихая,
И волны новые рождая
Весь покоряет океан.
Так твоя песня золотая,
Пройдя десятки наших стран,
В них песни новые рождает.
Волною создана волна, —
Она, быть может, и не знает,
Каким волненьем рождена.
Но я, как и народ мой, знаем,
Что эхом от стихов твоих
И мой был некогда питаем
Дунганский простодушный стих.

Шиваза

Поливанов
11 I 1937 г.

Рукопись перевода стихотворения «Пушкину». Из письма Е.Д. Поливанова Ю.Н. Тынянову по поводу публикации перевода стихотворения Я. Шиваза «Пушкину». РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 726. ЛЛ. 2–3

Отрывок из письма Е.Д. Поливанова Ю.Н. Тынянову по поводу публикации перевода стихотворения Шивазы «Пушкину»: «Дорогой Юрий Николаевич! По опыту знал, как трудно писать письма; я отнюдь не хочу Вас обременять просьбой писать мне ответ по поводу настоящей (=сего = этого) письма, и даже больше: настойчиво прошу Вас этого не делать (— не писать письма), так как я не хочу, чтобы у Вас воспоминание о прежнем давнишнем (и с своей стороны доныне крепко преданном Вам) друге Вашем не соединилась с неприятной мыслью (— неприятной мыслью о том, что надо было бы, дескать, отвечать на оное письмо), итак я строго и неукоснительно прошу Вас не заботиться обо мне в смысле ответа на настоящее письмо, а зато — если представится такая возможность (и — удобный случай в связи с юбилеем Пушкина) дать напечатать (если alibi не будет напечатано) следующее прилагаемое мною стих-ние Шивазы (перев. с дунганского). Если же такой возможности Вы лично не имеете, то нельзя ли просить Вас переправить это стихотворение («Пушкину») Виктору Шкловскому (я адреса его не знаю!). Привет наш Елене Александровне и всем Вашим от меня и Бригитты»[I].

[I] РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 726. Л. 2.

К описанию дунганского языка Е.Д. Поливанов приступил, опираясь на свой богатый опыт лингвистических научно-исследовательских экспедиций. В ходе одной из них, в 1927 году в Самарканде им уже был собран «ориентировочный материал (и фонетическое описание)» для дунганского языка. «Но для монографии, – отмечал он, – по дунганскому вопросу нужны еще занятия этим языком»[1]. Поэтому летом 1935 года вместе с Ю. Яншансиным ученый отправляется в экспедицию КНИИКСа по маршруту Фрунзе – Рыбачье – Пржевальск – Мариинское (Ирдык) записывать диалектную дунганскую речь. «В июле 1935 г., – вспоминал Ю. Яншансин, – мы кое-как добрались до Рыбачьего и на старом пароходишке отправились в Пржевальск. Каюта была тесная и грязная, тысячи клопов, но Евгений Дмитриевич был возбужден и бодр, жил только будущими находками по диалектам дунганского языка… В Пржевальске на ночь остановились на постоялом дворе, а утром на телеге выехали на мою родину, в село Ирдык, где и пробыли около месяца. Ежедневно мы обходили несколько дворов, Евгений Дмитриевич подолгу беседовал со стариками и молодыми, и все узнанное записывал в свою тетрадь, а вечером мы вместе обсуждали накопленный за день материал. Во время экспедиции я услышал от дунган одну антирелигиозную легенду, рассказал ее Евгению Дмитриевичу, и он сочинил на ее основе небольшой рассказ-легенду “Часовня копченой селедки”»[2].

Спустя несколько месяцев после экспедиции, 27 сентября 1935 года, в газете «Советская Киргизия» появилось сообщение о завершении Е.Д. Поливановым работы над научной грамматикой дунганского языка, о выходе из печати школьной грамматики дунганского языка для 1–2 годов обучения, подготовленной ученым совместно с Ю. Яншансиным и отправке в печать грамматики для 3–4 годов[3].

[1] Архив РАН. Ф. 677. Оп. 3. Д. 78. Л. 65 об.

[2] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 119.

[3] Новые учебники на дунганском языке // Советская Киргизия. – 1935. – 27 сентября.

Профессор Е. ПОЛИВАНОВ.

Часовня копченой селедки.

Из антирелигиозных мотивов дунганского фольклора.

В яркий солнечный день шел по степи студент, направлявшийся в Пекин держать государственный экзамен. Погода стояла великолепная, и сердце студента полно было любовью ко всему живущему в мире.

Вдруг он наткнулся на расставленные каким-то охотником силки, в которых мучился изнемогавший от ужасов своего плена фазан.

Студент пожалел фазана и выпустил его на волю. Но не успел студент пройти несколько сажней, как его стало мучить раскаяние.

Что если эти силки являются единственным источником пропитания для бедного охотника? Что если у него есть дети, ожидающие, что отец принесет им свою сегодняшнюю добычу? —Ведь, это значит, что, выпустив фазана, я отнял кусок насущного хлеба у этого бедного семейства!

И решив загладить свою вину перед охотником, студент вернулся обратно и положил в силки единственное, что он имел при себе из с'естного—копченую селедку.

Студент успокоился и бодро зашагал вперед--навстречу успехам, славе, счастью.

Когда охотник нашел в расставленных им силках копченую селедку, он решил, что это бог сжалился в конце концов над его бедностью и, снизойдя к его молитвам, совершил чудо. С благоговением, как священную реликвию, принес он копченую селедку в свое селение, и набожные люди стали наперебой покупать у него крошечные кусочки этого богом ниспосланного чуда, расценивая их дороже золота.

В результате охотник разбогател, бросил заниматься своим ремеслом и на часть денег, полученных за распродажу священной селедки, выстроил часовню на том самом месте в степи, где свершилось чудо, и поставил внутри этой часовни большую статую будды. Часовня эта, в свою очередь, стала служить для него источником дохода, так как набожные паломники шли сюда и охотно платили за то, чтобы помолиться на самом месте обнаружения божьей благодати и выслушать из первых уст (т.-е. от самого бывшего охотника) рассказ о чуде.

Прошло несколько лет. Студент, сдавший свой экзамен, прежним путем возвращался на родину.

И вот, на том самом месте, где, как он помнит, в прошлом были расставлены силки с пойманным в них фазаном,—теперь стоит новенькая часовня, и из нее столбом подымается благоуханный дым от свеч, возжигаемых перед истуканом будды.

Когда бывший охотник — а ныне хозяин часовни—рассказал историю „Часовни Неожиданного Милосердия“ (которую, впрочем, в просторечии звали просто Часовней Копченой Селедки), студент, не сказав ни слова, вышел из часовни, и глубоко задумался:

„В том чуде, которое произошло здесь в прошлом, божество не—принимало никакого участья,—это я точно знаю. Но не таково ли происхождение и всех прочих чудес, в которые верят миллионы людей?“

И перед тем, как снова двинуться в путь, студент написал углем на стене часовни четверостишие:

„В таком-то году здесь томился фазан,
Неосторожно попавший в капкан,
А ныне стоит здесь Будды истукан
И часовню построил какой-то болван“.

...ФРУНЗЕ.

Публикация в газете «Советская Киргизия» дунганской легенды «Часовня копченой селедки», записанной Е.Д. Поливановым в 1935 году в ходе первой лингвистической экспедиции по изучению диалектов дунганского языка (12 мая 1935 г.)

И вроде бы положение Поливанова начало укрепляться – в марте 1936 года он получил извещение, что в Академии Наук приняты к изданию все написанные им туда работы[1], но из Киргизии в Москву, между тем, летели донесения о невыполнении профессором Поливановым плана научно-исследовательской работы. «ПОЛИВАНОВ. – закрепление по плану 2 темы, не разработано и не сделано 2, хотя сроки уже истекли»[2]. Примерно в это же время И.А. Батманов подвергает критике педагогические способности Е.Д. Поливанова, и в 1935–1936 учебном году последнего снимают с работы в Пединституте. Чтение курса общего языкознания передают И.А. Батманову[3]. Тучи над головой красного профессора вновь начали сгущаться.

Летом 1936 года «разоблаченному в непрофессионализме» Е.Д. Поливанову и его ученику и коллеге Ю. Яншансину поручается участие в работе по переводу проекта Конституции на дунганский и киргизский языки, а в 23 июля 1936 году они отправляются в свою вторую экспедицию, маршрут которой пролегал через Токмак, Милянфан, Александровку (ныне Сокулук) и заканчивался в селе Каракунуз (ныне Масанчи, Республика Казахстан). И в самом ее начале появляются первые наброски грамматики дунганского языка для средней школы. «…Многие замыслы будущих научных работ рождались здесь, – рассказывал Ю. Яншансин. – Он (Е.Д. Поливанов. – *Авт.*) обдумывал в Токмаке свою концепцию грамматики дунганского языка, подключил к этой работе и меня – я занимался подбором материала, писал практические разделы, а он – теорию и на основе ее – главы грамматических категорий. К концу года грамматика дунганского языка для школы была готова…»[4]

[1] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 13.

[2] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. Л. 29.

[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 942 а. Л. 63.

[4] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 121.

По оценкам современных ученых, научная грамматика дунганского языка предвосхитила выводы новейших социолингвистических исследований, показав, как можно исследовать микроэволюционные процессы развития языка в пределах небольших интервалов времени.

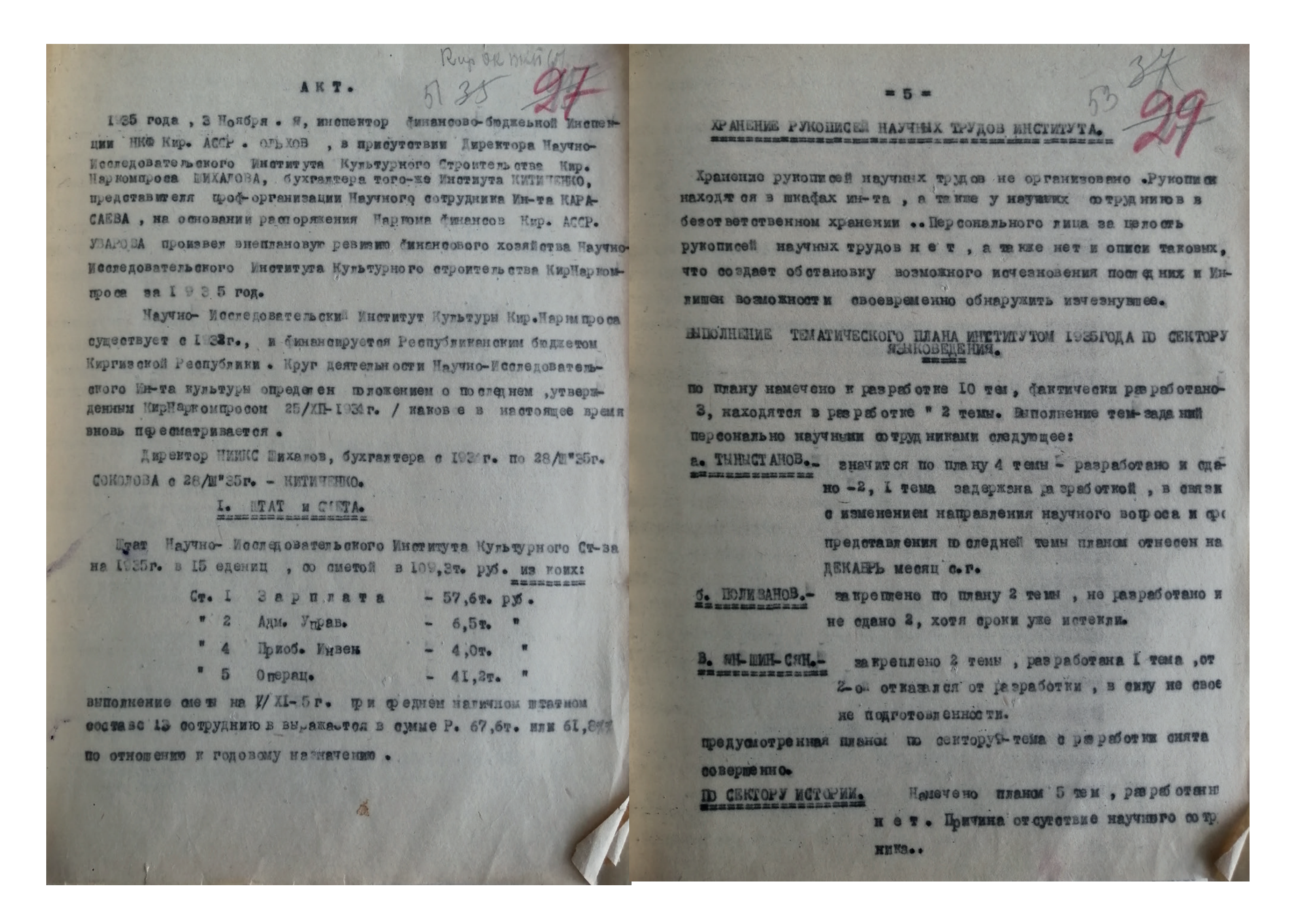
Новые учебники на дунганском языке

Профессором Поливановым закончена научная грамматика дунганского языка, заказанная ему Киргизским научно-исследовательским институтом культурного строительства. В октябре будет просмотр этой работы в институте.

Кроме того, профессором Поливановым исправлена, совместно с научным работником института т. Ян [illegible], школьная грамматика для первого и второго годов обучения, вышедшая из печати, и грамматика для третьего и четвертого годов, которая находится сейчас в печати.

В скором времени проф. Поливановым будет закончена грамматика для средней школы тоже на дунганском языке.

Заметка в газете «Советская Киргизия» о завершении работы Е.Д. Поливанова над научной грамматикой дунганского языка, а также школьной грамматикой дунганского языка для первого, второго, третьего и четвертого годов обучения, подготовленной совместно с Ю. Яншансиным (27 сентября 1935 г.)



АКТ.

1935 года, 3 Ноября. Я, инспектор финансово-бюджетной Инспекции НКФ Кир. АССР. ОРЬХОВ, в присутствии Директора Научно-Исследовательского Института Культурного Строительства Кир. Наркомпроса ШИХАЛОВА, бухгалтера того-же Института КИТИЧЕНКО, представителя проф-организации Научного сотрудника Ин-та КАРАСАЕВА, на основании распоряжения Наркома Финансов Кир. АССР. УВАРОВА произвел внеплановую ревизию финансового хозяйства Научно-Исследовательского Института Культурного строительства КирНаркомпроса за 1935 год.

Научно-Исследовательский Институт Культуры Кир.Наркомпроса существует с 1932г., и финансируется Республиканским бюджетом Киргизской Республики. Круг деятельности Научно-Исследовательского Ин-та культуры определен положением о последнем, утвержденным КирНаркомпросом 25/XII-1934г. / каковое в настоящее время вновь пересматривается.

Директор НИИКС Шихалов, бухгалтера с 1934г. по 28/III"35г. СОКОЛОВА с 28/III"35г. - КИТИЧЕНКО.

I. ШТАТ и СМЕТА.

Штат Научно-Исследовательского Института Культурного Ст-ва на 1935г. в 15 едениц, со сметой в 109,3т. руб. из коих:

Ст. I	Зарплата	-	57,6т. руб.
" 2	Адм. Управ.	-	6,5т. "
" 4	Приоб. Инвен	-	4,0т. "
" 5	Операц.	-	41,2т. "

выполнение сметы на I/XI-5г. при среднем наличном штатном составе 13 сотрудников выражается в сумме Р. 67,6т. или 61,8% по отношению к годовому назначению.

- 5 -

ХРАНЕНИЕ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ИНСТИТУТА.

Хранение рукописей научных трудов не организовано. Рукописи находятся в шкафах ин-та, а также у научных сотрудников в безответственном хранении.. Персонального лица за целость рукописей научных трудов нет, а также нет и описи таковых, что создает обстановку возможного исчезновения последних и Ин- лишен возможности своевременно обнаружить исчезнувшее.

ВЫПОЛНЕНИЕ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПЛАНА ИНСТИТУТОМ 1935ГОДА ПО СЕКТОРУ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ.

по плану намечено к разработке 10 тем, фактически разработано- 3, находятся в разработке " 2 темы. Выполнение тем-заданий персонально научными сотрудниками следующее:

а. ТЫНЫСТАНОВ.- значится по плану 4 темы - разработано и сдано -2, I тема задержана разработкой, в связи с изменением направления научного вопроса и [illegible] представления последней темы планом отнесен на ДЕКАБРЬ месяц с.г.

б. ПОЛИВАНОВ.- закреплено по плану 2 темы, не разработано и не сдано 2, хотя сроки уже истекли.

В. ЯН-ШИН-СЯН.- закреплено 2 темы, разработана I тема, от 2-ой отказался от разработки, в силу не своей не подготовленности.

предусмотренная планом по сектору 9-тема о разработки снята совершенно.

ПО СЕКТОРУ ИСТОРИИ. Намечено планом 5 тем, разработанных нет. Причина отсутствие научного сотрудника..

Акт внеплановой ревизии финансового хозяйства НИИКС от 3 ноября 1935 года. ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. ЛЛ. 27, 29

Отрывок из письма Е.Д. Поливанова В.Б. Шкловскому

Теперь самое главное, дорогой мой друг, это — чтобы появление старых друзей не причиняло волнений и хлопот Вам: напр., отнюдь не надо, чтобы Вам досаждала мысль: «Надо, дескать, ответить = написать письмо Поливанову». Поверьте, что этого не надо, потому что я хорошо знаю, насколько такая мысль способна превратить воспоминания о старом друге в неприятное и даже гнусное воспоминание (как о некой досадной невыполненной обязанности). Гораздо лучше будет, если Вы исполните — со временем — когда у меня будут просьбы (и если они будут), некоторые мои просьбы (что Вам и легче будет, чем писать письма; к тому же я наблюд. след. обстоятельство: для профессионалов «пера» (или калама, т. е. профессионалов письма) писать письмо — это нечто другое, чем для обывателя, имеющего собственную корову, ибо ведь это — неоправданный расход писчей энергии); и поэтому я прошу отнюдь не писать мне — за исключением того, что надо будет телеграфировать: можно так — написать как телеграмму 2—3 maximum I8 слов), а послать как письмо: и времени не будет потеряно, и цель достигнута, а в том, что меня помните. Я уже дважды за последнее время убедился и крайне, — очень много — ценю это, и это мне большая поддержка в том «опущении» (кажется так от «опустился»), в каком я нахожусь здесь в Фрунзе. А опущение состоит в одном:

в том, что я примирился с мыслью уйти в навоз, т. е. удобрить ср.-азиатскую (и никакую другую землю) и на этом считать задачи своего существования исчерпанными. Во всем же остальном дела мои состоят прекрасно (к необходимости удобрить собою землю и только относится, конечно, и утрата рукописей — около полусотни готовых научных работ в Ташкенте, но об этом или ниже будет сказано, или вопче не стоит говорить). Итак, во всем остальном дела очень хорошо обстоят, но тут необходимо дать пояснение, по какой причине я живу во Фрунзе и не хочу перебираться отсюда. Причины эти для меня решающие. Если начать с первой (и признаюсь, не самой решающей), во Фрунзе — одна (или, если считать Алмату — одна из двух) только точка, где пересекаются 2 из моих специальностей: китаеведение и туркология (правда, япон. яз. здесь уже не причем, но трех пересекающихся линий, как вы знаете в мире вообще не бывает, или бывает только раз в жизни: потом следить до старости и ждешь второго случая того пересечения трех линий, но.. может быть и будет). Вторая причина — чисто личного, и даже материально (но специфического) характера: только тут, во Фрунзе 3) я (и жена моя, и свояченица моя = сестра жены моей) получаем на самом законном основании то, что нам приходилось незаконно (лучше: нелегально: лат. слово приличнее!) и за большие деньги получить в других городах; и это самое основное обоснование нашего (относительного, но конечно же безбрежного) благополучия (короче говоря, у меня сейчас заработок достигает 3.000 в месяц — может идти на человеческие нужды, а не выбрасываться гнусным спекулянтом); и так как нигде я не смогу найти подобных условий (— о которых отнюдь не надо распространяться в других городах, чтобы не повредить и мне и другим), то это (но не одно это!) прикрепляет меня к этому месту. В третьих я с отвращением думаю о всяком другом климате, кроме среднеазиатского. И вообще здесь хорошо. Я пишу учебники (на дунганском и т.д.), но их вам не буду посылать, чтобы не надоедать, пишу кое-что научное (посылаю мой доклад, читанный на Амстердамском конгрессе, который Рома (Якобсон — авт.) напечатал в журнале своего кружка (Пражской лингвистической школы — авт.) — кружок есть преемство Московского Лингвистического кружка), написал большую работу о дунганском языке — она пойдет в изданиях нашего здешнего Иссл. Ин-та и много другого, но главное у меня маринуется в Ташкенте (что уцелело), но об этом после. В общем здесь очень хорошо, и было даже отлично, пока не перебрался (я сам же помогал!) I ч-к, не то, что вредящий (мне он не вредит), а слишком уже подло-лицемерный: и приходится с ним на каждом шагу сталкиваться. Но больше я, пожалуй, сейчас не напишу это письмо, времени нет; а пока мои просьбы (не для того, чтобы с ними возиться вам, а чтобы при случае, если подойдет, кому поручить — вы бы вспомнили, и тем очень мне помогли[1].

[1] РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 727. Лл. 2–4.

Г. Жантлевскому

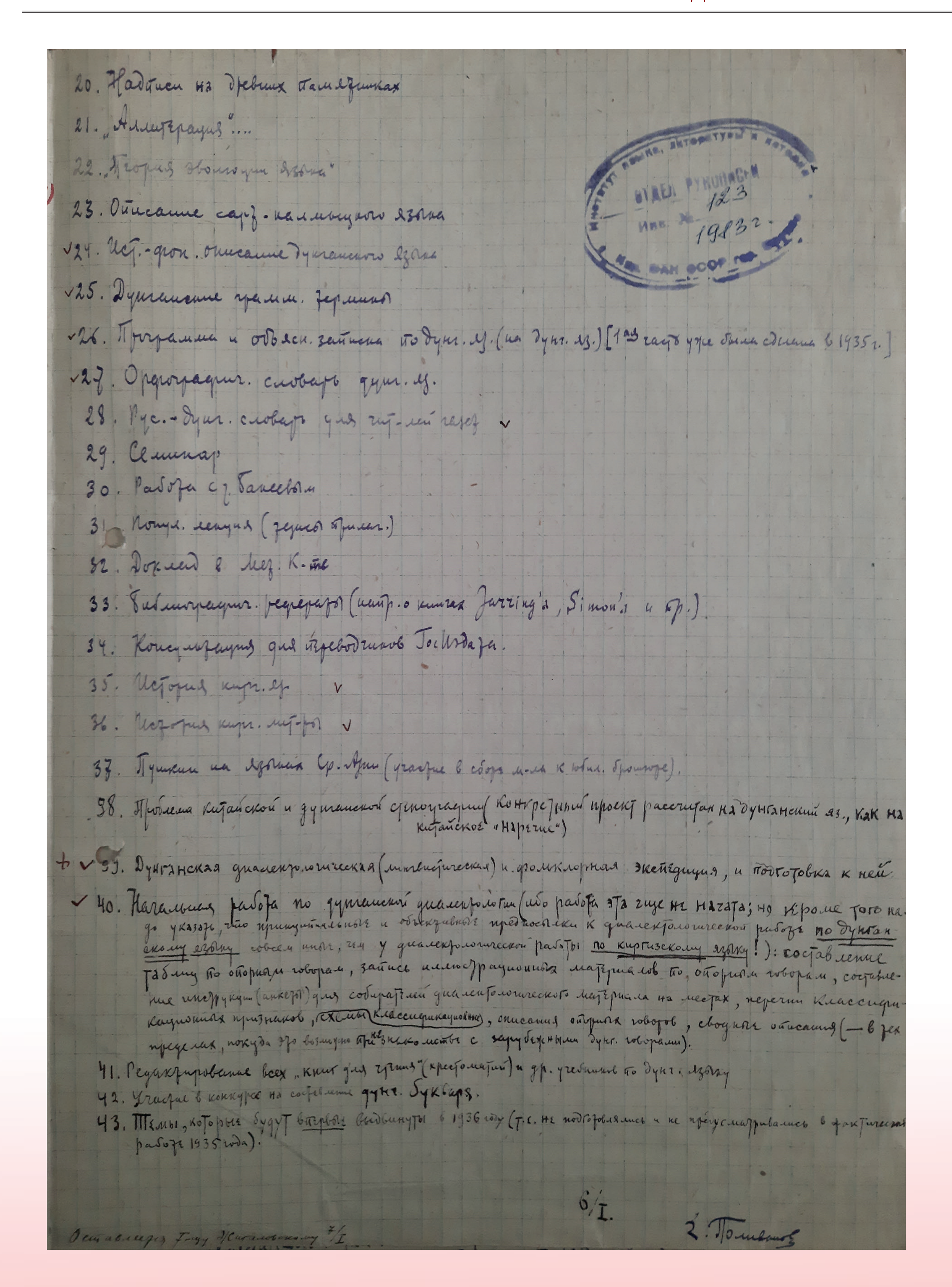
Е. Поливанов

Наметка элементов плана на 1936 год по дунганской линии (преимущественно по языку), а также моих личных работ по другим линиям, представленных в Ин-те (кирг. яз. и т.п.).

Примечание. Учитывая, что исправление перепечатанных на машинке лингвистических работ – в виду их специфического текстового содержания – занимает не меньше (а фактически – часто больше) времени, чем написание (составление) этих работ, я полагаю, что значительную часть времени придется уделить (в начале года) именно на это внешнее оформление (а также на окончательное редактирование) готовых уже работ 1935 года. Особо я отмечаю также работы по (предстоящей автором) корректуре находящихся ныне в печати учебников.

1. Согласование работ по дунганской орфографии
2. Заслушание тезисов по терминологии дунг. языка.
3. Заслушание тезисов по перспективам развития дунганского лит. языка.
4. Редактирование работы Батманова и Арканова: учебник кирг. языка для учреждений <работа закончена мною 6/I>
5. Рецензирование „Синтаксиса" Тыныстанова и коллективное обсуждение некоторых спорных вопросов (в связи с этой работой): напр. о tataal ee, tataal bajandooc &c.
6. Корректура находящегося в печати II выпуска „Гр-ки дунг. языка" (на дунг. яз.) Поливанова и Ян Ся Сана
7. Оформление статьи: „Тональная система дунганского языка"
8. Оформление монографии: „Проблема тюркского языкового влияния в дунганском языке".
9. Оформление и окончательное редактирование большой работы – („научной") гр-ки дунганского языка (на русском языке)
10. Окончательное оформление работы: „История дунг. лит. языка"
11. Запись иллюстрационного материала (текстов в фон. транскрипции, вокабуляров и пр.) для научных работ по дунг. языку
12. Окончательное редактирование и оформление работы по дунганской худ. литературе (и переводов образцов ее).
13. Разработка имеющихся в Ин-те фольклорных материалов по дунг. языку.
14. Окончание инструкции обработчикам „Манаса" [эта работа будет выслана 7/I (в Москву)]
15. Новая переписка и редактирование (согласно новой инструкции) подстрочных переводов из „Манаса"
16. Дальнейшие подстрочные переводы по „Манасу"
17. Поэтическая обработка „Манаса"
18. Моя (Е.П.) часть предисловия к рус. изд. „Манаса".
19. Дифференциальное описание казакской и киргизской фонологических систем.

«Наметка элементов плана на 1936 год» по дунганской линии (преимущественно по языку), а также других работ «по другим линиям», представленным в НИИКЯП, Е.Д. Поливанова. Рукопись датирована 6 января 1936 г. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 122. ЛЛ. 1–2



20. Надписи на древних памятниках

21. „Аллитерация"...

22. „Теория эволюции языка"

23. Описание сарт.-калмыцкого языка

√24. Ист.-фон. описание дунганского языка

√25. Дунганские грамм. термины

√26. Программа и объясн. записка по дунг. яз. (на дунг. яз.) [1-ая часть уже была сделана в 1935 г.]

√27. Орфографич. словарь дунг. яз.

28. Рус.-дунг. словарь для чит-лей газет √

29. Семинар

30. Работа с т. Бакеевым

31. Попул. лекция (текст прилаг.)

32. Доклад в [illegible] К-те

33. Библиографич. рефераты (напр. о книгах Jarring'a, Simon'a и др.)

34. Консультация для переводчиков ГосИздата.

35. История кирг. яз. √

36. История кирг. лит-ры √

37. Пушкин на языках Ср. Азии (участие в сборе м-ла к юбил. брошюре).

38. Проблема китайской и дунганской стенографии (конкретный проект рассчитан на дунганский яз., как на китайское „наречие")

+ √ 39. Дунганская диалектологическая (лингвистическая) и фольклорная экспедиция, и подготовка к ней

√ 40. Начальная работа по дунганской диалектологии (ибо работа эта еще не начата; но кроме того надо указать, что принципиальные и объективные предпосылки к диалектологической работе по дунганскому языку совсем иные, чем у диалектологической работы по киргизскому языку!): составление таблиц по опорным говорам, запись иллюстрационных материалов по опорным говорам, составление инструкции (анкеты) для собирателей диалектологического материала на местах, перечни классификационных признаков, схемы классификационные, описания опорных говоров, сводные описания (— в тех пределах, покуда это возможно при незнакомстве с зарубежными дунг. говорами).

41. Редактирование всех „книг для чтения" (хрестоматий) и др. учебников по дунг. языку

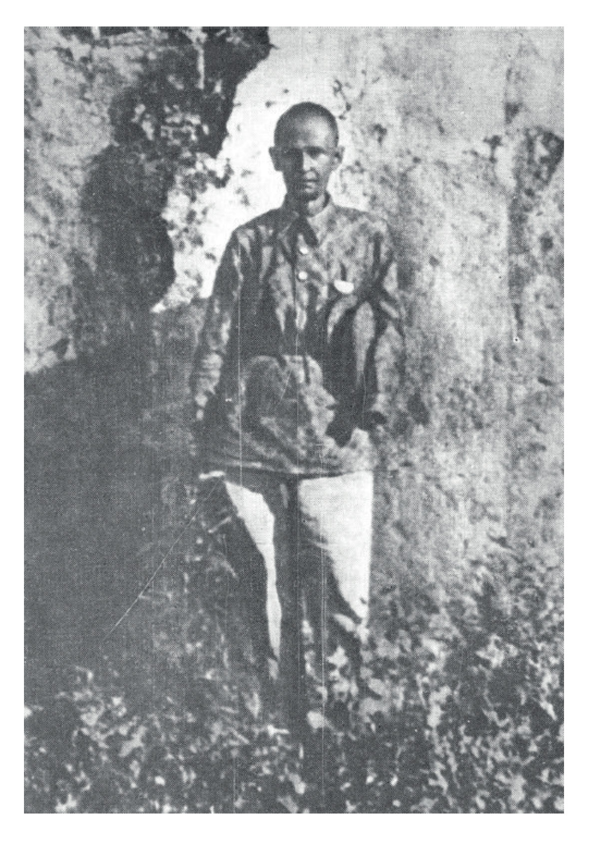
42. Участие в конкурсе на составление дунг. букваря.

43. Темы, которые будут впервые выдвинуты в 1936 году (т. е. не подготовлялись и не предусматривались в фактической работе 1935 года).

6/I.

Е. Поливанов

Оставляется т-щу [illegible] 7/I



Е.Д. Поливанов у развалин дунганской фанзы в селе Александровка. Фотография была сделана Ю. Яншансиным в ходе диалектической экспедиции (1936 г.)

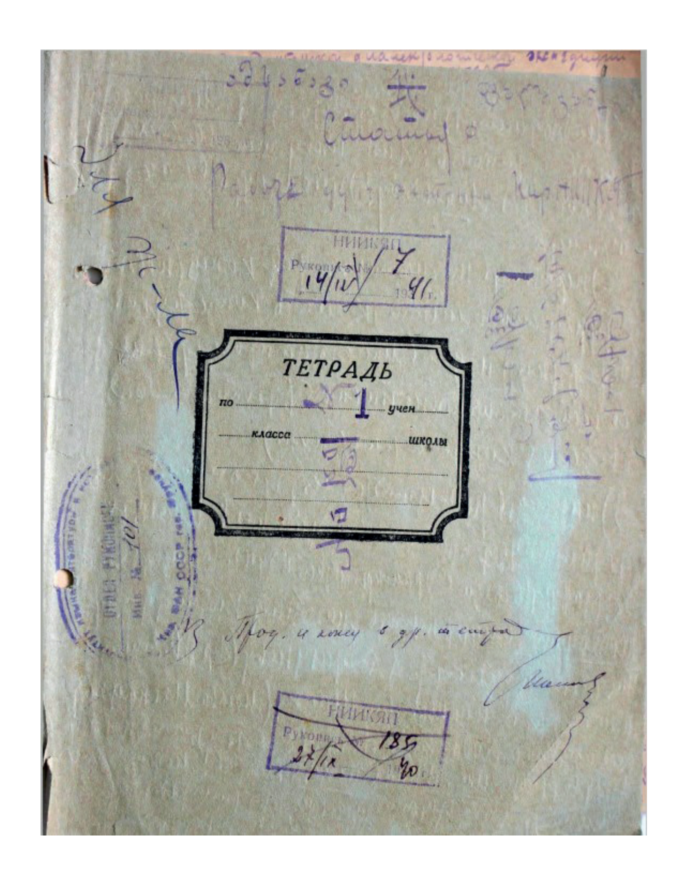
Главной целью второй дунганской экспедиции было «обследование диалектов дунган, живущих на территории СССР, т. е. в пределах Киргизской и Казахской республик». Несмотря на территориальную узкость исследования, Е.Д. Поливанов нисколько не умалял их огромной значимости. «…Не следует преуменьшать показательного значения этих диалектов, ибо несомненно, что в них отразилась и значительная часть того диалектологического разнообразия, которое имеет место в зарубежной дунганской речи, – отмечал он в своих заметках "Из работ дунганской диалектологической экспедиции НИИКЯП[1]" . – Дело в том, что, во-первых, переселение дунган на российскую (– ныне Советскую) территорию происходило в сравнительно недавний – с точки зрения историко-лингвистической хронологии – период: в 1876 и 1882 годах, и перенесенная в этих миграциях на новые места дунганская речь не успела еще значительным образом дифференцироваться от ее зарубежных образцов (некоторые специфические отличия, разумеется, смогли уже здесь сложиться за истекшие 60 лет /respective – 54 года), но известную часть этих "российско-дунганских" и "советско-дунганских" языковых новшеств мы уже заведомо можем классифицировать как продукт языковой эволюции на новой уже территории. Во-вторых, те два наречия (точнее: два диалекта), которые имеют характер коллективных языковых систем у местных, советских дунган, – так называемое Ганьсуйское (от имени провинции Ганьсу) и так называемое Шэнсийское (они имени провинции Шэньси) наречия дают нам представление о двух крупнейших разновидностях зарубежной дунганской речи»[2].

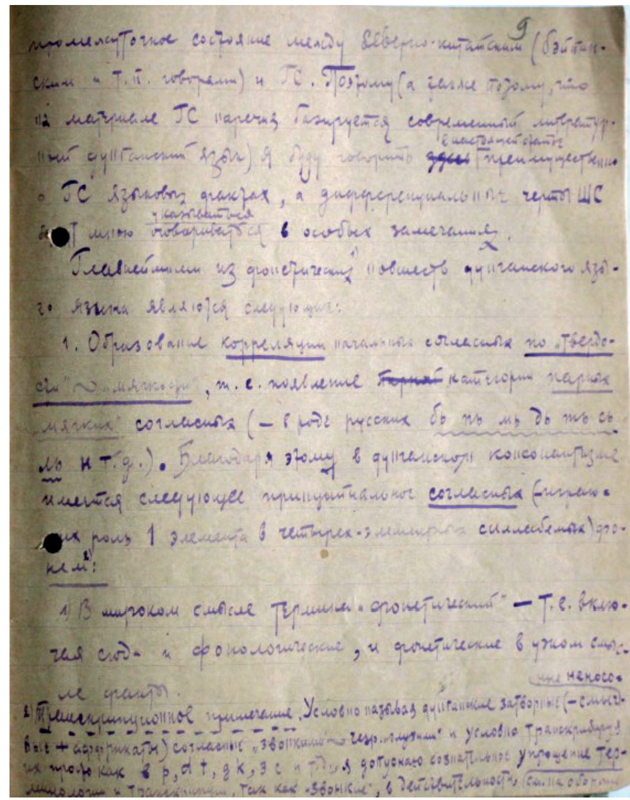
О ходе экспедиции и ее успехах Е.Д. Поливанов писал следующее: «Наиболее важной задачей экспедиции было изучение и описание второго т. н. Шэнсийского… Наречие это представлено, гл. образом, дунганским населением Каракунуза (на территории Каз. ССР – в 9 км от Токмака) и самого Токмака. В эти пункты мы поэтому сразу и направились в начале второго рейса[3] нашей экспедиции (19/VIII). Наречие это до сих пор вовсе не наблюдалось мною, и в первый же вечер работы в Токмаке (в день приезда) я установил, насколько сильно отличается оно от известного мне уже Ганьсуйского наречия. Отсюда вытекает, что главная суть работы в нашей экспедиции должна была состоять в фонологи-

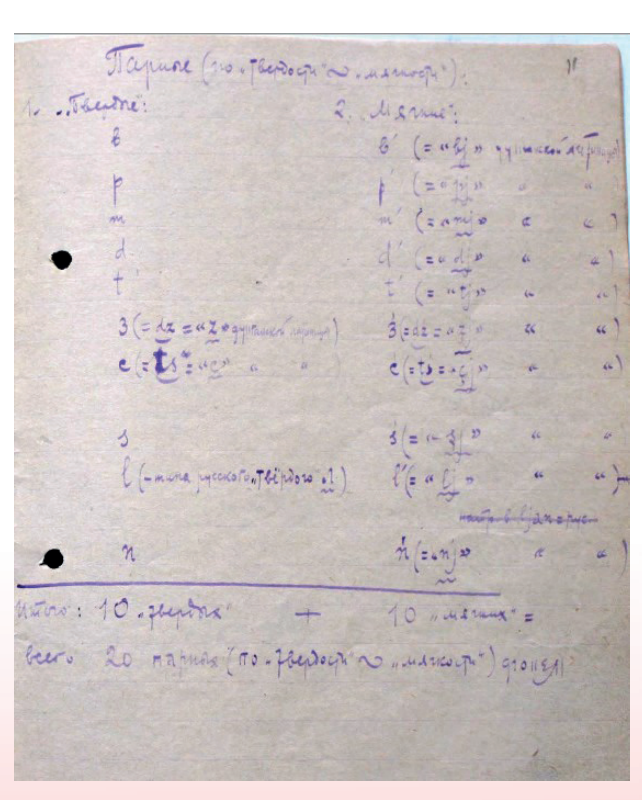
[1] В 1936 году Киргизский научно-исследовательский институт культурного строительства (КирНИИКС) был переименован в Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности (НИИКЯП)

[2] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 101. ЛЛ. 76–77.

[3] На несколько недель Е.Д. Поливанов был вынужден прервать экспедицию и отправиться в Ташкент, куда он был вызван ЦК Компартии Узбекистана по поводу дел «о злостных утратах и задержках печатания» его научных работ. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 100. Л. 26.







Одна из «Киргизских тетрадей» – рукописей Е.Д. Поливанова, написанных им во время работы в Киргизии, – в которой ученый делал записи в ходе диалектной экспедиции 1936 г. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 101

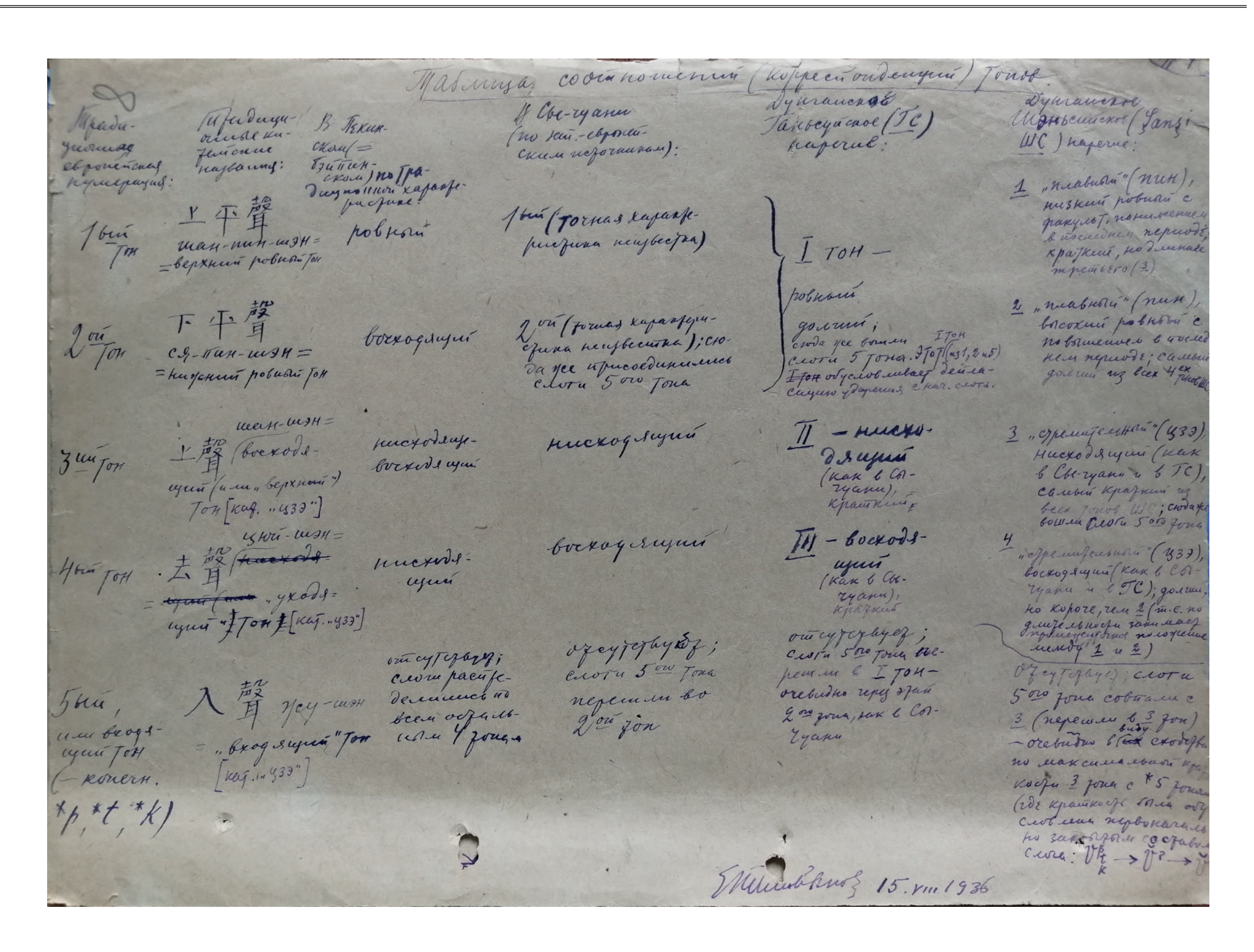


Таблица соотношений (корреспонденций) тонов

Традиционная европейская нумерация:	Традиционные китайские названия:	В Пекинском (= Бэйпинском) по традиционной характеристике:	В Сы-чуани (по кит.-европейским источникам):	Дунганское Ганьсуйское (ГС) наречие:	Дунганское Шэньсийское (Şanşi ШС) наречие:
1ый тон	上平聲 шан-пин-шэн = верхний ровный тон	ровный	1ый (точная характеристика неизвестна)	I тон — ровный долгий; сюда же вошли слоги 5 тона. Этот I тон (из 1, 2 и 5) обусловливает [illegible] ударения с нач. слога.	1 „плавный" (пин), низкий ровный с факульт. понижением в последнем периоде; краткий, но длиннее третьего (3)
2ой тон	下平聲 ся-пин-шэн = нижний ровный тон	восходящий	2ой (точная характеристика неизвестна); сюда же присоединились слоги 5ого тона		2 „плавный" (пин), высокий ровный с повышением в последнем периоде; самый долгий из всех 4ех тонов ШС
3ий тон	上聲 шан-шэн = (восходящий (или „верхний") тон [кат. „цзэ"]	нисходяще-восходящий	нисходящий	II — нисходящий (как в Сы-чуани), краткий	3 „стремительный" (цзэ), нисходящий (как в Сы-чуани и в ГС), самый краткий из всех тонов ШС; сюда же вошли слоги 5ого тона
4ый тон	去聲 цюй-шэн = ~~нисходя-~~ „уходящий" тон [кат. „цзэ"]	нисходящий	восходящий	III — восходящий (как в Сы-чуани), краткий	4 „стремительный" (цзэ), восходящий (как в Сы-чуани и в ГС); долгий, но короче, чем 2 (т. е. по длительности занимает промежуточное положение между 1 и 2)
5ый, или входящий тон (— конечн. *p, *t, *k)	入聲 жу-шэн = „входящий" тон [кат. „цзэ"]	отсутствует; слоги распределились по всем остальным 4 тонам	отсутствует; слоги 5ого тона перешли во 2ой тон	отсутствует; слоги 5ого тона перешли в I тон — очевидно через этап 2ого тона, как в Сы-чуани	Отсутствует; слоги 5ого тона совпали с 3 (перешли в 3 тон) — очевидно в виду сходства по максимальной краткости 3 тона с *5 тоном (где краткость была обусловлена первоначально закрытым составом слога: Vp/t/k → V? → V̆)

Е. Поливанов 15.VIII 1936

Таблица соотношений тонов в Ганьсунском наречии дунганского языка, нарисованная Е.Д. Поливановым. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 100. Л. 8

ческом и морфологическом описании Шэньсийского наречия..., отношении дифференциальном по отношению к Ганьсуйскому наречию. Задача эта может считаться выполненной, и нужно сказать, что это была довольно трудная задача ввиду специфических особенностей китайских вообще языков, в том числе – дунганского, а также и относительной сложности самой дунганской диалектологической системы по сравнению с Ганьсуйской. Дело, прежде всего в том, что исследовательско-описательная работа над языками монотоническими (без музыкального слогоударения как в дунганском, или без музыкального слогоударения, как в японском), т. е. над такими, например, языками, как киргизский, узбекский, казахский и т. п. турецкие или как персидский, афганский, русский и т. д. и т. д. во много раз легче и требует в 30–40 раз меньше времени, чем аналогичная же по общим заданиям исследовательско-описательная работа над языками политоническими, как то дунганскому и прочим ново-китайским, японскому, определенным африканским языкам... Нельзя приступить к транскрипции слов (а тем более фраз и текстов), не уяснив себе системы мелодических различений, существующей в каждом данном говоре. А изучение этой системы (в частности изучение дунганских Шэнскийских “тонов”, или мелодических слогоразличений) является очень трудным делом, которое может потребовать несколько недель и даже месяцев упорной работы.

В качестве примера сошлюсь на то, что когда я делал свое открытие систем музыкального словоударения в японских диалектах, мне пришлось около месяца проработать (самым усердным образом) над востоко-японскими диалектами и около 7 недель над западно-японскими говорами до того, как я смог транскрибировать первые фра-

зы на данных диалектах. И если нам с товарищем Ян-Шан-Сином удалось в течение нескольких дней уяснить себе статический состав (а также вместе с тем и исторический генезис) Шэнь-сийско-дунганской системы "тонов", то это объясняется лишь наличием у нас известного опыта в области исследования данного именно рода фонетических фактов. Во всяком случае, работая над этими явлениями, мы вскрывали вещи, безусловно неизвестные ни одному из зап.-европейских лингвистов, как и ни одному из доселе работавших над дунганским языком советских китаистов, и можем сказать, что работу эту мы выполнили в той мере, в какой она вообще осуществима без специальных экспериментально-фонетических приборов…»[1].

В этом, подчеркивал Поливанов, была большая заслуга Ю. Яншансина. «Только благодаря ценным качествам своего сотрудника тов. Яншансина, которого я искренне считаю отличным товарищем по работе, экспедиция смогла сделать то, что она сделала, и в общем удовлетворить тем требованиям, которые ей ставились»[2], – писал он.

Подробному изложению всех вышеперечисленных вопросов должна была быть посвящена особая монография, за которую Поливанов планировал приняться в ближайшие после экспедиции месяцы. Однако подготовленный им отчет об экспедиции, монография «Главнейшие особенности дунганского языка», «Очерк дунганской диалектологии» и целый ряд других работ по дунганистике, которые могли бы составить несколько томов печатных изданий, по сей день остаются неизданными, продолжая храниться в Рукописном фонде Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР.

Краткие извлечения из них под названиями «О политоническом ударении», «Соотношение фонетики и морфологии», «Об аномальных слогах»

---

[1] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 100. ЛЛ. 27–29.

[2] Там же. Л. 3.

Е.Д. Поливанов с большой теплотой относился к своим ученикам и никогда не отказывал им в поддержке. Одним из них был выдающийся лексикограф К.К. Юдахин, который в 1936 году лично прибывает во Фрунзе с тем, чтобы получить визу обкома ВКП (б), которая позволила бы ему издать свой киргизско-русский словарь. В киргизском обкоме партии с ответом тянули. Тогда к первому секретарю Киробкома М.Л. Белоцкому с письмом обращается Е.Д. Поливанов. В нем он пишет: «Киргизско-русский Словарь Юдахина представляет настолько ценную, исключительно ценную работу (сравнимую лишь с якутским словарем Пекарского и осетинским словарем Миллера), что ставить преграды опубликованию этого словаря непростительно. Всякая дальнейшая правка словаря — кроме, конечно, политконтроля — будет излишней задержкой. Я полагаю, что до отъезда тов. Юдахина нужно было бы санкционировать словарь к печати»[I].

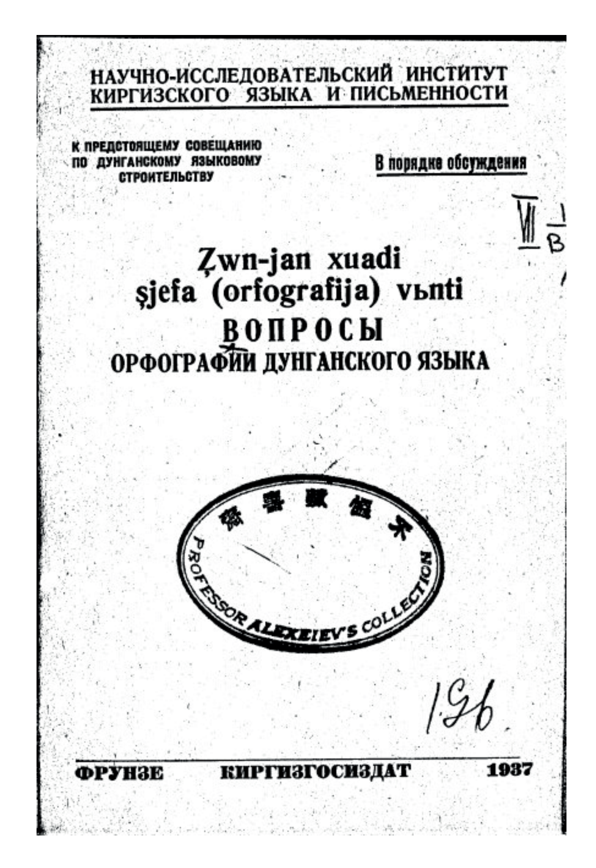
[I] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. Л. 93.

были напечатаны в 1971 году в сборнике «Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению»[3]. В них, анализируя дунганские слоги и процесс утраты политонии в различных языках мира, Е.Д. Поливанов определил и выделил аномальные слоги, отметил сокращение количества тонов в дунганском языке, а также сделал ряд тонких наблюдений в области дунганской фонетики и морфологии[4].

---

[3] Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. – М., 1971.

[4] Имазов М.Х. Е.Д. Поливанов и дунгановедение в Кыргызстане // Международный научный семинар «Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении»: Сборник научных статей, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Е.Д. Поливанова. Смоленск, 27–28 февраля 2001 г. – Смоленск, 2001. – С. 34.


НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ СОВЕЩАНИЮ ПО ДУНГАНСКОМУ ЯЗЫКОВОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

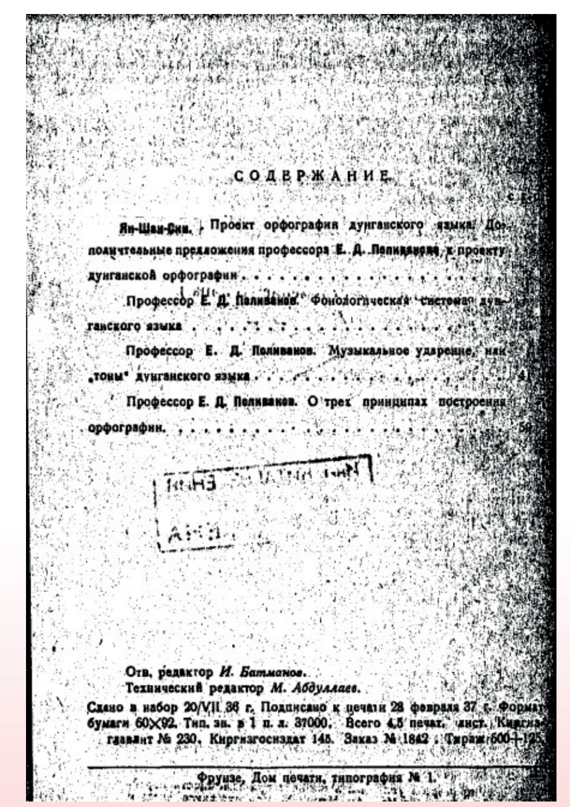
В порядке обсуждения

Ẓwn-jan xuadi şjefa (orfografija) vьnti

ВОПРОСЫ ОРФОГРАФИИ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА

PROFESSOR ALEXEIEV'S COLLECTION

ФРУНЗЕ КИРГИЗГОСИЗДАТ 1937


СОДЕРЖАНИЕ

Ян-Шан-Син. Проект орфографии дунганского языка. Дополнительные предложения профессора Е. Д. Поливанова к проекту дунганской орфографии

Профессор Е. Д. Поливанов. Фонологическая система дунганского языка . . . 30

Профессор Е. Д. Поливанов. Музыкальное ударение, как „тоны“ дунганского языка . . . 41

Профессор Е. Д. Поливанов. О трех принципах построения орфографии . . . 59

Отв. редактор *И. Батманов*.
Технический редактор *М. Абдуллаев*.
Сдано в набор 20/VII 36 г. Подписано к печати 28 февраля 37 г. Формат бумаги 60×92. Тип. зн. в 1 п. л. 37000. Всего 4,5 печат. лист. Киргизглавлит № 230. Киргизгосиздат 145. Заказ № 1842. Тираж 600+125.

Фрунзе, Дом печати, типография № 1.

Коллективная монография «Вопросы орфографии дунганского языка» (1937 г.)

Последней прижизненно изданной работой Е.Д. Поливанова стала написанная им совместно с Ю. Яншансиным монография «Вопросы орфографии дунганского языка» (1937 г.). В ней нашли свое описание тоны дунганского языка, его фонологическая система, включающая 31 согласную фонему, в том числе 11 мягких[1], гласная природа звука, передаваемого в современной дунганской орфографии сочетанием любой гласной буквы корня слова с последующей согласной буквой «р» (“q” в дунганской латинице), а также были обоснованы принципы построения орфографии дунганского языка, которые действуют и понине в современном дунганском правописании.

«Вклад Поливанова в развитие дунганского языка неоценим», – считают современные ученые. До сих пор никто кроме него не сделал для этой области науки столько, сколько он за 3 года своего пребывания в столице советской Киргизии. А извлеченные из архивов его рукописи (как только это стало возможно), определили главные направления исследований в области дунганистики.

Но наступил 1937 год, и в разные уголки страны Советов из Научно-исследовательского института киргизского языка и письменности полетели свойственные духу времени докладные записки и резолюции, в которых Е.Д. Поливанов, а вместе с ним и его коллега К. Тыныстанов были названы «врагами народа – троцкистскими шпионами и их пособниками»[2], тормозившими процесс культурного строительства.

«1. Разоблаченные партией и трудящимися массами агенты фашизма, троцкистско-бухаринские шпионы и буржуазные националисты, – говорилось в докладе китаеведа, основного разработчика китайского нового алфавита А.Г. Шпринцина, прозвучавшем в ходе совещания по дунганскому языковому

[1] Поливанов Е.Д. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка // Вопросы орфографии дунганского языка. – Фрунзе, 1937. – С. 31, 35.

[2] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 942 а. Л. 27.

строительству, проходившем 3–6 октября 1937 года в городе Фрунзе, – избрали область культурного, в частности национального языкового строительства одним из мест осуществления своей контр-революционной вредительской деятельности.

Немало навредили враги народа в области теории и практики дунганского языкового строительства (Поливанов, Васильев, Иванов, Абдулин).

2. Эта вредительская работа проявилась в разных формах. С одной стороны вообще отрицалось право на существование дунганского литературного языка, который пытались подменить китайским. С другой стороны тормозилась практическая работа по языковому строительству, создавался искусственный разрыв между живой речью дунган и письменным дунганским языком. Создавался сложный и непонятный массам язык, извращались и искажались переводы важнейших документов партии и правительства.

3. Этой вредительской деятельности в немалой степени способствовала сама обстановка практической и теоретической языковой работы. В терминологической, орфографической и словарной работе до сих пор господствует бессистемность и случайность.

Эта работа проводится кабинетной узкой группой людей. С ней незнакомы и к ней не привлечены широкие массы дунганского актива. Среди самих работников по дунганскому языку (научных и редакционных работников, переводчиков), нет спаянности, отсутствует действенная большевистская критика и самокритика»[3].

Абстрактные формулировки обвинений не имели и не могли иметь доказательств, но и этого было достаточно, когда приговор красному профессору заочно уже был вынесен.

Кроме дунганистики, другим направлением исследовательской деятельности Поливанова во фрунзенский период становятся киргизский язык, который ученый осваивает в течение месяца в таком объеме и с такой научной глубиной (сказалось знание других тюркских языков), что становится консультантом К. Тыныстанова, занимавшегося вопросами орфографии киргизского языка.

В рецензии на «Проект новой орфографии киргизского языка» Тыныстанова красный профессор высоко оценивал профессионализм своего коллеги. «…Товарищ Тыныстанов перешел к вопросам, которые современная западная лингвистика относит к новой дисциплине, или отрасли языкознания: к так называемой МОРФОНОЛОГИИ, – писал он. – <…> И тот факт, что т. Тыныстанов не просто прислушался к последнему слову науки, а наоборот – самостоятельно пошел по параллельному ей пути, создав собственную свою “морфонологию” киргизского языка (хотя и не называемую им этим именем), уже сам по себе достаточно говорит о значительности достижений киргизского лингвиста. Этим я вовсе не хочу сказать, однако, что все вопросы морфонологического характера уже разрешены для киргизского языка Тыныстановым. Но во всяком случае сделано им уже достаточно для того, чтобы практические вопросы орфографии могли разрешаться на твердой базе теоретического материала»[4].

Не обходилось и без критики, однако она никогда не выходила за рамки научной профессиональной этики и всегда отличалась конструктивностью. С ученой педантичностью в замечаниях к тезисам К. Тыныстанова «О перспективах развития Киргизского литературного языка и задачах языковедческого фронта в Киргизии» Поливанов указывал на нежелательность наименования киргизского языка «древнейшим языком». «Это утверждение, – писал он, – может оспариваться с самых различных точек зрения (и лучше с ним не выступать, лучше ограничиться просто указанием, что в киргизском языке мы вскрываем элементы, идущие из эпохи охотничьего быта и т. д.): возражения могут быть

[3] Там же. ЛЛ. 33–34.

[4] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 125. ЛЛ. 1–2.

сделаны и с компаративной точки зрения (дескать, древнейший генезис данных языковых принадлежит не только киргизскому языку, как таковому, но и примитивному состоянию предков (предков, конечно, по линии языкового, не генеалогически-расового, преемства всех прочих турецких языков); с другой стороны, могут быть сделаны возражения такого рода: в хронологическом значении здесь слово “древний” или “древнейший” употреблять нельзя, т. к. мы вообще не знаем датировки (хронологической последовательности) возникновения доисторических языков, а если бы и имели какие-либо наметки в этом отношении, – напр. по поводу семитских, хамитских и т. д. языков, – то, скорее всего, из них можно было бы сделать обратный вывод, что в хронологическом отношении киргизский язык, или его предок – примитивный турецкий язык – не принадлежит к числу самых древнейших языков; остается понимать термин “древнейший” не в хронологическом, а в социально-экономическом значении – в смысле отношения к определенной стадии в истории соц.-экономических формаций. Но тогда это надо было выразить точнее! Кроме того, это – самый трудный, самый рискованный из вопросов исторического языкознания (древнейшая до-история языков), и потому касаться его в данных тезисах надо было бы в высшей степени осторожно, ЧТОБЫ не ввести слушателя в неправильное понимание»[1].

Генезис киргизского народа, диалекты и литературный киргизский язык, история национальной письменности, методика изучения киргизского языка в сопоставлении с русским – ничто не ускользало от внимания Е.Д. Поливанова. Часть этих уникальных исследований была представлена в семи ученических тетрадях, имеющих четыре раздела. В первом содержится интерпретация этнонима киргизов в историческом и лингвистическом аспектах, разъяснение «терминологической нелепости», вызванной тем, что самоназвание народа в этимологическом отношении оказалось тождественным русскому слову «казак». Восстанавливая истину, Е.Д. Поливанов отмечает, что терминологическая путаница сказалась на дифференциации киргизского языка в семье тюркских языков.

Большой интерес вызывают исследования Е.Д. Поливанова по этногенезу киргизского народа. Поддерживая гипотезу енисейского происхождения киргизов, связывая с этим отсутствие в Средней Азии другого тюркского языка, специфически близкого киргизскому, ученый в то же время настаивал на многочисленных этнических компонентах киргизской народности – как миграционных, так и местных, тяньшанских. «Говоря здесь (и ниже) о языковых предках киргизов (в которых я предполагаю авторов енисейского письма), – рассуждал он, – я имею в виду, конечно, турецкоязычных их предков, то есть турецкоязычную часть того конгломерата племен, из которого путем последовательных гибридизаций сложился современный киргизский национальный коллектив, – хотя бы в статистическом отношении эта часть и уступала нетурецко-язычным элементам (вместе взятым), или даже хотя бы по одному только монгольскому элементу. Надо сказать, что, несмотря на бесспорность этого процесса: смешение вполне различных народностей, – в отдельных частностях процесс этот (а значит, и история киргизов) остается еще далеко не освещенным и содержит много спорных для современного востоковедения моментов»[2].

Характеристике киргизского языка посвящен второй раздел работы. В ней ученый дает исторически содержательный анализ формирования киргизского языка, обретения им литературной нормы и обосновывает гипотезу о том, что «именно предки

[1] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 123. ЛЛ. 1 об. – 2.

[2] Цит. по: Тыныстанов, Е. Поливанов / Түз.: А. Акматалиев, М. Мукасов, Ө. Шаршеналиев. – Бишкек, 2003. – С. 168.

С П И С О К
рукописей Тыныстанова, Поливанова и других.

1.	Дементьев – Тыныстанов	Киргизский словарь зоологической терминологии
2.	С б о р н и к	Вопросы орфографии Киргизского языка.
3.	-"-	Вопросы орфографии Дунганского языка.
4.	Тыныстанов и Карасаев.	Правила об едином оформлении имен и фамилий на Киргизском и Русском языках.
5.	Поливанов Е.Д.	Дополнение предложения профессора Поливанова к проекту дунганской орфографии.
6.	-"-	Обще-лингвистический экскурс к статье Тональная система дунганского языка.
7.	-"-	О тех принципах построения орфографии.
8.	-"-	Фонологическая система дунганского языка.
9.	Тыныстанов	
10.	-"-	Тезисы по докладу Института на конференции Академии Наук СССР о состоянии работ по строительству киргизского языка.
11.	Тыныстанов К.	Вопросник для обследования Комит. нового алфавита.
12.	-"-	Значение народного "Манас", как художествен. памятника.
13.	-"-	Программа по Кир. Языку для 5-го класса для неполн. сред.
14.	-"-	Программа для семинара по подготовке редакторов и авторов / на кир. языке /.
15.	-"-	О языке газеты " Кызыл-Киргизстан".
16.	-"-	Отзыв на учебник
		учебная книга по кир. языку для III–IV классов.

\- 2 -

17.	Тыныстанов К.	Орфография и пунктуация Кир. языка / на киргизском языке/
18.	-"-	Отзыв на книгу Аскара: Идрисова / на кир. языке./
19.	Тыныстанов-Тойчинов.	Термины Социально-экономич. 1-й выпуск.
20.	Тыныстанов	Отзыв на рукописный труд "Вопросы языка в марксистском-ленинском освещении" тов. Врубеля.
21.	-"-	О качестве перевода " Справочник для заведующего начальной и средней школы.
22:	-"-	Родной язык могучий рычаг культурно-политического под"ема.
23.	-"-	Проект новой орфографии киргизского литературного языка.
24.	-"-	Отзыв на букварь Нематова " Грамотный колхозник"
25.	-"-	О переводе книги вопросы ленинизма тов. Сталина. / на кир. языке /.
26.	-"-	Рецензия на книгу тов. Бакеева " Книга по родному языку"
27.	-"-	Программа по кир. языку для I курса лит. ф-та Кир. Пединститута.
28.	-"-	О рукописи учебника "Синтаксиса
29,	-"-	За высокое качество перевода трудов классиков.
30.	-"-	Отчет по сектору языка за первое полугодие 1932 г.
31.	-"-	Программа по киргизскому языку для III кур. лит. ф-та Кир. Института.
32.	-"-	Влияние Иностранных терминов на киргизский язык.
33.	-"-	Терминология.
34.	-"-	О программе по Кир. Языку для начальной школы.
35.	-"-	
36.	Идрисов	М а т е р и а л
37.	-"-	-"-
38.	-"- А.	Краткий очерк соврем. кир. литературы.

\- 3 -

39.	И д р и с о в В. А.	Сар-Кындылар.
40.	-"-	
41.	Поливанов Е.Д.	Значение по поводу тезисов тов. Тыныстова о перспективе развития Киргизского литературного языка и задачах языковедческого фронта в Киргизии.
42.	Поливанов Е.Д.	Фонологическая система гласных Киргизского языка.
43.	-"-	Рецензия на брошюру тов. Тыныстова" проект новой орфографии Кир. языка труды К.НИИКС.
44.	-"-	Замечание на доклад тов. Тыныстова " об основных принципах построения Киргизской орфографии.
45.	И д р и с о в	Материал фольклорного характера на 4-х общ. тетрадях.
46.	Солтанаев Б	Термины по делопроизводству.
47.	Выходцев и Станов	Термины по почвоведению сост. Выходцев проверил Станов. 2 экз.
48.	Тыныстан.-Тойчинов	Общественно-политические термины.
49.	-"- -"-	Социально-экономич. термины.
50.	Солтанаев Б.	Термины по делопроизводству в карточках 1000 п. л.
51.	Тыныстанов К.	Лексикон Киргизского языка в тетрадях.
52.	Поливанов Е.Д.	Отчет о дунганской лингвистической экспедиции Кир. НИИКС.
53.	-"-	Материал по экспедиции.
54.	Степаненко	Словник словаря по естествознанию.
55.	Млидгазиев	Рецензия на термины анатомии и физиологии человека тов. Ахунбаева к № 120
56.	Поливанов	Из работ дунганской диалектологической экспедиции Кир. НИИКЯЛ.
57.	Макешев.	Программа 1-го класса по Кир. языку Грамматика.

\- 4 -

58.	Макешев	Программа 2-го класса
59.	-"-	-"- 3-го класса
60.	-"-	-"- 4-го класса
61.	Нематов	Программы – письмо развитие речи.
62.	Тыныстанов	Программы для средней школы.
63.	Поливанов	Диалекты дунганского языка. 64 стр.
64.	-"-	К происхождению Киргизии
65.	-"-	Основные принципы построения терминологической ....
66.	-"-	Силовая акцентуация
67.	Тыныстанов	Долгие гласные в киргизском языке.
68.	-"-	Об основных недостатках в проекте киргизской орфографии.

Список рукописей Е.Д. Поливанова, подготовленных в годы работы в НИИКЯП (1934–1937 гг.). В них значится 15 рукописей. Между тем, в архиве Рукописного фонда Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР в настоящее время хранится 27 рукописей. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 121. ЛЛ. 1–4

киргизов были авторами первой из турецких письменностей»[1].

В третьем разделе Поливанов рассматривает диалекты киргизского языка, отмечая их дифференциальную характеристику, «установленную выдающимся местным исследователем К. Тыныстановым». Здесь же в связи с историей создания киргизского алфавита на основе арабской графики и замечаниями по этому поводу, восстанавливающими истинную ситуацию, содержатся ценные наблюдения лексикографического порядка и намечаются задачи подготовки разнотипных словарей, в том числе терминологических.

Учитывая, что «Киргизские тетради» были написаны в 1934 году, когда киргизская лингвистика только зарождалась, воздействие поливановских лингвистических идей, методологии и методики описания языка на труды его коллег по КирНИИКСу, а затем НИИКЯП имело огромные масштабы, и позволяет нам сегодня утверждать, что именно он заложил ее основы.

Во Фрунзе Поливанов пишет свою последнюю работу по теории языка – «Словарь лингвистических терминов», предпринимая, таким образом, еще одну попытку вернуться в большую науку. Его рукопись в конце 50-х годов XX века была обнаружена в архиве АН СССР В.П. Григорьевым, издавшим ее частично, но с подробными комментариями. «Эта выправленная и частично отредактированная автором машинопись с многочисленными дополнительными вставками, – писал автор публикации, – последние 8 стр. написаны автором от руки. В нескольких местах сохранились даты написания отдельных статей. Последняя страница рукописи датирована 1. X/1935; здесь же указан адрес: г. Фрунзе, ул. Дзержинская, 37…»[2]. Мысль о его составлении созрела у ученого, по-видимому, в конце 20-х – начале 30-х годов XX столетия, когда он активно работал в ВЦК НА, где сталкивался с необходимостью создания и унификации лингвистической терминологии, в частности у тюркоязычных народов Средней Азии, когда он готовил к изданию «Введение в языкознание для востоковедных вузов» в нескольких томах и когда сотрудничал в качестве автора и редактора статей по языкознанию и поэтике в «Литературной энциклопедии». Тогда материал был использован частично и пригодился для его «Словаря».

Издать свой многолетний труд, создававшийся тогда, когда в русской лингвистике кроме «Грамматического словаря» Н.Н. Дурново не было традиции составления подобных словарей, Поливанов намеревался в Ташкенте, свидетельством чему являлось его письмо первому заместителю ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР Д. Коркмасову от 5 мая 1937 года. «Узнав, что Вам отослана (из Ташкента) на рецензию рукопись “Словаря лингвистических терминов”, – говорилось в нем, – спешу сказать, что я недавно (28.IV) привез с собою в Ташкент остальные статьи (для переписки на машинке и присоединения к уже ранее сделанным, после чего я имел в виду привести все статьи в алфавитный порядок). Если нужно, я могу (дав переписать на машинке) дослать остальные статьи (их довольно много). Во всяком случае, прошу учесть это при Вашем отзыве и решении относительно “Словаря”»[3].

Поводами для отправки рукописи «Словаря» в Москву могли служить сложившаяся в Средней Азии нетерпимая обстановка вокруг Поливанова, отсутствие в здесь специалистов по общему языкознанию такого высокого класса,

[1] Рудов М.А. Киргизские тетради Евг. Дм. Поливанова // Международный научный семинар «Н.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении»: Сборник научных статей, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Е.Д. Поливанова. Смоленск, 27–28 февраля 2001 г. – Смоленск, 2001. – С. 40.

[2] Григорьев В. П. «Словарь лингвистических терминов» Е. Д. Поливанова // Вопросы языкознания. –1960. – № 4. – С. 112.

[3] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 115.

Языковое строительство среди дунган

3 октября во Фрунзе открылось совещание по вопросам языкового строительства среди дунганского населения Киргизской ССР. Необходимость созыва такого совещания уже давно назрела, так как за пять лет, прошедших со времени первой дунганской языковой конференции (1932 г.), накопился целый ряд как практических, так и теоретических вопросов, требующих своего разрешения.

До Октябрьской революции дунгане своей письменности не имели. Грамотные среди них насчитывались единицами, да и то это были муллы и богачи, владевшие чуждым дунганам арабским письмом или же знавшие китайские иероглифы. Только в результате победы социалистической революции перед дунганами открылась возможность создания своей собственной культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме. Создан дунганский латинизированный алфавит, открыты школы, в которых на родном языке обучаются сотни дунганских детей. В ряде учебных заведений и институтов готовятся кадры преподавателей, советских, хозяйственных и партийных работников.

Эти достижения, свидетельствующие о торжестве ленинско-сталинской национальной политики, были бы еще более значительными, если бы в области культурного строительства не приложили своих грязных рук враги народа, фашистские шпионы, пробравшиеся на такие ответственные участки идеологического фронта, как редакция дунганской газеты, издательство и исследовательские институты.

Деятельность этих предателей была направлена к тому, чтобы задержать культурный рост дунганского народа, к тому, чтобы вернуть дунганский народ к проклятым временам темноты и бесправия, в которых он находился до революции.

Некоторые вредители—«профессор» Б. А. Васильев (Ленинград) и А. И. Иванов (Москва), прикрывались маской научности, отрицали за живой речью дунган право на самостоятельное существование, навязывая дунганам в качестве литературного языка чуждый дунганам китайский иероглифический язык.

Другие, вроде пробравшегося на работу в редакцию дунганской газеты, ныне разоблаченного фашистского шпиона Абдулина, создавали непонятный для масс литературный язык, искусственно отрывая его от живой народной речи. Тот же Абдулин, лицемерно жалуясь на недостаток кадров, умышленно задерживал рост и выдвижение молодых, преданных советской власти кадров, в частности, редакционных и издательских работников.

«Руководитель» дунганской секции Киргизского института языка и письменности, небезызвестный враг народа Поливанов составлял учебные грамматики дунганского языка, в которых вредительски извращал языковые факты и заставлял дунганских детей учить, что, например, слова «хороший», «большой», «также» являются глаголами, слово «если» — существительным, слово «очень»—предлогом и т. п. Фашистский агент Поливанов в своих «научных» работах позволял себе прямые антисоветские выпады и контрреволюционную клевету на лучших представителей советской лингвистической науки. Так, в одной из своих, к счастью не увидевших света, работ, посвященной дунганскому языку, Поливанов открыто делал контрреволюционные выпады против нового революционного учения о языке, созданного великим советским ученым, академиком-орденоносцем Н. Я. Марром.

От Поливанова не отставал и «руководитель» киргизской секции Киргизского института языка и письменности буржуазный националист Тыныстанов. Этот враг народа всячески пытался сорвать дело языкового строительства среди дунган, в частности первую дунганскую языковую конференцию 1932 г., и не стеснялся открыто заявлять, что если бы он был диктатором, то вообще бы не допустил, чтобы дунгане имели свою письменность.

Деятельность врагов народа значительно облегчалась тем, что и работники Киргизского института языка и письменности, и работники дунганской газеты, и научные работники центра (Ленинград) всю свою работу вели в отрыве от дунганских трудящихся масс, при отсутствии, как правило, критики и самокритики.

Врагам советского народа не удалось сорвать культурное и языковое строительство среди дунган. Однако на отдельных участках культурного и языкового строительства они навредили немало. Задача совещания заключается в том, чтобы одновременно с обсуждением вопросов об упорядочении дунганской орфографии, о принципах построения грамматики и о путях развития дунганского литературного языка до конца разоблачать этих врагов народа и их пособников, вскрыть до конца их сущность с тем, чтобы, ликвидируя последствия вредительства, еще более быстрыми темпами двинуть вперед дело дунганского культурного строительства.

А. Драгунов.
А. Шприцин.

Статья А. Драгунова и А. Шприцина «Языковое строительство среди дунган», опубликованная в газете «Советская Киргизия». 5 октября 1937 г.

15

СЕКРЕТАРЮ Ц.К. КП/б/ КИРГИЗИИ

ТОВ. АММОСОВУ

от директора Научно-Исследовательского Ин-та Киргизского Языка и Письменности А.ВАЛИТОВА.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Научно-Исследовательский Ин-т Киргизского Языка и Письменности за время своего десятилетнего существования не справился с возложенными на него задачами, благодаря засоренности состава Ин-та, разлагающей работе ТЫНЫСТАНОВА и ПОЛИВАНОВА, неудовлетворительного руководства со стороны дирекции и НКПроса.

В результате этого в Ин-те скопился огромный запас фольклорных фондов, подлежащих тщательному просмотру.

Состав Ин-та совершенно неукомплектован /имеется пять вакантных мест/, значительная часть имеющихся / 5 / сотрудников Ин-та не имеет надлежащей квалификации и не может вести самостоятельно научную работу.

Институт не имеет ни надлежащего помещения, ни квартир для сотрудников.

При таких условиях Ин-т не может выйти из создавшегося прорыва, и потому принужден обратиться к Вам

16

- 2 -

лично.

Для ликвидации прорыва необходимо укомплектовать в первую очередь Ин-т пятью высококвалифицированными работниками / т.т. ~~РАХМАТУЛИН, ШУКУРОВ, БЕКТУРГУНОВ~~, ДЖУМАБАЕВ, ШИВАЗА, АКТАНОВ / и осуществить мероприятия, намеченные в прилагаемом проекте.

ДИРЕКТОР НИИКЯП.- /ВАЛИТОВ.-

Докладная записка директора НИИКЯП А. Валитова первому секретарю ЦК КП(б) Киргизии М.К. Аммосову (1937 г.). ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 942 а. ЛЛ. 15–16

как сам автор, а также, вероятно, желание «угробить» труд официальным путем через ВЦК НА и Институт языка и мышления, где в то время были сконцентрированы силы сторонников марризма. Если это так, то задумка сработала безотказно: Д. Коркмасов направил отзыв на рецензирование в Институт языка и мышления (г. Ленинград) И.И. Мещанинову и ученице Марра С.Л. Быховской. Оба отзыва были резко отрицательны, но не содержали политических обвинений[1].

Примерно в это же время первым секретарем ЦК ВКП (б) Киргизии М.К. Аммосовым была получена докладная записка директора НИИКЯП А. Валитова. «Научно-Исследовательский Институт Киргизского Языка и Письменности за время своего десятилетнего существования не справился с возложенными на него задачами благодаря засоренности состава Ин-та, разлагающей работе ТЫНЫСТАНОВА и ПОЛИВАНОВА…»[2], – сообщалось в ней.

К этому времени оба ученых уже были арестованы.

Дело «Манаса»

Максим Горький на I съезде советских писателей в августе 1934 года в разговоре с киргизским коллегой Аалы Токомбаевым высказал предложение о переводе эпоса «Манас» на русский

[1] Поливанов Е.Д. Избранные работы / сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968. – С. 602.

[2] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 942 а. Л. 15.

ВОПРОС. ПРАВИЛЬНО ЛИ ПОСТУПИЛА «ПРАВДА», ОТКРЫВ СВОБОДНУЮ ДИСКУССИЮ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ?

Ответ. Правильно поступила.

В каком направлении будут решены вопросы языкознания, – это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу.

Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания, как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «научного учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н.Я. Марра, за малейшие неодобрения учения Н.Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н.Я. Марра.

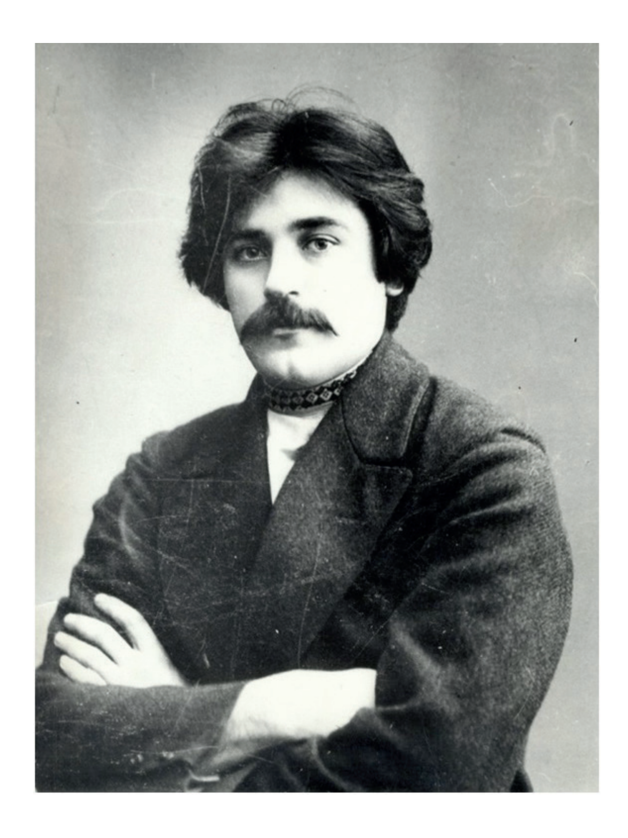
Общепризнанно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнения, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создавалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которые, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.<…>

Дискуссия оказалась весьма полезной, прежде всего, потому, что она выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги.

Но польза дискуссии этим не исчерпывается. Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки. До начала дискуссии «ученики» Н.Я. Марра молчали и замалчивали неблагополучное положение в языкознании. Но после начала дискуссии стало уже невозможно умалчивать, – они были вынуждены выступить на страницах печати. И что же? Оказалось, что в учении Н.Я. Марра имеется целый ряд прорех, ошибок, неуточненных проблем, неразработанных положений. Спрашивается, почему об этом заговорили «ученики» Н.Я. Марра только теперь, после открытия дискуссии? Почему они не позаботились об это раньше? Почему они в свое время не сказали открыто и честно, как это подобает деятелям науки?

Признав «некоторые» ошибки Н.Я. Марра, «ученики» Н.Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальнейшее советское языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н.Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н.Я. Марра. Н.Я. Марр, действительно, хотел быть и старался быть марксистом, но не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев»[1].

[1] Сталин И. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. – М., 1950. – С. 39–31.



С.А. Клычков

язык[1]. После нескольких месяцев, ушедших на бюрократические процедуры, вопрос с инициативой «Буревестника революции» сдвинулся с места. 10 января 1935 года Бюро Обкома ВКП (б)[2] Киргизии приняло решение об издании эпоса «Манас». Первый пункт постановление гласил: «В принципе согласиться с изданием в 1935 году одной части “Манаса” на 2-х языках»[3].

Протокол заседания подписал Торекул Айтматов. Первый раз его подпись под решением коллегии агитпрома киргизского Обкома партии о необходимости «в скором будущем издать поэму “Манас”»[4] появилась 23 августа 1925 года. Тогда идею подал Касым Тыныстанов. Десять лет спустя она ожила вновь.

29 марта 1935 года Бюро Киргизского Обкома ВКП (б) утвердило состав редакционной коллегии по изданию эпоса «Манас». В него вошло 17 человек – Белоцкий, Джиенбаев, Исакеев, Джолдошев, Джумабаев, Токомбаев, Шихалов, Самойлович, Азадовский, Юдахин, Асфандияров, Соколов, Сайфулин, Токжанов, Лахути, Айльчинов, Рахматуллин. Главным редактором утвержден народный комиссар просвещения Киргизской АССР Токчоро Джолдошев, консультантами – академик Александр Николаевич Самойлович и профессор Марк Константинович Азадовский.

Отдельным пунктом постановлялось просить издательство Академии наук СССР принять на себя издание эпоса «Манас» на русском языке, включив в свой издательский план на 1935 год эпизод из эпоса – «Великий поход»[5]. Бюро областного комитета ВКП(б) Киргизии решило приурочить издание эпоса к празднованию десятилетия национального размежевания республик Средней Азии. Задача проведения подготовительных мероприятий была поставлена Токчоро Джолдошеву и КНИИКС[6].

В апреле 1935 года на имя секретаря Киргизского Обкома ВКП(б) Мориса Львовича Белоцкого поступило письмо от секретаря Союза писателей СССР Александра Сергеевича Щербакова с предложением сообщить о порядке подготовки к изданию на русском языке эпоса «Манас». В послании также говорилось, что ранее с предложением перевести народное творение на русский язык к организациям Киргизии обращался московский писатель, поэт-переводчик Сергей Антонович Клычков, но не получил ответа.

Под председательством Джолдошева 15 мая 1935 года в кабинете председателя Совнаркома Киргизской АССР Баялы Исакеева состоялось совещание редакционной коллегии по изданию эпоса «Манас». В работе совещания участвовали первый секретарь КирОбкома ВКП(б) Белоцкий и заведующий отделом культуры и пропаганды Аильчинов. На совещании обсуждался порядок издания эпоса на киргизском языке

[1] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 172. Л. 18.

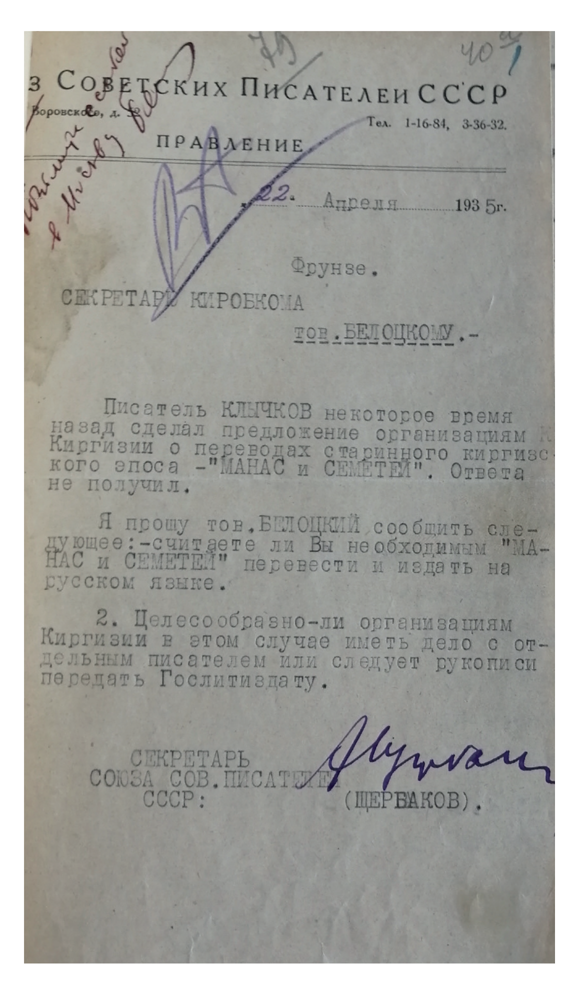
[2] С апреля 1937 года ЦК Коммунистической партии Киргизии.

[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 630. Л. 27.

[4] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 72.

[5] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 631. ЛЛ. 172–173.

[6] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 898. Л. 53.



Союз Советских Писателей СССР
Воровского, д. ... Тел. 1-16-84, 3-36-32.

ПРАВЛЕНИЕ

22 Апреля 1935 г.

Фрунзе.

СЕКРЕТАРЮ КИРОБКОМА
тов. БЕЛОЦКОМУ.-

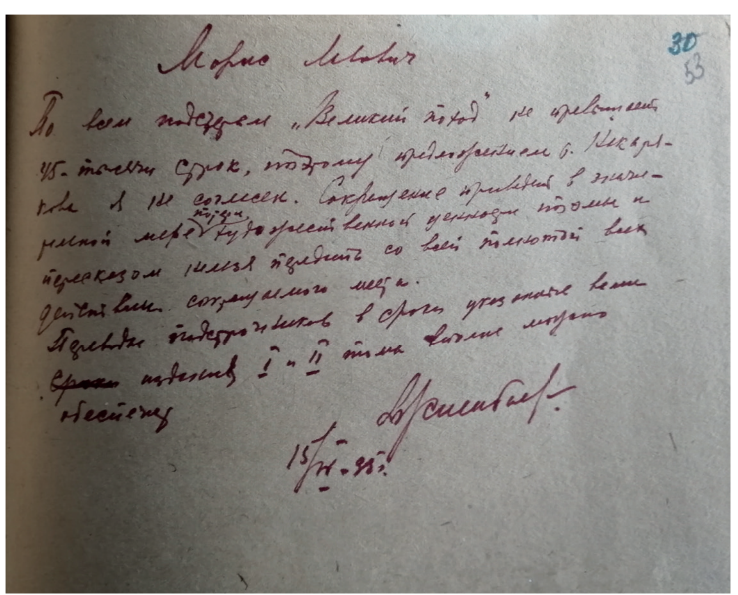
Писатель КЛЫЧКОВ некоторое время назад сделал предложение организациям Киргизии о переводах старинного киргизского эпоса -"МАНАС и СЕМЕТЕЙ". Ответа не получил.

Я прошу тов. БЕЛОЦКИЙ сообщить следующее:-считаете ли Вы необходимым "МАНАС и СЕМЕТЕЙ" перевести и издать на русском языке.

2. Целесообразно-ли организациям Киргизии в этом случае иметь дело с отдельным писателем или следует рукописи передать Гослитиздату.

СЕКРЕТАРЬ СОЮЗА СОВ. ПИСАТЕЛЕЙ СССР: (ЩЕРБАКОВ).

Запрос секретаря Союза советских писателей СССР А.С. Щербакова о порядке подготовки к изданию эпоса «Манас» на русском языке. 22 апреля 1935 г. ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. Л. 40



Морис Львович

По всем подсчетам „Великий поход" не превышает 45 тысяч строк, поэтому предусмотренным в календаре ... я не согласен. Сокращение приведет в значительной мере художественной ценности поэмы и пересказом нельзя передать со всей полнотой всех действий сохраняемого места.

Перевод подстрочников в сроки указанные вами I и II тома можно издания обеспечу

Джиенбаев.

15/VI-35.

Записка заведующего организационным отделом Областного комитета ВКП (б) Киргизии Х. Джиенбаева о возможности издания эпоса «Манас» в установленные сроки. 15 июня 1935 г. ЦГА ОПД КР. Ф.10. Оп. 1. Д. 681. Л. 53

и перевод его на русский язык. Как сообщала 20 мая газета «Советская Киргизия», «по вопросу о переводе на русский язык мнения разошлись»[7].

Обсуждение повестки совещания проходило бурно. Джолдошев заявил, что рифмованный перевод с сохранением внутренней аллитерации стиха будет наиболее ценным в художественном отношении. Он подчеркнул, что необходимо сохранить нетронутыми все эпитеты, все особенности народной речи «Манаса», сопровождая непереводимые слова примечаниями.

Признавая несомненные преимущества рифмованного перевода, профессор Поливанов высказался за то, что при соблюдении рифм перевод будет расходиться с текстом.

Тыныстанов в своем выступлении заострил внимание участников совещания на том, что самым основным и трудным в переводе является передача исторических образов и понятий. При этом соблюдение канонизированного ритма стиха, по мнению ученого, не обязательно.

Важно также, отметил в свою очередь председатель Совнаркома, чтобы при переводе эпоса на русский язык «сохранить его стиль, богатство его художественных образов», решив главную задачу – «передать содержание эпоса не искаженным»[8].

Издание одного из эпизодов эпоса на киргизском языке и подготовку примечаний и комментариев к тексту Белоцкий предложил считать началом работы.

При обсуждении вопроса перевода на русский язык было также высказано мнение о создании специальной бригады. Совещание поручило Джолдошеву создать техническую редакцию, выделив постоянного секретаря и определив

[7] Камнева Р. Об издании киргизского эпоса «Манас» // Советская Киргизия. – 1935. – 20 мая.

[8] Там же.

...dynjə prolitarlarь, birikkile!
...етарии всех стран, соединяйтесь!

өtө çaşьrьn
СТРОГО СЕКРЕТНО

qьrƣьzьstan oblustuq ç. s. k. (в) p. kemijteti
Киргизский Областной Комитет В. К. П. (б)

№ 705 bөlym Отдел „25/VI 1935

ДИРЕКТОРУ ГОСЛИТИЗДАТА ТОВ. НАКОРЯКОВУ.-

Зав. Отделом Культурно-Просветительной работы ЦК ВКП/Б/ тов. ЩЕРБАКОВ сообщил нам о Вашем согласии приступить к изданию эпизода "Великий поход" из киргизского эпоса "МАНАС" - на киргизском и русском языках.

Обком и Совнарком Кир. АССР, придавая особое значение этому делу, поручили Наркому Просвещения Кир. АССР, тов. ДЖОЛДАШЕВУ заключить с Вами договор на издание указанного эпизода.-

СЕКРЕТАРЬ КИРГИЗСКОГО ОБКОМА ВКП/Б/
(БЕЛОЦКИЙ)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК КИР. АССР
(ИСАКЕЕВ)

Ответ Киргизского Областного комитета ВКП(б) о заключении договора на издание эпизода «Великий поход» эпоса «Манас» с Гослитиздатом. 25 июня 1935 г. ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 758. Л. 40

переводчиков, подготовить предисловие к изданию первой книги «Великий поход» и решить с Гослитиздатом вопрос об издании книги на киргизском языке. Составить организационный план перевода совещание обязало комиссию в составе Белоцкого, Исакеева, Джолдошева, Токомбаева и Тыныстанова.

Редколлегия установила жесткие сроки работы над изданием: к январю 1936 года планировалось завершить подготовку к печати на киргизском и русском языках эпизода «Великий поход» (40 печатных листов). По окончанию подготовки к его изданию предполагалось заняться эпизодом «Поминки по Кёкётёю», обеспечив его выход из печати объемом примерно 25 печатных листов на русском и киргизском языках в 1937 году. В том же году на очередь был поставлен эпизод «Детство Манаса» (15 печатных листов) и второй части эпической трилогии «Манас» – «Семетей», с включением всех эпизодов в один том (примерно).

Редколлегия посчитала необходимым подготовить к печати вариант, записанный у сказителя Сагымбая Орозбакова, который, согласно ее заключению, имел «большое преимущество в художественном отношении перед вторым вариантом, записанным у сказителя Каралаева». Издание варианта Каралаева постановлялось обсудить отдельно, так как его признали «в историческом и художественном отношении высокоценным материалом» . Работу по записи эпоса у Каралаева решено было продолжить.

«К настоящему времени, – подтверждал Поливанов, – уже записан один вариант полностью у старого сказителя

Сагымбая Орозбакова и завершается запись второго полного варианта у молодого сказителя Саякбая Каралаева. Записаны и записываются отдельные в свое время у крупных сказителей-профессионалов»[1].

Для проведения практических мероприятий, обеспечивающих подготовку к печати эпоса, постановлением редколлегии создавался секретариат в составе Джолдошева, Токомбаева, Тыныстанова, Абдукаимова (с 1 сентября 1935 года ответственный секретарь редакционной коллегии), Чуйко, Шихалова и Поливанова. Тыныстанову, Поливанову и Тойчинову поручалось составить комментарии для киргизского издания «Великий поход».

В качестве переводчиков и обработчиков привлекались Поливанов, Тыныстанов, Абдукаимов, Тойчинов, Юдахин. Этот список в течение 1935 года несколько раз менялся: в нем появится Ощакевич и будут исключены Тойчинов и Юдахин.

Поливанов, раскрывая вопросы организации работы по изданию эпоса «Манас», в статье «Киргизский эпос «Манас», пояснял, что для русского издания редколлегия избрала эпизод «Великий поход» (поход в Китай), составивший после предварительной редакции около пятидесяти тысяч стихов. К началу 1936 году он «прошел стадию подстрочного перевода и находился в руках русских поэтов»[2]. Русское издание представляло собой наиболее сложную задачу.

«Ясно, – отмечал важность поставленной задачи Поливанов, – что только через русский язык мы можем ознакомить народы Советского Союза и весь культурный мир с шедевром Киргизской литературы. По возможности точная передача на русском языке национального духа Киргизской поэзии, тем более такой, как “Манас”, сложившейся на протяжении почти тысячелетия, а потом носящей на себе отпечаток многих исторических времен – вот в чем состоит ответственность русского издания»[3].

Саякбай Каралаев

Сагымбай Орозбаков

Члены редколлегии прониклись ответственностью за выполнение намеченных планов. Одна за другой в республиканской прессе стали появляться статьи о развернувшейся работе. Переводчик с киргизского и дунганского языков Феликс Ощакевич в газете «Советская Киргизия» сообщал: «Киргизским научно-исследовательским институтом культурного строительства ведется подготовительная работа по изданию эпоса “Манас”, первая часть которого по варианту одного из последних крупных сказителей Сагымбая Орозбакова составляет шестьдесят тысяч строф, или 240 тысяч стихов». Далее он писал: «Возможно, дальнейшая исследовательская работа внесет в историю “Манаса” новые ценные подробности, но факт создания его коллективным участием поэтов многих поколений неоспорим»[4]. В подтверждение этого Ощакевич приводит рядом со своими переводами строк из «Манаса» переводы Э. Беккера.

Несколько строк, переведенные Феликсом Романовичем, станут пророческими для всех участников проекта:

Кто нарушит наш обычай,
Пусть того накажет пуля,
Пусть пожрет земля сырая,
Пусть накажет небо юга.

---

[1] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Е.Д. Поливанов. Д. 111. Л. 4.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Ощакевич Ф. Эпос «Манас» // Советская Киргизия. – 1935. – 10 мая.

Наказ Алмамбета Манасу

Отрывок из киргизской народной эпопеи „Манас" (из эпизода „Великий поход")

Вольный перевод проф. Е. ПОЛИВАНОВА

„Ты-ль это, леопард Манас?!
Послушай строгий мой наказ...
Тебя вождем я почитал,
А ты, ты просто—аксакал.
Ты-ль это, славный лев Манас?!
Так выслушай меня сейчас.
Я полководцем чтил тебя,
А ты унизил так себя...

Вот войско в тридцать тысяч пик,
Но до Пекина путь велик!
Ты на китайцев страх навел!
Но до Пекина путь тяжел;
И род китайский—древний род,
В нем много мудрых воевод,
В нем много хитрых мудрецов,
Хранящих тайны всех веков,
И многочисленный народ
Им мощь и крепость придает.
А воины полков твоих
Пускай не ждут похвал моих:
Добычею развращены
Забыли тягости войны,
И этот трудный твой поход
Такое войско не снесет.

Нет, в положении таком
Трудна победа над врагом,
И знает лишь один аллах,
Увидят ли в родных степях
Манаса снова через год.
Неведом нам войны исход...

Чего же ради я с тобой
Пойду на подвиг боевой?!
С передовым твоим полком
Другого, князь, пошли вождем.
А мне отставку дай, мой князь,
Домой пусти меня, Манас!
Знай, что в Китай твою орду
Я ни за что не поведу!

На войско, да и на тебя
Глядеть не в силах молча я,
И ты рассердишься иль нет,
Я должен дать тебе совет.
Беспечно целый день-деньской
Ты занят шахматной игрой.

А каждый день твой, каждый час
Для дела дорог ведь, Манас!
Коль будешь предаваться лени,
То счастье вдруг тебе изменит...
Так брось же детские забавы,
Всегда будь бдительным и бравым.

Такая дружина
С беспечным вождем
Должна будет таять
Как снег под дождем,
Когда вместо детской
Игры в „кумалак" *)
С ней встретится дерзкий
И мстительный враг.

Так прочисть и исправь ты свое ружье,
И тебе пусть последует войско твое,
Каждый день снаряжай в степь дозорный отряд,
Каждый день созывай ты бойцов на парад,
Караулы твои сам проверь—не забудь!
Чтоб потом не жалеть, когда двинешься в путь.
И чтоб бог вам помог, не забудь, о Манас,
Не забудь, выйдя в путь, пятикратный намаз".

Дав этот набожный совет,
Свою речь кончил Алмамбет...

*) Игра в „кумалак" (то-есть игра в шарики на особой доске) распространена среди киргизов и в настоящее время.

Примечание переводчика. Ближайшим соответствием для восьмисложного (силлабического) киргизского стиха я счел русский четырехстопный ямб. Там, где в киргизском тексте восьмисложный стих чередуется с семисложным, ямб сменяется амфибрахием. Допускаемые мною суффиксальные (гомоморфемные) рифмы—вроде **моих—твоих** и т. д., поскольку они нуждаются в защите или в оговорке, могут быть отнесены за счет подражания киргизской рифме.

Статья Е.Д. Поливанова «Наказ Алмамбета Манасу». Газета «Советская Киргизия» от 30 сентября 1935 г.

Собственный вариант художественного перевода стихотворных фрагментов эпоса представил на страницах главной газеты Киргизской АССР – «Советской Киргизии» – Поливанов. Публикуя один из них – «Наказ Алмамбета Манасу»[1] – он высказался об особенностях перевода киргизского стиха на русский язык.

«Ближайшим соответствием для восьмисложного (силлабического) киргизского стиха, – писал ученый, – я счел русский четырехстопный ямб. Там, где в киргизском тексте восьмисложный стих чередуется с семисложным, ямб сменяется амфибрахием. Допускаемые мною суффиксальные (гомоморфемные) рифмы – вроде моих – твоих и т. д., поскольку они нуждаются в защите или в оговорке, могут быть отнесены за счет подражания киргизской рифме»[2].

Несмотря на усердие отдельных сотрудников КНИИКС, некоторые обстоятельства указывали, что работа над эпосом не задалась.

В постановлении редколлегии от 17 июля 1935 года уточнялся список лиц, определенных для проведения подстрочного перевода. В него вошли Абдукаимов, Абдурахманов, Джакишев, Шукуров, Абрамов, Карасаев, Тыныстанов. В качестве консультантов по подстрочным переводам выделялись научные сотрудники КНИИКС Касым Тыныстанов и Евгений Поливанов, «прикрепив таковых к переводчикам для тематической консультации их работы».

В августе редакционная коллегия констатировала: «Ввиду сложности литературно-художественной обработки и художественного оформления согласиться с литературно-художественным издательством об удлинении срока издания эпизода “Великий поход” на рус. яз. и издать такой в 1937 г. К подстрочному переводу на рус. яз. приступить с сентября с/г. и по мере поступления материалов /подстрочных переводов/ направлять таковые литературно-художественному издат. для литературно-художественной обработки»[3]. Такое решение было сделано после того, как народный комиссар просвещения Киргизской АССР Джолдошев и директор КНИИКС Шихалов, побывали в Москве, где обсудили мероприятия по изданию эпоса[4].

Бюро Областного комитета ВКП(б) явно было не удовлетворено ходом работы над эпосом. Ревизия финансового хозяйства КНИИКС, проведенная на основании распоряжения народного комиссариата финансов Киргизской АССР, в акте от 3 ноября 1935 года указала на ряд проблемных вопросов в деятельности редколлегии.

В первую очередь, это касалось финансирования работ. Расходы на издание эпоса на 1935 год предусматривались в размере 68 тысяч рублей, по состоянию на 1 октября 1935 года КНИИКС получил 15 тысяч[5]. Институт заключил 12 договоров с исполнителями основных работ по подготовке к изданию эпоса: 1 – со сказителем, 4 – с редакторами, остальные по переводу.

В акте отмечались факты неисполнительности сотрудников института: «Нужно отметить, что выделение договоров со стороны авторов /за исключением ТЫНЫСТАНОВА/ особенно успешно идет за счет выкачки авансов с договоров и весьма плачевного выполнения работ. /По договорам предусмотрено представление первой рукописи по переводам 15/X-35 г., но на 1/XI-35 поступило только от ТЫНЫСТАНОВА и БАТМАНОВА/ и конкретных мер воздействия на авторов не принято, кроме дополнительных выдач авансов в счет договоров /проф. Поливанову выдан второй аванс в 300 рублей, несмотря на то, что он не дал еще ни одной строчки

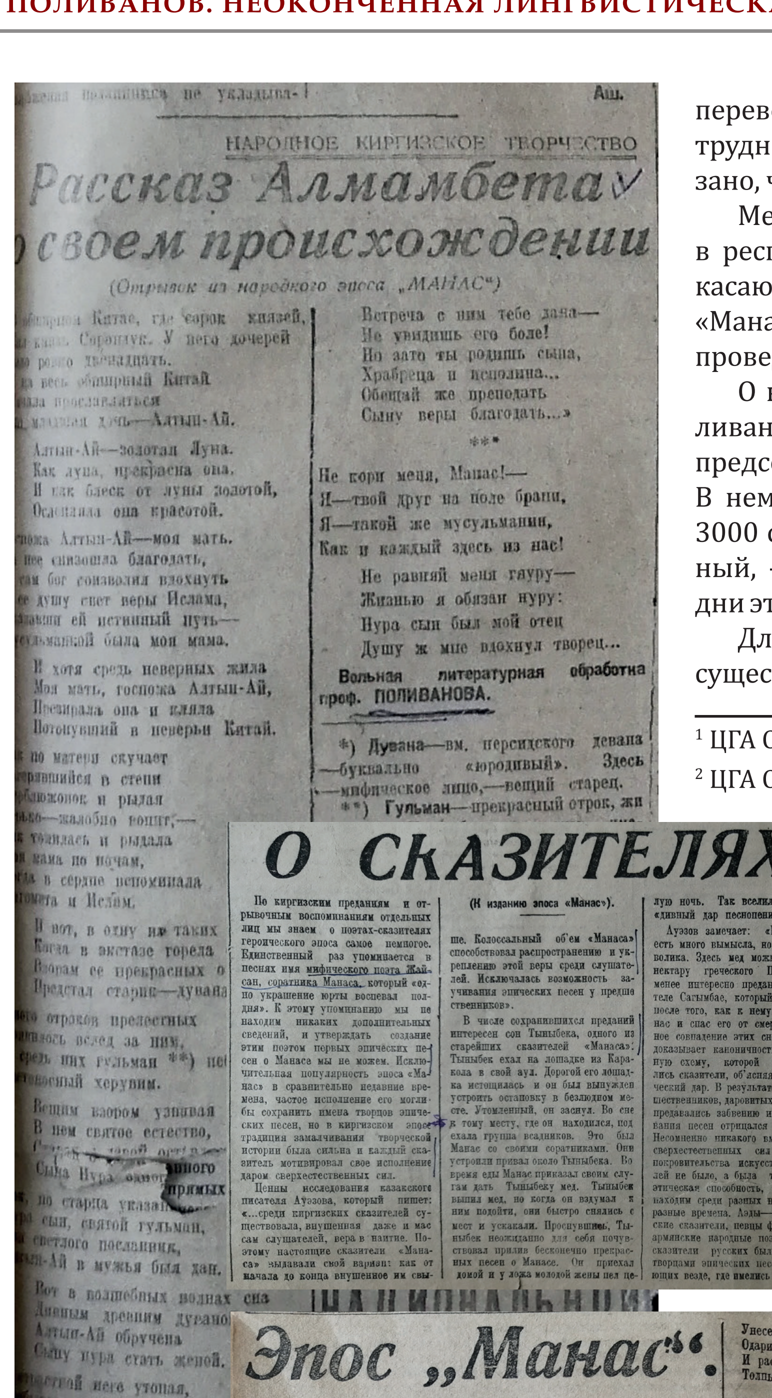
[1] В 1935 году этот фрагмент был опубликован в № 2 журнала «Литературный Узбекистан».

[2] Наказ Алмамбета Манасу: отрывок из киргизского народного эпоса «Манас» (из эпизода «Великий поход») Вольный перевод проф. Е.Д. Поливанова // Советская Киргизия. – 1935. – 30 сентября.

[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. Л. 72.

[4] Осенью 1935 г. Джолдошев и Шихалов были отстранены от своих должностей.

[5] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. Л. 54.



НАРОДНОЕ КИРГИЗСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Рассказ Алмамбета о своем происхождении

(Отрывок из народного эпоса „МАНАС")

...Китае, где сорок князей,
...Соронцук. У него дочерей
...ровно двенадцать.
...на весь обширный Китай
...прославляться
...младшая дочь—Алтын-Ай.

Алтын-Ай—золотая Луна.
Как луна, прекрасна она.
И как блеск от луны золотой,
Ослепляла она красотой.

...пожа Алтын-Ай—моя мать.
...нее снизошла благодать,
...сам бог соизволил вдохнуть
...е душу свет веры Ислама,
...завши ей истинный путь—
...сульманкой была моя мама.

И хотя средь неверных жила
Моя мать, госпожа Алтын-Ай,
Презирала она и кляла
Потонувший в неверьи Китай.

...по матери скучает
...рявшийся в степи
...блюжонок и рыдая
...—жалобно вопит,—
...томилась и рыдала
...мама по ночам,
...в сердце вспоминала
...омета и Ислам.

И вот, в одну из таких
...в экстазе горела
...взорам ее прекрасных о...
Предстал старик—дувана...

...отроков прелестных
...вслед за ним,
...средь них гульман **) не...
...носный херувим.

Вещим взором узнавая
В нем святое естество,
...
Сына Нура ... ...вного
...прямых
..., но старца указа...
...сын, святой гульман,
...светлого посланник,
...ын-Ай в мужья был дан.

Вот в волшебных волнах сна
Дивным древним дуванор...
Алтын-Ай обручена
Сыну Нура стать женой.

...негой утопая,
...до утра
...на ложе. А вставая,
...исполнить таарат ***)—
..., когда на минарете
...на рассвете
...азана ****)—
...Алтын-Ай оглянулась...
—Нет гульмана,
Он вернулся в светлый
...уснулась...

В эт...

Небожителя подруга
И вскричала: «О, старик...
Возврати скорей его,
...венного супруга,
Господина моего!..»
...ответ издалека
...принесен заглушенный
...голос старика:
«...волей предрешенной
...тяжелой доле:
...жизни лишь одна

Встреча с ним тебе дана—
Не увидишь его боле!
Но зато ты родишь сына,
Храбреца и исполина...
Обещай же преподать
Сыну веры благодать...»

***

Не кори меня, Манас!—
Я—твой друг на поле брани,
Я—такой же мусульманин,
Как и каждый здесь из нас!

Не равняй меня гяуру—
Жизнью я обязан нуру:
Нура сын был мой отец
Душу ж мне вдохнул творец...

Вольная литературная обработка проф. ПОЛИВАНОВА.

*) **Дувана**—вм. персидского девана—буквально «юродивый». Здесь—мифическое лицо,—вещий старец.

) **Гульман—прекрасный отрок, жи...

...

О СКАЗИТЕЛЯХ.

(К изданию эпоса «Манас»).

По киргизским преданиям и отрывочным воспоминаниям отдельных лиц мы знаем о поэтах-сказителях героического эпоса самое немногое. Единственный раз упоминается в песнях имя мифического поэта Жайсан, соратника Манаса, который «одно украшение юрты воспевал полдня». К этому упоминанию мы не находим никаких дополнительных сведений, и утверждать создание этим поэтом первых эпических песен о Манасе мы не можем. Исключительная популярность эпоса «Манас» в сравнительно недавние времена, частое исполнение его могли бы сохранить имена творцов эпических песен, но в киргизском эпосе традиция замалчивания творческой истории была сильна и каждый сказитель мотивировал свое исполнение даром сверхестественных сил.

Ценны исследования казакского писателя Ауэзова, который пишет: «...среди киргизских сказителей существовала, внушенная даже и массам слушателей, вера в наитие. Поэтому настоящие сказители «Манаса» выдавали свой вариант как от начала до конца внушенное им свыше. Колоссальный об'ем «Манаса» способствовал распространению и укреплению этой веры среди слушателей. Исключалась возможность заучивания эпических песен у предшественников».

В числе сохранившихся преданий интересен сон Тыныбека, одного из старейших сказителей «Манаса»: Тыныбек ехал на лошадке из Каракола в свой аул. Дорогой его лошадка истощилась и он был вынужден устроить остановку в безлюдном месте. Утомленный, он заснул. Во сне к тому месту, где он находился, под'ехала группа всадников. Это был Манас со своими соратниками. Они устроили привал около Тыныбека. Во время еды Манас приказал своим слугам дать Тыныбеку мед. Тыныбек выпил мед, но когда он вздумал к ним подойти, они быстро снялись с мест и ускакали. Проснувшись, Тыныбек неожиданно для себя почувствовал прилив бесконечно прекрасных песен о Манасе. Он приехал домой и у ложа молодой жены пел целую ночь. Так вселился в него «дивный дар песнопения».

Ауэзов замечает: «В этом сне есть много вымысла, но есть и символика. Здесь мед можно уподобить нектару греческого Парнаса». Не менее интересно предание о сказителе Сагымбае, который начал петь после того, как к нему явился Манас и спас его от смерти. Фабульное совпадение этих снов еще раз доказывает каноничность, определенную схему, которой придерживались сказители, об'ясняя свой поэтический дар. В результате имена предшественников, даровитых сказителей, предавались забвению и факт заучивания песен отрицался полностью. Несомненно никакого вмешательства сверхестественных сил и высокого покровительства искусства сказителей не было, а была та самая поэтическая способность, какую мы находим среди разных народов и в разные времена. Аэды—древн...ческие сказители, певцы фи...ун, армянские народные поэты ...уги, сказители русских былин ...лись творцами эпических песен, ...озникающих везде, где имелись соответствующие социально-экономические условия. Следовательно, говоря о сказителях киргизского древнего эпоса, мы имеем в виду их творческое участие, даже весьма значительное, но вместе с тем нельзя забывать, что основой их творчества служило заучивание песен предшественников. Заученные песни переходили из поколения в поколение, от одного сказителя к другому, впитывали в себя индивидуальные особенности каждого сказителя, специфику времен, и в течение веков формировалась эпопея «Манаса»—памятник человеческого искусства.

Если мы касаемся творческой роли сказителей, обеспечивших сохранение основного поэтического текста и создавших памятник словесной культуры феодализма, то нужно отметить действительное влияние на их творчество слушательской среды. Зародившись в эпоху полного расцвета степного феодализма, выдвинувшего своих певцов, киргизский эпос пережил все социально-экономические перемены и являлся достоянием материально обеспеченного, господствующего класса.

Кому было доступно исполнение «Манаса» в течение шести месяцев, как не степным аристократам, баям и манапам? Кто воспевался в эпосе, как не степные аристократы?

Бесспорно: эпос «Манас» удерживал прогрессивную мысль народа, идеализировал феодально-родовой уклад и был острейшим идеологическим оружием господствующего класса. Это подтверждается еще тем, что большинство сказителей принадлежало к прослойке баев и манапов.

Приступая к изданию эпоса «Манас», следует большое внимание уделить анализу всех исторических моментов и дать исчерпывающее об'яснение его возникновению и развитию. Мы издаем «Манас», как произведение человеческого ис... от..., представляющее для совет... ...теля художественную ...скую ценность.

28 ию...

Эпос „Манас".

Киргизским научно-исследовательским институтом культурного строительства ведется подготовительная работа по изданию эпоса «Манас», первая часть которого по варианту одного из последних крупных сказителей **Сагымбая Орозбакова** составляет шестьдесят тысяч строф, или 240 тысяч стихов. Народная память не сохранила ни одного имени древнейших сказителей, и мы не можем сказать что-либо о первых создателях эпических песен. Возможно дальнейшая исследовательская работа внесет в историю «Манаса» новые ценные подробности, но факт создания его коллективным участием поэтов многих поколений неоспорим.

Не касаясь детального социологического разбора, отметим наслоенность тематики вследствие того, что сказители придерживались принципа—забавлять своих слушателей. А главным слушателем была местная аристократия, пред'являвшая определенные требования в воспевании феодально-родового строя. Поэтому весь эпос («Манас», «Семетей», «Сейтек») сложился в большую героическую песню о феодализме. Главным героем выступает Манас—родовой вождь и покровитель всех тюркских родов.

Его героизм в битве, ловкость в состязаниях, а также деяния его сорока соратников, проходят лейт-мотивом через все эпизоды данного произведения, что можно судить по следующему отрывку из речи, которую произносит Манас перед взятием Пекина. Он дает наставление своим соратникам:

Кто нарушит наш обычай,
Пусть того накажет пуля,
Пусть пожрет земля сырая,
Пусть накажет небо юга.
Кто не будет с нами вместе,
Пусть того накажет Чубак,
Пусть того накажет Алма,
Грозный меч пусть тех коснется,
Кто не будет с нами вместе.
Толпы грозные китайцев,
Желтолицых и нечистых,
Грозной силой опрокинем,
Разорим жилища желтых,
Серебро, парчу и злато
Унесем в свои жилища,
Одарим своих наложниц.
И рассеем толпы желтых,
Толпы грозные китайцев.
(Перевод Э. Беккер).

Короче говоря, «Манас»—это легендарное описание завоевателя и грозного главаря первых феодальных бойцов. С этой стороны «Манас» ценен, как художественное дополнение к истории далекого прошлого Киргизии и, разумеется, при правильном критическом разборе, всей образностью своих языковых средств и богатым этнографическим описанием, будет служить дополнением к изучению феодально-родовой культуры. Вскрывает сущность «Манаса», как излюбленного об'екта литературных увлечений буржуазных националистов.

По утверждению академика Радлова, сделавшего первую запись из «Манаса» в 60-тых годах прошлого столетия, своими формальными качествами «Манас» не уступает даже «Илиаде» Гомера. Богатые и разнообразные виды рифм, ритмико-мелодийное построение стихов делают эпос эффектно звучащим. Кроме того, эпос изобилует любовной лирикой, своеобразным описанием природы, во многих случаях непереводимым на русский язык. Привожу отрывок из песни о реке Ургенч (Аму-Дарья) из «Семетея»:

Большой, горделивый Ургенч,
Несет валуны по теченью,
Одетые пеной и паром,
Грозящие тяжестью,
Мшистым ущельям,
Могучим его берегам.
Большой, горделивый Ургенч
Человека любого пугает,
Большой, горделивый Ургенч
В ледниках бирюзовых
Начало берет,
Большой, горделивый Ургенч
Вырывает с корнями
Зеленые сосны и ели,
И рушит, и рвет.
Большой, горделивый Ургенч,
Все живое страшит.
(Перевод мой).

Все это еще не дает полного представления об эпосе, выражающем стиль феодально-родового строя и возникает необходимость всестороннего анализа и изучения древне-киргизского эпоса и привлечения к работе над «Манасом» лучших писательских сил.

Ф. ОЩАКЕВИЧ.

Публикации,
посвященные исследованиям
и переводам эпоса «Манас» (1935 г.)

перевода/»[1]. В отношении научного сотрудника Феликса Ощакевича было сказано, что он снят с работы.

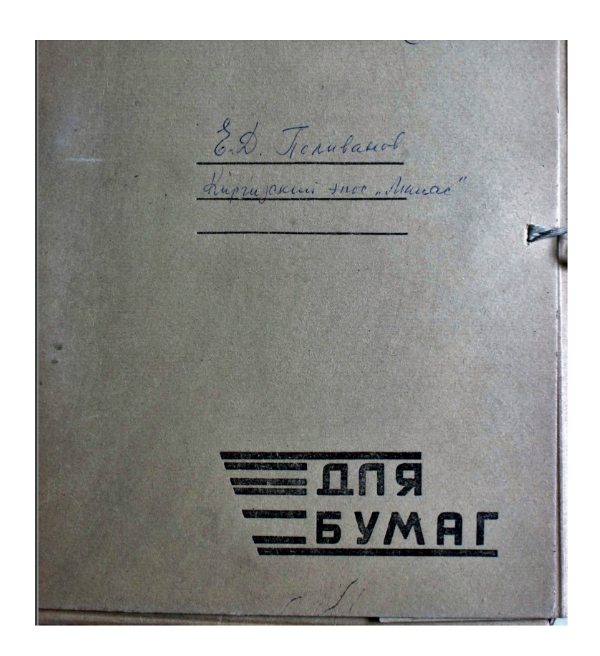
Между тем, анализ опубликованных в республиканской прессе материалов, касающихся перевода и издания эпоса «Манас», указывает на необъективность проведенной ревизии.

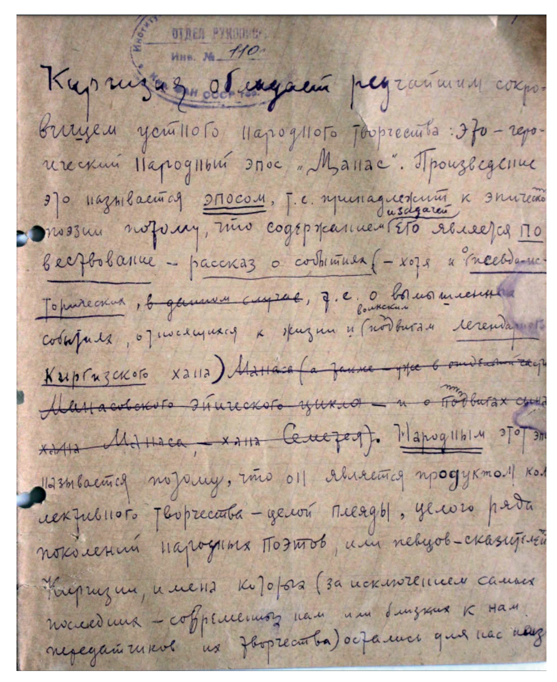
О несогласии с актом 20 ноября Поливанов заявил в письме Белоцкому, как председателю редакционной комиссии. В нем он сообщал, что им переведено 3000 строк эпоса. «Причем, – писал ученый, – я работал ударно (в последние дни этой работы) – по 300 строк в день»[2].

Для ударной работы у Поливанова существовал особый повод – он был уве-

[1] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. Л. 54 об.

[2] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 40.



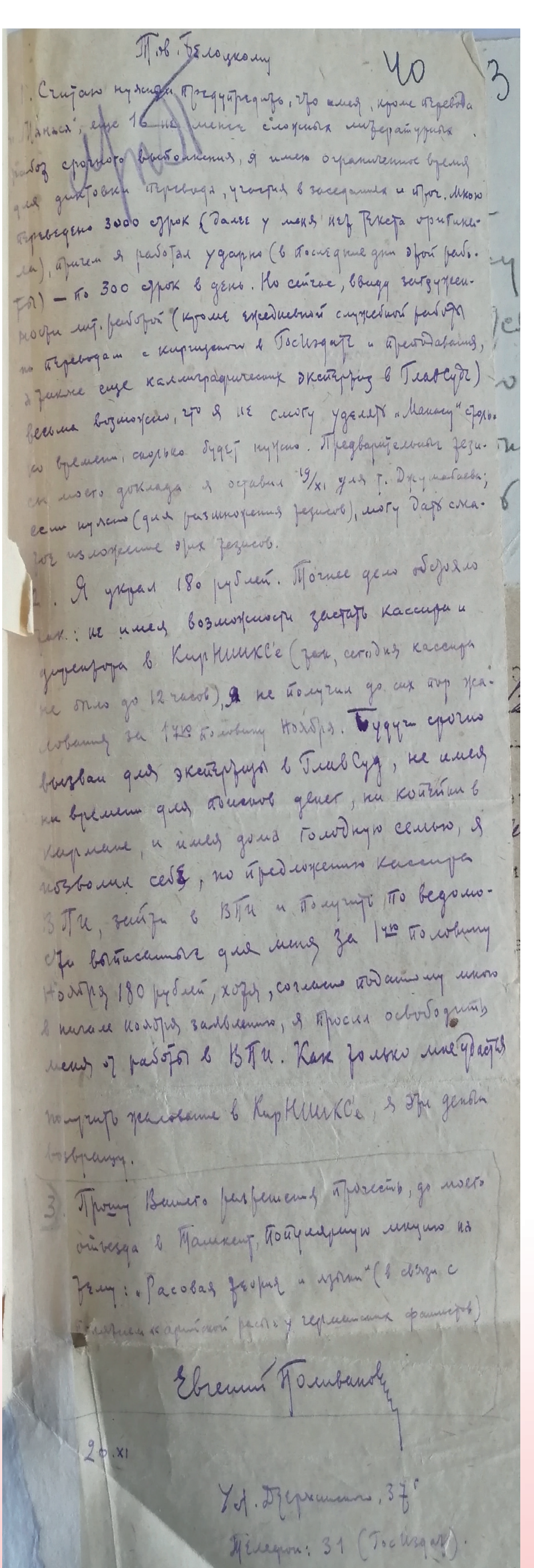


Отдел рукописей
Инв. № 110

Киргизия обладает редчайшим сокровищем устного народного творчества: это – героический народный эпос „Манас". Произведение это называется эпосом, т. е. принадлежит к эпической поэзии потому, что содержанием и задачей его является повествование – рассказ о событиях (– хотя и псевдо-исторических, ~~в данном случае~~, т. е. о вымышленных событиях, относящихся к жизни и подвигам легендарного киргизского хана) ~~Манаса (…)~~ … Народным этот эпос называется потому, что он является продуктом коллективного творчества – целой плеяды, целого ряда поколений народных поэтов, или певцов-сказителей Киргизии, имена которых (за исключением самых последних – современных нам или близких к нам передатчиков их творчества) остались для нас неиз…

Рукопись Е.Д. Поливанова «Киргизский эпос “Манас”». Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 110. Л. 1

рен в мировой значимости эпоса «Манас» настолько, что стал его активным пропагандистом. «Киргизия обладает редчайшим сокровищем устного народного творчества: это – героический народный эпос “Манас”, – не стесняясь в эпитетах, писал ученый, – Произведение это называется эпосом, т. е. принадлежит к эпической поэзии потому, что содержанием и задачей является повествование – рассказ о событиях (хотя



Тов. Белоцкому 40

1. Считаю нужным предупредить, что имея, кроме перевода „Манаса", еще 16 не менее сложных литературных работ срочного выполнения, я имею ограниченное время для диктовки перевода, участия в заседаниях и проч. Мною переведено 3000 строк (далее у меня нет текста оригинала), причем я работал ударно (в последние дни этой работы) – по 300 строк в день. Но сейчас, ввиду загруженности лит. работой (кроме ежедневной служебной работы по переводам с киргизского в ГосИздате и преподавания, а также еще каллиграфических экспертиз в ГлавСуде) весьма возможно, что я не смогу уделять „Манасу" столько времени, сколько будет нужно. Предварительные тезисы моего доклада я оставил 19/XI для т. Джумабаева; если нужно (для размножения тезисов), могу дать сжатое изложение этих тезисов.

2. Я украл 180 рублей. Точнее дело обстояло так: не имея возможности застать кассира и директора в КирНИИКС'е (так, сегодня кассира не было до 12 часов), я не получил до сих пор жалованья за 1-ую половину ноября. Будучи срочно вызван для экспертизы в ГлавСуд, не имея ни времени для поисков денег, ни копейки в кармане, и имея дома голодную семью, я позволил себе, по предложению кассира ВПИ, зайти в ВПИ и получить по ведомости ВПИ выписанные для меня за 1-ую половину ноября 180 рублей, хотя, согласно поданному мною в начале ноября заявлению, я просил освободить меня от работы в ВПИ. Как только мне удастся получить жалованье в КирНИИКС'е, я эти деньги возвращу.

3. Прошу Вашего разрешения прочесть, до моего отъезда в Ташкент, популярную лекцию на тему: „Расовая теория и лингвистика" (в связи с теорией „арийской расы" у германских фашистов)

Евгений Поливанов

20.XI

Ул. Дзержинского, 37

Телефон: 31 (ГосИздат).

Письмо Е.Д. Поливанова М.Л. Белоцкому. 20 ноября 1935 г. ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 40

и псевдоисторических, т. е. о вымышленных событиях, относящихся к жизни и воинским подвигам легендарного киргизского хана). Народным этот эпос называется потому, что он является продуктом коллективного творчества – целой плеяды, целого ряда поколений народных поэтов или певцов сказителей Киргизии»[1].

Евгений Дмитриевич всеми фибрами души проникся киргизским эпосом. Выдающийся советский и киргизский лингвист Кусеин Карасаев в воспоминаниях о нем отмечал, что ученый использовал любую возможность общения с большой аудиторией, перед которой любил декламировать по памяти отрывки из эпоса «Манас». Об этих встречах рассказывал И.К. Кашакараев – директор Фрунзенского химфармзавода, перед рабочими которого часто выступал ученый[2].

Значение изданию эпоса придавал первый секретарь киргизского Обкома партии Белоцкий, державший на постоянном контроле всю подготовительную работу и ведший личную переписку с Гослитиздатом, занимавшимся подготовкой «Манаса» к изданию.

«7000 строк отсылаются 21 марта, – сообщал Морис Львович директору издательства Николаю Николаевичу Накорякову в одном из писем, – (подстрочник лежит сейчас на моем столе)»[3].

22 ноября 1935 года Бюро Обкома приняло решение детально рассмотреть эффективность работы редакционной коллегии, наметив первоначально рассмотрение вопроса на 25 декабря[4].

20 декабря Поливанов вновь обратился к Белоцкому, высказав просьбу принять его для объяснения сложившейся ситуации вокруг перевода эпоса.

«С "Манасом" у нас, все-таки, неблагополучно, – писал ученый. – Мы больше говорим и дебатируем (и пишем)

Первый секретарь Обкома ВКП(б) Киргизской АССР М.Л. Белоцкий

Из письма М.Л. Белоцкого директору Гослитиздата Н.Н. Накорякову: «Дорогой товарищ!

Секретариат Главной Редакции "Манаса" доложил мне, что на сегодняшний день работа по переводу обстоит следующим образом:

I. 8100 строк, включая сюда переведенные т. Тыныстановым 2000 строк, сданы Литиздату;

2. 7000 строк отсылаются 2I марта (подстрочник лежит сейчас на моем столе);

3. 6000 строк уже сданы переводчикам и находятся в переписке с машинописном бюро.

Монтаж "Манаса" уже закончен и на днях будет утвержден Главной Редакцией (в составе ее членов, находящихся во Фрунзе)»[I].

[I] ЦГА ОПД КР. Ф.IO. Оп.I. Д. 757. Л. I2–I3.

[1] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 110. Л. 1.

[2] НАН КР. Фонд В.П. Плоских. П. 363. Л. 3.

[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 757. Л. 12.

[4] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 639. Л. 123.

о методах перевода, чем переводим. Мне очень не хочется предлагать решительных мер, но, по-видимому, договор с Москвой будет сорван, и потому уже после возвращения из Ташкента – я буду просить Вас выслушать меня по этому поводу на несколько минут»[5].

Несмотря на возникшие в работе трудности, 24 декабря Поливанов опубликовал очередную статью «Киргизский народный эпос “Манас”. Начало “Великого похода” (Поход богатыря Манаса на Пекин Великий)»[6].

30 декабря «Советская Киргизия» сообщила о том, что 28 декабря состоялось второе заседание редколлегии по изданию эпоса «Манас». Редколлегия работала три дня – 27–29 декабря.

В первый день совещания, которое Поливанов называл конференцией в силу актуальности повестки дня и содержательности научной дискуссии, с докладами выступили заведующий отделом школ, науки, научно-технических изобретений и открытий Обкома партии Ахматбек Джумабаев, Касым Тыныстанов, Мухтар Ауэзов. Выступление Евгения Поливанова, состоявшееся на второй день, называлось «О принципах перевода эпоса “Манас”».

В заметке «Второе заседание редколлегии “Манаса”» фамилия Поливанова указана первой среди выступивших по повестке дня. Газета так и написала: о «социальной и художественной сущности эпоса» выступили «тт. Поливанов, Токомбаев, Ощакевич, Батманов и др.». Разговор шел о методе перевода эпоса на русский язык, работе составителей подстрочников и поэтических обработчиков.

Последним слово взял первый секретарь Обкома ВКП(б) Белоцкий, «предъявивший конкретные требования к созданию на русском языке доброкачественного перевода, отражающего и содержание, и формальные особенности эпоса»[7].

Второе заседание редколлегии „Манаса“

Во втором заседании редколлегии по изданию эпоса „Манас“ 28 декабря выступили с вопросами социальной и художественной сущности эпоса т. т. **Поливанов, Токомбаев, Ощакевич, Батманов** и друг. Они остановились также на методе перевода эпоса на русский язык и, в первую очередь, на работе составителей подстрочника и поэтических обработчиков. В конце заседания выступил секретарь обкома партии т. **Белоцкий**, который указал пути дальнейшей работы редколлегии и пред'явил конкретные требования к созданию на русском языке доброкачественного перевода, отражающего и содержание, и формальные особенности эпоса. Последние слова товарища **Белоцкого** были покрыты дружными аплодисментами.

Сказитель **Каралаев** исполнил для участников заседания эпический отрывок из „Манаса“.

Заметка «Второе заседание редколлегии “Манаса”» в газете «Советская Киргизия». 30 декабря 1935 г.

Завершилось мероприятие исполнением сказителем Каралаевым эпического отрывка из «Манаса».

Накануне совещания отдел культуры и пропаганды Обкома партии в служебной записке о состоянии литературного движения в Киргизии одним из проводников контрреволюционной идеологии назвал Касыма Тыныстанова. Текст документа, будто специально, был извлечен для Белоцкого, возглавившего в 1933 году коммунистов Киргизии и активно взявшегося за подготовку эпоса «Манас» к изданию. «Члены старого бюро ОК (Областного комитета

[5] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912 . Л. 49.

[6] Киргизский народный эпос «Манас. Начало «Великого похода» (Поход богатыря Манаса на Пекин Великий) / пер. и лит. обработка проф. Е.Д. Поливанова // Советская Киргизия. – 1935. – 24 декабря.

[7] Второе заседание редколлегии «Манаса» // Советская Киргизия. – 1935. – 30 декабря.

49

Уважаемый товарищ Белоцкий!

1. Еще раз извиняюсь за то, что в прошлом письме беспокоил Ва[с] такими пустяками. И спасибо за немедленно оказанную поддерж[ку].

Буду краток:

2. Кирг.-русский словарь Юдахина представляет настолько ценную, исключительно-ценную работу (сравнимую лишь с якутским словарем Пекарского и осетинским словарем Миллера), что ставить преграды опубликованию этого словаря непростительно. Всякая дальнейшая правка словаря — кроме, конечно, политконтроля — будет излишней задержкой. Я полагаю, что до отъезда тов. Юдахина нужно было бы санкционировать словарь к печати.

3. Что же касается составления русско-киргизского словаря, т. [о] я расхожусь с тов. Юдахиным, и считаю, что словник этого словаря мог бы быть составлен (и в менее долгий срок) на месте, т.е. во Фрунзе, т.е. незачем перебрасывать составление словника в Москву. При определенных условиях планирования рабочего времени я бы готов был взяться за эту работу вместе с одним или двумя сотрудниками. Не поймите это так, будто я ищу себе нагрузки (у меня и так много заказов), но для того, чтобы ускорить дело по составлению этого (русско-киргизского) словаря, я прибавил бы себе и эту нагрузку.

4. С «Манасом» у нас, всё-таки, неблагополучно. Мы больше говорим и дебатируем (и пишем) о методах перевода, чем переводим. Мне очень не хочется предлагать решительных мер, но по-видимому договор с Москвой будет сорван, и поэтому — уже после возвращения из Ташкента — я буду просить Вас выслушать меня по этому поводу на несколько минут.

20/XII   Евгений Поливанов

Госиздат
Тел. 32

Письмо Е.Д. Поливанова первому секретарю Киргизского Обкома ВКП (б) М.Л. Белоцкому о проблемах в переводе эпоса «Манас». 20 декабря 1935 г. ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. ЛЛ. 49–50

О КирНИИКС'е.

[illegible] 870 94

Уч. Секретарь необходим. При Директоре-неспециалисте без Уч. Секр-ря — полное отрываение руководства от научной работы.

У директора был ряд положительных моментов.

Что институт, как таковой, вовсе не работал. Отдельные сотрудники сделали бы то, что они сделали, и без института.

Две основные формы работы Н.-И. Ин-тов: 1) регулярные (по календарному плану) научные доклады, 2) издание работ — были почти не представлены в КирНИИК.

По линии подготовки кадров только намечался семинарий. Фактически эта работа была перенесена в ГосИздат.

Вопрос об аспиранте (единственном!) получил кустарное и не-официальное разрешение.

Необходимо начать работу по основным линиям: киргизская диалектология, дунганская диалектология, фольклор, язык прессы и т. д., и по примыкающим мелким темам.

Средой специально-привлеченных сотрудников организовать надо 1) словарную, 2) терминологическую работу (на основе договоров).

НКПрос сплошь и рядом замедлял продвижение работ.

Экспедиция Юдахина была первой работоспособной экспедицией. У дунганской экспедиции лишнее было составлять и план, т. к. она не была в состоянии работать.

1. Планы и отчеты не отражают всей фактически-произведенной отдельными сотрудниками работы.

2. Необходимо организовать 1) популярные научные лекции (мои темы могу назвать). 2) доклады в Метод. Каб-те (мое 1ая тема: „Лингвистические предпосылки для методики обучения чтению и письму").

3. Необходимо на производственно-организационных совещаниях решить судьбу каждой из сделанных работ (ср. пункт 11; некоторые работы, минуя Ин-т, шли в ГосИздат).

4. Однако производств.-орг. совещания не должны быть более частыми, чем научные доклады. Кроме того необходимы рецензионные совещания.

5. Необходимо, на основе конкретных материальных возможностей (смета и т. д.) точно выработать Изд. План по 4 линиям (изд. Ин-та: а) „Труды" б) реферативный бюллетень; изд. КирГосИздата; печатание работ в период. изданиях; в Москве, Л-де, Т-те).

6. Необходимо пополнить состав „Секций" (напр. дунганской) сотрудниками на особых условиях.

7. Надо, чтобы Ин-т так или иначе охватывал всех наличных работников по данной специальности.

8. Надо изменить организационную структуру Ин-та (по аналогии Московских Ин-тов).

9. Необходимо иметь официальных сотрудников-корреспондентов в М-ве, Л-де [illegible]

0. Необходимо, чтобы каждый из работников планировал свою работу (всю) [illegible] по срокам. Первые 2 месяца 1936 г. должны уйти на перепечатку и оформление [illegible] (см. пункт (3)) работ плана 1935 года.

Е. Поливанов

43

Тов. Белоцкий!

Позволяю себе просить Вас принять меня по вопросу о „Манасе". Творятся такие безобразия, что требуется большое хладнокровие, чтобы не бросить эту работу.

Изв. за беспокойство, но уж позвольте мне обращаться к Вам. Приду завтра 15/II

14/II Профессор Ев. Поливанов

Письмо Е.Д. Поливанова первому секретарю Киргизского обкома ВКП(б) М.Л. Белоцкому о «безобразиях» при подготовке к изданию эпоса «Манас». 14 февраля 1936 г. ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 43

партии. – *Авт.*), – утверждалось в новой записке, – вместо конкретной повседневной помощи, в некоторых случаях допустили появление Тыныстановщины, буржуазно-националистических моментов в художественной литературе Киргизии». Эти «местные коммунисты, допуская ошибки в течение десяти лет и по сие время» пытались «огородить старую, алаш-ордынскую позицию Тыныстанова». Но такие «защитники» в данное время сами ушли в область предания[1].

В 1932 году, когда Тыныстанов обвинялся в протаскивании контрреволюционных, буржуазно-националистических идей алаш-орды в киргизской литературе, отделу культуры и пропаганды было поручено «проработать вопрос об использовании «народного» творчества вообще и “Манаса”, в частности»[2].

На нынешнем заседании Касым Тыныстанов вынужден был отвечать на вызов своих бывших оппонентов. В своем выступлении он подтвердил: действительно «сказители в большинстве своем происходили из неимущих, поэтому они исполняли с честью волю заказчиков и поэтому нет ничего удивительного, если мы в отдельных частях “Манаса” встречаем, где красной нитью проходит сочетание буржуазного национализма с велико-киргизским шовинизмом»[3]. Но, как констатировал ученый, этот факт меркнет перед исторической ценностью народного эпоса.

Ход дальнейших событий показал: заседание не сыграло той роли, которую отводили ей организаторы. Оно только обострило и без того сложные отношения в рядах редколлегии и всех, кто в Киргизии имел отношение к изданию эпоса.

Спустя два месяца Поливанов в очередной раз оповестил партийного лидера республики о проблемах в работе и попросил встречи.

«Творятся такие безобразия, – с негодованием писал ученый, привыкший на первое место ставить не личную славу, а интересы дела, – что требуется большое хладнокровие, чтобы не бросить эту работу»[4].

21 февраля 1936 года Поливанов отправил очередное тревожное письмо Белоцкому. «Ввиду того, что мой перевод из “Манаса” признан “очень хорошим” (Батманов может повторить, т. е. подтвердить этот отзыв редакторов о моем переводе), – обратил ученый внимание на имеющийся положительный опыт, дающий основание для улучшения общей работы над эпосом, и продолжил – позволяю себе рассчитывать

[1] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 898. Л. 50.

[2] ЦГА ПД. Ф. 10. Оп. 1. Д. 396. Л. 148.

[3] Судьба эпоса «Манас» после Октября. – Бишкек, 1995. – С. 15.

[4] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 43.

на участие в дальнейшем продолжении переводной работы по “Манасу” и поэтому прошу:

1) Принять во внимание, что дальше идти такими темпами (которые у нас имели место благодаря нераспорядительности секретаря) – нельзя. Если бы было принято мое предложение VI.1935, мы имели бы уже 24000 переведенных и отработанных стихов (к 1.II.1936). Но пошли иным путем. Однако на конференции было принято мое предложение о немедленной раздаче новых текстов, о заключении новых договоров и об оплате старых по мере их выполнения. Это было принято, и не выполняется. В итоге 10 дней работаем, а потом 1 ½ или 2 месяца не переводим ни одного стиха – ибо текст не распределен и т. д.»[5].

Более четко просчеты редколлегии в работе над «Манасом» Поливанов обозначил в статье «Киргизский эпос “Манас”». В ней само их умалчивание он назвал ошибкой.

«Много средств израсходовано было впустую, – писал ученый, – вместо делового выполнения заданий была устроена бюрократическая канцелярия со штатом из 7 человек /при чем на долю двоих из них выпадал только получение рукописи от переводчика и вручению ее редактору/; благодаря лени и халатности секретаря этой “комиссии” рукописи задерживались и литературные переводчики долгое время сидели без подстрочников, что одно время угрожало даже срывом всей работы. Наконец, имели место даже прямые злоупотребления, а попытка самокритики каралась исключением из числа официальных работников по “Манасу”»[6].

Тем временем Гослитиздат провел в Москве закрытый конкурс на лучший перевод главы из киргизского эпоса «Манас». Соискателей было много, человек двадцать, среди них – именитые: Сергей Клычков, Василий Казин, Георгий Шенгели. Победителей оказалось трое: Лев Пеньковский, Марк Тарловский и Семен Липкин. Им поручили перевести центральный эпизод «Манаса», названный кодификаторами «Великим походом». Объем перевода составил тридцать тысяч строк[7].

«Опыт годичной работы над художественным переводом ”Манаса” на русский язык, – позднее отмечал Поливанов, – показал, что большинство товарищей из поэтов /например, т.т. Л. Пеньковский и М. Тарловский/ нашли удачный путь для наиболее правильной передачи “Манас” на русском язык»[8].

Для эффективной работы по переводу «пришлось организовать целую школу, т. е. развернуть инструктаж переводчиков “Манаса”, командировав для этого в Москву лучшего из местных научных работников по языку и фольклору товарища Тыныстанова»[9].

Опыт подстрочного перевода этого киргизского ученого Поливанов без лести[10] отмечал как «наилучший»[11].

«Инструктаж этот, – высказывал мнение Поливанов, – несомненно, принесет свои плоды, но до настоящего момента, все таки, мы так и не получили от московских переводчиков доброкачественных и отвечающих хотя бы общему смыслу и духу киргизского текста пере-

[5] Там же. Л. 5.

[6] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Е.Д. Поливанов. Д. 111. Л. 20.

[7] Липкин С.И. Квадрига. – М., 1997. – С. 442.

[8] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Е.Д. Поливанов. Д. 111. Л. 5.

[9] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 110. Л. 18.

[10] Поливанов критично относился к качеству работы, выполненной сотрудниками КНИИКС. Так, переводы Саманчина он назвал «предварительным черновиком», а язык переводов Батманова «тяжело понятным» (См.: Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы / сост., подгот. текста, вступит. статья М.А. Рудова, вступит. статья В.М. Плоских. – Бишкек, 1999. – С. 78.

[11] Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы / сост., подгот. текста, вступит. статья М.А. Рудова, вступит. статья В.М. Плоских. – Бишкек, 1999. – С. 78.

Рукописи переводов эпоса «Манас» Е.Д. Поливанова. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 117

водов – таково общее мнение сотрудников института»[1].

Переводы самого Поливанова получили «одобрительный прием со стороны тех, кто не знаком с киргизским языком и лишен возможности сопоставить перевод с оригиналом». При этом существовал один важный момент, на который Евгений Дмитриевич сам обращал внимание – «при подробном сличении Поливановского перевода с оригиналом устанавливается наличие некоторых отступлений от редактированного Комиссией киргизского текста».

Такую ситуацию он объяснял тем, что «переводчик ставит своею задачей не точный показ того, что имеется в киргизском тексте, а создание русского стихотворного произведения, адекватного киргизскому оригиналу по своему воздействию на читателя»[2].

Ученый считал позволенным для переводчика делать такие же нарушения текста и дополнения к нему, какие вправе был делать любой из киргизских сказителей «Манаса» в отношении к тексту своего учителя.

Рекомендации Поливанова служили подспорьем для переводчиков Гослитиздата. Они, по воспоминаниям поэта и переводчика Семена Израилевича Липкина, не ограничивались подстрочниками. Как прилежные ученики, москвичи штудировали грамматические и синтаксические основы киргизского языка, вслушивались в пение и речитатив сказителей, в частности Саякбая Каралаева, изучали историю киргизов и их соседей, а также тюркоязычных родичей, погружались в научные исследования на доступных для них языках – русском и немецком. Переводчики внимательно выслушивали востоковедов – Константина Кузьмича Юдахина, Сергея Ефимовича Малова и Евгения Дмитриевича Поливанова, которого Липкин назвал гениальным.

Евгений Дмитриевич помогал переводчикам Гослитиздата, разъясняя трудные места, идиомы, архаизмы, во время их посещения Фрунзе. Гости, вспоминали, что разговаривал он сердито, возражений не терпел – «в нем чувствовалась озлобленность»[3].

Такую особенность в общении отмечал Липкин и приводил в доказательство пример: «В киргизском эпосе есть такой эпизод. Манас и его кыркчоро – сорок дружинников – женятся на бухарских девушках. Каждый из них познает новобрачную, подражая тому или иному животному или могучей птице. Сам Манас – как верблюд верблюдицу. Я перевел это место довольно близко, но опустил нецензурные выражения: сказитель называл вещи своими именами. Поливанов требовал, чтобы я слово за словом следовал за сказителем. Киргизские ученые меня поддержали, а Поливанов кричал и на них, и на меня»[4].

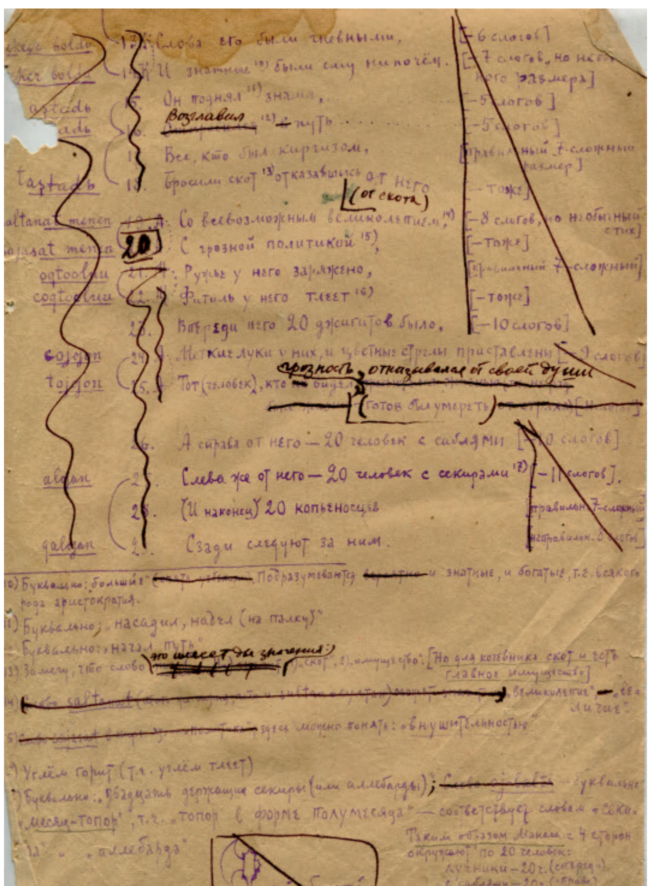
Поливанов жестко отстаивал свою позицию, которую он обозначил еще 28 декабря 1935 года на заседании редколлегии. Перевод «Манаса», доказывал ученый, предпринимается не в качестве научной филологической работы для узкого круга специалистов-тюркологов, а как художественно-литературный поэтический перевод, предназначаемый

[1] Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 110. Л. 18.

[2] Там же. Л. 19.

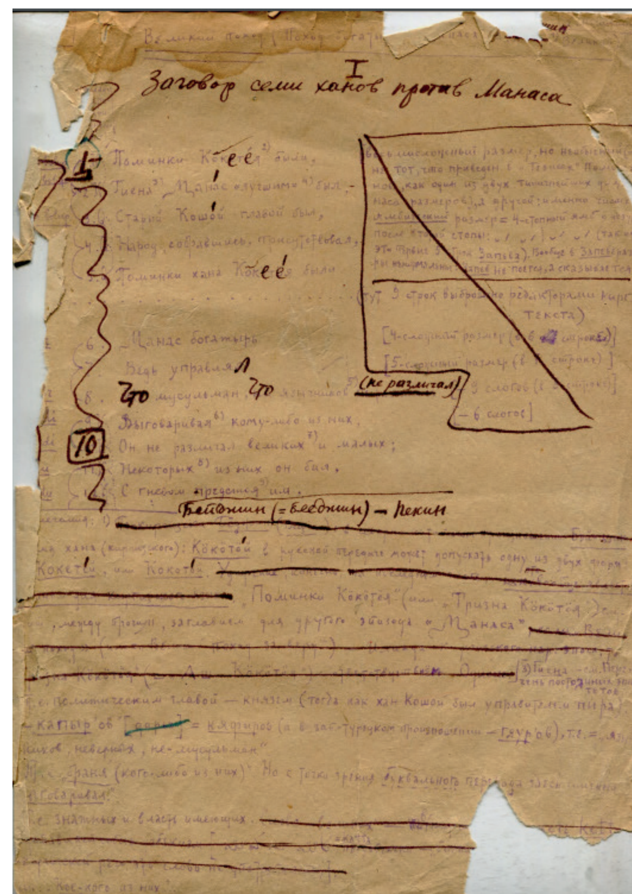
[3] Липкин С.И. Квадрига. – М., 1997. – С. 452.

[4] Там же. С. 453.



13. Слова его были гневными, [–6 слогов]
14. И знатные[10)] были ему ни почём. [–7 слогов, но негo размера]
15. Он поднял[11)] знамя, [–5 слогов]
16. Возглавил[12)] путь [–5 слогов]
17. Все, кто был киргизом, [правильный 7-сложный размер]
18. Бросили скот[13)] отказавшись от него (от скота) [–тоже]
19. Со всевозможным великолепием,[14)] [–8 слогов, но необычный стих]
20. С грозной политикой[15)], [–тоже]
21. Ружье у него заряжено, [правильный 7-сложный]
22. Фитиль у него тлеет[16)] [–тоже]
23. Впереди него 20 джигитов было, [–10 слогов]
24. Меткие луки у них, и цветные стрелы приставлены [–9 слогов]
25. Тот (человек), кто видел грозность, отказывался от своей души (готов был умереть)
26. А справа от него – 20 человек с саблями [–10 слогов]
27. Слева же от него – 20 человек с секирами[17)] [–11 слогов].
28. (И наконец) 20 копьеносцев [правильн. 7-сложный]
29. Сзади следуют за ним. [неправильн. 8 слогов]

10) Буквально: „большие“. Подразумеваются и знатные, и богатые, т.е. всякого рода аристократия.
11) Буквально: „насадил, надел (на палку)“
12) Буквально: „начал путь“
13) Замечу, что слово ... это имеет два значения: 1) „скот“, 2) „имущество“. [Но для кочевника скот и есть главное имущество]



I
Заговор семи ханов против Манаса

1. Поминки Кёкётёя[2)] были,
2. Глена[3)] Манас лучшим[4)] был, –
3. Старый Кошой главой был,
4. Народ, собравшись, пиршествовал,
5. Поминки хана Кёкётёя были
. . . . (тут 9 строк выброшено редакторами кирг. текста)
6. Чанде богатырь
7. Ведь управлял
8. Что мусульман, что язычников[5)] (не различал)
9. Выговаривая[6)] кому-либо из них,
10. Он не различал великих[7)] и малых;
11. Некоторых[8)] из них он бил.
12. С гневом предстоял[9)] им.
Бейджин (= бейджин) – Пекин

Перевод Е.Д. Поливанова эпизода «Заговор семи ханов против Манаса». Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 197. ЛЛ. 1–2

для широкого круга читателей. Отсюда задачей переводчиков является недопущение «внесения в текст современной идеологии и классовой психологии пришедшего к диктатуре пролетариата»[5]. Попытки сделать что-либо в этом направлении означало бы искажение памятника народного творчества и культуры давно минувших эпох.

Перед поэтическим переводчиком задача – дать адекватное оригиналу эстетическое воздействие на читателя – оказывается необычайно трудной ввиду весьма крупных различий между поэтической техникой киргизского текста и привычными для русского читателя формально-поэтическими приемами. Сюда относятся, главным образом, особенности киргизской поэтической техники «Манаса». Разбирая метрическое строение киргизского стиха, Поливанов сделал вывод, что «внешняя аллитерация» в «Манасе», то есть повтор одного и того же звука, «вряд ли будет действенным поэтическим приемом в русском стихе», поэтому ученый заявил «о безусловной необязательности соблюдение аллитераций в русском тексте»[6].

Совершенно иначе следует отнестись к рифмам киргизского подстрочника подлинника: поскольку «и в киргизском, и в русском стихе рифма является привычнейшим канонизированным приемом», нерифмованный перевод (перевод «белыми стихами») «Манаса» следовало считать неоправданным отступлением от формы оригинала.

Это не следует понимать в смысле точного соблюдения установленного

[5] Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы / сост., подгот. текста, вступит. статья М.А. Рудова, вступит. статья В.М. Плоских. – Бишкек, 1999. – С. 62.

[6] Там же. С. 65.

в эпосе порядка и числа рифмующихся стихов. В этом отношении русскому поэтическому переводчику должна быть представлена значительная свобода. Касаясь принципа «эквилинеарности» – тождества размера и числа слогов, Поливанов посчитал его, как и принцип «эквиритмичности»[1], необязательными для русского языка.

Ученый указывал, что материалом для поэтического переводчика (обработчика) должны служить:

– знакомство с формой киргизского подлинника, получаемое из самого текста оригинала и из кратких письменных указаний относительно размера, размещения ударений, цензуры и пр.;

– подстрочный перевод, желательно, со специальным комментарием, предназначенным не для печати, а именно лишь для «обработчика». Подстрочный перевод необходим будет даже в том случае, когда «обработчик» и подстрочный переводчик – одно и то же лицо: в этом случае подстрочный перевод необходим для оценки, проверки и окончательного редактирования поэтического перевода.

Говоря о роли подстрочного перевода, Поливанов писал: «Роль предварительного перевода – чисто служебная, и поэтому выполнитель его должен иметь перед собой только одну задачу: дать исчерпывающе ясное представление о смысловом содержании подлинника. В преследовании этой цели ему не должны мешать ни погоня за художественностью (ни даже за особой правильностью) русского языка (был бы лишь он вполне понятен для “обработчика”), ни попытки в какой-либо мере отразить формально-поэтические приемы киргизского текста. От всего этого составитель предварительного перевода должен заведомо отказаться, но зато желательно, чтобы он не отказывался от комментариев, способных полностью осветить киргизское понимание текста в тех случаях, когда простой русский перевод недостаточен для этого»[2].

Следуя собственной стратегии перевода киргизского эпоса, Евгений Дмитриевич оттачивал личный стиль в его стихотворной передаче на русском языке.

В журнале «Литературный Узбекистан» в 1936 году появилась серия публикаций с поэтическими переводами эпоса, сделанными Поливановым. Такими стали: «Фрагменты киргизского народного эпоса “Манас”» (Из “Великого похода” или “Похода богатыря Манаса на Пекин Великий”)»[3], «Манас» Великий поход (“Чон-Газат”). Начальный отрывок “Великого похода” (начало главы “Заговор семи ханов против Манаса”)»[4].

На страницах этого авторитетного издания Поливанов самоотверженно отстаивал мировую значимость киргизского народного эпоса и его мировое первенство: “Манас” бесспорно занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества тюркских народов как по художественному, так и научному своему значению (в качестве ценнейшего объекта литературного исследования). А по своему объему этот колоссальный эпос, в несколько десятков раз превосходящий “Илиаду”, должен занять и мировое первенство как самый длинный (и представляющий собою вместе с тем единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей»[5].

«Манасу» так много было посвящено строк, так много было сделано переводов, изложенных в стихотворной форме, что Поливанов задумался об изда-

[1] Эквиритмичность – вид поэтической, художественной адаптации текста стиха при переводе с одного языка на другой, в которой досконально соблюдена оригинальная структура ритма.

[2] Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы / сост., подгот. текста, вступит. статья М.А. Рудова, вступит. статья В.М. Плоских. – Бишкек, 1999. – С. 67.

[3] Литературный Узбекистан. – 1936. – Кн. 2. – С. 145–156.

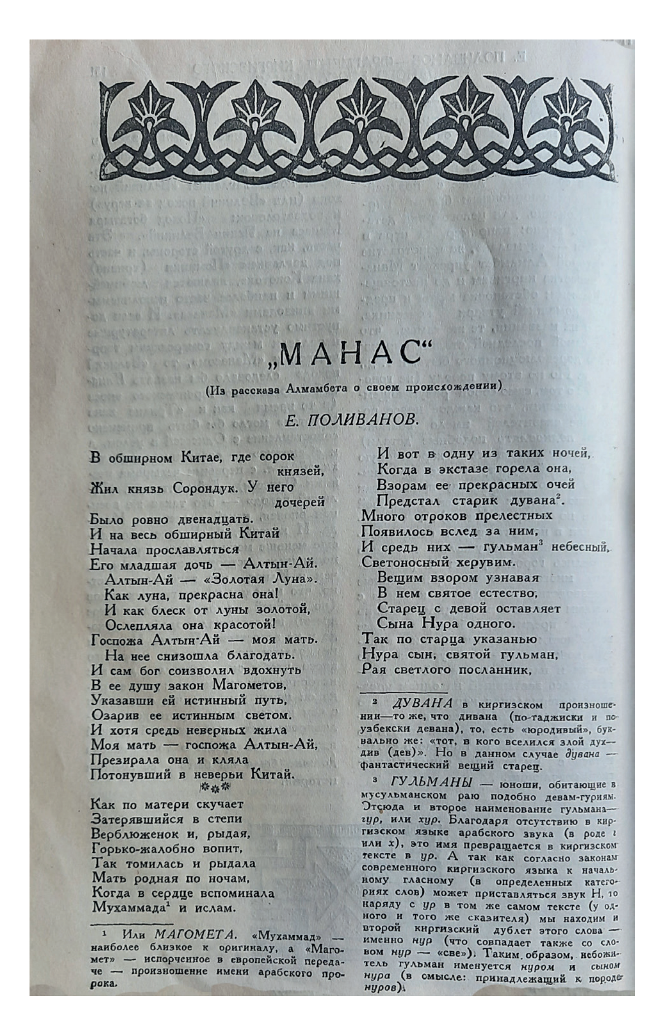
[4] Там же. С. 147–157.

[5] Поливанов Е.Д. Вводные замечания к переводу «Манаса» // Литературный Узбекистан. – 1936. – № 2. – С. 145.

Из статьи В. Шаповалова, доктора филологических наук, Народный поэт Кыргызской Республики «Манас» в объективе русской культуры Взаимодействие двух культур в процессе поэтического перевода»: «Весьма интересно, как на фоне идеологизированной действительности Поливанов демонстрировал сложившееся в прогрессивной интеллектуальной среде России отношение к молодым культурам. Та часть его многообразного наследия, которая связана с исследованием и творческими интерпретациями эпоса "Манас", имеет особое значение, ибо выходит за рамки историко-культурной проблемы и смыкается с проблематикой уже нравственного порядка, неизбежно связываясь с судьбой этого выдающегося ученого, с жертвенным вкладом его личности и дарования в становление молодой науки и литературы Киргизии, где и оборвалась его жизнь. "Манас" интересовал Поливанова как уникальный памятник кочевой цивилизации — реликтовая целостность, парадоксально неотделимая от становления в 20—30-е годы новой национальной культуры, вопреки распространяющейся тенденции ревизовать старые ценности. С другой стороны, тюркский стих стал материалом, на котором, с позиций выдвинутой им концепции повтора фонетических сущностей, Поливанов обосновал (наряду с исследованиями Р. О. Якобсона) аксиоматический подход к типологии национальных стиховых систем. И, наконец, как переводчик и "переводовед» он синтезирует свой опыт в русле нового культурообмена, важность которого прозревает еще в дореволюционные годы: эта сторона его деятельности, несомненно, составила новую ступень истории русской переводной художественной культуры Поливановым реализовались принципы этнокультуроведческого подхода, когда личность и культурный статус переводчика, осознание им своей роли в инонациональной литературной культуре начали получать не только прямое отражение в творческой практике, но и заявили о рождении новой переводческой школы, чьи позитивные завоевания парадоксальным образом исходили, в том числе и из комплекса параноидальных характеристик "соцреализма". Представляется бесспорным уже тот факт, что творческая мысль Поливанова послужила фундаментом, на котором были построены последующие достижения теории и практики киргизского русского перевода и — шире — перевода на русский язык памятников тюркской культуры. Значение всего переводческого наследия Поливанова, включая и теоретические разработки, и переводы, ощущается именно как взаимно обогатившие друг друга отношения масштабной творческой личности и молодой, только еще формировавшейся многонациональной культурной среды. Культуртрегерство, побуждение к духовному росту национальных молодых сил — лишь одна из сторон деятельности Поливанова, и в ее контексте — своеобразие целой эпохи перевода национальных литератур "советского Востока» на русский язык»[1].

---

[1] Шаповалов В. «Манас» в объективе русской культуры Взаимодействие двух культур в процессе поэтического перевода // Русское слово в Кыргызстане. — 2013. — № 1-2. — С. 92—93.



„МАНАС"

(Из рассказа Алмамбета о своем происхождении)

Е. ПОЛИВАНОВ.

В обширном Китае, где сорок
князей,
Жил князь Сорондук. У него
дочерей
Было ровно двенадцать.
И на весь обширный Китай
Начала прославляться
Его младшая дочь — Алтын-Ай.
Алтын-Ай — «Золотая Луна».
Как луна, прекрасна она!
И как блеск от луны золотой,
Ослепляла она красотой!
Госпожа Алтын-Ай — моя мать.
На нее снизошла благодать.
И сам бог соизволил вдохнуть
В ее душу закон Магометов,
Указавши ей истинный путь,
Озарив ее истинным светом.
И хотя средь неверных жила
Моя мать — госпожа Алтын-Ай,
Презирала она и кляла
Потонувший в неверьи Китай.

***

Как по матери скучает
Затерявшийся в степи
Верблюженок и, рыдая,
Горько-жалобно вопит,
Так томилась и рыдала
Мать родная по ночам,
Когда в сердце вспоминала
Мухаммада[1] и ислам.

И вот в одну из таких ночей,
Когда в экстазе горела она,
Взорам ее прекрасных очей
Предстал старик дувана[2].
Много отроков прелестных
Появилось вслед за ним,
И средь них — гульман[3] небесный,
Светоносный херувим.
Вещим взором узнавая
В нем святое естество,
Старец с девой оставляет
Сына Нура одного.
Так по старца указанью
Нура сын, святой гульман,
Рая светлого посланник,

[1] Или *МАГОМЕТА*. «Мухаммад» — наиболее близкое к оригиналу, а «Магомет» — испорченное в европейской передаче — произношение имени арабского пророка.

[2] *ДУВАНА* в киргизском произношении—то же, что дивана (по-таджикски и по-узбекски девана), то, есть «юродивый», буквально же: «тот, в кого вселился злой дух—див (дев)». Но в данном случае *дувана* — фантастический вещий старец.

[3] *ГУЛЬМАНЫ* — юноши, обитающие в мусульманском раю подобно девам-гуриям. Отсюда и второе наименование гульмана—*гур*, или *хур*. Благодаря отсутствию в киргизском языке арабского звука (в роде г или х), это имя превращается в киргизском тексте в *ур*. А так как согласно законам современного киргизского языка к начальному гласному (в определенных категориях слов) может приставляться звук Н, то наряду с *ур* в том же самом тексте (у одного и того же сказителя) мы находим и второй киргизский дублет этого слова — именно *нур* (что совпадает также со словом *нур* — «све»). Таким образом, небожитель гульман именуется *нуром* и сыном *нура* (в смысле: принадлежащий к породе *нуров*).

Е. ПОЛИВАНОВ — «МАНАС» 153

Алтын-Ай в мужья был дан.
Так в волшебной дымке сна
Дивным древним дуваной
Алтын-Ай обручена
С сыном Нура. И женой,
В страстной неге утопая,
Пребывала до утра
С ним на ложе. А вставая,
Чтобы исполнить таарат.[4]
В час, когда на минарете
Раздается на рассвете
Клич азана,[5] Алтын-Ай
Оглянулась:
Нет гульмана —
Он вернулся в светлый рай,
Ужаснулась в этот миг
Небожителя подруга
И вскричала: «О, старик!
Возврати скорей его,
Драгоценного супруга,
Господина моего!»

И тогда издалека
К ней донесся заглушенный
Вещий голос старика:
«Божьей волей предрешенной
Покорись тяжелой доле:
В этой жизни лишь одна
Встреча с ним тебе дана!
Не увидишь его боле!
Но зато родишь ты сына —
Храбреца и исполина!
Обещай же преподать
Сыну веры благодать!»

***

Не кори ж меня, Манас:
Я, твой друг на поле брани,
Я — такой же мусульманин,
Как и каждый здесь из нас!
Не ровняй меня гяуру!
Жизнью я обязан Нуру,
Алтын-Ай же, моя мать,
Мне сумела преподать
Чистой веры благодать.
Нура сын был мне отец,
Душу ж мне вдохнул творец.

[4] *ТААРАТ* — ритуальное омовение.

[5] *АЗАН*, — призыв на молитву.

Перевод отрывка из эпоса «Манас», опубликованного Е.Д. Поливановым в журнале «Литературный Узбекистан» (1936 г.)

нии всех опубликованных материалов. В письме неустановленному лицу, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Н.И. Харджиева, Поливанов писал о желании собрать переведенные им отрывки из «Манаса» в одной брошюре: «Если посмотрите ж-л “Литературный Узбекистан” (Ташкент) № 2, а также № 311 (и 4), 1936, то найдете мои стихотворные переводы “Манаса”; кроме опубликованных их много – на целую книжку. Если б можно было “Отрывки из Манаса” издать отд. брошюрой (в 2–3 листа), это было бы очень хорошо»[1].

Реализовать идею помешали «патриоты» под видом защиты коммунистических идей. На начальном этапе работы над эпосом – в 1935 году – члены редколлегии получили докладную записку, в которой неизвестный «эксперт» сигнализировал: «Процесс практической работы над первым вариантом /вариант Сагимбая/ эпоса “Манас” полностью подтвердил взгляд отдельных товарищей на этот вариант, как вариант искусственный». Этот вариант, якобы записанный под руководством буржуазных националистов – Арабаева, Худайкулова, Сыдыкова, Джамбаева – «сначала до конца и проповедует пантюркистическую идею чего не было и нет в подлинном Манасе». Далее в записке сообщалось, что «в предисловии и песнях как автор, так и записчик осознают, что им приходилось встречаться с колоссальными трудностями в выполнении задания “больших людей”, а потому они /автор и записчик/ не виновны, если в Манасе много погрешностей. И, на самом деле, эти погрешности оказались настолько грубыми, что ставят Манаса в ряды ненародных сказаний-былин, а в ряды историко-социологических толкований современного, отсталого буржуазно-националистического ученого»[2].

На заседании Бюро Обкома ВКП(б) Киргизии, прошедшем 1 июня 1937

[1] РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 723. Л. 2.

[2] ЦГА ОПД КР. Ф. Оп. 1. Д. 681. Л. 73.

года, вопрос об издании эпоса «Манаса» был поставлен жестко. Руководящий орган киргизских коммунистов предъявил претензии Гослитиздату о невыполнении им издательского договора. Было решено известить об этом отдел печати ЦК ВКП(б) для того, чтобы «дать жесткие прямые указания о выполнении Гослитиздатом договоров по изданию “Манаса” и как минимальный выпуск издать к 20-летию Октябрьской революции хотя бы половину “Великого похода” на русском языке»[3].

Для консультации по русскому переводу и художественному оформлению «Великого похода» в Москву командировали Тыныстанов. Секретарю Обкома по пропаганде Джумабаеву[4] поручили составить до 1 июля 1937 года предисловие к изданию. Ему также было указано на нерегулярную работу редколлегии.

Заседание Бюро вел исполняющий обязанности секретаря Обкома Максим Кирович Аммосов, который сменил на этом посту Белоцкого, попавшего в опалу[5]. По итогам заседания в Гослитиздат ушла телеграмма.

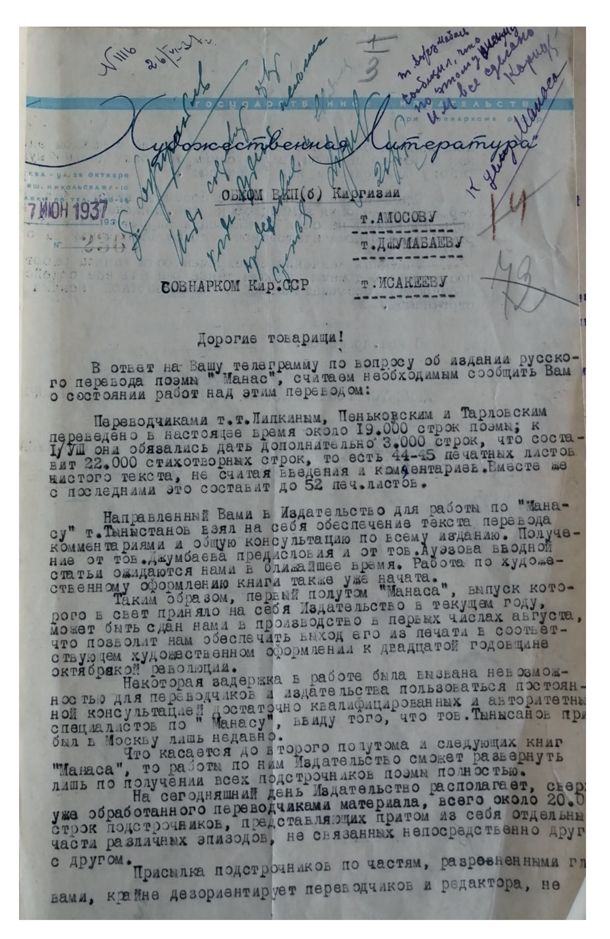
7 июня Гослитиздат отправил ответ в адрес Амосова, Джумабаева и Исакеева. Директор издательства Николай Накоряков и заведующий редакцией «Творчество народов СССР» Владимир Мусаэлян проинформировали руководство Киргизии о состоянии работы над переводом эпоса.

Объем выполненных работ авторы письма оценивали как значительный и готовый к запуску в производство первого полутома эпоса в начале августа 1937 года и выхода его в свет к 20-й годовщине Октябрьской революции. «Переводчиками т.т. Липкиным, Пень-

[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 1.Д. 778. Л. 122.

[4] 6 июня 1937 года на I съезде Коммунистической партии (большевиков) Киргизии отмечен «немалый труд» Джумабаева «по собранию и воссозданию» эпоса «Манас».

[5] 9 июля 1937 года Мориса Львовича исключили из членов ВКП(б), затем арестовали вместе со всей семьей, а в 1940 году осудили к тюремному заключению на 15 лет за связь с врагами народа.


Государственное издательство
Художественная Литература

7 ИЮН 1937

ОБКОМ ВКП(б) Киргизии т.АМОСОВУ

т.ДЖУМАБАЕВУ

СОВНАРКОМ Кир.ССР т.ИСАКЕЕВУ

Дорогие товарищи!

В ответ на Вашу телеграмму по вопросу об издании русского перевода поэмы "Манас", считаем необходимым сообщить Вам о состоянии работ над этим переводом:

Переводчиками т.т.Липкиным, Пеньковским и Тарловским переведено в настоящее время около 19.000 строк поэмы; к 1/VIII они обязались дать дополнительно 3.000 строк, что составит 22.000 стихотворных строк, то есть 44-45 печатных листов чистого текста, не считая введения и комментариев. Вместе же с последними это составит до 52 печ.листов.

Направленный Вами в Издательство для работы по "Манасу" т.Тыныстанов взял на себя обеспечение текста перевода комментариями и общую консультацию по всему изданию. Получение от тов.Джумбаева предисловия и от тов.Ауэзова вводной статьи ожидаются нами в ближайшее время. Работа по художественному оформлению книги также уже начата.

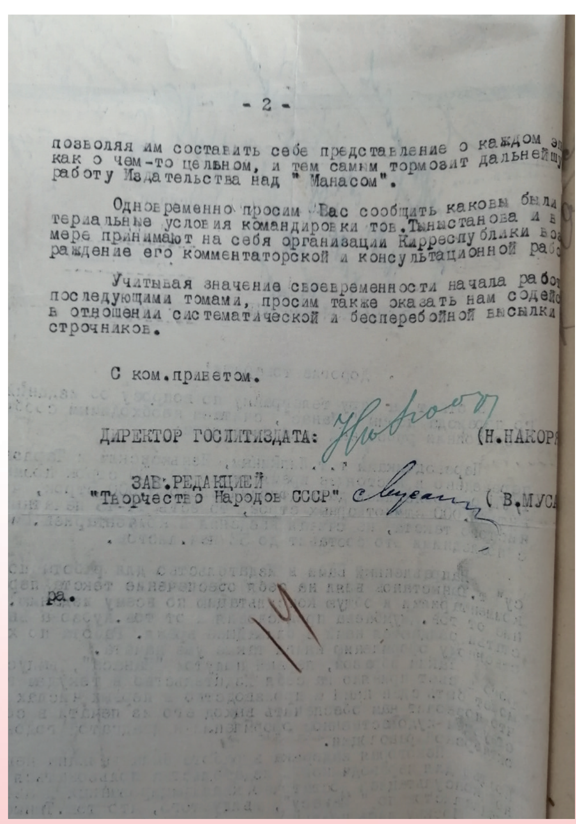
Таким образом, первый полутом "Манаса", выпуск которого в свет приняло на себя Издательство в текущем году, может быть сдан нами в производство в первых числах августа, что позволит нам обеспечить выход его из печати в соответствующем художественном оформлении к двадцатой годовщине Октябрьской революции.

Некоторая задержка в работе была вызвана невозможностью для переводчиков и издательства пользоваться постоянной консультацией достаточно квалифицированных и авторитетн[ых] специалистов по "Манасу", ввиду того, что тов.Тынысанов пр[и]был в Москву лишь недавно.

Что касается до второго полутома и следующих книг "Манаса", то работы по ним Издательство сможет развернуть лишь по получении всех подстрочников поэмы полностью.

На сегодняшний день Издательство располагает, свер[х] уже обработанного переводчиками материала, всего около 20.0[00] строк подстрочников, представляющих притом из себя отдельны[е] части различных эпизодов, не связанных непосредственно друг с другом.

Присылка подстрочников по частям, разрозненными гл[авами], крайне дезориентирует переводчиков и редактора, не


- 2 -

позволяя им составить себе представление о каждом эп[изоде] как о чем-то цельном, и тем самым тормозит дальнейшу[ю] работу Издательства над "Манасом".

Одновременно просим Вас сообщить каковы были [ма]териальные условия командировки тов.Тыныстанова и в [какой] мере принимают на себя организации Киргреспублики во[зна]граждение его комментаторской и консультационной раб[оты].

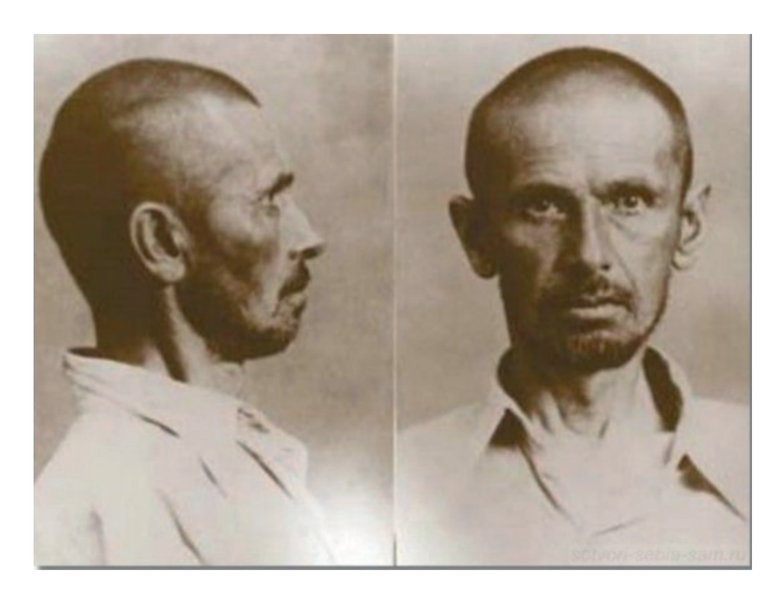
Учитывая значение своевременности начала рабо[ты над] последующими томами, просим также оказать нам содейс[твие] в отношении систематической и бесперебойной высылки [под]строчников.

С ком.приветом.

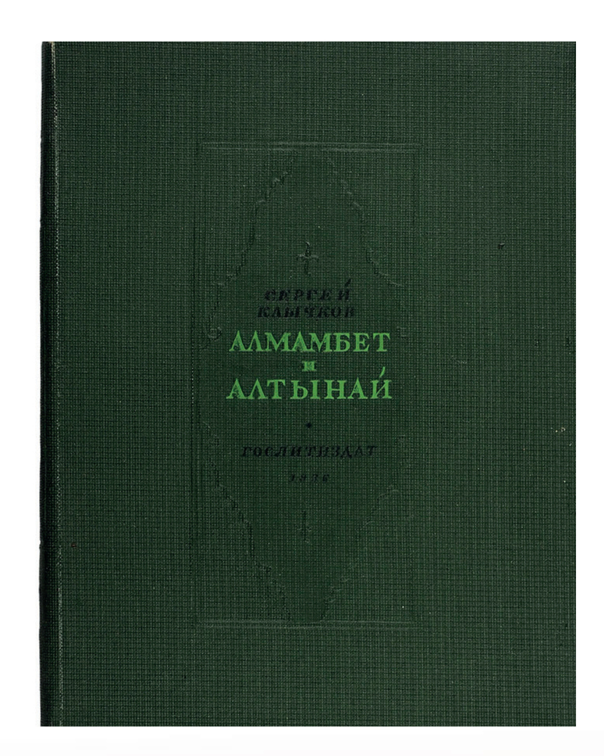
ДИРЕКТОР ГОСЛИТИЗДАТА: (Н.НАКОР[ЯКОВ])

ЗАВ.РЕДАКЦИЕЙ "Творчество Народов СССР" (В.МУС[АЭЛЯН])

Письмо о готовности Гослитиздата к началу издания эпоса «Манас». 7 июня 1937 г.
ЦГА ОПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 941. ЛЛ. 3–3 об.



Последнее фото Е.Д. Поливанова (из следственного дела)



Книга Сергея Клычкова «Алмамбет и Алтынай» (1936 г.)

ковским и Тарловским, – говорилось в письме, – переведено в настоящее время около 19000 строк поэмы; к 1/VIII они обязались дать дополнительно 3000 строк, что составит 22000 стихотворных строк, то есть 44–45 печатных листов чистого текста, не считая введения и комментариев. Вместе же с последними это составит до 52 печ. листов»[1].

[1] ЦГА ОПД КР. Ф.10. Оп. 2. Д. 941. Л. 3.

Накоряков и Мусаэлян выразили надежду на скорое получение из Киргизии от Джумабаева предисловия, от Ауэзова – вводной статьи. Они сообщили, что некоторая задержка в работе издательства была вызвана отсутствием у переводчиков и издательства возможности пользоваться постоянной консультацией достаточно квалифицированных и авторитетных специалистов-манасоведов. Тыныстанов, как написали издатели, прибыл в Москву в начале июня.

Что же касается второго полутома и следующих книг, то в письме сообщалось о готовности начать работу после получения всех подстрочников поэмы. Здесь же обращалось внимание, что отправка подстрочников по частям, разрозненными главами крайне дезорганизует переводчиков и редактора издания, не давая возможность получить о каждом эпизоде цельное представление, что, в конечном счете, тормозило работу.

Накоряков и Мусаэлян высказали руководству республики просьбу, «учитывая значение своевременности начала работы над последующими томами», оказать содействие в отношении систематической и бесперебойной высылки строчников»[2].

Согласно ответу, у руководства Киргизии поводов для беспокойства в отношении издания эпоса не должно было быть. Тем не менее страсти вокруг эпоса накалялись. Второй секретарь ЦК ВКП(б) Киргизии Хасан Джиенбаев, 30 июля 1937 года приказом НКВД СССР включенный в состав особой тройки, в записке членам Бюро ЦК Компартии Киргизии высказался за то, что издание русского текста «Великого похода» без серьезной и коренной переработки не только невозможно, но будет “политически вредным”»[3].

«При обсуждении, – писал борец с контрреволюцией, – раньше о подготовке к изданию “Манаса” много раз говорилось и давались указания об

[2] Там же. Л. 3 об.

[3] ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 19. Л. 20.

устранении внесенных контрреволюционных, буржуазных, пантюркистских и панисламистских идеологий. Однако и сейчас контрреволюционная, пантюркистская и панисламистская идеология, которая насквозь проходила по всему эпосу "Манас", не устранена из содержания»[4].

Вслед за запиской последовало решение ЦК компартии Киргизии. Постановление гласило: «Ввиду того, что разработка старого текста велась вредительски, издание "Манаса" приостановить до окончательного редактирования и утверждения комитетом текста»[5].

Так в Киргизии подытожили более чем двухлетний труд большой группы ученых из Фрунзе и Москвы, пытавшихся сохранить и сделать достоянием миллионов людей киргизское народное творение.

Энергичная, по оценке Семена Липкина, деятельность киргизских фольклористов, заключавшаяся в записях со слов сказителей эпоса, внезапно и насильственно оборвалась. Этот человек, всецело веривший в значимость дела, совершаемого им и его коллегами во имя сохранения народного достояния, в своей книге «Квадрига» рассказал о кулуарных играх вокруг «Манаса».

«Мы не знали, – писал Липкин – что из Киргизии некоторые местные партийные ортодоксы атаковали издательство письмами, в которых грозно предупреждали, что "Манас" – создание байско-феодальной верхушки, орудие буржуазных националистов – и разоблаченных, и притаившихся. Киргизское руководство, конечно, знало об этих письмах и, как часто бывает в таких случаях, хотело, чтобы всю ответственность взяла на себя Москва, московское издательство»[6].

Для Поливанова и его соратника Тыныстанова история борьбы за киргизский эпос завершилась в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года, когда НКВД провело их арест. Совпадение или нет, но той же ночью в Подмосковье арестовали поэта Сергея Клычкова – автора книги «Алмамбет и Алтынай», увидевшей свет с согласия самого Сталина в 1936 году.

Всем арестованным были предъявлены различные обвинения. Евгению Дмитриевичу Поливанову вменили в вину шпионаж в пользу Японии. Коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила ученого к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

В день вынесения приговора – 25 января 1938 года – гения расстреляли. Злопыхатели в радости сжигали его рукописи и труды, изымали готовящиеся к печати научные работы. Они сделали все, чтобы имя великого ученого на четверть века сошло с научного небосклона.

«Сегодня иные горячие головы пытаются доказать, что директивы по репрессиям поступали из Москвы, – пишет киргизский публицист, драматург Мар Байджиев – сын советского и киргизского писателя и манасоведа Ташима Байджиева, арестованного в 1950 году по обвинению в "буржуазном национализме". – Но знал ли диктатор Сталин о том, что у кыргызского народа есть эпос "Манас", в котором воспевается единение тюрков и мусульман, идущее вразрез с политикой компартии? Давал ли он указания об аресте и расстреле манасоведов, изъятии выпущенных книг и пособий? Это было дело рук местных властей, науськанных завистниками и карьеристами, которые в корыстных целях пускали под откос не только неугодных им людей, но и само гениальное творение народа. Местные же партруководители, зачастую очень далекие от науки и культуры, рапортовали Москве о "принятых мерах"»[7].

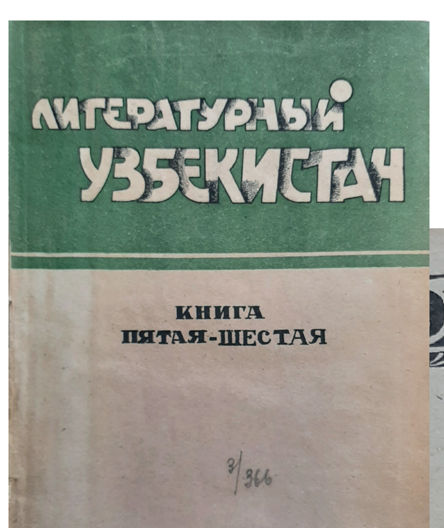
---

[4] Там же.

[5] ЦГА ОПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 38. Л. 5.

[6] Липкин С.И. Квадрига. – М., 1997. – С. 455.

[7] Бакчиев Т.А. Введение в манасоведение: Краткий курс лекций / КГТУ им. И. Раззакова. – Бишкек, 2008. – С. 27.



КИРГИЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Е. ПОЛИВАНОВ

Киргизская литература обязана своим созданием Октябрьской революции, так как до нее существовало лишь 3—4 книги киргизских авторов (относящихся к периоду 1905 — 1910 гг.), которые к тому же были написаны не на чисто киргизском языке, а на киргизской версии чагатайского литературного языка. Первой из них была издана в Казани «История Киргизии» Осман-Али Сыдыкова, после событий 1905 года, выдержанная в духе буржуазного национализма и повествующая не о судьбах трудящихся масс киргизского народа, а лишь о жизни и деяниях аристократических главарей его из ханских и манапских родов — главным образом из «царского» киргизского рода Шабдановых.

Вторая книга того же автора — «История Шабдановых» — уже самим заглавием своим указывает на то, что для Сыдыкова было центральной темой киргизской истории.

Вышеназванные книги обслуживали исключительно буржуазно-интеллигентскую прослойку киргизов из манапских и байских родов. В качестве третьей дореволюционной книги заслуживает упоминания «Землетрясение» (Зильзиде)—сборник стихотворений народного поэта Кылыча — на разнообразные, преимущественно дидактические темы. Прочие же народные поэты этого периода — Арыстанбек, Токтогул и другие—не печатались, фрагменты их произведений были напечатаны лишь после революции.

Не могла не отразиться в поэзии народных поэтов горькая юдоль киргизского народа, на которую обрек его царизм и феодализм. И у Токтогула, и у Арыстанбека, и у Кылыча, как и в творчестве тех народных поэтов, имена которых не дошли до нас, неоднократно повторяется мысль о том, что «лучше встретить смерть, чем терпеть то, что вынужден был терпеть киргизский народ под игом баев, манапов и самодержавия».

Вот отрывок, принадлежащий поэту дореволюционной эпохи:

В кандалы меня сковали
Слуги злых насильников.
Сто пинков мне надавали,
Сорок подзатыльников.
И теперь сижу в тюрьме я,
Как на дне колодца...
Чем страдать здесь в подземельи,
Лучше заколоться.
Над народом нависает
Небывалый гнет,
Не живет, а прозябает

Статья Е.Д. Поливанова «Киргизская литература», опубликованная в журнале «Литературный Узбекистан» (1936 г.)

назначения, и было бы ошибкой рассматривать его, как «общенародное творчество», как отражение культурной истории и идеологии «всего киргизского народа».

В настоящее время во всей Киргизии не найдется и десяти сказителей-профессионалов, которые могли бы пропеть весь сюжет «Манаса», и поэтому для сохранения этого памятника народного творчества необходимо было записать возможно более полный текст его. Это и было выполнено в последние десятилетия: записаны версии двух сказителей (Сагинбаева и Каралаева), по которым и подготовляется в настоящее время издание как киргизского текста, так и русского тоже (стихотворного) перевода «Манаса».

До настоящего же времени опубликованы были лишь относительно небольшие фрагменты «Манаса» — в «Образцах народной литературы турецких племен» В. В. Радлова (с приложением перевода) и в венгерском научном журнале.[1]

Формальная техника манасовского стиха (как, между прочим, и других образцов киргизской народной поэзии) чрезвычайно богата: почти во всех местах текста строго выдерживаемые семи и восьмисложные размеры, состоящие из определенных сочетаний ямба и анапеста, сопровождаются и рифмой, и аллитерацией (причем канонизированным приемом является т. н. «внешняя» аллитерация); «вольной», да и то лишь в известной степени «вольной», оказывается, таким образом, лишь строфика «Манаса», что вполне соответствует повествовательно-драматическому содержанию и размерам эпоса.

Приводим здесь конец первого раздела и начало второго раздела 1 главы «Великого похода» («Похода богатыря Манаса на Бейджин (Пекин) великий»).

[1] Отрывки из «Манаса» «Великий поход» напечатаны во 2-й и 4-й книгах «Литературный Узбекистан» за 1936 год.

Так тризна кончилась. Мы зрим,
Что всякий взыскан был судьбою
По обстоятельствам своим:
Кто всей душою рвался к бою,
А кто хотел покончить миром,
Кто просто наслаждался пиром,
Кто ход событий наблюдал,
Кто песни пел, а кто вздыхал.
. . . .
Прошел с весны истекший год:
Двенадцать месяцев сполна,
Идет гусиный перелет,
Настала новая весна.
С новопришедшею весною
Немало знатных стариков
И их сынов пришло к Кошою —
Из тех, кто слыл за мудрецов.
У них с Кошоем нету тайн,
Их разговор с Кошоем храбр:
Киргиз словам своим хозяин,
Но обещаньям верный раб.
Коль слово сказано: «война»,
Киргиз рискует головою,
Его душа огнем полна,
Он всей душою рвется к бою.
Когда ведет киргиза месть,
Его никто не остановит,
Он иль умрет, иль восстановит
Свою поруганную честь.
Пока народ наш был готов
К войне, нас всюду уважали:
«Киргизы сорока родов» —
Так нас повсюду называли.
Вбогатстве, в счастье жили мы,
И на «джайлоо» выгоняли
Без счету скот в конце зимы,
И в счастье бога прославляли,
Упорно достигали цели,
Киргиз к сраженьям был готов.
Теперь же все мы обеднели:
«Киргизы девяти родов» —
Вот, как теперь нас называют
Враги, соседи и друзья,
И с каждым днем оскудевает
Киргизов тесная семья.
Прошел с тех пор, должно быть, год,
Как нами был переворот
Замышлен. Знаешь сам, что нас
Жестоко оскорбил Манас.
И надо было нам в бою
Иль голову сложить свою,
Или Манаса победить.
И ты клялся руководить...
«Не время!» — ты сказал тогда нам.
Тебя признавши атаманом,
Мы молча вверились тебе,
Хоть каждый среди нас скорбел
О том, что мщенья час не близок.
Где ж слово, данное киргизом?!
Обеты, данные тобой,
Зачем нарушил ты, Кошой?!
Четырнадцать киргизских беков,
Кошою бросивши упрек,
Услышали такой урок:

«Быть хладнокровным человеком —
Вот самый первый вам совет,
Уймите бурное волненье..
Потом вы примете решенье,
Увидя — прав я или нет.
Вы говорите: обещанье
Разбить Манаса я вам дал...
Но он ведь не мое созданье,
Манаса ведь сам бог создал!..»

Богатый поток коллективного эпического творчества не иссяк, а еще более вырос в настоящее время: отживают старые темы, но на их места приходят новые, способные стать содержанием новых — уже революционных народных эпопей.

Образцом такой эпопеи послереволюционного периода может служить «Песня об убитых коммунистах», из которой мы приводим следующий отрывок:

Вы, друзья, опорой крепкой были,
На врагов кидались коршуном...
Стройные ряды создав, развили
Стойкость в бедняках, сияя им луной...
Вы врагам смертельным ядом были,
Ваша смерть нам горе принесла,
Для врагов же зрелищем служила,
Но врагов от смерти не спасла!
Знают все: от аргамаков славных
Родятся дундулы[1], быстрые, как вихрь...
Так и вы — от предков ваших храбрых
Унаследовали пыл и храбрость их!
Вас оденем в погребальные халаты,
На халатах запеклася кровь...
Но взамен безвременной утраты
Пусть же крепнет поколенье бедняков!
А убийцам злым не миновать расплаты—
На смерть осудили мы врагов!
От убийства выгоды прямой манапы ждали,
Обложившие народ кабальной данью.
Те же, кто примкнул к ним по незнанью,
Только лошадей своих загнали.
Кто бьет врага, того за это
Мы будем чтить из рода в род...
А кто вредит советам, —
Пусть умрет!

Начальной датой киргизской письменной литературы на настоящем киргизском языке (а не киргизской версии чагатайского литературного языка) можно считать выход № 1 газеты «Эркин Тоо» («Свободные поры») — 7 ноября 1924 года. Это было, в то время, и началом полиграфического применения нового киргизского алфавита (т. н. «Арабаевского алфавита»), представлявшего собою произведенное по казахскому образцу приспособление арабского письма к звукам киргизского языка.

Но первый период советской литературы оказался под значительным влиянием классово-чуждых буржуазно-националистических киргизских писателей, действовавших, между прочим, в полном контакте с литературным лагерем казахской буржуазной интеллигенции.

Причину этого мы должны видеть в том обстоятельстве, что в первые годы революции у киргизов почти не было интеллигентов из трудовой среды: получать образование в царское время могли только ханские, манапские и байские сыновья; эти лица с первых лет революции пытались всячески содействовать тому ,чтобы интеллигентские кадры пополнялись из родственной им классовой среды.

В самом начале рассматриваемого нами первого (после 1924 г.) периода киргизской литературы у писателей буржуазно-националистического лагеря усматриваются попытки «восприять» революцию с тем условием, чтобы эта революция развязала бы руки «восстановителям киргизского ханства» и такой «революции» буржуазно-националистические писатели готовы были бы из'явить свою признательность.

Но подобные иллюзии быстро рушились: националистический лагерь скоро стал понимать, что его пути и цели решительно расходятся с советской властью и что он неизбежно должен стать во враждебные отношения к последней. Поэтому большинство произведений данного периода буржуазно-националистических писателей носит явно антисоветский характер.

Наиболее богато представлена у националистических писателей этого периода лирика: в небольших

[1] Дундулы — быстроходные жеребцы.

молки в разоренном басмачами ауле.

В 1934 г. появляется второй сборник: «Черное золото и белое золото» (т. е. уголь и хлопок), и в 1935 г. — третий сборник: «Бей в бубен», где, как и в первых двух, поэт откликается на разнообразные актуальные темы советского строительства: коллективизация, социалистическое соревнование и ударничество, в частности ударная борьба за хлопок, переход кочевников к оседлому быту, культурной революции киргизского быта и, наконец, основная тема Бокомбаева — комсомол.

Джусуп Турсубеков известен прежде всего как драматург—своей пьесой «Аджал Ордуна» («Вместо гибели»), рисующей быт бедняков-киргиз в царское время и восстание 1916 года.

К. Маликову принадлежит сборник стихов и сборник рассказов (на темы колхозного строительства и комсомола).

М. Елебаев является представителем крупной повествовательной формы: ему принадлежит роман «Длинный путь» — из дореволюционного киргизского быта.

Таковы главные фигуры первого поколения советских писателей Советской Киргизии. Им подготовляется уже смена в лице многочисленного ряда начинающих писателей и поэтов: Шамшиева, Джумашева и других.

Рассмотрим одно из стихотворений А. Токомбаева.

Насколько органически творчество Токомбаева связано с жизнью и борьбой комсомола, с тематикой сегодняшнего дня, видно, хотя бы из стихотворения «От имени Мюда».

В колонны победные стройся,
Боевые ряды подсчитывай!
Молодежь, неустанно готовься
Походом итти испытанным.

Токомбаев разворачивает широкое полотно нашей стройки, показывает грандиозные промышленные центры, выросшие на Донбассе, Урале и т. д., мощные электростанции, каналы Беломор, Москва — Волга. Он показывает, как страна из отсталой крестьянской превратилась в индустриальную, как «раздробленные хозяйства избрали путь колхозов», как «пустыни и реки покорились героям стройки»:

Гор крутых и бешеных вод
Завоевана древняя сила,
Даже дикость пустынь и степей
Пятилетка оплодотворила.

Автор называет нашу страну — страной молодости, которая даже «стариков делает молодыми и превращает в энтузиастов». Токомбаев показывает, как комсомол, закалившись в классовой борьбе,

В жестокой борьбе классовой
Комсомол отстоял свое звание,

овладевает высотами науки и техники.

События на Востоке и Западе находят горячий отклик в творчестве поэта. Токомбаев говорит о героической борьбе трудящихся Китая, о фашизме, о военной опасности.

Он показывает, как растет армия комсомольцев:

Молодая растет армия,
Пролетарии всех наций,
На обоих земных полушариях
У китайцев и американцев.

Он призывает молодежь встать под знамя Коминтерна, быть готовыми к решительной схватке с фашизмом.

Яркие, горячие строки посвящены вождю мирового пролетариата товарищу Сталину («Командарм Сталин») и великой армии большевиков.

Есть ли крепость на свете
Неприступная для большевиков?
Есть ли в мире другая армия
Сильнее армии большевиков? —

спрашивает поэт и отвечает.

Нет, таких крепостей нет!
Нет на свете другой такой армии!

Большой интерес представляет последняя, вышедшая в свет в 1935 г., самая крупная работа А. Токомбаева, являющаяся в то же время крупнейшим явлением революционной киргизской литературы вообще: это — первый том романа в стихах «Канду джылдар»—«Кровавые годы».

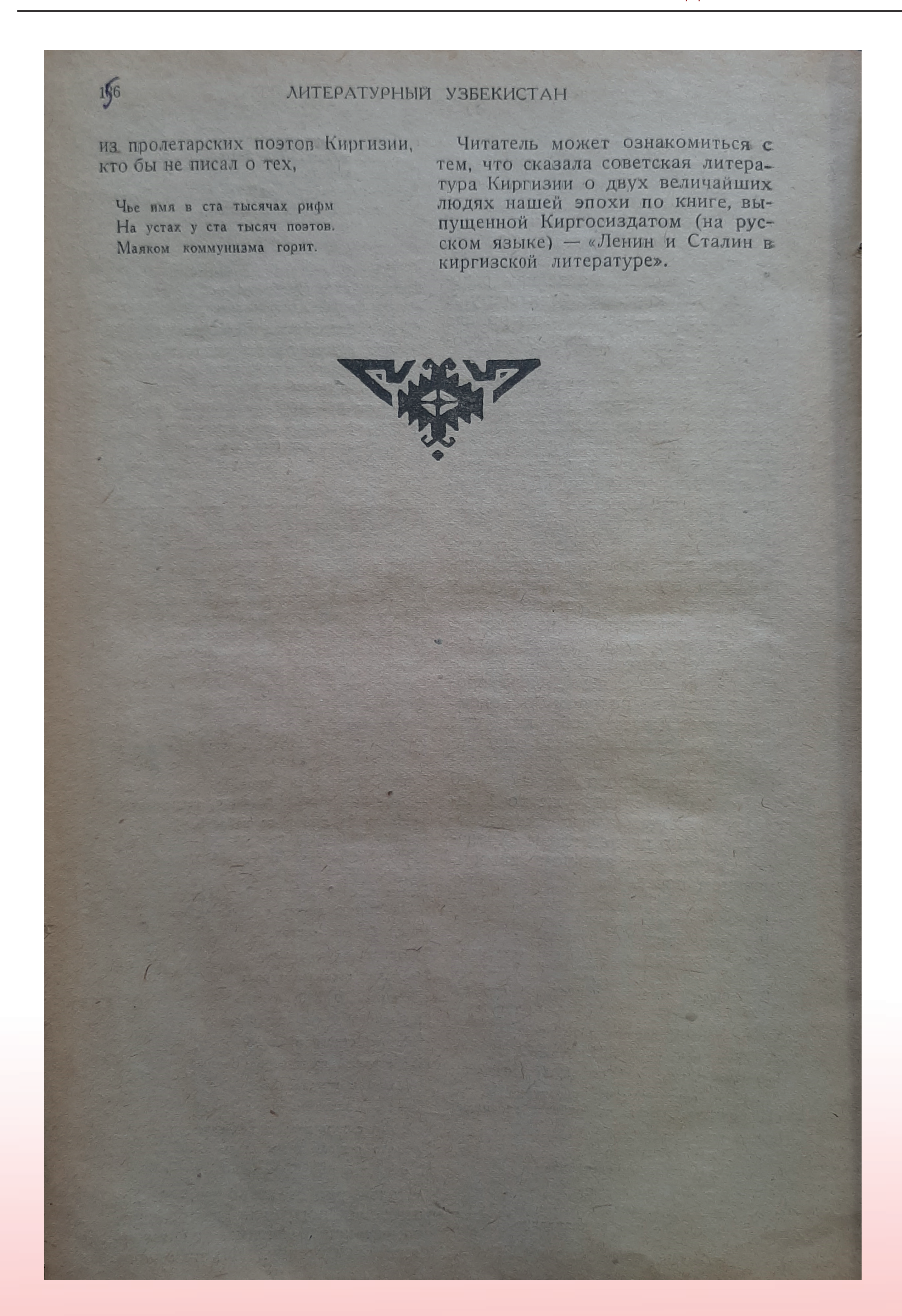
Темой романа служит киргизское восстание 1916 года. Возможно, что некоторым из отраженных в романе историческим фактам киргизского восстания автор дал не вполне правильную трактовку. Дело критики в ближайшее же время указать эти отклонения от правильной исторической линии. Но отклонения эти ,если они будут обнаружены, отнюдь не отнимут у «Кровавых годов» занятого ими места — крупнейшего из киргизских литературных явлений революционной эпохи. В качестве иллюстрации этого ценнейшего произведения, в котором А. Токомбаев показывает себя как уже вполне созревшего поэта, мастерски овладевшего поэтической формой стихотворного романа (об этом можно судить уже по 1 части). Приводим здесь самое начало — начало первой главы «Кровавых годов» — в вольном авторизованном переводе.

Вдруг появился в зале
В мундир затянутый пристав.
Баи и аксакалы с чинным «саламом» встали,
В общем итоге поклонов отвесив триста.
Адски суровым взором обвел всех,
«Алейкум, почтенные!» — буркнул,
Подумав: «Ответ мой по вкусу пришелся:
Должно, считают меня уж турком!».
И брякнул: «Всех на работы казенные
Приказ есть поставить,
Списки всем поименные
Должны волостные представить».
И тотчас свое приказание
Велел перевести толмачу,
Для поощрения иль в назидание
Хлопнув его по плечу.
И тут переводчик речистый
Долго в уме повторяет:
«Так, значит... его благородие пристав
Список дать приказал»:
Затем переводит. Готово!
Все ясно от слова до слова.

* * *

Молчат все баи в оцепененьи:
Всем им дала судьба ум —
Знают отлично, что возражений
Не любит пристав Польбаум.
Вдруг изумлением наполнился зал —
Смело поднялся один аксакал,
Видом почтенен и возрастом стар:
Это — дунганин Магуй Булар.
Учтиво склонилась его голова,
И коротко из уст его лились слова,
Но тверд и бесстрашен был этот старик,
Спокойно в глаза всем смотреть привык.
Вот что в своей изложил он речи:
Проклятым буду в дунганском народе я,
Если я вашему дам благородию
Списки пригодных к работе мужчин!
Не для того наш народ из Китая,
Ища у России защиты, бежал,
Чтобы его, ваш приказ выполняя,
На ишачью работу погнал аксакал.
Унижения рабства, насилье —
Видели мы и в Китае,
И теперь вас просит дунганский народ —
На работы не брать насильно :
К окопным работам, доложу вам почтительно,
Наш непривычен народ,
И на рытье окопов, поверьте, решительно
Никто из дунган не пойдет!».
В лице изменился пристав:
Вдруг что-то пришло ему на ум,
И неожиданно быстро
Полез в свой карман Польбаум.
Он вынул, вместе с наганом,
Белой бумаги листок:
Губернатора телеграмма
Из таких состояла строк:
«Приказу № 140
Ослушники будут, наверное,
Действуя строго и скоро,
Под стражей их в город Верный
Отослать в кандалах!»
«Итак — заковать его следует!
А что с ним дальше последует,
Про это решает лишь аллах
И сам генерал-губернатор!»

Целый ряд стихотворений А. Токомбаева посвящен величайшим вождям нашей эпохи: товарищам Ленину и Сталину. Нет ни одного



156 ЛИТЕРАТУРНЫЙ УЗБЕКИСТАН

из пролетарских поэтов Киргизии, кто бы не писал о тех,

Чье имя в ста тысячах рифм
На устах у ста тысяч поэтов.
Маяком коммунизма горит.

Читатель может ознакомиться с тем, что сказала советская литература Киргизии о двух величайших людях нашей эпохи по книге, выпущенной Киргосиздатом (на русском языке) — «Ленин и Сталин в киргизской литературе».

О поэзии и ОПОЯЗе

Даже если бы до наших дней не дошла ни одна работа Е.Д. Поливанова по вопросам лингвистической поэтики, и ничто не намекало бы на их существование, мы с уверенностью могли бы сказать, что таковые имелись. Начнем с того, что вопросы литературоведения волновали Евгения Поливанова еще со студенческой скамьи, и по окончании университета начинающий ученый должен был сделать непростой выбор между кафедрами И.А. Шляпкина и Б. дэ Куртенэ.

В 1915 году, став приват-доцентом восточного факультета по японскому языку, Поливанов сближается с группой столь же молодых литературоведов и лингвистов, в большинстве тоже бывших студентов И.А. Бодуэна де Куртенэ – В.Б. Шкловским, Ю.Н. Тыняновым, О.М. Брик, Б.М. Эйхенбаумом, Л.П. Якубинским, вместе с которыми создает знаменитый ОПОЯЗ – «Общество по изучению поэтического языка». Стремясь лишить поэзию возвышенно-мистического ореола, который окружал ее в глазах символистов, опоязовцы находили в ней лишь «ремесло», формально-техническую деятельность, основанную на применении приемов и средств, поддающихся «точному» изучению.

«В Опоязе соединились люди, связанные с поэзией Маяковского и Хлебникова, – писал в своих воспоминаниях один из основателей этого научного объединения В.Б. Шкловский, – скажем прямо – футуристы, и молодые филологи, хорошо знающие тогдашнюю поэзию. Что могло привести академически настроенных учеников Бодуэна де Куртенэ к футуристам, к людям, иногда странно одетым и всегда странно говорящим? Анализ слова и нетрадиционность мышления. Ученики Бодуэна были люди, так сказать, сверхакадемические: они отплывали из университета в дальнее плавание, считая, что уже запаслись инструментами для определения пути…»[1]

[1] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973. – С. 114–116.

Уже в первой публикации ОПОЯЗа, который тогда еще даже организационно не оформился, – в «Сборниках по теории поэтического языка» была опубликована статья Поливанова «По поводу “звуковых жестов” японского языка». Посвящена она была фонетическим аналогам жестов – звукоподражаниям в японском языке, правда, не в поэтическом[2].

«Издателя у нас не было, – повествовал В.Б. Шкловский, – Издавали мы сами себя. У нас были знакомые в маленькой типографии, печатавшей визитные карточки. Находилась она в доме, где жил мой отец. В типографии шрифта было мало, постоянных наборщиков не было совсем. Наборщики были случайные – приходящие. Мастер потеряет место и ходит по маленьким хозяйчикам; приходит во вторник, в среду, в четверг, на пятницу работы нет, субботу сам прогуливает.

Книжку набирали, печатали лист, рассыпали набор, набирали второй лист. И так в маленькой типографии, предназначенной для печатания визитных карточек, можно было набрать книгу в восемь–десять–двенадцать листов с различным шрифтом. Набирали превосходно, без опечаток, потому что наборщики были виртуозами своего дела»[3].

Лишь после Октябрьской революции ОПОЯЗ получил штамп, печать и был зарегистрирован как научное общество. Изданием занимались О.М. Брик и В.Б. Шкловский. Е.Д. Поливанов, несмотря на то, что был одним из основателей и наиболее крупных фигур Общества, в сборниках ОПОЯЗа, между тем, публиковался мало, чаще принимая участие в генерировании идей, в живом обмене мнениями со своими единомышленниками. «Мы много спорили, работали

2 Поливанов Е.Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. – Петроград, 1919. – Вып. 1. – С. 27–36.

[3] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973. – С. 113.

ОПОЯЗ — это слово в полной мере несет в себе черты поэтики словесных сокращений, присущей первому послереволюционному десятилетию. Аббревиатуры той эпохи совершенно уникальны. Зачастую их просто невозможно расшифровать побуквенно: они лишь частично соответствуют словосочетанию, сокращением которого призваны служить: ЛЕФ (Левый фронт искусства), КУБУЧ (Комиссия по улучшению быта ученых), АвтоДор (Общество содействия развитию автомобильного транспорта, тракторного и дорожного дела). В этих аббревиатурах проявляется то самозабвенное словотворчество, для которого в первую очередь важен футуристический принцип «ощутимости слова». Десятилетие спустя, уже в сталинскую эпоху, появятся неблагозвучные сокращения, строго соблюдающие принцип инициальности. О таких аббревиатурах с неодобрением отзовется бывший опоязовец Е.Д. Поливанов: «фонетически неперевариваемые комплексы вроде СЗКГХ, ПБСК, ЖМПМБС и т. д.» (См. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. — М., 1968 — С. 193). Слово же «ОПОЯЗ» было звучным, запоминающимся и отличалось особой фонетической эстетичностью.

После всего сказанного выше не следует удивляться, что даже люди, имевшие к ОПОЯЗу самое непосредственное отношение, расшифровывают это сокращение по-разному. Чаще всего — «Общество изучения поэтического языка» (см. Л. Гинзбург, «О старом и новом». — М., 1982. — С. 52; комментарий к книге Ю.Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино». — М., 1977. — С. 504). Однако В. Шкловский, непосредственный создатель ОПОЯЗа, и в 1920-е, и гораздо позже — в 1960-е годы приводит несколько иной вариант — «Общество изучения теории поэтического языка». Конечно, в обоих случаях присутствует «поэтический язык», но факт остается фактом — однозначного варианта не существует, да он и не так уж и важен в конечном итоге.

Не лучше ситуация и с датой возникновения ОПОЯЗа. Здесь та же разноголосица исследователей и современников. «Литературный энциклопедический словарь» (1987) называет временем возникновения Общества 1916—1918 годы. «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990) уточняет: 1916 год. Р. Якобсон в своих воспоминаниях говорит, что «решение о создании общества было принято на обеде в квартире О. М. Брика в феврале 1917 года» (см. Ю.Н. Тынянов. Указ. издание. — С. 504). Шкловский в одной из последних своих книг — «О теории прозы» (М., 1984) — дает версию опять-таки отличную от предыдущих: «Нужно рассказать о небольшом литературном обществе, которое в 1914 году издавало маленькие книжки в крохотной типографии Соколинского на Надеждинской улице, 33. Наверное, это было начало ОПОЯЗа»[1].

---

[1] Широнин И. ОПОЯЗ // ОПОЯЗ: документы, материалы, публикации. URL: http://www.opojaz.ru/index.html (дата обращения: 12 сентября 2021 г.).

ПОЭТИКА

СБОРНИКИ ПО ТЕОРИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

I.

Виктор Шкловский. — Потебня. **Л. П. Якубинский.** — О поэтическом глоссемосочетании. **Виктор Шкловский.** — О поэзии и заумном языке. **Е. П. Поливанов.** — О звуковых жестах японского языка. **Л. П. Якубинский.** — О звуках стихотворного языка. **Л. П. Якубинский.** — Скопление одинаковых плавных. **Осип Брик.** — Звуковые повторы.

II.

Виктор Шкловский — Искусство как прием. **Его-же.** — Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля. **Б. М. Эйхенбаум.** — Как сделана „Шинель".

ПЕТРОГРАД.
18-я Государственная типография. Лештуков, 13.
1919

ПОЭТИКА

О. Брик. Е. Поливанов. Виктор Шкловский. Б. М. Эйхенбаум. Лев Якубинский.

ПЕТРОГРАД.
18-ая Государственная типография. Лештуков пер., 13.
1919.

«Поэтика. Сборники по теории поэтического языка» – первое издание научного общества ОПОЯЗ (1919 г.)

в письмах друг к другу. Из этих споров рождались книги. Я тащил своих друзей от академического способа писать, так как думаю, что он неправильный. Надо создавать термины, а не говорить чужими словами. Думать о том, что вы прочли, а не только цитировать»[1], – вспоминал В.Б. Шкловский.

Несмотря на то, что в рядах опоязовцев были те, кто не отрицал важности содержания в поэзии, концепция Общества по сути своей являлась формалистской. Мыслить формой начали немцы во второй половине XIX века, когда Роберт фон Циммерман издал в Вене труд «Общая эстетика как наука о форме» (1865 г.). Он считал, что форма не пассивный носитель содержания, так как способ выражения определяет понимание произведения в целом. Об отношении опоязовцев к формализму В.Б. Шкловский писал следующее: «Мы противопоставляли свое понимание литературы теориям символистов – Брюсова, Вячеслава Иванова, Андрея Белого. По их теории, литературное произведение было важно тем, что оно превращало строй жизни в рой соответствий. Символист хотел рисовать не натуру, а то, что натура от него заслоняла. Перемещая источник света, символист рой теней и отблесков принимал за открытие тайны. Символист считал "тайну" не только разгадкой мира, но самим миром, входом в него. Рой символов должен был быть раскрытием скрытого, трансцендентного, тайного, мистического смысла жизни. <…>

Опоязовцы пытались в различных явлениях развивающегося искусства выяснить общие законы. Сами себя "формалистами" они не называли… Но они не видели существующее за образом. Они не утверждали, что существуют лиловые миры, но как бы утверждали, что существует только само стихотворение. <…>

[1] Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским // Вопросы литературы. URL: https://voplit.ru/article/iz-perepiski-yu-tynyanova-i-b-ejhenbauma-s-v-shklovskim-vstupitelnaya-zametka-publikatsiya-i-kommentarii-o-panchenko-povtor/ (дата обращения: 19 сентября 2021 г.)

Поэтика символистов дала ряд наблюдений очень технологичных, но все время старалась обратиться из поэтики в введение в курс тайноведения.

Акмеисты своей поэтики не создали.

Опояз связан ближе с футуристами, вернее, был связан с ними вначале, но скоро начал заниматься общими вопросами стиля, пытаясь установить попутно законы смены стиля из потребностей формы»[2].

Чисто формальная, техническая сторона поэтической речи, понятная как объект лингвистического, а если быть еще более точным – фонетического изучения, к которому были применимы точные, вырабатывавшиеся в лингвистике методы, влекла и Е.Д. Поливанова. Поэзия не мыслилась им вне определенных, обязательных для нее форм, определенных техник, принятых у разных народов в разные эпохи. Сама по себе высказанная поэтическая мысль еще не есть поэзия, настаивал ученый. Чтобы ею стать, та должна была воплотиться в некой стихотворной технике, в неких формах, обусловленных, с одной стороны, средствами и возможностями данного языка, с другой, – узусом, традицией, или, напротив, нововведениями в данной стиховой культуре.

И все же отдельные мысли Поливанова, к примеру, о потенциале «заумей»[3] – «наиболее чистого, идеального», с точки зрения его определения поэзии, вида поэзии, свидетельствовали о признании им роли семантики в больших композиционных единствах[4].

Знакомство со множеством языков самого различного строя, позволяло Поливанову исследовать разные типы стихосложений и выдвинуть тезис о том, что вовсе не рифма связывает их и делает текст поэтическим произведением. «…К поэзии у нас отойдет и такая, например, пьеса:

Раз, два, три
Нос утри,

несмотря на всю ее смысловую бедность, – отойдет потому, что здесь мы видим **рифму** – один из привычнейших для нас приемов звуковой организации стиха, – рассуждал ученый в своей статье «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники». – К поэзии мы согласимся отнести и Гоголевское: “Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно…” и т. д., но – только потому, что здесь мы находим явные признаки звуковой организации: в частности (независимо от ритмического момента, о котором можно было бы говорить в свою очередь), “смежные” повторы согласных… <…>

Равным образом, поэзией, с нашей точки зрения, будут и речи Иоанна Златоуста – ибо в них мы находим фонетическую организованность по принципу т. н. “рифмы стоп”, и древне-греческие стихи “Илиады” и “Одиссеи”, лишенные рифмы, но зато сплошь от начала до конца построенные по метрическому принципу (принципу чередования долгих и кратких слогов), и, наконец, японские “tanka” и “hokku”, в которых отсутствует и рифма и метрическая организованность, но зато налицо другой прием фонетической организации словесного материала – чисто силлабический принцип определенного числа слогов в стихе (т. е. между цезурами).

Мы видим, таким образом, что, считая отличительным признаком поэзии наличие **той или иной** фонетической организованности, мы никак не можем подменить это определение каким-либо одним определенным принципом этой организованности, т. е. не можем сказать, например, что поэзия – это все то, где есть рифма, или что поэзия – это все те пьесы, которые обнаруживают правильное чередование ударенного или неударенного слогов (– тонический

---

[2] Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973. – С. 114–116.

[3] Заумь, заумный язык – литературный прием, заключающийся в полном или частичном отказе от всех или некоторых элементов естественного языка и замещении их другими элементами или построениями, по аналогии осмысляемыми как языковые.

4 Поливанов Е.Д.. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 105.

принцип стихосложения и т. д.). Приемов фонетической организации поэзии, оказывается, существует много, и мы увидим, что в известной национальной поэзии известного периода излюбленным и канонизированным является один из таких приемов, т. е. своя специфическая поэтическая техника»[1].

Проведенный анализ привел Поливанова к выводу о том, что общей системы поэтической техники для всех языков и всех литератур нет и быть не может, ибо зависят они «от фонетической системы данного языка (а взаимное различие фонетических систем разных языков без преувеличения может быть сравнимо с разнообразием антропологических вариантов человечества). Однако в виде обобщения всех разных системы поэтической техники (или стихосложения) можно указать на один главный принцип, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении. Это – это **принцип повтора** фонетических представлений»[2]. В зависимости именно от этих элементов и выделяются различные системы стихосложения – метрическое, силлабическое, тоническое.

Между тем, «совершенно ошибочно видеть причины эволюции поэтической техники исключительно в свойствах языковой системы», – отмечал Е.Д. Поливанов. «Дело в том, что фонетическая система данного языка может предоставлять средства для двух возможных систем стихосложения, – утверждал он, – и выбор одной из них или исторический переход от одной ко второй из них и объясняется, как это можно подтвердить конкретными примерами, факторами экономически-культурно-историческими (условимся для краткости говорить “внешне-историческими”). Примерами здесь могли бы быть, хотя бы, такие факты, как 1) замена архаического Римского “сатурнинского” стиха метрическим стихосложением – под влиянием греческой культуры или 2) наблюдающийся в последнее время у японских, и именно у токиоских поэтов переход к тоническому стихосложению под влиянием европейско-американской культуры и английской поэтехнической техники…»[3].

Остальные доступные нам работы Е.Д. Поливанова по данной проблематике касаются зависимости стиха от отдельной языковой системы. Наиболее богата материалом и мыслями одна из них – «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других “алтайских” народностей», написанная, вероятно, во фрунзенский период, между 1934 и 1937 годами. ОПОЯЗ давно уже перестал существовать, но его бывшие участники продолжали разработку теории поэтической речи.

В это работе была сформулирована гипотеза о происхождении в тюркском стихе аллитерации, присущей, как правило, тем языкам, слова которых в виде общей нормы имеют ударение на первом слоге. «Но тогда вполне законное недоумение может вызывать тот факт, – пишет автор, – что аллитерация встречается в качестве не менее излюбленного приема и у ряда турецких народностей: например, у якутов, у киргизов, у многих “алтайских” в узком смысле племен и т. д. Ведь в этих турецких языках ударение по крайней мере по традиционному учению наших туркологов падает не на первый, а на последний слог. Следовательно, несмотря на то, что эти языки тоже относятся к языкам с постоянным местом ударения (т. е. подходят под первый признак из вышеуказанных мною признаков тяготения языка к аллитерационному приему поэтехники), мы должны, казалось бы, ожидать встретить в тур[ецких] языках тяготение к рифме, а не к аллитерации (ибо рифма – это повтор конечных отрезков стиха, и конечное ударение должно было благоприятствовать именно тому, что материалом

[1] Поливанов Е.Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 99–100.

[2] Там же. С. 105–106.

[3] Там же. С. 112.

поэтехники служили не начальные звуки слова, а, наоборот, звуки, составляющие "хвост" слова)»[4].

Объяснение этому Е.Д. Поливанов находит в выдвинутой гипотезе о тяготении турецкого слова к двухполюсной акцентуации, присущей когда-то предкам современных алтайских языков и сохранившейся в полной мере в корейском языке: и на последнем, и на первом слоге. К такому выводу ученого привели наблюдения за носителями ряда тюркских языков – киргизского, узбекского, казахского, каракалпакского и прочих, а также изучение творчества поэтов молодой киргизской литературы – Токомбаева, Тыныстанова и др. «Двухполюсность ударения (например, в современном узбекском или в казахском языках), – отмечал он, – я вижу в том, что в целом ряде определенных синтаксических позиций, а также, можно сказать, вообще при наличии эмфазы (эмфатического произношения слова) ударение переносится с последнего слога на первый (причем последний слог может оказываться настолько лишенным ударяемости, что гласный его способен бывает оглушаться…)»[5].

Особенно интересовался Е.Д. Поливанов анализом системы китайского стихосложения, описание формальных принципов которого, по его мнению, должно было начинаться с изучения фонетической системы (элементы которой используются для поэтической установки), современной созданию поэтического канона, т. е. фонетического состояния китайского языка 1-го тысячелетия нашей эры (и даже более отдаленного времени). «Только в расчете на восстановляемые (историко-фонетическим анализом) условно "общекитайские" праформы моносиллабов-морфем, – настаивал он, – может быть написана китайская рифмология (тогда как существующая и поныне традиция рифмотворчества, канонизированная рифмическими словарями, является уже мертвой для живого китайского языка – благодаря фонетической эволюции последнего, как, например, и для китайского языка в Японии, где ведь до сих пор пишутся китайские "классические" стихи). Так же обстоит дело и с метрикой»[6].

Не последнее место в литературоведческих исканиях Е.Д. Поливанова занимала поэзия В.В. Маяковского, с которым он был знаком со времен организации ОПОЯЗа. Поэта-футуриста и Общество связывало многое – члены ОПОЯЗ публиковали в журнале Маяковского «ЛЕФ» свои статьи. Поэт, в свою очередь, часто посещал заседания ОПОЯЗа и заимствовал у него некоторые понятия. Например, название его статьи «Как делать стихи» перекликается с названием статьи Шкловского «Как сделан Дон-Кихот». Формалисты, между тем, были внимательными читателями Маяковского. «Мы любили тогда только стихи… Я знала все Володины стихи наизусть, а Ося (Осип Брик. – *Авт.*) совсем влип в них, – писала в "Воспоминаниях о В.В. Маяковском" Л.Ю. Брик. – С этого времени и начались так называемые "козявки". Козявками я называла значки, которыми Ося исписывал тетради. Из них выяснялись потом звуковые повторы. Работал Ося с утра до вечера… В связи с козявками пошли у Оси с Шкловским филологические разговоры. Завелся Кушнер. Пришли Якубинский и Поливанов…»[7]. Последнего, помимо рабочих вопросов, с Маяковским связывала крепкая дружба. Об этом свидетельствует посвящение Поливанова к главе из его поэмы «Ленин», написанной в 30-е годы XX столетия: «Посвящается памяти друга – В.В. Маяковского. Е.П.».

---

[4] Поливанов Е.Д. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других "алтайских" народностей // Проблемы восточного стихосложения. Сборник статей. – М., 1973. – С. 101.

[5] Там же. С. 101–102.

[6] Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 310.

[7] Цит. по: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 151.

В.В. Маяковский знал и ценил статьи и выступления Е.Д. Поливанова по поэтике. IO февраля I9I9 г. Маяковский представил наркому просвещения А.В. Луначарскому список книг, намеченных к изданию. В этот список входил и «Сборник по теории поэтического языка». «Сборник, — писал В.В. Маяковский, — будет состоять из второго издания переработанных статей первого и второго сборников и новых статей: по сюжетосложению, ритмике, теории каламбура, методике, по исследованию смысловых вариантов, а также статей, выясняющих основные методологические ошибки теоретиков символизма. К сборнику будет приложен отдел материалов и полный библиографический указатель литературы на русском и европейском языках. Участвуют Брик, Поливанов, Якубинский, Эйхенбаум, Шкловский и др.» На списке пометка Луначарского: «Посмотрел. Интересно»[I].

[I] Катанян В. Маяковский. Литературная хроника. Изд. 3-е доп. — М., I956. — С. II9—I20.

Коллаж из обложек журнала ЛЕФ, издававшегося творческим объединением «Левый фронт искусств», главным редактором которого был В.В. Маяковский

Научный интерес Е.Д. Поливанова к творчеству В.В. Маяковского вылился, в первую очередь, в обширное исследование «Рифмология В.В. Маяковского», написанное в период пребывания ученого в Ташкенте в 1921–1926 годы, где он в Средне-Азиатском Государственном университете читал курс формальной поэтики. По замыслу, вместе со статьями «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других “алтайских” народностей», «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники», «О метрическом характере китайского стихосложения», а также ранними работами, посвященными анализу формы узбекского стиха, оно должно было стать частью его фундаментального труда “Corpus poeticarum” («Свод поэтик»), в котором он намеревался «сопоставить особенности строя отдельных языков мира с особенностями поэтики соответствующих литератур»[1].

Статья Поливанова «Рифмология В.В. Маяковского» оказалась интересной в нескольких отношениях. Во-первых, она представляла собой одно из первых исследований поэтики Маяковского. А во-вторых, она была посвящена не столько рифме «певца и пророка революции», сколько всей звуковой подсистеме поэтических средств, используемой им. «В этом подходе к рифме и ее эволюции, – пишет А.А. Леонтьев, – не как к самодавлеющему и самоценному явлению, а как к одному из элементов единой системы, только и имеющей имманентные закономерности развития – то, что отличает эту статью от подавляющего большинства других иссле-

[1] Иванов В.В. Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова // Вопросы языкознания. – М., 1957. – № 3. – С. 65.

дований рифмы и делает ее интересной и современному исследователю»[2].

Особый же интерес представляет рассмотрение рифмы и близких ей явлений в поэтике Маяковского на широком фоне межъязыковых сопоставлений: здесь эстонская, древнекитайская, латинская, древнегреческая, французская поэтика, есть ссылки на финское, этрусское, якутское стихосложение.

Своевременность этой работы ученый обозначил следующим образом: «Тот факт, что русская рифма износила уже себя до банальности, что стало уже невозможным повторять «кровь» и «любовь», что готовы уже были рифмические словари, сковывающие творчество в такие же рамки, в каких, например, оказалась судьба китайского стихосложения, не нуждается в особых доказательствах и пояснениях: русская рифма подлежала разрушению. Но важно показать, что дело Маяковского не только в разрушении, иначе говоря, не только в допущении создаваемых им некорректных, дефективных с точки зрения старого канона рифм, но и в каком-то новом плюсе поэтехники, приносимом им взамен старых правил»[3]. Под «плюсом он подразумевал сознательный, хорошо продуманный «перенос центра тяжести звуковых эффектов со старой заезженной позиции (тела рифмы) на новые позиции» и, прежде всего, на рифмоиды[4].

Одним из рифмоидов Маяковского Поливанов называл «корреспонденцию с нулем согласного», самым типичным и частым случаем которой являлся вибрирующий согласный. Например, «рыжó – дирижер»; вибрирующий согласный – «р»;

В ресторане было от электричества рыжо.
Кресла облиты в дамскую мякоть.
Обиженный выбежал дирижер,
Приказал музыкантам плакать.

«Примеров можно было бы приводить до бесконечности, – писал Е.Д. Поливанов, – так как в некоторых вещах % этих рифмоидов достигает (а если считать с ними и другие новшества, то превышает) 50 % по сравнению с законными со старой точки зрения рифмами»[5].

Вибрирующий конечный согласный – был не единственным случаем корреспонденции с нулем согласного. Менее распространенным и, вероятно, еще не осознанным как элемент нового канона являлся «нуль согласного внутри корреспондирующего отрезка» – «т» в корреспонденции. Например, «на подмосток – с досок»:

Рассказ о взлезших на подмосток
аршинной буквою графишь
и зазывают в вечер с досок
Значки малеванных афиш.

Особое место, с фонетической точки зрения, в ряду этих (неконечных) нулей согласного заняли нули «йота». Например, «крови – коровьи»:

Они не тревожась картиной крови
и тем, что пожаром миг опоясан,
молоком богаты силы коровьи
и безмерно богатство бычьего мяса.

Кроме нуля согласного в корреспонденциях Маяковского Поливанов отмечал довольно частые «нули неударенного гласного».

Унынье у лошади на морде
и никто не поймет тоски Петра
Узника, закованного в собственном городе.

[2] Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983. – С. 53.

[3] Поливанов Е.Д. Рифмология Маяковского. (Публикация А.А. Леонтьева). URL: http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/kritika/polivanov-rifmologiya-mayakovskogo.htm (дата обращения: 1 сентября 2021 г.).

[4] Рифмоид – стих с приблизительной рифмой.

[5] Поливанов Е.Д. Рифмология Маяковского. (Публикация А.А. Леонтьева). URL: http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/kritika/polivanov-rifmologiya-mayakovskogo.htm (дата обращения: 1 сентября 2021 г.).

Стоит отметить, что «Рифмология В.В. Маяковского» была не единственной научной работой, посвященной творчеству В.В. Маяковского, которая вышла из-под пера Е.Д. Поливанова. В Самаркандский период он подготовил к изданию целый сборник статей. Обращаясь за помощью в издании этого труда к В.Б. Шкловскому, ученый писал: «Впрочем, об этом сборнике я больше думаю не из своих интересов, в по правде говоря – из-за любви к Маяковскому и м. б. даже это важнее для меня»[1].

Но сборник так и не вышел, и судьба его неизвестна. Поиски в архивах и предполагаемых издательствах до сих пор ни к чему не привели.

Наряду с лингвистическим анализом поэтических произведений, Е.Д. Поливанова всю жизнь интересовали вопросы литературоведения, и в этой области он написал немало рецензий и подготовил немало научных публикаций. Он много работал над восточным фольклором, был автором статей «Гомер персидской литературы (Фирдоуси как автор Шахнамэ)», «Катюша Маслова в Японии», «Татарская народная версия "Шемякина суда"». В конце 20-х годов XX столетия подготовил ряд статей для «Литературной энциклопедии».

Сохранившиеся письма Е.Д. Поливанова свидетельствовали о том, что его обширные познания в области истории литератур искали выхода. В апреле 1924 года он обращается к В.Я. Брюсову, являвшемуся ректором Высшего литературно-художественного института, с предложением прочитать курс лекций по истории литератур Востока. К письму прилагалась программа, которая строилась не по странам, а по литературным формам – «так, чтобы каждая форма иллюстрировалась материалом из этой литературы, где она наиболее широко представлена»[2].

Также А.А. Леонтьев приводит информацию о том, что в годы работы Е.Д. Поливанова в САГУ один из его студентов (фамилия, к сожалению, неизвестна) писал под его научным руководством работу «Эволюция рифмы в новейшей русской поэзии».

Не был Поливанову чужд и опыт стихотворства, оцененный нашими современниками как уникальный поэтический и человеческий документ. С одной стороны, они отвечали эмоциональному складу его натуры, требующей выхода чувств, настроений и наблюдений, с другой, – являлись продолжением его лингвистических теорий и экспериментов в области поэтической техники.

«Стихи Поливанов писал на разных языках, – отмечал в своих воспоминаниях В.Б. Шкловский, – а знал он их, ну, скажем, тридцать или сорок. Мне же он говорил с какой-то даже радостью: – Как хорошо, Витя, что ты не знаешь ни одного языка!»

В 1924 году он подготовил к изданию собственный сборник стихов «Метаглоссы (Поэзы и кляксы)», который должен был выйти под псевдонимом Бо-Цзы-шэн, но при жизни ему так и не удалось его опубликовать. Он содержал стихотворные отклики на знаменательные революционные даты, на новые, впервые утверждавшиеся в преображенном общественном быту праздники. Тут же он вспоминал о жертвах и героизме простых людей в гражданской войне, мыслил о прошлом и будущем Родины.

Из стихотворений Поливанова, несущих на себе отпечаток лично пережитого в революционные годы, несомненный биографический и исторический интерес представляет стихотворение «1917-й год», фабула которого была обусловлена посещением Поливановым летом 1917 года выступлений Троцкого:

Из волн токайского и мадеры
Восстала душа – слаба и бледна,
И пошла она в цирк Модерн,
И молиться хочет она.

Описание речей Л. Троцкого выдержано в духе поэтики символизма, соединяющейся с футуристической раскрепощенностью лексики и размера

[1] Цит. По: Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988. – С. 152.

[2] Там же. С. 150.

начальной и конечной строк:

На эстраде был еврей, как Христос, великий,
И у ног его зачарованный им народ.
Оттого и великим стал огненноликий 1917 год.

Примечательно, что уже в раннем творчестве Поливанова видится влияние на него поэтики Маяковского: «безумия» – «трюме ее»; «радужны – как она, нужны» и пр. Перекличка с Маяковским слышится и в других работах поэта-ученого, например в стихотворении «1 Мая». Но она не подражательная, а своя:

Я иду. Туш!
Май, музыка, старому мат.
Мать ево!
Там каземат…

Близки поэты оказались и в выборе сатирических приемов, обращаясь к шаржу или саркастической гиперболе, или к религиозному мотиву с тем, чтобы резко разоблачить образы старого мира. Как, например, в «Мистерии-Буфф» Маяковского и в поливановском «Их шестеро с острова Моона», сарказм в котором слышится с первых строк:

Их шестеро с острова Моона,
Их тридцать со «Славы» и «Грома».
Тела их – под волнами моря.
Их память – геройская гибель.
Их души направились к небу.
Как встретило небо героев?
Ангелы у аналоев
Прилежно дремали.

Однако оптимизм, звучавший, к примеру, в стихотворении «Германия»:

Я знаю, что путь мой один –
Быть великой страною свободы
И вести за собою народы
В царство мира, где труд –
властелин.

постепенно сменяется тревожным осознанием реальной сложности процессов психологической адаптации в новых исторических обстоятельствах с их новыми требованиями к личности. Достойным жить в обновленном революцией мире автору представляется не каждый, ибо в новом идеальном мире, по словам Поливанова,

Не будет слабых,
Больных душой,
Не будет боли,
Не будет войн.

Антитезой укладу будущего в стихотворении предстает образ настоящего, несущий в себе трудноискоренимые слабости прошлого:

Пей вино, запершись в кабинете,
За томом Тацита.
Никто не заметит.
Но не неси душу на улицу.
Она сердито
Мне говорит: «Задушу».

Отсюда у Поливанова возникает ощущение своей трагической взаимосвязи со временем, и взамен волевых призывов к борьбе, слышавшихся раньше во время его кипучей работы ученого-организатора и общественного деятеля, нарастают нотки мученичества. Свою болезнь, с которой он мучительно боролся, он рассматривал как изнанку боготворимой им эпохи, в какой-то мере как цену, платимую за счастье всех:

О, как жесток мой путь,
Топчет нога ножи,
Дай мне наган – уснуть
И ни за что не жить.
Все проститутки мне жены,
Я сам прокаженный.
Обнаженную душу царапайте
кремнем миллионы раз!
А в Кремле Ленин, такой большой,
Построит жизнь совсем без нас.

Неоспоримым ценностным контрастом старому и реальным воплощением идеала личности для Поливанова была фигура В.И. Ленина. Его зрелое восприятие складывается ко времени

В 45 лет
(подражание китайскому)

Выхожу немного выпив
И немного покурив
Из опиокурильни...
Мышь летучая так низко пролетает
У палан-хонэ́ костёр пылает,

Сумерки ложатся на Тошкэн,
И я медленно бреду домой
Совея.

Объяснения:
палан-хонэ́ [palan-xana] — гашишекурильня (где курят [а]нашу — гашиш)
Тошкэн [Taşkent = [tɔškæn]] — название Ташкента в узбекском произношении

Поливанов

Стихотворение Е.Д. Поливанова «В 45 лет (подражание китайскому). Из письма неустановленному лицу (1936 г.). РГАЛИ. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 723. Л. 1–2

замысла поэмы «Ленин», работа над которой велась в 1936 году. Ее сюжетом становится известный биографический факт поездки В.И. Ленина как русского репатрианта в дни Первой мировой войны через Германию в запломбированном вагоне. На фоне зажатой в тиски фронтов воюющей Германии образ Ленина предстает во всем своем величии:

В этом вагоне Он, –
Величайшая к людям любовь
Сквозь поля обреченной страны,
Сквозь стоны и слезы и кровь,
Сквозь безумные дни войны
Несет в себе этот вагон.
В этом вагоне Он, –
Величайшее знанье путей
И яснейший прогноз судьбы,
Величайшая мудрость борьбы, –
Величайшего из людей
Мчит на север этот вагон…

Примерно в то же самое время Е.Д. Поливанов пишет одно из своих последних стихотворений «В 45 лет» (Подражание китайскому). В нем звучит трагедия человека, искалеченного смертоносной зависимостью, человека, чьи идеалы и ценности оказались растоптанными не простившими ему его гения «козявками», «улитками» и «гнидами» (см. поэму «Ленин»).

В 45 лет
(Подражание китайскому)

Выхожу, немного выпив
И немного покурив,
Из опиекурильни.
Мышь летучая так низко пролетает,
У палан-ханэ костер пылает.
Сумерки ложатся на Тошкэнд.
И я медленно бреду домой,
Совея.

***

25 декабря 1962 года директор Института языкознания Академии наук СССР и участник Великой Отечественной войны Борис Александрович Серебренников отправил письмо Генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко с прошением о реабилитации Евгения Дмитриевича Поливанова. К этому шагу ученый шел сознательно долгие годы. 23 мая 1950 года он вступил в дискуссию о языкознании. В газете «Правда» старший преподаватель МГУ Серебренников подверг суровой и резкой критике теорию Марра. Последствия могли быть самыми трагическими, если учесть, что за противостояние марризму ученый подвергался проработкам в ходе марристской кампании (1948–1950 гг.) и даже был предупрежден об увольнении с факультета в начале 1950 года.

Б.А. Серебренников

Ситуацию коренным образом изменило выступление 20 июня на стороне противников «учения» самого Сталина. Так начался путь к реабилитации великого ученого Поливанова. В ходе разбирательства по его делу рассматривались показания других знавших его людей: Ю.Я. Яншансина, К.К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева, В.Б. Шкловского и В.А. Каверина – все они дали положительную характеристику ученому.

3 апреля 1963 года Пленум Верховного суда СССР постановил отменить приговор и дело в отношении Поливанова за отсутствием в его действиях состава преступлений. Евгений Дмитриевич Поливанов был реабилитирован.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Отрывок из поэмы Е.Д. Поливанова «Ленин» – «Клевета»

Клеветы нету только в Антарктике, –
И то потому только, что
Клеветать не умеют пингвины...
Но зато
От Арктики до Аргентины,
От млеющих в мглистой жаре Филиппин
До лежащего на Сыр-Дарье Чиили
И до Чили или Бразилии –
От Онтарио и до Болгарии –
Все басы давно разучили
Арию дона Базилио:
«Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та –
Клевета, клевета, клевета...»
– Клевета вначале сладко
На чуть слышных флажолетах
Пробирается украдкой
Встретив смех взамен ответа,
Клевета идет тайком
И растет как снежный ком.
Вдруг как выстрел пистолета –
Клевета, в фермате зычной
Доходя до ми-бемоль,
Точно бомбу разрывает,
Прямо в сердце метя боль...
Словом, сказано отлично
У России в «Тра-та-та»,
Что такое представляет
Нам собою клевета.
Клевете лишь однажды не дайте отпора,
И с тех пор вам с себя уже не снять

Клеветнического приговора –
На всякой роже придется читать
Ядовитый зубов оскал:
«Я, дескать, тоже слыхал,
Какая у вас порода,
И как про тебя такой-то сказал,
Кем ты был до семнадцатого года!»
Один раз лишь примите гордый вид,
Один раз лишь скажите: «А наплевал я!»
И к вам уже будет ярлык пришит:
«Вот что про это типа слыхал я…»
Пусть вы всегда будете с собою таскать
Документы, опроверженья, справки,
Но не будете же вы их под нос совать
Каждой встречной козявке!
А козявка бежит, а улитка ползет
От второй к третьей улитке,
И с безупречным видом
Морально-строгого головоногого
Шепчется с встречными гнидами.
Поверьте, Вы будете небритым ходить,
Штаны до дыр затаскивать,
Вашу душу будут улитки брить
Бритвой участливо-ласковой:
«Помилуйте, ему не до того…
Вы знаете, у него есть прошлое…»
И вот теперь-то – плевок
На всю эту свору пошлую –
– Для вас единственное средство жить.
Но помните: воткнутые в сердце ножи
Не вынимать никогда!
А то опустошите аорту.
Теперь и навсегда
Единственное средство жить
*Это – **всех к черту!***

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ

1. Архив Российской Академии наук. Ф. 677. Оп. 3. Д. 78. Л. 64. Отчет по участию в научно-исследовательской экспедиции действительного члена Института народов Востока, профессора Евг. Поливанова.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 236. Л. 185. Прошение заключенного Бутырской тюрьмы А.А. Поливанова в Президиум Московской чрезвычайной комиссии от 9 сентября 1919 года.
3. Государственный архив Смоленской области. Ф. 48. Оп. 5. Св. 161. Д. 305. ЛЛ. 382 об. – 383. Метрическая книга Ильинской церкви г. Смоленска (церковь № 5) для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1891 год.
4. НАН КР. Фонд В.П. Плоских. П. 363. Л. 3. Воспоминания о Е.Д. Поливанове проф. К. Карасаева.
5. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 727. ЛЛ. 2–4. Письмо Е.Д. Поливанова В.Б. Шкловскому.
6. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 723. Л. 1–2. Е.Д. Поливанов. «В 45 лет (подражание китайскому)». Из письма неустановленному лицу (1936 г.).
7. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3145. Оп. 1. Д. 726. ЛЛ. 1–3. Письма Поливанова Евгения Дмитриевича Тынянову Юрию Николаевичу. Приложено стихотворение Я. Шивазы «Пушкину» Е.Д. Поливанова в переводе с дунганского языка.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 4489. С. 22–23. Герб рода Поливановых.
9. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 100. Л. 8. Таблица соотношений тонов в Ганьсунском наречии дунганского языка.
10. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 101. ЛЛ. 76–78. Из работ дунганской диалектологической экспедиции Кир. НИИКЯП.
11. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 101. ЛЛ. 1–13. Тетрадь 1. (Из работ дунганской диалектологической

экспедиции Кир. НИИКЯП).
12. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 122. ЛЛ. 1–2. Поливанов Е.Д. Наметка элементов плана на 1936 год по дунганской линии (преимущественно по языку).
13. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 100. ЛЛ. 26–32. Отчет о дунганской лингвистической экспедиции Кир. НИИКСА.
14. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 121. ЛЛ. 1–4. Список рукописей Е.Д. Поливанова, подготовленных в годы работы в НИИКЯП (1934–1937 гг.).
15. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 125. ЛЛ. 1–4. К. Тыныстанов. Проект новой орфографии киргизского языка.
16. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 124. ЛЛ. 1–2 об. Замечания по поводу тезисов тов. Тыныстанова «О перспективах развития Киргизского литературного языка и задачах языковедческого фронта в Киргизии».
17. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 172. ЛЛ. 1–123. Жирмунский В.М. Введение в изучение «Манаса».
18. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 111. ЛЛ. 1–76. Е.Д Поливанов. Киргизский эпос «Манас».
19. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д. 117. Л. 1–83. Перевод Е.Д. Поливанова по «Манасу».
20. Рукописный фонд Института языка и литературы им. Ч. Айтматова НАН КР. Д.197. ЛЛ. 1–72. Перевод Е.Д. Поливанова эпизода «Заговор семи ханов против Манаса».
21. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р–1728. Оп. 1–3. Д. 23671. Л. 1. Предписание Петербургского губернского комитета РКП(б) о направлении Е.Д. Поливанова в распоряжение ЦК РКП(б).
22. Центральный государственный архив общественно-политической документации. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. ЛЛ. 27–30. Акт.
23. Центральный государственный архив общественно-политической документации. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. ЛЛ. 3–6. Отчет о работе Кир. Научно-Исследовательского института Культурного строительства за 1934 г.
24. Центральный государственный архив общественно-политической документации. Ф. 10. Оп. 2. Д. 942 а. ЛЛ. 15–16. Секретарю ЦК КП(б) Киргизии М.К. Аммосову от директора Научно-исследовательского ин-та киргизского языка и письменности А. Валитова. Докладная записка.
25. Центральный государственный-

ный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 630. Л. 27. Протокол № 66 заседания Бюро киргизского Обкома ВКП (б) «Об издании “Манаса”» от 10 января 1935 г.

26. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 72. Протокол № 28 заседания коллегии агитпрома обкома РКП (б) от 23 августа 1925 г.
27. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 631. ЛЛ. 172–173. Протокол № 78 заседания бюро Киргизского Обкома ВКП(б) от 29 марта 1935 г.
28. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 898. Л. 53. Постановление Бюро областного комитета ВКП(б) Киргизии (проект).
29. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. Л. 40. Запрос секретаря Союза советских писателей СССР А.С. Щербакова о порядке подготовки к изданию эпоса «Манас» на русском языке. 22 апреля 1935 г.
30. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. Л. 53. Записка заведующего организационным отделом Областного комитета ВКП(б) Киргизии Х. Джиенбаева о возможности издания эпоса «Манас» в установленные сроки.
31. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 758. Л. 40. Ответ Киргизского Областного комитета ВКП(б) о заключении договора на издание эпизода «Великий поход» эпоса «Манас» с Гослитиздатом. 25 июня 1935 г.
32. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. ЛЛ. 41–44. Постановление редколлегии по изданию «Манас» «О порядке издания “Манас”» от 15 мая 1935 г.
33. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. ЛЛ. 72–73. Постановление редакционной коллегии по изданию эпоса «Манас» от 17 августа 1935 г.
34. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. ЛЛ. 51–54 об. Акт внезапной ревизии финансового хозяйства Научно-исследовательского института культурного строительства от 3 ноября 1935 г.

35. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 40. Письмо Е.Д. Поливанова М.Л. Белоцкому. 20 ноября 1935 г.
36. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 639. ЛЛ. 123–125. Протокол № 134 заседания бюро киргизского обкома ВКП(б) от 22 ноября 1935 г.
37. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 757. ЛЛ. 12–13. Письмо М.Л. Белоцкого директору Гослитиздата Н.Н. Накорякову.
38. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 912. Л. 49. Письмо Е.Д. Поливанова первому секретарю Киргизского Обкома ВКП(б) М.Л. Белоцкому о проблемах в переводе эпоса «Манас». 20 декабря 1935 г.
39. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 898. ЛЛ. 44–51. Общее состояние литдвижения в Киргизии.
40. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 396. ЛЛ. 141–148. Из протокола № 46 заседания секретариата Кир. ОК ВКП(б) от 7 марта 1932 г.
41. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 43. Письмо Е.Д. Поливанова первому секретарю Киргизского Обкома ВКП(б) М.Л. Белоцкому о «безобразиях» при подготовке к изданию эпоса «Манас». 14 февраля 1936 г.
42. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1255. Л. 5. Письмо Е.Д. Поливанова первому секретарю Киргизского обкома ВКП(б) М.Л. Белоцкому об отсутствии системности работы над эпосом «Манас». 21 февраля 1936 г.
43. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики Ф. 10. Оп. 1. Д. 681. ЛЛ. 73–75. Членам редколлегии «Манас». Докладная записка.
44. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 778. ЛЛ. 122–123. Протокол № 299 заседания бюро Киробкома ВКП(б) от 1 июня 1937 г.
45. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп. 2. Д. 941. ЛЛ. 3–3 об. Пись-

мо о готовности Гослитиздата к началу издания эпоса «Манас». 7 июня 1937 г.

46. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 56. Оп. 5. Д. 19. Л. 20. Записка второго секретаря ЦК КП(б) Киргизии Джиенбаева Х. членам бюро ЦК КП Киргизии.

47. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 56. Оп. 4. Д. 38. Л. 5. Постановление ЦК КП Киргизии о приостановке работы над эпосом «Манас». 5 ноября 1937 г.

48. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 539. Оп. 1. Д. 313. Л. 107. Заявление Е.Д. Поливанова о вступлении в ВКП(б).

49. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 1. Анкета Е.Д. Поливанова, поданная в ЦИО Петроградской трудовой коммуны.

50. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 3. Заявление Е.Д. Поливанова комиссару снабжения-распределения о начале работы в комиссии по научно-экономическому обследованию и зачислению его в списки работников.

51. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 4. Мандат Е.Д. Поливанова на право производства проверки быта китайцев, проживающих в Петрограде.

52. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 6. Удостоверение Е.Д. Поливанова о командировке в Старую Руссу.

53. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 7. Удостоверение заведующего отделом Комвостока Петроградской трудовой коммуны.

54. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 30. Д. 1541. Л. 8. Личная карта № 111 сотрудника ЦИО Петроградской трудовой коммуны Е.Д. Поливанова.

55. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7386. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2. Протокол заседания 25 апреля представителей отделения Российского телеграфного агентства, Севцентропечати и Центрального информационного бюро.

56. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7386. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 6–6 об. Отчет о деятельности иностранной секции Центрального информационного бюро Петроградской трудовой коммуны с 1 сентября 1918 г. по 8 мая 1919 г.

57. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 3–3 об. Аттестат зрелости, выданный Евгению Поливано-

ву Рижской Александровской гимназией 6 июня 1901 г.
58. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 1 А–1 А об. Прошение Е.Д. Поливанова о зачислении студентом на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. 25 июня 1908 г.
59. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 4–4 А. Удостоверение о результатах испытания Е.Д. Поливанова по греческому языку. Август 1908 г.
60. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 18–18 А. Билет Е.Д. Поливанова для входа в Императорский Санкт-Петербургский университет. 1908 г.
61. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. ЛЛ. 10–17А. Запись студента Имп. Санкт-Петербургского университета Е.Д. Поливанова.
62. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 20. Справка об оплате учебы студента Е.Д. Поливанова.
63. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 8. Уведомление канцелярии Санкт-Петербургского университета об окончании обучения военнообязанного Поливанова.
64. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51678. Л. 6. Свидетельство об окончании Е.Д. Поливановым Санкт-Петербургского университета.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. «Мак». Первая русская книга для нерусских школ Средней Азии / сост. Н.П. Архангельский и др. – Ташкент, 1926.
2. Абдулина Э.Ш. Пути развития методики обучения русскому языку в русской начальной школе (1918–1980 гг.): дис. ... канд. пед. наук. – Фрунзе, 1983.
3. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. – М., 1929.
4. Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М., 2010.
5. Алпатов В.М. Языковеды. Востоковеды. Историки. – М., 2012.
6. Андронов А.В. Ускользающие следы Е.Д. Поливанова // Поливановские чтения. – Смоленск, 2019. – № 13. – С. 7–15
7. Андронов А.В., Симонато Е.И., Томеллери Витторио С. Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский Аналитический Алфавит // Studi Slavistici. – 2017. – XIV. – P. 191–252.
8. Аптекарь В.Б. Н.Я. Марр и новое учение о языке. – М., 1934.

9. Базиянц А.П. Из истории советского востоковедения в 1917–1922 гг. // Становление советского востоковедения. Сборник статей. – М., 1983. – С. 29–85.
10. Бакчиев Т.А. Введение в манасоведение: Краткий курс лекций / КГТУ им. И. Раззакова. – Бишкек, 2008.
11. Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. / Ленинградское отд-ние ин-та истории СССР АН СССР, Центр. гос. архив военно-морского флота СССР / отв. ред. А.Л. Фрайман. – Л., 1974.
12. Весь Петербург: адресная и справочная книга г. Петербурга. – СПб., 1909–1916.
13. Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. – СПб., 1917.
14. Виктор Шкловский. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести и рассказы. – М, 1973.
15. Гласные корейского языка. I – Современное произношение гласных. II – Происхождение современных корейских гласных // Восточный сборник. Кн. II. – Пг., 1916.
16. Голубева О.Д. Н.Я. Марр. – СПб., 2002.
17. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957.
18. Дружба, скрепленная кровью (Сборник воспоминаний китайских товарищей – участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны в СССР) / под. ред. Лю Юн-аня. – М., 1959.
19. Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.
20. Ермакова Л.М. Некоторые материалы из архива Ореста Плетнера // Японские исследования. – 2017. – № 3. – С. 33–49
21. И. Бодуэн де Куртенэ. Национальный и территориальный признак в автономии. – СПб., 1913.
22. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. – М., 1930.
23. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. 2. – М., 2010.
24. Из жизни обездоленных. Очерки и рассказы Е.Я. Поливановой. – СПб., 1905.
25. Имазов М.Х. Е.Д. Поливанов и дунгановедение в Кыргызстане // Международный научный семинар «Н.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении»: сборник научных статей, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Е.Д. Поливанова. Смоленск, 27–28 февраля 2001 г. – Смоленск, 2001. – С. 32–36.
26. Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. – январь 1918 г. – М. – Л., 1966.
27. История дипломатии: в 3 т. Т. 2: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). – М.–Л., 1945.
28. Каверин В.А. Письменный стол: Воспоминания и размышления. – М., 1985.
29. Каверин В.А. Скандалист, или

Вечера на Васильевском острове. Исполнение желаний. – М., 1991.
30. Катанян В. Маяковский. Литературная хроника. Изд. 3-е доп. – М., 1956.
31. Киреев А.Ф. Устав о всеобщей воинской повинности с разъяснениями о правах и льготах по образованию и семейному положению. – М., 1879.
32. Клычков С. Алмамбет и Алтынай. Поэма. Вольная обработка киргизского эпоса «Манас». – М., 1936.
33. Кононов А.Н., Иориш И.И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения. – М., 1977.
34. Краткий дунганско-русский словарь / сост. Ю. Яншансин. – 2 е изд., испр. и доп. – М., 2009.
35. Краткий русско-узбекский словарь / сост. Е.Д. Поливанов. – Ташкент–Москва, 1926.
36. Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями. – М., 1965.
37. Крюков В.М. К вопросу о «переговорах НКИД с посланником Лю Цзинжэнем» (1917–1918 гг.) // Общество и государство в Китае: XLII научная конференция. – М., 2012. – С. 48–81.
38. Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. – М., 2000.
39. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. – М., 2009.
40. Ларцев В. Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. – М., 1988.
41. Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов в Узбекистане. – Ташкент, 1889.
42. Ленин В.И. Письма из далека. Как добиться мира? Письмо 4 // ПСС. Т. 31. Март–апрель 1917. – М., 1969. – С.48–56.
43. Ленин. В.И. Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 25 ноября (5 декабря) 1917 г. // ПСС. Т. 35. Октябрь 1917 – март 1918. – М., 1969.
44. Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. – М., 1983.
45. Липкин С.И. Квадрига. – М., 1997.
46. Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции // Становление советского востоковедения: Сборник статей. – М., 1983. – С. 85–131.
47. Лунин Б.В. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения.– М., 1963. – Сб. IV.
48. Марр Н.Я. Классификационный перечень печатных работ по яфетидологии. – Ленинград, 1926.
49. Марр Н.Я. Чуваши-яфетиды на Волге. – Чебоксары, 1927.
50. Марр Н.Я. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке. – Баку, 1928.
51. Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. – Москва – Ленинград, 1935.
52. Марр Н.Я.. Избранные работы: в 5 т. Т. I. Этапы развития яфе-

тической теории. – Ленинград, 1933.
53. Марр Н.Я.. Избранные работы: в 5 т. Т. II. Основные вопросы языкознания. – Ленинград, 1936.
54. Новогрудский Г., Дунаевский А. По следам Пау. История одного литературного поиска. – М., 1962.
55. О проекте «Практической Восточной Академии» (Записка группы русских востоковедов). – Пг., 1916.
56. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 3. Биографии министров иностранных дел. – М., 2002.
57. Памятная книжка и адрес-календарь Лифляндской губернии на 1902 год. XXXII издание Лифляндского Губернского Статистического Комитета. – Рига, 1902.
58. Первый всесоюзный тюркологический съезд: 26 февраля – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). – Баку, 1926.
59. Пикуль В.С. Нечистая сила: Политический роман. – М., 1991.
60. Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. – М., 1930.
61. Плоских В. Е.Д. Поливанов и «Манас». – Бишкек, 1995.
62. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 г. – М., 1924.
63. Поливанов Е.Д. Одна из японо-малайских параллелей // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия = Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie. Nouvelle Série. – Пг., 1918. – С. 2283–2284.
64. Поливанов Е.Д. Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения). Вып. 1. Краткий очерк узбекской грамматики. – Ташкент, 1925.
65. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. – Ленинград, 1928.
66. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. – М., 1931.
67. Поливанов Е.Д. Избранные работы / сост. А.А. Леонтьев. – М., 1968.
68. Поливанов Е.Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991.
69. Поливанов Е.Д. Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы / сост., подгот. текста, вступит. статья М.А. Рудова, вступит. статья В.М. Плоских. – Бишкек, 1999.
70. Поливанов Е.Д. Корейский язык // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 5. – М., 1931. – Стб. 469–471.
71. Поливанов Е.Д. Краткая грамматика узбекского языка. Часть вторая. Глагол. – Ташкент – Москва, 1926.
72. Поливанов Е.Д. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. 1. Введение. – Ташкент, 1935.
73. Поливанов Е.Д. Некоторые фонетические особенности ка-

ракалпакского языка. Труды хорезмской экспедиции. – Ташкент, 1933.
74. Поливанов Е.Д. Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография: Спорные вопросы Киргизской графики и орфографии. – Ташкент, 1924.
75. Поливанов Е.Д. О гортанных согласных в преподавании арабского языка // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1927. – Вып. 7. – С. 28–29.
76. Поливанов Е.Д. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других «алтайских» народностей // Проблемы восточного стихосложения: сборник статей. – М., 1973. – С. 100–106.
77. Поливанов Е.Д. О происхождении названия Ташкента // В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 395–400.
78. Поливанов Е.Д. О родстве корейского и урало-алтайских языков // Ученые записки Иннарвос. – 1926/27. – С. 240–249.
79. Поливанов Е.Д. Образцы не-сингармонистических (иранизированных) говоров узбекского языка: (Представлено акад. В.В. Бартольдом в ОГН 14.IX.1928). – Ташкент, 1928.
80. Поливанов Е.Д. Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Часть I. – Самарканд, 1935.
81. Поливанов Е.Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. – Пг., 1919. – Вып. 1. – С. 27–36.
82. Поливанов Е.Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР: к Туркологическому съезду II 1926. – Ташкент, 1926.
83. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. – Ташкент, 1933.
84. Поливанов Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991.
85. Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. (К современной стадии узбекского языкового строительства). – Ташкент, 1933.
86. Поливанов Е.Д. Фонетическая характеристика китайского языка (пекинского говора северно-мандаринского наречия). – М., 1927.
87. Поливанов Е.Д. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка // Вопросы орфографии дунганского языка. – Фрунзе, 1937.
88. Поливанов Е.Д. Этнографическая характеристика узбеков. Происхождение и наименование узбеков. – Ташкент, 1926. – Вып. I.
89. Поливанов Е.Д., Попов-Татива Н.Н. Пособие по китайской транскрипции. – М., 1928.
90. Род Поливановых. XIV–XIX вв. Сказание. Исторические деятели и поколенная роспись. – Владимир на Клязьме. – 1894.
91. Род Поливановых. 1376–1902. Составил по материалам собранным М.К. Поливановым

А.В. Селиванов. – Владимир на Клязьме, ГОД. – С.67.

92. Рудов М.А. Киргизские тетради Евг. Дм. Поливанова // Международный научный семинар «Е.Д. Поливанов и его идеи в современном освещении»: сборник научных статей, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Е.Д. Поливанова. Смоленск, 27–28 февраля 2001 г. – Смоленск, 2001. – С. 36–41.
93. Русское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете / под ред. Н.А. Мещерского. – ЛГУ, 1997.
94. Савкин М. Ключи от бронированных комнат. – М., 1966.
95. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. – М., 1959.
96. Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под ред. проф. Д.В. Стрельцова. – М., 2015.
97. Судьба эпоса «Манас» после Октября. – Бишкек, 1995.
98. Сумароков Л.И., Сумарокова О.Л. К.К. Юдахин. Объединяя Центральную Азию словом. Документально-биографическая монография. – Бишкек, 2020.
99. Суханов Н.Н. Записки о революции: в 3 т. Т. III. – М., 1921.
100. Танака Мидзуэ. Почему Невский отправился на остров Мияко? Новый взгляд исходя из работ Е.Д. Поливанова и неизвестной статьи А. Вирта // Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. – СПб., 2013. – С. 216–224.
101. Татарская народная версия «Шемякина суда» // Сб. Туркест. вост. Ин-та в честь проф. А.Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). – Ташкент, 1923. – С. 103–105.
102. Телеграмма Лю Цзинжэня в МИД КР, 26 января 1918 г. // Материалы о китайско-российских отношениях. Китайско-Восточная железная дорога. Часть I. – Тайбэй, 1960. – № 110.
103. Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. – М., 1971.
104. К. Тыныстанов, Е. Поливанов / Түз.: А. Акматалиев, М. Мукасов, Ө. Шаршеналиев. – Бишкек, 2003.
105. Указатель статей, не вошедших в «Литературную энциклопедию». По материалам Российского государственного архива литературы и искусства (фонд 623 «Редакция “Литературной энциклопедии” (Москва, 1929–1943)», опись 1) / сост. А.В. Андронов, А.Е. Сапожникова. – СПб., 2017.
106. Шкловский В. Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964. – М., 1966.
107. Шулатов Я.А. Разведка и японоведы: становление осведомительной службы на Востоке и тематические задания для Е.Д. Поливанова и Н.И. Кон-

рада // История и культура традиционной Японии, XXXII / под ред. А.Н. Мещерякова. – М., 2010. – С. 317–355.
108. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Т. XXIV. – СПб., 1898.
109. Юдахин К.К. Некоторые особенности карабулакского говора // В.В. Бартольду Туркестанские друзья, ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 401–425.
110. Яфетическая теория // Большая Советская Энциклопедия: в 65 т. Т. 65. – М., 1931. – Ст. 824.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. «Наука и Просвещение». Ежемесячный журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркреспублики // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 2. / Редакционная коллегия: В.М. Алексеев, Б.Я. Владимирцов, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Тихонов. – Москва; Петербург, 1923. – С. 153–154.
2. Абдулина Э.Ш. Е.Д. Поливанов и теория обучения грамоте (Из неопубликованного наследия) // Русский язык в киргизской школе. – Фрунзе, 1977. – № 5. – С. 24–29.
3. Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // Восток. – 1997. – № 5. – С. 124–142.
4. Бенефис Л. Троцкого // Новая жизнь. – 1917. – 12 ноября.
5. Бюллетень народного комиссариата просвещение Туркреспублики. – 1923. – 20 марта. – № 2.
6. В министерстве иностранных дел // Новая жизнь. – 1917. – 9 (22) ноября. – № 179.
7. Вперед к дальнейшим победам на фронте языковой культуры // Письменность и революция. – 1933. – Сб. 1. (К пленуму VI ВЦК НА). – С. 3–5.
8. Врубель С. Унификация и латинизация // Культура и письменность Востока. – 1931. – Кн. VII–VIII. – С. 125–130.
9. Второе заседание редколлегии «Манаса» // Советская Киргизия. – 1935. – 30 декабря.
10. Григорьев В.П. «Словарь лингвистических терминов» Е.Д. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 112–125.
11. Данилов Г. [Рец. на кн.] Е. Поливанов. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей, «Федерация», М., 1931 // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 6–7. – С. 162–165.
12. Драгунов А., Шприцин А. Языковое строительство среди дунган // Советская Киргизия. –1937. – 5 октября.
13. Е. С-ч. Кулацкий волк в шкуре советского профессора. О книжке Е. Поливанова «Марксистское языкознание» // Международный язык. – 1931. – № 8–9. – С. 357–358.

14. Е.Д. Поливанов. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 99–112.
15. Е.П. Нужна ли «палата господ» революционной России? // Новая жизнь. – 1917. – 17 (30) мая.
16. Залкинд И. Из первых месяцев Народного Комиссариата по Иностранным Делам // Международная жизнь. – № 15. – 1922. – 7 ноября. – С. 57.
17. Залкинд И. НКИД в семнадцатом году (Из воспоминаний об Октябре) // Международная жизнь. – 1927. – № 10. – С. 12.
18. Иванов В.В. Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова // Вопросы языкознания. – М., 1957. – № 3. – С. 55–76.
19. Извещения // Красный Балтийский Флот. – 1919. – № 51. – 24 сентября.
20. Ирошников М.П., Чубарьян А.О. Опубликование советским правительством в 1917–1918 гг. тайных дипломатических документов // Археографический ежегодник за 1963 год. – М., 1964. – С. 198–214.
21. Исторический Вестник. Историко-литературный журнал. – 1914. – Февраль. – Т. 135. – С. 755–768.
22. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Известия Академии наук СССР. Серия VI. – Л., 1927. – Т. XXI. – № 15–17. – С. 1195–1204.
23. Камнева Р. Об издании киргизского эпоса «Манас» // Советская Киргизия. – 1935. – 20 мая.
24. Кардашев М.С. Воспоминания о Е.Д. Поливанове // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. – 1966. – № 1. – С. 57–66.
25. Киргизский народный эпос «Манас. Начало «Великого похода» (Поход богатыря Манаса на Пекин Великий) / пер. и лит. обработка проф. Е.Д. Поливанова // Советская Киргизия. – 1935. – 24 декабря.
26. Китайские и корейские организации в России // Правда. – 1918. – 15 декабря.
27. Концевич Л.Р. Е.Д. Поливанов и его вклад в корейское языкознание // Петербургское востоковедение. – СПб., 1993. – Вып. 4. – С. 451–465.
28. Кут А. Кто травит академика Марра? // Вечерняя Москва. – 1929. – 1 марта. – № 50(1562). – С. 2.
29. Литературный Узбекистан. – 1936. – Кн. 2. – С. 145–156.
30. Литературный Узбекистан. – 1936. – Кн. 7. – С. 147–157.
31. Назарьян Р. «Самый обычный гениальный человек» // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. – Ташкент. – 2016. – № 2. – С. 112–117.
32. Наказ Алмамбета Манасу: отрывок из киргизского народного эпоса «Манас» (из эпизода «Великий поход»). Вольный перевод проф. Е.Д. Поливанова // Советская Киргизия. – 1935. – 30 сентября.
33. Наша речь. – 1917. – 16 (29) ноября.

34. Некролог // Речь. – 1913. – № 349.
35. Новикова Н. Известный лингвист (к 115-летию со дня рождения Е.Д. Поливанова) // Край Смоленский. Гуманитарный научно-популярный, литературно-художественный журнал. – 2006. – № 11. – С. 24–29.
36. Новые учебники на дунганском языке // Советская Киргизия. – 1935. – 27 сентября.
37. Одна из японо-малайских параллелей // Изв. Росс. Акад. наук, Серия VI. – 1918. – Т. XII. – № 18.
38. Осеньев И. В комиссариате Троцкого // Вечер. – 1917. – № 3. – 13 (26) ноября.
39. Ощакевич Ф. Эпос «Манас» // Советская Киргизия. – 1935. – 10 мая.
40. Позднеев Д.М. Практическая восточная академия // Новое время. – 1910. – № 12403. – Ноябрь.
41. Поливанов Е.Д. Катюша Маслова в Японии // Искусство и жизнь. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 8–12.
42. Поливанов Е. Д. Музыкальное ударение в говоре Токио // Известия Императорской АН. – Сер. VI.1915. – Т. IX. – С. 1617–1638.
43. Поливанов Е. Преступная игра чиновников-дипломатов // Правда. – 1917. – 4 (17) ноября.
44. Поливанов Е. Япония и «константинопольский» империализм // Новая жизнь. – 1917. – 17 (30) мая.
45. Поливанов Е.Д. Вводные замечания к переводу «Манаса» // Литературный Узбекистан. – 1936. – № 2. – С. 145–151.
46. Поливанов Е.Д. Звуковой состав ташкентского диалекта // Наука и Просвещение. – Ташкент, 1922. – № 1. – С. 17–19.
47. Поливанов Е.Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита: Гипотеза о происхождении орхонских букв // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – Ташкент, 1925. – С. 177–181.
48. Поливанов Е.Д. О новом китайском алфавите «Чжу-инь цзыму» // Революционный Восток. – 1927. – № 2. – С. 90–96.
49. Поливанов Е.Д. Образцы фонетических записей ташкентского диалекта // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – 1924. – № 4. – С. 87–90.
50. Поливанов Е.Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка // Поэтика. Сборник по теории поэтического языка. – Пг., 1919. – Вып. 1. – С.27-36.
51. Поливанов Е.Д. Проект латинского шрифта узбекской письменности // Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. – 1924. – № 6. – С. 158–159.
52. Поливанов Е.Д. Революция и литературные языки Союза ССР // Революционный Восток. Журнал научно-исследовательской ассоциации при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина. – 1927. – № 1. – С. 36–57.

53. Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. – М., 1927. – С. 111–122.
54. Поливанов Е.Д. Формальные типы японских загадок // Сборник МАЭ. – 1918. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 371-374.
55. Поливанов Е.Д. Часовня копченой селедки // Советская Киргизия. – 1935. – 27 сентября.
56. Поливанова Е. Струмиловская колоброда: (Из семейной хроники) // Исторический вестник». – 1908. – № 6. – Т. 112. – С. 846–863.
57. Поливанова Е.Я. Из прошлого. (Семидесятники) // Исторический Вестник. Историко-литературный журнал. – 1913. – Май. – Т. 132. – С. 545–556.
58. Смоленские епархиальные ведомости. – 1891. – 15 сентября. – № 17. – С. 894.
59. Сталину. Открытое письмо поэтов Киргизии // Литературный Узбекистан. Кн. 5–6. – 1936. – С. 10.
60. Стенограмма заседания участников Октябрьского переворота в Петербурге // Пролетарская Революция. – 1922. – № 10. – С. 64.
61. Тайные договоры // Новая жизнь. – 1917. – 11 (24) ноября.
62. Тайные договоры и тайная дипломатия // Правда. – 1917. – 11 (24) ноября.
63. Тезисы доклада проф. Поливанова о реформе узбекской орфографии // Наука и просвещение: Журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркреспублики. – Ташкент, 1922. – № 1. Август – сентябрь. – С. 13–14.
64. Узбекская Национальная Научная Комиссия // Наука и просвещение: Журнал Народного Комиссариата Просвещения Туркреспублики. – Ташкент, 1922. – № 2. Октябрь – декабрь. – С. 173.
65. Шаповалов В. «Манас» в объективе русской культуры. Взаимодействие двух культур в процессе поэтического перевода // Русское слово в Кыргызстане. – 2013. – № 1–2. – С. 92–93.
66. Шиваза. Пушкину / пер. с дунг. Е.Д. Поливанова // Литературный Узбекистан. – 1937. – Кн. 1. – С. 77.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм. URL: http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm (дата обращения: 1 августа 2021 г.).
2. Алпатов В.М. Метеор (Е.Д. Поливанов) // Языковеды, востоковеды, историки. URL: https://biography.wikireading.ru/56379 (дата обращения: 4 марта 2021 г.).
3. Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. URL: https://books.google.kg (дата обращения: 31 июля 2021 г.).
4. Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шклов-

ским // Вопросы литературы. URL: https://voplit.ru/article/iz-perepiski-yu-tynyanova-i-b-ejhenbauma-s-v-shklovskim-vstupitelnaya-zametka-publikatsiya-i-kommentarii-o-panchenko-povtor/ (дата обращения: 19 сентября 2021 г.).
5. Поливанов Е.Д. Рифмология Маяковского. (Публикация А.А. Леонтьева). URL: http://mayakovskiy.lit-info.ru/mayakovskiy/kritika/polivanov-rifmologiya-mayakovskogo.htm (дата обращения: 1 сентября 2021 г.).
6. Широнин И. ОПОЯЗ // ОПОЯЗ: документы, материалы, публикации. URL: http://www.opojaz.ru/index.html (дата обращения: 12 сентября 2021 г.).
7. Иванов В.В. Данные архива Коминтерна о сотрудниках Коминтерна. – URL: https://www.ruthenia.ru/document/545664.html (дата обращения: 8 августа 2021 г.).
8. Министерство иностранных дел России в 1856–1917 гг. URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/ministerstvo-inostrannyh-del-rossii-v-1856-1917-gg-?inheritRedirect=false. (дата обращения: 8 августа 2021 г.).
9. Министерство иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/documents/10180/644995/Doc1.pdf/47b6085b-111f-4eea-b09c-cf25951e75b1 (дата обращения: 18 сентября 2021 г.).
10. Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры // Российская национальная библиотека. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=460 (дата обращения: 12 марта 2021 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Иванович Сумароков,
Ольга Леонидовна Сумарокова

Е.Д. ПОЛИВАНОВ. НЕОКОНЧЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
СИМФОНИЯ

Документально-биографическая монография

Редактор *Н.В. Шумкина*
Дизайн и компьютерная верстка *А. Клочковой*
Дизайн обложки *С. Боконбаева*

Подписано в печать 4.12.2021
Формат 60 х 84 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная.
Объем 33,25 п. л. Тираж 200 экз. Заказ 57

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии ЧП Мельникова К.А.
720040, г. Бишкек, пер. Урючный, 13